This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

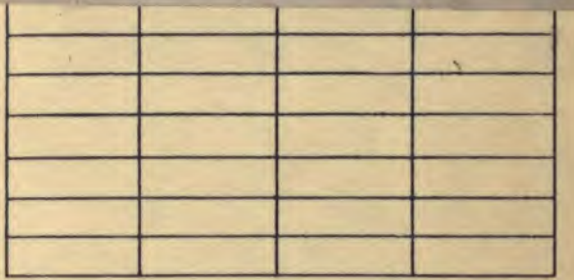
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

1900
V. 2



STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

F/S JUN 30 1998

OCT 2 5 1997

MAR 0 7 2000

JUN 3 0 2000

Кронштатъ.

Берегъ! отечество! благославляю васъ! Я въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней буду съ вами, друзья мои!... Всѣхъ останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-Русски и слышать Русскихъ людей. Вы знаете, что трудно найти городъ хуже Кронштата; но мнѣ онъ милъ! Здѣшній трактиръ можно назвать гостинницею нищихъ, но мнѣ въ немъ весело!

Съ какимъ удовольствіемъ перебираю свои сокровища; записки, счеты, книги, камешки, сухія травки и вѣтки, напоминающіе мнѣ или сокрытіе Роны, la perte du Rohne, или могилу отца Лоренза, или густую иву, подъ которою Англичанинъ Попъ сочинялъ лучшіе стихи свои! Согласитесь, что всѣ на свѣтѣ Крезы бѣдны передо мною!

Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: вотъ зеркало души моей въ теченіе осьмнадцати мѣсяцовъ! Оно черезъ 20 лѣтъ (если столько проживу на свѣтѣ) будетъ для меня еще пріятно—пусть для меня одного! Загляну, и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ; а что человѣку (между нами будь сказано) занимательнѣе самого себя?... По чему знать? можетъ быть и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ *эскизахъ;* можетъ быть и другіе... но это ихъ, а не мое дѣло.

А вы, любезные, скорѣе, скорѣе приготовьте мнѣ опрятную хижинку, въ которой я могъ бы на свободѣ веселиться *Китайскими тѣнями* моего воображенія, грустить съ моимъ сердцемъ и утѣшаться съ друзьями!

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

носимся; а то быть еще и по смерти *игралищемъ* бурной стихіи!...

Нынѣшній день море въ самомъ дѣлѣ едва не поглотило насъ. Корабельный мастеръ выпилъ стакана четыре водки; не примѣтилъ флага, поставленнаго на мели для предостереженія мореплавателей—и Капитанъ увидѣлъ бѣду въ самую ту минуту, когда мы были уже въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ подводныхъ камней; поблѣднѣлъ, закричалъ—матрозы бросились на мачты — парусы упали, и корабль пошелъ въ другую сторону. Чудное проворство! Съ Англичанами весело и умереть на морѣ! Это подлинно ихъ стихія.—Мастеру досталось отъ Капитана. Онъ хотѣлъ его бить; хотѣлъ перекинуть его черезъ бордъ. Пьяница залился горькими слезами и сказалъ: «Капитанъ! я виноватъ; утопи «меня, но не бей, Англичанину смертъ легче «безчестья».

Между тѣмъ, друзья мои, я въ восемь дней удивительнымъ образомъ привыкъ къ Нептунову царству, и радъ плыть, куда угодно.—Буря не утихаетъ; корабль безпрестанно идетъ бокомъ, и на палубѣ нельзя ступить шагу безъ того, чтобы не держаться за веревки. Въ каютѣ всѣ вещи (посуда, сундуки) прибиты гвоздями; но часто, отъ сильныхъ порывовъ, гвозди вылетаютъ, и дѣлается страшный стукъ.—Я уже различаю флаги всѣхъ націй, и какъ скоро встрѣтится намъ корабль, кричу въ трубу: From whence you come? Это забавляетъ меня.

Вчера ночевали мы передъ самымъ Копенгагеномъ. Какъ мнѣ хотѣлось въ городъ. Жестокой Капитанъ не далъ лодки.

—

Море.

Марія В* родилась въ Лондонѣ. Отецъ ея былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ противниковъ Министерства—возненавидѣлъ Англію, и продавъ свое имѣніе, переселился въ Новый Йоркъ. Марія, жертва его политическаго упрямства, оставила въ Лондонѣ свое сердце и щастіе, у нея былъ тайный любовникъ и женихъ, молодой, добродѣтельный человѣкъ. Пять лѣтъ жила она въ Америкѣ—лишилась отца, искренно оплакивала смерть его, и спѣшила возвратиться въ отечество, будучи увѣрена въ постоянствѣ своего друга. Опасности моря не устрашали ея; она сѣла на корабль, одна съ своею любовію и съ милою надеждою — но въ самый первый день плаванія занемогла жестокою болѣзнію. Капитанъ совѣтовалъ ей возвратиться. «Нѣтъ», говорила Марія: я хочу умереть или быть въ Англіи; каждой день для меня дорогъ». Болѣзнь усилилась и повредила ея разсудокъ. Ей казалось, что она сидитъ уже подлѣ жениха своего и разсказываетъ ему о горестяхъ прошедшей разлуки. «Теперь я щастлива», говорила Марія въ безпамятствѣ: «теперь могу спокойно умереть въ твоихъ объятіяхъ». Но другъ ея былъ далеко, и Марія скончалась на рукахъ служанки своей. Вообразите, что несчастную бросили въ море! вообразите, что я сплю на ея постелѣ!... «Такъ и меня бросите въ море (говорю Капитану) естьли умру на кораблѣ вашемъ?»— *Что дѣлать!* отвѣчаетъ онъ, пожимая плечами. Это ужасно! Земля, земля! приготовь въ тихихъ нѣдрахъ своихъ укромное мѣстечко для моего праха! Довольно, что мы и живые по волнамъ

смотрю, какъ быстрый корабль нашъ черною своею грудью разсѣкаетъ волны: читаю Оссіана и перевожу его Картона *). Нынѣшняя ночь была самая бурная. Капитанъ не спалъ, боясь опасныхъ скалъ Норвегіи. Я вмѣстѣ съ нимъ сидѣлъ у руля, дрожалъ отъ холоднаго вѣтра, но любовался сѣдыми облаками, сквозь которыя проглядывала луна, прекрасно разливая свѣтъ свой на милліоны волнъ. Какой праздникъ для моего воображенія, наполненнаго Оссіаномъ! Мнѣ хотѣлось увидѣть Норвежскіе дикіе берега на лѣвой сторонѣ; но взоръ мой терялся во мракѣ. Вдругъ слышимъ вдали пушечный выстрѣлъ, другой, третій. Что это? спрашиваю у Капитана. «Можетъ быть какой нибудь нещастный корабль погибаетъ», отвѣчалъ онъ: «здѣшнее море ужасно для плавателей». Бѣдные, кто поможетъ имъ во мракѣ? Можетъ быть страшный вѣтеръ сорвалъ ихъ мачты; можетъ быть нашли они на мель; можетъ быть вода заливаетъ уже корабль ихъ!.. Мы слышали еще два выстрѣла, и кромѣ шума волнъ уже ничего не слыхали... Капитанъ нашъ самъ боялся сбиться съ вѣрнаго пути и безпрестанно при свѣтѣ фонаря смотрѣлъ на компасъ.—Всѣ наши матрозы спали, кромѣ одного караульнаго. Когда хотя мало перемѣнится вѣтеръ, караульной закричитъ; въ минуту всѣ выбѣгутъ, бросятся къ мачтамъ, и другіе парусы вѣютъ. Корабль нашъ очень великъ; но матрозовъ только 9 человѣкъ.— Я легъ спать въ три часа, и сильное качаніе корабля въ первый разъ показалось мнѣ роскошью. Такъ качаютъ дѣтей въ колыбели.

*) Самый этотъ переводъ былъ напечатанъ послѣ въ Московскомъ Журналѣ.

никакой тоски — едва вѣрю себѣ — встаю, одѣваюсь. Входитъ Капитанъ съ печальнымъ видомъ и говоритъ: «вѣтеръ утихъ; нѣтъ ни малѣйшаго вѣянія; корабль ни съ мѣста: страшная тишина!» — — Я выбѣжалъ на палубу: прекрасное зрѣлище! море стояло какъ неподвижное стекло, великолѣпно освѣщаемое солнцемъ; парусы висѣли безъ дѣйствія; корабль не шевелился; матрозы сидѣли, повѣся голову. Всѣ были печальны, кромѣ меня; я веселился какъ ребенокъ, и здоровьемъ своимъ и картиною морской, почти невѣроятной тишины. Вообразите безконечное гладкое пространство водъ и безконечное, во всѣ стороны, отраженіе лучей яркаго свѣта!... Вотъ зеркало, достойное бога Феба!—Казалось, что въ мірѣ не было ничего, кромѣ воды, неба, солнца и корабля нашего. Черезъ часъ нашли легкія облака; повѣялъ вѣтерокъ, море заструилось, и парусы вспорхнули.

Намъ встрѣтились Норвежскіе рыбаки. Капитанъ махнулъ имъ рукою—и черезъ двѣ минуты вся палуба покрылась у насъ рыбою. Не можете представить, какъ я обрадовался, не ѣвъ три дня, и крайне не любя соленаго мяса и гороховыхъ пудинговъ, которыми Англійскіе мореходы потчиваютъ своихъ пассажировъ! Норвежцы, большіе пьяницы, хотѣли сверхъ денегъ рому; пили его какъ воду, и въ знакъ ласки хлопали насъ по плечамъ.—Въ сію минуту приносятъ намъ два блюда рыбы. Вы знаете, что такое хорошій обѣдъ для голоднаго!..

Опять страшный вѣтеръ, но попутный. Я здоровъ совершенно, бодръ и веселъ. Мысль, что всякую минуту приближаюсь къ отечеству, живитъ и радуетъ мое сердце. Слушаю шумъ моря;

Сильный шумъ и стукъ разбудилъ меня: *мы* снимались съ якоря. Я вышелъ на палубу... солнце только-что показалось на горизонтѣ. Черезъ минуту корабль тронулся, зашумѣлъ, и на всѣхъ парусахъ пустился сквозь ряды другихъ стоящихъ на Темзѣ кораблей. Народъ, матрозы желали Капитану щастливаго пути, и маханіемъ шляпъ какъ будто бы давали намъ благополучной вѣтеръ. Я смотрѣлъ на прекрасные берега Темзы, которые, казалось, плыли мимо насъ съ лугами, парками и домами своими — скоро вышли мы въ открытое море, гдѣ корабль нашъ зашумѣлъ величественнѣе. Солнце скрылось. Я радовался и веселился необозримостію пѣнистыхъ волнъ, свистомъ бури и дерзостію человѣческою. Берега Англіи темнѣли...

Но у меня самого въ глазахъ темнѣетъ; голова кружится...

—

Здравствуйте, друзья мои! я ожилъ!.. Какъ мучительна, ужасна морская болѣзнь! Кажется, что душа хочетъ выпрыгнуть изъ груди; слезы льются градомъ, тоска несносная... а Капитанъ заставлялъ меня ѣсть, увѣряя, что это лучшее лекарство! Не зная, что дѣлать, я сто разъ ложился на постелю, сто разъ садился на палубѣ, гдѣ морская пѣна окропляла меня. Не подумайте, что это реторическая фигура; нѣтъ, волны были въ самомъ дѣлѣ такъ велики, что иногда переливались черезъ корабль. Одна изъ нихъ чуть было не сшибла меня въ то глубокое отверстіе корабля, гдѣ лежатъ острые якори. Болѣзнь моя продолжалась три дни. Вдругъ засыпаю крѣпкимъ сномъ—открываю глаза, не чувствую

Море.

Я не сдержалъ слова, любезнѣйшіе друзья мои! оставляю Англію — и жалѣю! Таково мое сердце: ему трудно разставаться со всѣмъ, что его хотя нѣсколько занимало.

И такъ другъ вашъ уже на морѣ! возвращается въ милое отечество, къ своимъ любезнымъ! скорѣе, нежели думалъ! Отъ чего же? Скажу вамъ правду. Кошелекъ мой ежедневно истощался; становился легче, легче; звучалъ слабѣе, слабѣе; наконецъ рука моя ощупала въ немъ только двѣ гинеи... Мнѣ оставалось бѣжать на биржу, скорѣе, скорѣе; уговориться съ молодымъ капитаномъ Вилліамсомъ, взлѣсть по веревкамъ на корабль его, и, снявъ шляпу, учтиво откланяться съ палубы Лондону.—Меня провожалъ Русской парикмахеръ Ѳедоръ, который здѣсь живетъ семь или восемь лѣтъ, женился на миловидной Англичанкѣ, написалъ надъ своею лавкою: Fedor Ooshakof, салитъ голову Лондонскимъ щеголямъ, и доволенъ какъ царь. Онъ былъ въ Россіи Экономическимъ крестьяниномъ, и служитъ всѣмъ Русскимъ съ великимъ усердіемъ.

Капитанъ ввелъ меня въ каюту, очень изрядно-прибранную; указалъ мнѣ постелю, сдѣланную какъ гробъ, и въ утѣшеніе объявилъ, что одна прекрасная дѣвица, которая плыла съ нимъ изъ Новаго Йорка, умерла на ней горячкою. Жеребей брошенъ, думалъ я: посмотримъ, будетъ ли эта постеля и моимъ гробомъ!—Страшный дождь не дозволилъ мнѣ дышать чистымъ воздухомъ на палубѣ; я легъ спать, съ одною гинеею въ карманѣ (потому что другую отдалъ парикмахеру), и поручилъ судьбу свою волнамъ и вѣтрамъ.

прещено *умничать;* а послѣднее *нерѣдко* бываетъ смѣшнѣе перваго».

Но эта неограниченная свобода жить какъ хочешь, дѣлать что хочешь во всѣхъ случаяхъ, непротивныхъ благу другихъ людей, производитъ въ Англіи множество *особенныхъ* характеровъ и богатую жатву для Романистовъ. Другія Европейскія земли похожи на регулярные сады, въ которыхъ видите ровныя деревья, прямыя дорожки, и все единообразное; Англичане же, въ нравственномъ смыслѣ, растутъ какъ дикіе дубы по волѣ судьбы, и хотя всѣ одного рода, но всѣ различны; и Фильдингу оставалось не выдумывать характеры для своихъ романовъ, а только примѣчать и описывать.

Наконецъ—есть ли бы однимъ словомъ надлежало означить народное свойство Англичанъ—я назвалъ бы ихъ угрюмыми, такъ какъ Французовъ *) легкомысленными, Италіянцевъ коварными. Видѣть Англію очень пріятно; обычаи народа, успѣхи просвѣщенія и всѣхъ искусствъ достойны примѣчанія и занимаютъ умъ вашъ. Но жить здѣсь для удовольствій общежитія, есть искать цвѣтовъ на песчаной долинѣ—въ чемъ согласны со мною всѣ иностранцы, съ которыми удавалось мнѣ познакомиться въ Лондонѣ и говорить о томъ. Я и въ другой разъ пріѣхалъ бы съ удовольствіемъ въ Англію, но выѣду изъ нея безъ сожалѣнія.

—

*) Не помню, кто въ шутку сказалъ мнѣ: *Англичане слишкомъ влажны, Италіянцы слишкомъ сухи, а Французы только сочны.*

скуки женится, отъ скуки стрѣляется. Они бываютъ нещастливы отъ щастья! Я говорю о здѣшнихъ *праздныхъ* богачахъ, которыхъ дѣды нажились въ Индіи; а *дѣятельные*, управляя всемірною торговлею и вымышляя новые способы играть мнимыми нуждами людей, не знаютъ *сплина*.

Не отъ *сплина* ли происходятъ и многочисленныя Англійскія странности, которыя въ другомъ мѣстѣ назвались бы безуміемъ, а здѣсь называются только своенравіемъ или whim? Человѣкъ, не находя уже вкуса въ истинныхъ пріятностяхъ жизни, выдумываетъ ложныя, и когда не можетъ прельстить людей своимъ щастіемъ, хочетъ по крайней мѣрѣ удивить ихъ чѣмъ нибудь необыкновеннымъ. Я могъ бы выписать изъ Англійскихъ газетъ и журналовъ множество странныхъ анекдотовъ; на примѣръ, какъ одинъ богатый человѣкъ построилъ себѣ домикъ на высокой горѣ въ Шотландіи и живетъ тамъ съ своею собакою; какъ другой, ненавидя, по его словамъ землю, поселился на водѣ; какъ третій, по антипатіи къ свѣту, выходитъ изъ дому только ночью, а днемъ спитъ или сидитъ въ темной комнатѣ при свѣчѣ; какъ четвертой, отказывая себѣ все, кромѣ самаго необходимаго, въ началѣ каждой весны даетъ деревенскимъ сосѣдямъ своимъ великолѣпный праздникъ, который стоитъ ему почти всего годоваго доходу. Британцы хвалятся тѣмъ, что могутъ до сыта дурачиться, не давая никому отчета въ своихъ фантазіяхъ. Уступимъ имъ это преимущество, друзьи мои, и скажемъ себѣ въ утѣшеніе: «есть ли въ Англіи позволено *дурачиться*, у насъ не за-

Вы слыхали о грубости народа *въ разсужденіи* иностранцевъ: съ нѣкотораго времени она посмягчилась, и учтивое имя frenchdog (Французская собака), которымъ Лондонская чернь жаловала всѣхъ не-Англичанъ, уже вышло изъ моды. Мнѣ случилось ѣхать въ каретѣ съ однимъ поселяниномъ, который, узнавъ, что я иностранецъ, съ важнымъ видомъ сказалъ: «хорошо быть Англичаниномъ, но еще лучше быть добрымъ человѣкомъ. Французъ, Нѣмецъ—мнѣ все одно; кто честенъ, тотъ братъ мой.» Мнѣ крайне полюбилось такое разсужденіе; я тотчасъ записалъ его въ дорожной своей книжкѣ. Однакожь не всѣ здѣшніе поселяне такъ разсуждаютъ: это былъ конечно вольнодумецъ между ими! Вообще Англійской народъ считаетъ насъ чужеземцевъ какими-то несовершенными, жалкими людьми. *Не тронь его,* говорятъ здѣсь на улицѣ: *это иностранецъ*—что значитъ: «это бѣдный человѣкъ или младенецъ».

Кто думаетъ, что щастье состоитъ въ богатствѣ и въ избыткѣ вещей, тому надобно показать многихъ здѣшнихъ Крезовъ, осыпанныхъ средствами наслаждаться, теряющихъ вкусъ ко всѣмъ наслажденіямъ и задолго до смерти умирающихъ душею. Вотъ Англійскій *сплинъ!* Эту нравственную болѣзнь можно назвать и Русскимъ именемъ: *скукою,* извѣстною во всѣхъ земляхъ, но здѣсь болѣе, нежели гдѣ нибудь, отъ климата, тяжелой пищи, излишняго покоя, близкаго къ усыпленію. Человѣкъ странное существо! въ заботахъ и безпокойствѣ жалуется; все имѣетъ, безпеченъ и—зѣваетъ. Богатый Англичанинъ отъ скуки путешествуетъ, отъ скуки дѣлается охотникомъ, отъ скуки мотаетъ, отъ

кое утро пѣшкомъ, онъ находитъ во мнѣ товарища, который иногда смѣшитъ его своими простосердечными вопросами и замѣчаніями, и который, разставаясь съ нимъ, всякой разъ искренно говоритъ ему *спасибо!* Англичане всегда готовы одолжать васъ такимъ образомъ.

Они горды—и всего болѣе гордятся своею Конституціею. Я читалъ здѣсь Делольма съ великимъ вниманіемъ. Законы хороши; но ихъ надобно еще хорошо исполнять, чтобы люди были щастливы. На примѣръ, Англійской Министръ, наблюдая только нѣкоторыя формы, или законныя обыкновенія, можетъ дѣлать все, что ему угодно; сыплетъ деньгами, обѣщаетъ мѣста, и Члены Парламента готовы служить ему. Малочисленные его противники спорятъ, кричатъ, и болѣе ничего. Но важно то, что Министръ всегда долженъ быть отмѣнно умнымъ человѣкомъ, для сильнаго, яснаго и скораго отвѣта на всѣ возраженія противниковъ; еще важнѣе то, что ему опасно во зло употреблять власть свою. Англичане просвѣщены, знаютъ наизусть свои истинныя выгоды, и естьли бы какой нибудь Питтъ вздумалъ явно дѣйствовать противъ общей пользы, то онъ непремѣнно бы лишился большинства голосовъ въ Парламентѣ, какъ волшебникъ своего талисмана. И такъ не Конституція, а просвѣщеніе Англичанъ есть истинный ихъ Палладіумъ. Всякія гражданскія учрежденія должны быть соображены съ характеромъ народа; что хорошо въ Англіи, то будетъ дурно въ иной землѣ. Не даромъ сказалъ Солонъ: *мое учрежденіе есть самое лучшее, но только для Аѳинъ.* Впрочемъ всякое правленіе, котораго душа есть справедливость, благотворно и совершенно.

языкѣ нельзя выразить смысла *Англійскаго слова* humour, означающаго и *веселость* и *шутливость*, и *замысловатость*; изъ чего заключаетъ, что его нація преимущественно имѣетъ сіи свойства. Замысловатость Англичанъ видна развѣ только въ ихъ каррикатурахъ, шутливость въ народныхъ глупыхъ театральныхъ *фарсахъ*, а веселости ни въ чемъ не вижу — даже на самыя смѣшныя каррикатуры смотрятъ они съ преважнымъ видомъ! а когда смѣются, то смѣхъ ихъ походитъ на истерической. Нѣтъ, нѣтъ, гордые цари морей, столь же мрачные, какъ туманы, которые носятся надъ стихіею славы вашей! оставьте недругамъ вашимъ, Французамъ, всякую игривость ума. Будьте разсудительны, естьли вамъ угодно; но позвольте мнѣ думать, что вы не имѣете тонкости, пріятности разума и того живого сліянія мыслей, которое производитъ общественную любезность. Вы разсудительны — и скучны!.. Сохрани меня Богъ, чтобы я тоже сказалъ объ Англичанкахъ! Онѣ милы своею красотою и чувствительностью, которая столь выразительно изображается въ ихъ глазахъ: довольно для ихъ совершенства и щастія супруговъ! о чемъ я уже писалъ къ вамъ; а теперь судимъ только мущинъ.

Англичане любятъ благотворить, любятъ удивлять своимъ великодушіемъ, и всегда помогутъ нещастному, какъ скоро увѣрены, что онъ не притворяется нещастнымъ. Въ противномъ случаѣ скорѣе дадутъ ему умереть съ голода, нежели помогутъ, боясь обмана, оскорбительнаго для ихъ самолюбія. Ж*, нашъ землякъ, который живетъ здѣсь лѣтъ восемь, зимою ѣздилъ изъ Лондона во Фландрію, и на возвратномъ пути

вакіъ красные дни, которые здѣсь и лѣтомъ рѣдки. Какъ же Англичанину не смотрѣть Сентябремъ?

Во-вторыхъ—холодный характеръ ихъ мнѣ совсѣмъ не нравится. *Это Волканъ, покрытый льдомъ*, сказалъ мнѣ разсмѣявшись одинъ Французскій Эмигрантъ. Но я стою, гляжу, пламени не вижу, а между тѣмъ зябну. Русское мое сердце любитъ изливаться въ искреннихъ, живыхъ разговорахъ; любитъ игру глазъ, скорыя перемѣны лица, выразительное движеніе руки. Англичанинъ молчаливъ, равнодушенъ, говоритъ какъ читаетъ, не обнаруживая никогда быстрыхъ душевныхъ стремленій, которыя потрясаютъ электрически всю нашу физическую систему. Говорятъ, что онъ глубокомысленнѣе другихъ; не для того ли, что кажется глубокомысленнымъ? не потому ли, что густая кровь движется въ немъ медленнѣе и даетъ ему видъ задумчиваго, часто безъ всякихъ мыслей? Примѣръ Бакона, Невтона, Локка, Гоббеса, ничего не доказываетъ. Геніи родятся во всѣхъ земляхъ; вселенная отечество ихъ—и можно ли по справедливости сказать, чтобы (напримѣръ) Локкъ былъ глубокомысленнѣе Декарта и Лейбница?

Но что Англичане просвѣщены и разсудительны, соглашаюсь: здѣсь ремесленники читаютъ Юмову Исторію, служанка Йориковы проповѣди и Кларису; здѣсь лавошникъ разсуждаетъ основательно о торговыхъ выгодахъ своего отечества, и земледѣлецъ говоритъ вамъ о Шериданомъ краснорѣчіи; здѣсь газеты и журналы у всѣхъ въ рукахъ, не только въ городѣ, но и въ маленькихъ деревенькахъ.

Фильдингъ утверждаетъ, что ни на какомъ

Лондонъ, Сентября... 1790.

Было время, когда я, почти не видавъ Англичанъ, восхищался ими, и воображалъ Англію самою пріятнѣйшею для сердца моего землею. Съ какимъ восторгомъ, будучи пансіономъ Профессора Ш*, читалъ я во время Американской войны донесенія торжествующихъ Британскихъ Адмираловъ! Родней, Гоу, не сходили у меня съ языка; я праздновалъ побѣды ихъ и звалъ къ себѣ въ гости маленькихъ соучениковъ моихъ. Мнѣ казалось, что быть храбрымъ есть... быть Англичаниномъ — великодушнымъ, тоже—чувствительнымъ, тоже; истиннымъ человѣкомъ, тоже. Романы, есть ли не ошибаюсь, были главнымъ основаніемъ такого мнѣнія. Теперь вижу Англичамъ вблизи, отдаю имъ справедливость, хвалю ихъ—но похвала моя такъ холодна, какъ они сами.

Во-первыхъ, я не хотѣлъ бы провести жизнь мою въ Англіи для климата, сыраго, мрачнаго, печальнаго. Знаю, что и въ Сибири можно быть щастливымъ, когда сердце довольно и радостно; но веселой климатъ дѣлаетъ насъ веселѣе, а въ грусти и въ меланхоліи здѣсь скорѣе нежели гдѣ нибудь захочется застрѣлиться. Рощи, парки, луга, сады: все это прекрасно въ Англіи; но все это покрыто туманами, мракомъ и дымомъ земляныхъ угольевъ. Рѣдко, рѣдко проглянетъ солнце, и то не надолго; а безъ него худо жить на свѣтѣ. *Кланяйся отъ меня солнцу*, писалъ нѣкто отъ сюда къ своему пріятелю въ Неаполь: *я уже давно не видался съ нимъ*. Англійская зима не такъ холодна, какъ наша; за то у насъ бы-

шелковыми занавѣсами для гостей, и что всякому гостю подавали ѣсть на серебрѣ, а пить въ золотѣ. Англійской Ришельё и Дюбуа—такъ можно назвать Вольсея—наконецъ самъ испугался такой пышности, зная хищную зависть Генриха VIII, и рѣшился подарить ему сей замокъ, въ которомъ послѣ жила умная и добродѣтельная Королева Марія дочь Іакова II. Архитектура дворца отчасти готическая, но величественна. Внутри множество картинъ, изъ которыхъ лучшія Веронезова Сусанна и Бассановъ *потопъ*. Кабинетъ Маріи украшенъ ея собственною работою.—Гамптонскіе сады напоминаютъ старинный вкусъ.

Въ заключеніе скажу, что нигдѣ, можетъ быть, сельская Природа такъ не украшена, какъ въ Англіи; нигдѣ не радуются столько яснымъ лѣтнимъ днемъ, какъ на здѣшнемъ островѣ. Мрачной флегматической Британецъ съ жадностію глотаетъ солнечные лучи, какъ лекарство отъ его болѣзни, *сплина*. Однимъ словомъ: дайте Англичанамъ Лангедокское небо — они будутъ здоровы, веселы, запоютъ и запляшутъ какъ Французы.

Еще прибавлю, что нигдѣ нѣтъ такой удобности ѣздить за городъ, какъ здѣсь. Идите на почтовый дворъ, гдѣ стоитъ всегда множество каретъ; смотрите, на которой написано имя той деревни, въ которую хотите ѣхать;—садитесь, не говоря ни слова, и карета въ положенный часъ скачетъ, хотя бы и никого, кромѣ васъ, въ ней не было; пріѣхавъ на мѣсто, платите бездѣлку, и увѣрены, что для возвращенія найдете также карету. Вотъ дѣйствіе многолюдства и всеобщаго избытка!

—

ской. Сія война составляетъ *ужаснѣйшую эпоху* въ Англійской исторіи; славная *Magna Charta*, права, законы, все было подъ спудомъ. Народъ не зналъ, къ кому обратиться, и въ мертвой безчувственности служилъ орудіемъ безпрестанныхъ злодѣяній. — На семъ мѣстѣ сооруженъ каменный столпъ.

Въ деревнѣ Бромтонѣ показывали мнѣ развалины Кромвелева дому.

Мѣстечко Чарлтонъ достойно примѣчанія по красивому своему положенію, а еще болѣе по *роговой ярмонкѣ*, Horn-fair, которая ежегодно тамъ бываетъ, и на которой всѣ жители украшаютъ свой лобъ рогами! Разсказываютъ, что Король Іоаннъ, будучи на звѣриной ловлѣ, утомился и заѣхалъ въ Чарлтонъ отдохнуть; вошелъ въ крестьянскую избу, полюбилъ хозяйку и началъ ласкать ее такъ нѣжно, что хозяинъ разсердился, и такъ разсердился, что хотѣлъ убить его; но Король объявилъ себя Королемъ, обезоружилъ крестьянина, и желая наградить его за маленькую досаду, подарилъ ему мѣстечко Чарлтонъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ завелъ тамъ ярманку, на которой бы всѣ купцы и продавцы являлись съ рогатыми лбами.—Оставляю вамъ сказать на этотъ случай множество острыхъ словъ.

Гамптонъ-Кауртъ, построенный Кардиналомъ Вольсеемъ, верстахъ въ 17 отъ Лондона, на берегу Темзы, удивлялъ нѣкогда своимъ великолѣпіемъ, такъ что Грецій назвалъ его въ стихахъ своихъ *дворцомъ міра*, и прибавилъ: «вездѣ «*властвуютъ* боги; но *жить* имъ приличнотолько «въ Гамптонъ-Кауртѣ!»—Пишутъ, что въ немъ сдѣлано было 280 раззолоченныхъ кроватей съ

скимъ. Храмъ Беллоны и Китайскій павильонъ; храмъ Эола и домъ Конфуціевъ; Арабская *Алгамра и Пагода!*

Изъ Ричмонда ходилъ я въ Твитнамъ (Twickenham), миловидную деревеньку, гдѣ жилъ и умеръ Философъ и Стихотворецъ Попъ. Тамъ множество прекрасныхъ сельскихъ домиковъ, но мнѣ надобенъ былъ домъ Поэта (принадлежащій теперь Лорду Станопу). Я видѣлъ его кабинетъ, его кресла—мѣсто, обсаженное деревами, гдѣ онъ въ лѣтніе дни переводилъ Гомера — гротъ, гдѣ стоитъ мраморный бюстъ его, и откуда видна Темза—наконецъ столѣтнюю иву, которая чуднымъ образомъ раздвоилась и подъ которою любилъ думать Философъ и мечтать Стихотворецъ; я сорвалъ съ нея вѣточку на память.

Въ церкви сдѣланъ Поэту мраморный монументъ другомъ его, Докторомъ Варбуртономъ. На верху бюстъ, а внизу надпись, самимъ Попомъ сочиненная.

Heros and Kings! your distance keep;
In peace let one poor Poet sleep,
Who never flatterd folks like you.
Let Horace blush and Virgile too *)!

Правда ли? — Въ этой же церкви погребенъ безсмертной Томсонъ, безъ монумента, безъ надписи.

Я любопытствовалъ видѣть близъ городка Барнета, то мѣсто, гдѣ въ 1471 году въ Свѣтлое Воскресенье, кровопролитное сраженіе рѣшило судьбу фамилій Йоркской и Ландкастер-

*) «Прочь, Цари и Герои! дайте покойно спать бѣдному «Поэту, который вамъ никогда не ласкалъ, къ стыду Гора«ція и Виргилія.»

Самыя лучшія мѣста по рѣкѣ *Темзѣ; самые* лучшіе виды вокругъ Виндзора и Ричмонда, *который* въ древнія времена былъ столицею британскихъ Королей, и назывался *Шенъ*: что на старинномъ Саксонскомъ языкѣ значило *блестящій*. Теперь Ричмондъ есть самая прекраснѣйшая деревня въ свѣтѣ, называется *Англійскимъ Фраскати*. Тамошній дворецъ не достоинъ большаго вниманія; садъ также — но видъ съ горы, на которой Ричмондъ возвышается амфитеатромъ, удивительно прелестенъ. Вы слѣдуете глазами за Темзою верстъ 30 въ ея блистательномъ теченіи сквозь богатыя долины, луга, рощи, сады, которые всѣ вмѣстѣ кажутся однимъ садомъ. Тутъ прекрасно видѣть восхожденіе солнца, когда оно, какъ будто бы снимая туманный покровъ съ равнинъ, открываетъ необозримую сцену дѣятельности въ физическомъ и нравственномъ мірѣ. Я нѣсколько разъ ночевалъ въ Ричмандѣ, но только однажды видѣлъ восходящее солнце. Между Ричмонда и Кингстона есть большой паркъ, называемый New-Park, котораго хотя и нельзя сравнять съ Виндзорскимъ, но который однакожь считается однимъ изъ лучшихъ въ Англіи. Величественныя дерева, прекрасная зелень; а всего лучше видъ съ тамошняго холма: шесть провинцій представляются глазамъ вашимъ—Лондонъ—Виндзоръ...

Я одинъ разъ былъ въ славномъ, Кьюскомъ саду, Kew-Garden, мѣсто, которое нынѣшній Король старался украсить по всей возможности, но которое само по себѣ не стоитъ того, хотя въ описаніяхъ и называютъ его Эдемомъ: мало, низко, безъ видовъ. Тамъ Китайское, Арабское, Турецкое перемѣшано съ Греческимъ и Рим-

численныя алеи, пустыни, лѣсочки, которые составляютъ необозримой амфитеатръ—Алдермана Томаса, называемый naked beauty — господина Бинга и Карю (Carew), гдѣ обширные сады, а въ садахъ столѣтнія померанцовыя деревья (что безпримѣрно въ Англіи).—Въ каждомъ изъ сихъ домовъ богатая картинная галлерея со множествомъ другихъ произведеній искусства; при каждомъ большія оранжереи, гдѣ собраны плоды и растенія всѣхъ частей міра; при каждомъ огромныя конюшни, гдѣ лошади живутъ лучше многихъ людей на свѣтѣ. Вы читали забавное Гулливерово путешествіе; помните, что онъ заѣхалъ въ царство лошадей, у которыхъ люди были въ рабствѣ, и которыя разговаривая по своему съ нашимъ путешественникомъ, никакъ не хотѣли вѣрить, чтобы гдѣ нибудь подобныя имъ благородныя твари могли служить слабодушному человѣку. Эта выдумка Свифтова казалась мнѣ странною, но пріѣхавъ въ Англію, я понялъ Сатирика: онъ шутилъ надъ своими земляками, которые, по страсти къ лошадямъ, ходятъ за ними по крайней мѣрѣ какъ за нѣжными друзьями своими. Рѣзвые скакуны здѣсь только-что не Члены Парламента, и безъ всякаго излишняго самолюбія могутъ вообразить себя господами людей.—Вообще Архитектура сельскихъ замковъ и домовъ очень хороша. Вкусъ, выгнанный изъ Лондона, живетъ и царствуетъ въ Англійскихъ деревняхъ.

Во всѣ стороны Лондонскія окрестности пріятны; но смотрѣть на нихъ хорошо только съ какого нибудь возвышенія. Здѣсь все обгорожено: поля, луга; и куда ни взглянешь, вездѣ заборъ—это непріятно.

старомодная пышность — *разумѣется, что я не* ворю о богатомъ дворянствѣ.

И сколько сокровищъ въ живописи, въ антикахъ, разсѣяно по сельскимъ домамъ! Давно уже Англичане имѣютъ страсть ѣздить въ Италію и скупать все превосходное, чѣмъ славится тамъ древнее и новое Искусство; внукъ умножаетъ собраніе дѣда, и картина, статуя, которою любовались художники въ Италіи, навѣки погребается въ его деревенскомъ замкѣ, гдѣ онъ бережетъ ее какъ *златое руно* свое: почему, теряясь въ лабиринтѣ сельскихъ парковъ, любопытный художникъ можетъ воображать себя Язономъ.

Я наименую вамъ только самые лучшіе изъ видѣнныхъ мною домовъ вокругъ Лондона:

Такъ называемый *Бельведеръ* Лорда Турлова, откуда прекрасный видъ на окрестныя поля и Темзу, покрытую кораблями — замокъ Графа Минсфильда, гдѣ есть великолѣпная зала, которую считаютъ лучшимъ произведеніемъ здѣшней Архитектуры — Герцога Девонширскаго, можетъ быть самый огромнѣйшій въ Англіи, построенный среди темныхъ кедровыхъ алей — Графа Дорсета, окруженный самымъ дикимъ паркомъ, гдѣ множество звѣрей, птицъ, и гдѣ есть прекрасный готической эрмитажъ съ искусственными развалинами — Графа Буккингамшира съ миловидными каштановыми лѣсочками, прекраснымъ гротомъ, обсаженнымъ благоухаными кустами—Sion-House Герцога Нортумберландскаго съ большими садами, всего болѣе украшенными текущею въ нихъ Темзою—Вальполя въ готическомъ вкусѣ — Графа Тильнея, откуда съ терассы видны рѣка, каналы, без-

«мышляли здѣсь о трофеяхъ смерти, на кото-
«рые теперь смотришь; и ты, подобно милліо-
«намъ, будешь прахомъ, уступишь мѣсто но-
«вымъ людямъ, и слѣдовъ твоихъ не останется.
«Сіе святое хранилище славы и величія будетъ
«и впредь наполняться почтенными остатками
«дарованій и заслугъ, украшаться новыми ве-
«ликолѣпными памятниками и служить пред-
«метомъ удивленія; а наконецъ, по неизбѣжному
«закону судьбы, со всѣмъ богатствомъ древно-
«стей погребется во тьмѣ временъ, и будетъ
памятникомъ собственнаго своего разрушенія.

—

Окрестности Лондона.

Видя и слыша, какъ скромно живутъ богатые Лорды въ столицѣ, я не могъ понять, на что они проживаются; но увидѣвъ сельскіе домы ихъ, понимаю, какъ имъ можетъ недоставать и двухсотъ тысячъ дохода. Огромные замки, сады, которыхъ содержаніе требуетъ множества рукъ; лошади, собаки, сельскіе праздники: вотъ обширное поле ихъ мотовства! Русской въ столицѣ и въ путешествіяхъ разоряется, Англичанинъ экономитъ. Живучи въ Лондонѣ только заѣздомъ, Лордъ не считаетъ себя обязаннымъ звать гостей; не стыдится въ старомъ фракѣ итти пѣшкомъ обѣдать къ Принцу Валлисскому и ѣхать верхомъ на простой наемной лошади; а естьли вы у него по короткому знакомству обѣдаете, служатъ два лакея—простой сервизъ—и много, что пять блюдъ на столѣ. Здѣсь живутъ въ городѣ какъ въ деревнѣ, а въ деревнѣ какъ въ городѣ; въ городѣ простота, въ деревнѣ

«фіею величіе Бога, а жизнію *святость Еванге-*«лія.» Надпись заключается *сими словами:* «Какъ смертные должны гордиться Невтономъ, «славою и красою человѣчества!»

Нѣкоторые памятники сооружены Парламентомъ и Королемъ, отъ имени благодарной Англіи, за важныя услуги; на примѣръ, Капитану Корнвалю, Генералу Вольфу, Маіору Андре, которые пожертвовали жизнію отечеству. Трогательное и достойное геройства воздаяніе!

Монументъ Гаскона Найтингеля и жены его, посвященный любовію сына ихъ, есть самый лучшій въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, какъ художествомъ, такъ и мыслію. Прекрасная женщина умираетъ въ объятіяхъ супруга. Смерть выползаетъ изъ гроба, смотритъ ужасными глазами на супругу и мѣтитъ въ нее копьемъ своимъ. Супругъ видитъ грозное чудовище, и въ страхѣ, въ отчаяніи, стремится отразить ударъ.— Это работа славнаго Рубильяка.

Придѣлъ Генриха VII назывался *чудомъ міра*. Въ самомъ дѣлѣ тутъ много удивительнаго въ готическомъ вкусѣ; особливо же въ рѣзьбѣ на мѣди и на деревѣ.—Въ этомъ придѣлѣ погребаютъ Королевскую фамилію, и вы видите подлѣ нещастной Маріи Стуартъ Елисавету! Гробъ всѣхъ примиряетъ.

Въ заключеніе переведу вамъ нѣчто изъ мыслей одного Англичанина о Вестминстерскомъ Аббатствѣ.

«Съ живымъ меланхолическимъ удовольствіемъ «былъ я во всѣхъ мрачныхъ сокровенностяхъ «сего послѣдняго жилища славы; разсуждалъ «о жизни человѣческой, ея бѣдствіяхъ и крат-«кости. Милліоны (думалъ я), подобно тебѣ раз-

онъ жилъ 152 года, въ царствованіе десяти Королей, отъ Эдуарда IV до Карла II. Извѣстно, что сей удивительный человѣкъ, будучи ста тридцати лѣтъ, не оставлялъ въ покоѣ молодыхъ сосѣдокъ своихъ, и присужденъ былъ всенародно, въ церкви, каяться въ любовныхъ грѣхахъ.

Авторъ *Вакефильдскаго Священника, Запустѣвшей деревни и Путешественника*, Голдсмитъ расхваленъ до крайности. «Онъ былъ великой «Поэтъ, Историкъ, Философъ; занимался почти «всякимъ родомъ сочиненій, и во всякомъ успѣ«валъ; владѣлъ нѣжными чувствами, и по волѣ «заставлялъ плакать и смѣяться. Во всѣхъ его «рѣчахъ и дѣлахъ обнаруживалось рѣдкое до«бродушіе. Умъ острый, замысловатый и вели«кой вливалъ душу-силу и опрятность въ каж«дое слово его. Любовь товарищей, вѣрность «друзей и уваженіе читателей воздвигли ему «сей памятникъ.»

Я остановился съ благоговѣніемъ передъ памятникомъ Невтона. Херувимы держатъ передъ нимъ развернутый свитокъ; онъ указываетъ на него пальцомъ, опершись рукою на книги, съ заглавіемъ: Божество, Оптика, Хронологія; вверху, большой шаръ, на которомъ сидитъ *Астрономія;* внизу прекрасной барельефъ, гдѣ изображены всѣ Невтоновы открытія. Въ Латинской надписи сказано, что онъ «почти бо«жественнымъ умомъ своимъ опредѣлилъ дви«женіе и фигуру свѣтилъ небесныхъ, путь Ко«метъ, приливъ и отливъ моря; узналъ разно«образіе солнечныхъ лучей и свойство цвѣтовъ, «былъ мудрымъ изъяснителемъ Натуры, древ«ности и Св. Писанія; доказалъ своею Филосо-

мятникъ Стихотворцу Грею. *Лирическая Муза* держитъ въ рукѣ медальйонъ его, *и указывая* другою рукою на Мильтона, говоритъ: *у Грековъ Гомеръ и Пиндаръ; здѣсь Мильтонъ и Грей!*

Преклоните колѣна... вотъ Шекспиръ!.. стоитъ какъ живой, въ одеждѣ своего времени, опершись на книгу, въ глубокой задумчивости... Вы узнаете предметъ его глубокомыслія, читая слѣдующую надпись, взятую изъ его Драмы The Tempest:

Колоссы гордые, вѣковъ произведенье,
И храмы славные, и самой шаръ земной,
Со всѣмъ, что есть на немъ, изчезнетъ какъ творенье
Воздушныя мечты, развалинъ за собой
Въ пространствахъ не оставивъ!

Четыре времени года изображены на гробницѣ Томсоновой. Отрокъ указываетъ на нихъ и подаетъ вѣнокъ Поэту.

Герцогъ и Герцогиня Квинсберри почтили прекраснымъ монументомъ Гея, творца Оперы *Нищихъ* *). Эпитафія сочинена самимъ Геемъ:

Все въ свѣтѣ есть игра, жизнь самая ничто:
Такъ прежде *думалъ* я, а нынѣ *знаю* то.

Музыкантъ Гендель, изображенный славнымъ Рубильякомъ, слушаетъ Ангела, который въ облакахъ, надъ его головою, играетъ на арфѣ. Передъ нимъ лежитъ его Ораторія, Мессія, разогнутая на прекрасной аріи: I know that my Redeemer lives: *знаю, что живъ спаситель мой!*—

На гробницѣ Томаса Парра написано, что

*) Самое остроумнѣйшее произведеніе Англійской Литературы... и самое противное человѣку съ нѣжнымъ нравственнымъ чувствомъ.

со бюстъ, съ простою надписью: «Іоаннъ Драй-«денъ родился въ 1632, умеръ въ 1700 году. Гер-«цогъ Буккингамъ соорудилъ ему сей мону-«ментъ.» — Подлѣ, какъ нарочно, вырѣзана са-мая пышная эпитафія на памятникѣ Стихо-творца Кауле (Cowley): «Здѣсь лежитъ Пиндаръ, «Горацій и Виргилій Англіи, утѣха, красота, «удивленіе вѣковъ,» и проч.— На гробѣ самаго Герцога Буккингама, друга Попова, читаете: «Я жилъ и сомнѣвался; умираю и не знаю; что «ни будетъ, на все готовъ.» — А ниже: «За Ко-«роля моего часто, за отечество всегда.»

Готической монументъ древнѣйшаго Англій-скаго стихотворца Часера почти совсѣмъ раз-валился. Часеръ жилъ въ четвертомъ-надесять вѣкѣ, писалъ неблагопристойныя сказки, хва-лилъ своего родственника, Герцога Ландкастер-скаго, и помогъ ему стихами своими взойти на престолъ.

Нещастный Графъ Эссексъ посвятилъ бѣлый мраморный памятникъ Бену Джонсону, совре-меннику Шекспирову, съ надписью: O rare Ben Johnson! *О рѣдкой Джонсонъ!*

На гробѣ Спенсера подписано: «Онъ былъ «царь Поэтовъ своего времени, и божественный «умъ его всего лучше видѣнъ въ его твореніяхъ.»

Ботлеръ сочинилъ славную Поэму Годибраса, осмѣивая въ ней Кромвелевскихъ Республикан-цевъ и Фанатизмъ. Дворъ и Король хвалили Поэму, но Авторъ умеръ съ голоду. Барберъ, Лондонской Меръ, сказалъ: «кто въ жизни не «имѣлъ пристанища, тому сдѣлаемъ хотя по «смерти достойный его монументъ»—сказалъ и сдѣлалъ.

Подъ Мильтоновымъ бюстомъ сооруженъ па-

ской церкви, прибавилъ къ *нему двѣ новыя* готическія башни, которыя *вмѣстѣ съ сѣвернымъ* портикомъ, называемымъ *Соломоновыми вратами*, Colomon's Gate, всего болѣе украшаютъ внѣшность храма. Внутренность разительна; огромный сводъ величественно опускается на рядъ гигантскихъ столповъ, между которыми свѣтъ и мракъ разливаются. Тутъ всякой день бываетъ утреннее и вечернее служеніе; тутъ вѣнчаются Короли Англійскіе; тутъ стоятъ и гробы ихъ!... Я вспомнилъ Французской стихъ:

Нельзя безъ ужаса съ престола—въ гробъ ступить!

Тутъ сооружены монументы Героямъ, Патріотамъ, Философамъ, Поэтамъ; и я назвалъ бы Вестминстеръ храмомъ безсмертія, естьли бы въ немъ не было многихъ именъ, совсѣмъ недостойныхъ памяти. Чтобы думать хорошо объ людяхъ, надобно читать не исторію, а надгробныя надписи: какъ хвалятъ покойниковъ!—Замѣчу важнѣйшіе монументы и переведу нѣкоторыя надписи.

На черномъ и бѣломъ мраморномъ памятникѣ Лорда Кранфильда подписано женою его: «Зависть воздвигла бури противъ моего славнаго «и добродѣтельнаго супруга; но онъ, съ чистою «душею, смѣло сталъ на кормѣ, крѣпко держался за руль совѣсти, разсѣкалъ волны, «спасся отъ кораблекрушенія, въ глубокую «осень жизни своей бросилъ якорь и вышелъ «на тихій берегъ уединенія. Наконецъ сей изнуренный мореходецъ отправился на тотъ свѣтъ, «и корабль его щастливо присталъ къ небу.»

На гробѣ славнаго Поэта Драйдена стоитъ

отбраниваются, иногда отмалчиваются, а когда пойдетъ дѣло на голоса, большинство всегда на ихъ сторонѣ. Кто говоритъ хорошо, того слушаютъ; въ противномъ случаѣ кашляютъ, стучатъ ногами, шумятъ: а при всякомъ важномъ словѣ кричатъ hearken! *слушайте!* Засѣданіе открывается въ 3 часа по полудни, молитвою, и продолжается иногда до двухъ за полночь. Розница между Парижскимъ Народнымъ собраніемъ и Англійскимъ Парламентомъ есть та, что первое шумнѣе; впрочемъ и Парламентскія собранія довольно безпорядочны. Члены безпрестанно встаютъ; поклонясь Оратору, какъ школьному Магистру, бѣгаютъ вонъ, ѣдятъ и проч.—Ихъ числомъ 558; на лицо же не бываетъ никогда и трехъ сотъ. Едва ли 50 человѣкъ говорятъ когда нибудь; всѣ прочіе нѣмы; иные, можетъ быть, и глухи — но дѣла идутъ своимъ порядкомъ, и хорошо. Умные Министры правятъ; умная публика смотритъ и судитъ. Членъ можетъ говорить въ Парламентѣ все, что ему угодно; по закону онъ не даетъ отвѣта.

—

Вестминстерское Аббатство.

Церковныя Англійскія Хроники наполнены чудесными сказаніями о семъ древнемъ Аббатствѣ. На примѣръ, онѣ говорятъ, что самъ Апостолъ Петръ, окруженный ликами Ангеловъ, освятилъ его въ началѣ седьмаго вѣка, при Королѣ Себертѣ. Какъ бы то ни было, оно есть самое древнѣйшее зданіе въ Лондонѣ, нѣсколько разъ горѣло, разрушалось и снова изъ праха возставало. Славный Ренъ, строитель Павлов-

не бываетъ никого, кромѣ *Членовъ; я могъ видѣть* только залу собранія, украшенную богатыми обоями, на которыхъ изображено разбитіе Гишпанской Армады. Въ концѣ залы возвышается Королевской тронъ, а подлѣ два мѣста для старшихъ Принцовъ крови; за тономъ сидятъ молодые Лорды, которые не имѣютъ еще голоса; на правой сторонѣ Епископы, противъ Короля Перы, Герцоги и проч. Замѣчанія достойно то, что Канцлеръ и Ораторъ сидятъ на *шерстяныхъ шарахъ:* древнее и, какъ увѣряютъ, символическое обыкновеніе! Шаръ означаетъ важность торговли (не знаю, по чему), а шерсть суконныя Англійскія фабрики, требующія вниманія Лордовъ.

Зала Нижняго Парламента соединяется съ первою длиннымъ коридоромъ; она убрана деревомъ. Тутъ для зрителей сдѣланы галлереи. Каѳедры нѣтъ. Президентъ, называемый Ораторомъ, сидитъ на возвышенномъ мѣстѣ между двухъ Клерковъ или Секретарей, за столомъ, на которомъ лежитъ золотой скипетръ; они трое должны быть всегда въ Шпанскихъ парикахъ и въ мантіяхъ; всѣ прочіе въ обыкновенныхъ кафтанахъ, въ шляпахъ, сидятъ на лавкахъ, изъ которыхъ одна другой выше. Кто хочетъ говорить, встаетъ, и снимая шляпу, обращаетъ рѣчь свою къ Президенту, то есть къ Оратору, который, подобно дядькѣ, унимаетъ ихъ, естьли они заговорятъ недѣло, и кричатъ: to order! *въ порядокъ!* Члены могутъ всячески бранить другъ друга, только не именуя, а на примѣръ такъ: «почтенный господинъ, ко«торый говорилъ передо мною, есть глупецъ»— и проч. Министрамъ часто достается; они иногда

меня; я человѣкъ! Торжество Англійскаго правосудія состоитъ единственно въ томъ, что Гастингса бранятъ, разоряютъ, именемъ закона; Риторы истощаютъ свое краснорѣчіе, занимаютъ Публику, Журналистовъ; Лорды зѣваютъ, дремлютъ на большихъ креслахъ; всякой дѣлаетъ свое дѣло — и довольно! Что принадлежитъ до Фоксова таланта, то я назову его скорѣе *складною говорливостью*, нежели краснорѣчіемъ; слова текутъ рѣкою, но нѣтъ сильныхъ Ораторскихъ движеній; много разительной Логики, только много и лишняго. Въ Шериданѣ болѣе піитическаго жара, но менѣе логической силы, какъ говорятъ Критики; а славный Боркъ уже старѣется.—Наконецъ Фоксъ кончилъ поклонился и сошелъ съ каѳедры. Одинъ изъ Гастингсовыхъ Адвокатовъ сказалъ Перамъ: «Милорды! Генералъ N. N. не успѣлъ предста«вить вамъ отзыва въ пользу нашего Кліента; «уѣхалъ въ свое отечество, въ Швейцарію, для «поправленія здоровья; но онъ скоро возвра«тится»... Тутъ Боркъ выступилъ впередъ и примолвилъ съ важнымъ видомъ: «Милорды! пожела«емъ Господину Генералу щастливаго пути и «лучшаго здоровья!» Всѣ Лорды, всѣ зрители засмѣялись; встали—и пошли домой.

—

Подлѣ Вестминстерской залы, въ остаткахъ огромнаго дворца, который сгорѣлъ *) при Генрихѣ VIII, собирается обыкновенно Верхній и Нижній Парламентъ. Въ засѣданіяхъ перваго

*) Едва ли въ какомъ нибудь городѣ было столько пожаровъ, какъ въ Лондонѣ.

черезъ 5 минутъ снова начиналъ *говорить*. Я не столько жалѣлъ Фоксовой груди, сколько бѣдныхъ Лордовъ — слушать по крайней мѣрѣ сидѣть столько времени на одномъ мѣстѣ, безъ движенія, съ важностію, съ видомъ вниманія! Фоксъ требовалъ отъ нихъ не бездѣлки, а жизни Гастингсовой, называя его воромъ, злодѣемъ, чудовищемъ — и въ присутствіи его самого. Гастингсъ, старикъ лѣтъ за шестьдесятъ, сѣдой, худенькой, въ голубомъ Французскомъ кафтанѣ, сидѣлъ на креслахъ подлѣ самаго Ритора, который надъ его головою требовалъ его головы! Но умный старикъ казался совершенно покойнымъ, равнодушнымъ; даже худо слушалъ, посматривая то на судей, то на своихъ двухъ Адвокатовъ, которые съ великою прилежностію записывали обвиненія, сидя подлѣ Кліента. Онъ увѣренъ, что его оправдаютъ; но виноватъ ли онъ подлинно? спросите вы. Противъ человѣчества, виноватъ; противъ Англіи, нѣтъ. Гастингсъ не злодѣй въ сердцѣ своемъ; но зная тайную политику Англійскаго Министерства, зная выгоды Ост-Индской Компаніи, жертвовалъ, можетъ быть, собственными благородными чувствами тому предмету, для котораго послали его въ Индію: тиранствовалъ, чтобы утвердить тамъ власть Англичанъ, и стараясь умножить доходы Компаніи, умножилъ, можетъ быть, и свои—за что однакожь Министры не предадутъ его въ жертву Парламентскимъ говорунамъ. Англичанинъ человѣколюбивъ у себя; а въ Америкѣ, въ Африкѣ и въ Азіи едва не звѣрь; по крайней мѣрѣ съ людьми обходится тамъ какъ съ звѣрями, накопитъ денегъ, возвратится домой, и кричитъ: *не тронь*

сводъ ея держится самъ собою, безъ столбовъ. Въ ней торжествуется коронація Англійскихъ Монарховъ; въ ней бываютъ и чрезвычайныя засѣданія Верхняго Парламента, когда онъ судитъ Государственнаго Пера. Такимъ образомъ случилось мнѣ видѣть тамъ судъ Гастингса, Hasting's trial, который уже 10 лѣтъ продолжается, и который былъ для меня любопытенъ. Доставъ билетъ черезъ нашего Посла, я занялъ мѣсто въ верхней галлереѣ, среди множества зрителей. Мы долго ждали. Наконецъ явился Фоксъ, въ черномъ Французскомъ кафтанѣ, съ кипою бумагъ; а за нимъ Боркъ, сухощавой старикъ въ очкахъ, также въ черномъ кафтанѣ и съ бумагами. Вы знаете, что Нижній Парламентъ, именемъ народа, обвиняетъ Гастингса, бывшаго Губернатора Ост-Индіи, въ разныхъ преступленіяхъ, и выбралъ Адвокатами Борка, Фокса и Шеридана, чтобы доказывать вины его въ судилищѣ Лордовъ. Отворились большія двери— и судьи, Члены Верховнаго Парламента, вошли тихо и торжественно другъ за другомъ въ своихъ мантіяхъ, а Духовные, то есть Епископы, въ высокихъ шапкахъ, и сѣли по мѣстамъ. Фоксъ сталъ напротивъ Лорда Канцлера, и началъ говорить рѣчь, которая продолжалась цѣлые... четыре часа! Онъ исчислялъ всѣ доказательства Гастингсова корыстолюбія, всѣ его безаконныя дѣла, оскорбительныя для чести, для имени Англійскаго народа; говорилъ сильно, иногда съ жаромъ, и отдыхалъ единственно тогда, когда надлежало представить улики въ подлинникѣ. Въ такомъ случаѣ Боркъ заступалъ мѣсто его и читалъ бумаги; а Риторъ садился на стулъ, утираясь бѣлымъ платкомъ, и

рода анекдотами, замѣчаніями, *на цѣлую недѣлю*. Тутъ, кромѣ слугъ и служанокъ *гуляютъ* ремесленники, сидѣльцы, Аптекарскіе ученики— однимъ словомъ, такіе люди, которые имѣютъ уже нѣкоторый вкусъ въ жизни, и знаютъ, что такое хорошій воздухъ, пріятный сельской видъ, и проч. Тутъ соблюдается тишина и благопристойность; тутъ вы любите Англичанъ.

Но естьли хотите, чтобы у васъ помутилось въ душѣ, то загляните ввечеру въ подземельныя Таверны или въ *питейные домы*, гдѣ веселится подлая Лондонская чернь!—Такова судьба гражданскихъ обществъ: хорошо сверху, въ серединѣ, а внизъ не заглядывай. Дрожжи и въ самомъ лучшемъ винѣ бываютъ столь же противны вкусу, какъ и въ самомъ худомъ.

Дурное напоминаетъ дурное: скажу вамъ еще, что на Лондонскихъ улицахъ, ввечеру, видѣлъ я болѣе ужасовъ разврата, нежели и въ самомъ Парижѣ. Оставляя другое (о чемъ можно только говорить, а не писать) вообразите, что между нещастными жертвами распутства здѣсь много двѣнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ! вообразите, что есть Мегеры, къ которымъ изверги-матери приводятъ дочерей на смотръ и торгуются!

Я началъ письмо свое невинностію, а кончилъ предметомъ омерзѣнія!—Любезная Софія! прости меня.

—

Вестминстеръ.

Славная *Вестминстерская* зала (Westminster-hall) построена еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ, какъ нѣкоторые Историки утверждаютъ. Она считается самою огромнѣйшею въ Европѣ; и

ея мѣсто въ домѣ. Я хотѣлъ знать имя красавицы? — Софія — Ея состояніе? — Служанка въ пансіонѣ.—Ея забавы, удовольствія въ жизни?— Работа, милость госпожи, хорошая книжка.— Ея надежды?—Накопить нѣсколько гиней и возвратиться въ Кентское Графство къ старику отцу, которой живетъ въ большой нуждѣ.—Софія принесла мнѣ чай, налила, по усильной прозьбѣ моей, сама выпила чашку, но никакъ не хотѣла сѣсть, и при всякомъ словѣ краснѣлась, хотя я остерегался нескромности въ разговорѣ съ нею. Впрочемъ, къ моему удивленію, Англійскія фразы сами собою мнѣ представлялись, и естьли бы я всякой день могъ говорить съ прелестною Софіею, то черезъ мѣсяцъ заговорилъ бы какъ—Ораторъ Парламента! Съ чувствомъ скажу вамъ, друзья мои, что Англичанки и въ самомъ низкомъ состояніи чрезвычайно любезны своею кротостію.

Въ нынѣшнее Воскресенье поговорю о Воскресеньи. Оно здѣсь свято и торжественно; самый бѣдный поденщикъ перестаетъ работать; купецъ запираетъ лавку, биржа пустѣетъ, Спектакли затворяются, музыка молчитъ. Всѣ идутъ къ обѣднѣ; люди, привязанные своими упражненіями и дѣлами къ городу, разъѣзжаются по деревнямъ; народъ толпится на гульбищахъ, и бѣдный по возможности наряжается. Что у Французовъ *Генеты*, то здѣсь Thea-gardens или сады. гдѣ народъ пьетъ чай и пуншъ, ѣстъ сыръ и масло. Тутъ-то во всей славѣ являются горничныя дѣвушки, въ длинныхъ платьяхъ, въ шляпкахъ, съ веерами; тутъ ищутъ онѣ себѣ женіховъ и щастья; видятся съ своими знакомыми, угощаютъ другъ друга, и набираются всякаго

ственныя слова взяты изъ *Французскаго или изъ* Латинскаго, а коренные глаголы изъ Нѣмецкаго. Римляне, Саксонцы, Датчане истребили и Британской народъ, и языкъ ихъ: говорятъ, что въ Валлисѣ есть нѣкоторые его остатки. Пестрота Англійскаго языка не мѣшаетъ ему быть сильнымъ и выразительнымъ; а смѣлость Стихотворцевъ удивительна; но гармоніи, и того, что въ Риторикѣ называется *числомъ*, совсѣмъ нѣтъ. Слова отрывистыя, фразы короткія, и ни малаго разнообразія въ періодахъ! Мѣра стиховъ всегда одинакая: Ямбы въ 4 или въ 5 стопъ съ мужескимъ окончаніемъ.—Да будетъ же честь и слава нашему языку, который въ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякаго чуждаго примѣса, течетъ какъ гордая, величественная рѣка—шумитъ, гремитъ—и вдругъ, естьли надобно, смягчается, журчитъ нѣжнымъ ручейкомъ и сладостно вливается въ душу, образуя всѣ мѣры, какія заключаются только въ паденіи и возвышеніи человѣческаго голоса!

Лондонъ, Августа... 1790.

Въ 8 часовъ вечера я позвонилъ въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, и вмѣсто моей Дженни (которая, сказать правду, не очень красива собою) вошла ко мнѣ прелестная дѣвушка лѣтъ семнадцати. Я удивился, и смотрѣлъ на нее въ молчаніи. Она спрашивала: «что угодно господину?» краснѣлась, присядала, глядѣла въ землю, и наконецъ изъяснила мнѣ, что Дженни, пользуясь Воскресеньемъ, гуляетъ за городомъ; а она взялась на нѣсколько часовъ заступить

ничто не можетъ сравняться съ Историческимъ Тріумвиратомъ Британіи *).

Новѣйшая Англійская Литтература совсѣмъ не достойна вниманія; теперь пишутъ здѣсь только самые посредственные романы, а Стихотворца нѣтъ ни одного хорошаго. Йонгъ, гроза щастливыхъ и утѣшитель несчастныхъ, и Стернъ, оригинальный живописецъ чувствительности, заключили фалангу безсмертныхъ Британскихъ Авторовъ.

А я заключу это письмо двумя, тремя словами объ Англійскомъ языкѣ. Онъ всѣхъ на свѣтѣ легче и простѣе, совсѣмъ почти не имѣетъ Грамматики, и кто знаетъ частицы of и to, знаетъ склоненія; кто знаетъ will и shall, знаетъ спряженія; всѣ неправильные глаголы можно затвердить въ одинъ день. Но вы, читая какъ азбуку Робертсона и Фильдинга, даже Томсона и Шекспира, будете съ Англичанами нѣмы и глухи; то есть, ни они васъ, ни вы ихъ не поймете. Такъ труденъ Англійской выговоръ, и столь мудрено узнать слухомъ то слово, которое вы знаете глазами! Я все понимаю, что мнѣ напишутъ, а въ разговорѣ долженъ угадывать. Кажется, что у Англичанъ рты связаны или на отверстіе ихъ положена Министерствомъ большая пошлина: они чуть, чуть разводятъ зубы, свистятъ, намекаютъ, а не говорятъ. Вообще Англійскій языкъ грубъ, непріятенъ для слуха, но богатъ и обработанъ во всѣхъ родахъ для письма—богатъ *краденымъ*, или (чтобъ не оскорбить Британской гордости) *отнятымъ* у другихъ. Всѣ ученыя и по большей части нрав-

*) Т. е. съ Робертсономъ, Юмомъ и Гиббономъ.

садахъ воображенія, на каждомъ *шагу творитъ* чудеса!

Еще повторяю: у Англичанъ одинъ Шекспиръ! Всѣ ихъ новѣйшіе Трагики только-что *хотятъ* быть сильными, а въ самомъ дѣлѣ слабы духомъ. Въ нихъ есть Шекспировской *бомбастъ*, а нѣтъ Шекспирова Генія. Въ изображеніи страстей всегда почти заходятъ они за предѣлъ истины и Натуры, можетъ быть отъ того, что обыкновенное, то есть истинное, мало трогаетъ сонныя и флегматическія сердца Британцевъ; имъ надобны ужасы и громы, рѣзанье и погребенія, изступленіе и бѣшенство. Нѣжная черта души не была бы здѣсь примѣчена; тихіе звуки сердца безъ всякаго дѣйствія исчезли бы въ Лондонскомъ партерѣ. — Славная Аддисонова трагедія хороша тамъ, гдѣ Катонъ говоритъ и дѣйствуетъ; но любовныя сцены несносны. Нынѣшнія любимыя драмы Англичанъ: Grecian Daughter, Fair penitent, Jean Shore и проч., трогаютъ болѣе содержаніемъ и картинами, нежели чувствомъ и силою Авторскаго таланта. — Комедіи ихъ держатся запутанными интригами и каррикатурами; въ нихъ мало истиннаго остроумія, а много *буфонства*; здѣсь Талія не смѣется, а хохочетъ.

Примѣчанія достойно то, что одна земля произвела и лучшихъ Романистовъ и лучшихъ Историковъ. Ричардсонъ и Фильдингъ выучили Французовъ и Нѣмцовъ писать романы какъ *исторію жизни*, а Робертсонъ, Юмъ, Гиббонъ, вліяли въ Исторію привлекательность любопытнѣйшаго романа, умнымъ расположеніемъ дѣйствій, живописью приключеній и характеровъ, мыслями и слогомъ. Послѣ Ѳукидида и Тацита

Въ Драматической Поэзіи Англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного Автора; но этотъ Авторъ есть Шекспиръ, и Англичане богаты!

Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Вольтеровымъ, но и самымъ обыкновеннымъ умомъ; кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ тѣмъ—я не хочу и спорить! Забавные Шекспировы Критики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ странно одѣтаго человѣка и кричатъ: *какой смѣшной! какой чудакъ!*

Всякой Авторъ ознаменованъ печатію своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ нравиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось тогда остроумiемъ, то нынѣ скучно и противно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самой великой Геній *не можетъ взять мѣръ своихъ*. Но всякой истинный талантъ, платя дань вѣку, творитъ и для вѣчности: современныя красоты исчезаютъ, а общія основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключенія, *откровеніе* человѣческаго сердца, и великія мысли, разсѣянныя въ драмахъ Британскаго Генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другаго Поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды Поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимый сынъ богини Фантазіи, которая отдала ему волшебный жезлъ свой; а онъ, гуляя въ дикихъ

писной Поэзіи (Poésie descriptive); Французы и Нѣмцы переняли сей родъ у Англичанъ, которые умѣютъ замѣчать самыя мелкія черты въ Природѣ. По сіе время ничто еще не можетъ сравняться съ Томсоновыми *Временами года;* ихъ можно назвать зеркаломъ Натуры. Сенъ-Ламберъ лучше нравится Французамъ; но онъ въ своей Поэмѣ кажется мнѣ Парижскимъ щеголемъ, который, выѣхавъ въ загородный домъ, смотритъ изъ окна на сельскія картины и описываетъ ихъ въ хорошихъ стихахъ; а Томсона сравню съ какимъ нибудь Швейцарскимъ или Шотландскимъ охотникомъ, который, съ ружьемъ въ рукѣ, всю жизнь бродитъ по лѣсамъ и дебрямъ, отдыхаетъ иногда на холмѣ или на скалѣ, смотритъ вокругъ себя, и что ему полюбится, что Природа вдохнетъ въ его душу, то изображаетъ карандашемъ на бумагѣ. Сенъ-Ламберъ кажется пріятнымъ гостемъ Натуры, а Томсонъ ея роднымъ и домашнимъ.—Въ Англійскихъ Поэтахъ есть еще какое-то *простодушіе,* не совсѣмъ древнее, но сходное съ Гомеровскимъ; есть меланхолія, которая изливается болѣе изъ сердца, нежели изъ воображенія; есть какая-то странная, но пріятная мечтательность, которая, подобно Англійскому саду, представляетъ вамъ тысячу неожидаемыхъ вещей.— Самымъ же лучшимъ цвѣткомъ Британской Поэзіи считается Мильтоново описаніе Адама и Евы и Драйденова Ода на музыку. Любопытно знать то, что Поэма Мильтонова, въ которой столь много прекраснаго и великаго, сто лѣтъ цродавалась, но едва была извѣстна въ Англіи. Первый Аддисонъ поднялъ ее на высокой пьедесталъ и сказалъ: *удивляйтесь!*

расположеніи, грустить въ печальномъ. Выборъ такихъ людей зависитъ отъ ума супруговъ; и не всего ли ближе искать ихъ между тѣми, которыхъ сама Натура предлагаетъ намъ въ друзья, то есть, между родственниками? О милые союзы родства! вы бываете твердѣйшею опорою добрыхъ нравовъ—и естьли я въ чемъ нибудь завидую нашимъ предкамъ, то конечно въ привязанности ихъ къ своимъ ближнимъ.

Вольтеръ въ концѣ своего остроумнаго и безобразнаго романа *) говоритъ: *друзья! пойдемъ работать въ саду!* слова, которыя часто отзываются въ душѣ моей послѣ утомительнаго размышленія о тайнѣ рока и щастія. Можно еще примолвить: «пойдемъ любить своихъ домашнихъ, родственниковъ и друзей; а прочее оставимъ на произволъ судьбы!»

Не смотря на Лондонскую огромную церковь Св. Павла; не глядя на Темзу, черезъ которую великолѣпные мосты перегибаются, и на которой пестрѣютъ флаги всѣхъ народовъ; не удивляясь богатству магазиновъ Ост-Индской Компаніи, и даже не въ собраніи здѣшняго Ученаго Королевскаго Общества говорю я: *Англичане просвѣщены!* нѣтъ; но видя, какъ они умѣютъ наслаждаться семейственнымъ щастіемъ, твержу сто разъ: *Англичане просвѣщены.*

—

Литтература.

Литтература Англичанъ, подобно ихъ характеру, имѣетъ много *особенности*, и въ разныхъ частяхъ превосходна. Здѣсь отечество *живо-*

*) Кандида.

въ прельщеніи. Часто должно жалѣть о *мужѣ*, но о *мужьяхъ* никогда. Мягкое женское сердце принимаетъ всегда образъ нашего; и естьли бы мы вообще любили добродѣтель, то милыя красавицы изъ кокетства сдѣлались бы добродѣтельными.

Я всегда думалъ, что дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія должны болѣе привязать людей къ домашней жизни. Не пустота ли душевная вовлекаетъ насъ въ разсѣяніе? Первое дѣло истинной Философіи есть обратить человѣка къ неизмѣннымъ удовольствіямъ Натуры. Когда голова и сердце заняты дома пріятнымъ образомъ; когда въ рукѣ книга, подлѣ милая жена, вокругъ прекрасныя дѣти, захочется ли ѣхать на балъ, или на большой ужинъ?

Мысль моя не та, чтобы супруги должны были всю жизнь провести съ глазу на глазъ. Гименей не есть ни тюремщикъ, ни отшельникъ, и мы рождены для общества; но согласитесь, что въ свѣтскихъ собраніяхъ всего менѣе наслаждаются обществомъ. Тамъ нѣтъ мѣста ни разсужденіямъ, ни разсказамъ, ни изліяніямъ, чувства; всякой долженъ сказать слово мимоходомъ и увернуться въ сторону, чтобъ пустить другова на сцену; всѣ безпокойны, чтобы не проговориться и не обличить своего невѣжества въ *хорошемъ тонѣ*. Однимъ словомъ, это вѣчная дурная комедія называемая *принужденіемъ*, безъ связи, а всего болѣе безъ интереса.—Но пріятностію общества наслаждаемся мы въ коротком обхожденіи съ друзьями и сердечными пріятелями, которыхъ первый взоръ открываетъ душу; которые приходятъ къ намъ мѣняться мыслями и наблюденіями, шутить въ веселомъ

тамъ родится въ ней желаніе нравиться какому нибудь *знатоку* болѣе, нежели другому; а тамъ—надобно хитрить, заманивать, подавать надежду; а тамъ... не увидишь, какъ и сердце вмѣшается въ планы самолюбія; а тамъ—бѣдный мужъ! бѣдныя дѣти!

Всего же несчастнѣе она сама. Хорошо, естьли бы до конца можно было жить въ упоеніи страстей; но есть время, въ которое все оставляетъ женщину, кромѣ ея добродѣтели; въ которое одна благодарная любовь супруга и дѣтей можетъ разсѣять грусть ея о потерянной красотѣ и многихъ пріятностяхъ жизни, увядающихъ вмѣстѣ съ цвѣтомъ наружныхъ прелестей. Что, естьли оскорбленный мужъ убѣгаетъ тогда ея взоровъ; естьли дурно воспитанныя дѣти, не обязанныя ей ни чѣмъ, кромѣ нещастной жизни и пороковъ своихъ, всякой часъ растравляютъ раны ея сердца знаками холодности, нелюбви, самаго презрѣнія?.. Обратится ли къ свѣту? Но тамъ время переломило ея скипетръ, угодники исчезли—Зефиръ опахала ея не принимаетъ уже Сильфовъ—и развѣ подобная ей нещастная кокетка сядетъ подлѣ нее, чтобы излить желчь свою на умы и на сердца людей.

Говорю о женщинахъ для того, что сердцу моему пріятнѣе заниматься ими; но главная вина безъ всякаго сомнѣнія на сторонѣ мущинъ, которые не умѣютъ пользоваться своими правами для взаимнаго щастія, и лучше хотятъ быть строптивыми рабами, нежели умными, вѣжливыми и любезными властелинами нѣжнаго пола, созданнаго прельщать, слѣдственно не властвовать, потому что сила не имѣетъ нужды

«совъ въ утомительной игрѣ ложнаго веселья? «Естьли у васъ нѣтъ дѣтей, мнѣ остается только «жалѣть, что вы не умѣете наслаждаться другъ «другомъ, и не знаете, какъ мило проводить «цѣлые дни съ любезнымъ человѣкомъ, дѣля съ «нимъ дѣло и бездѣлье, въ полной душевной «свободѣ, въ мирномъ расположеніи сердца. А «естьли вы родители, то пренебрегаете одну «изъ святѣйшихъ обязанностей человѣчества. «Въ самую ту минуту, когда ты, безпечная «мать, прыгаешь въ контръ-дансѣ, маленькая «дочь твоя падаетъ, можетъ быть, изъ рукъ «неосторожной кормилицы, чтобы на всю жизнь «сдѣлаться уродомъ, или семилѣтній сынъ, ос«тавленный съ наемнымъ учителемъ и слугами, «видитъ какой нибудь дурной примѣръ, кото«рый сѣетъ въ его сердце порокъ и нещастіе. «Сидя за клавесиномъ, среди блестящаго об«щества, ты, красавица, хочешь нравиться и «поешь какъ малиновка; но малиновка не ос«тавляетъ птенцовъ своихъ! Одна попечитель«ная мать имѣетъ право жаловаться на судьбу, «естьли не хороши дѣти ея; а та, которая «свѣтскія удовольствія предпочитаетъ семей«ственнымъ, не можетъ назваться попечительною».

И какимъ опасностямъ подвержена въ свѣтѣ добродѣтель молодой женщины? Скажите, не виновна ли она передъ своимъ мужемъ, какъ скоро хочетъ нравиться другимъ? Что же иное можетъ питать склонность ея къ свѣтскимъ обществамъ? Слабости имѣютъ свою постепенность, и переливы едва примѣтны. Сперва молодая супруга хочетъ только заслужить общее вниманіе или красотою или любезностію, чтобы *оправдать выборъ ея мужа*, какъ думаетъ; а

есть важное достоинство для женщины, которая живетъ въ гостяхъ, а дома только спитъ или сидитъ за туалетомъ. Нынѣ большой ужинъ, завтра балъ: красавица танцуетъ до пяти часовъ утра; и на другой день до того ли ей, чтобы заниматься своими нравственными должностями? Напротивъ того Англичанка, воспитываемая для домашней жизни, пріобрѣтаетъ качества доброй супруги и матери, украшая душу свою тѣми склонностями и навыками, которые предохраняютъ насъ отъ скуки въ уединеніи и дѣлаютъ одного человѣка сокровищемъ для другаго. Войдите здѣсь по утру въ домъ: хозяйка всегда за рукодѣльемъ, за книгою, за клавесиномъ, или рисуетъ, или пишетъ, или учитъ дѣтей, въ пріятномъ ожиданіи той минуты, когда мужъ, отправивъ свои дѣла, возвратится съ биржи, выдетъ изъ кабинета и скажетъ: *теперь я твой! теперь я вашъ!* Пусть назовутъ меня, чѣмъ кому угодно; но признаюсь, что я безъ какой-то внутренней досады не могу видѣть молодыхъ супруговъ въ свѣтѣ и говорю мысленно: «Нещастные! что вы «здѣсь дѣлаете? Развѣ дома среди вашего се«мейства, въ объятіяхъ любви и дружбы, вамъ «не сто разъ пріятнѣе, нежели въ этомъ пусто«блестящемъ кругу, гдѣ не только добрыя «свойства сердца, но и самый умъ едва ли не «безъ дѣла; гдѣ знаніе какой-то приличности «составляетъ всю науку; гдѣ *быть не стран«нымъ* есть верхъ искусства для мущины, и гдѣ «двѣ, три женщины бываютъ для того, чтобы «удивлялись красотѣ ихъ, а всѣ прочія... Богъ «знаетъ, для чего; гдѣ съ большими издержками «и хлопотами люди проводятъ нѣсколько ча-

жется, единственно о сохраненіи того, *что уже* имѣютъ. Въ церквахъ сдѣланы ложи—и каждая занимается особливымъ семействомъ. Матери окружены дѣтьми—и я нигдѣ не видывалъ такихъ прекрасныхъ малютокъ, какъ здѣсь: совершенно *кровь съ молокомъ*, какъ говорятъ Русскіе: одушевленные цвѣточки, любезные Зефиру; все маленькіе Эмили, все маленькія Софіи. Изъ церкви каждая семья идетъ въ свой садикъ, который разгоряченному воображенію кажется по крайней мѣрѣ уголкомъ Мильтонова Эдема; но, къ щастію, тутъ нѣтъ змѣя искусителя: миловидная хозяйка гуляетъ рука въ руку съ мужемъ своимъ, а не съ прелестникомъ, не съ *Чичисбеемъ*... однимъ словомъ, здѣсь рѣдкой холостой человѣкъ не вздохнетъ, видя красоту и щастіе дѣтей, скромность и благонравіе женщинъ. Такъ, друзья мои, здѣсь женщины скромны и благонравны, слѣдовательно мужья щастливы; здѣсь супруги живутъ для себя, а не для свѣта. Я говорю о среднемъ состояніи людей; впрочемъ и самые Англійскіе Лорды, и самые Англійскіе Герцоги не знаютъ того всегдашняго разсѣянія, которое можно назвать стихіею нашего, такъ называемаго *хорошаго общества*. Здѣсь балъ или концертъ есть важное происшествіе: объ немъ пишутъ въ газетахъ. У насъ правило: *вѣчно быть въ гостяхъ, или принимать гостей*. Англичанинъ говоритъ: *я хочу быть щастливымъ дома, и только изрѣдка имѣть свидѣтелей моему щастію*. Какія же слѣдствія? Свѣтскія дамы, будучи всегда на сценѣ, привыкаютъ думать единственно о театральныхъ добродѣтеляхъ. Со вкусомъ одѣться, хорошо войти, пріятно взглянуть,

мно, воюетъ и заключаетъ миръ съ державами! Это безпримѣрно въ свѣтѣ. Президентъ и 24 Директора управляютъ дѣлами. Компанія продаетъ свои товары всегда съ публичнаго торгу— и хотя снабжаетъ имъ всю Европу; хотя выручаетъ за нихъ милліоны: однакожь расходы ея такъ велики, что она очень много должна. Слѣдственно ей болѣе славы, нежели прибыли: но согласитесь, что Англійской богатый купецъ не можетъ завидовать никакому состоянію людей въ Европѣ!

—

Семейственная жизнь.

Берега Темзы прекрасны; ихъ можно назвать цвѣтниками—и вопреки Англійскимъ туманамъ, здѣсь царствуетъ Флора. Какъ милы сельскіе домики, оплетенные розами снизу до самой кровли *), или густо осѣненные деревами, такъ что ни одинъ яркой лучь солнца не можетъ въ нихъ проникнуть!

Но картина добрыхъ нравовъ и семейственнаго щастія всего болѣе восхищаетъ меня въ деревняхъ Англійскихъ, въ которыхъ живутъ теперь многіе достаточные Лондонскіе граждане, дѣлаясь на лѣто поселянами. Всякое Воскресенье хожу въ какую нибудь загородную церковь слушать нравственную, ясную проповѣдь во вкусѣ Йориковыхъ, и смотрѣть на спокойныя лица отцовъ и супруговъ, которые всѣ усердно молятся Всевышнему и просятъ, ка-

*) Видъ прекрасной вѣтки съ цвѣтами, варочно поднятые вверхъ, переплетаются, и достаютъ до кровли нивенькихъ домиковъ.

Лондонъ, Іюля... 1790.

Нынѣшнее утро видѣлъ я въ славномъ Британскомъ Музеумѣ множество древностей Египетскихъ, Этрускихъ, Римскихъ, жертвенныхъ орудій, Американскихъ идоловъ и проч. Мнѣ показывали одну Египетскую глиняную ноздреватую чашу, которая имѣетъ удивительное свойство: естьли налить ее водою, и вложить въ которой нибудь изъ ея наружныхъ поровъ салатное сѣмя, то оно распустится и черезъ нѣсколько дней произведетъ траву. Я съ любопытствомъ разсматривалъ еще *Лакриматоріи*, или маленькіе глиняные и стекляные сосуды, въ которые Римляне плакали на погребеніяхъ; но всего любопытнѣе былъ для меня оригиналъ Магны Харты, или славный договоръ Англичанъ съ ихъ Королемъ Іоанномъ, заключенный въ 13 вѣкѣ, и служащій основаніемъ ихъ конституціи. Спросите Англичанина, въ чемъ состоятъ ея главныя выгоды? Онъ скажетъ: *я живу, гдѣ хочу; увѣренъ въ томъ, что имѣю; не боюсь ничего, кромѣ законовъ.* Разогните же Магну Харту: въ ней Король утвердилъ клятвенно сіи права для Англичанъ—и въ какое время? когда всѣ другіе Европейскіе народы были еще погружены въ мрачное варварство.

Изъ Музеума прошелъ я въ домъ Ост-Индской Компаніи и видѣлъ съ удивленіемъ огромные магазины ея. Общество частныхъ людей имѣетъ въ совершенномъ подданствѣ богатѣйшія, обширныя страны міра, цѣлыя (можно сказать)) государства; избираетъ Губернаторовъ и другихъ начальниковъ; содержитъ тамъ ар-

Ранела пѣшкомъ; не шли, а бѣжали, боясь опоздать; устали до смерти, потому что отъ моей улицы до Ранела конечно не менѣе пяти верстъ, и въ десятомъ часу вошли въ большую круглую залу, прекрасно освѣщенную, гдѣ гремѣла музыка. Тутъ въ лѣтніе вечера собирается хорошее Лондонское общество, чтобы слушать музыку и гулять. Въ ротондѣ сдѣланы въ два ряда ложи, гдѣ женщины и мущины садятся отдыхать, пить чай и смотрѣть на множество людей, которые вертятся въ залѣ. Мы взглянули на собраніе, на украшенія залы, на высокой оркестръ и пошли въ садъ, гдѣ горѣлъ фейерверкъ; но любуясь имъ, чуть было не подвергнулись судьбѣ Семелеиной: искры осыпали насъ съ головы до ногъ.—Возвратясь въ ротонду, я сѣлъ въ ложѣ подлѣ одного старика, который насвистывалъ разныя пѣсни, какъ Стерновъ дядя Тоби, но впрочемъ не мѣшалъ мнѣ молчать и смотрѣть на публику. Можетъ быть дѣйствіе свѣчь обманывало глаза мои: только мнѣ казалось, что я никогда еще не видывалъ вмѣстѣ столько красавицъ и красавцевъ, какъ въ Ранела; а вы согласитесь, что такое зрѣлище очень занимательно. Къ несчастію у меня страшно болѣла голова, и я во второмъ часу, оставивъ товарищей своихъ веселиться, пошелъ искать кареты; съ трудомъ нашелъ, сѣлъ, велѣлъ везти себя въ Оксфортскую улицу, и заснулъ. Просыпаюсь у своего дому—вижу день—смотрю на часы: пять... и такъ я три часа ѣхалъ! Кучеръ сказалъ, что мы около двухъ стояли на одномъ мѣстѣ, и что никакъ нельзя было проѣхать за множествомъ каретъ.

—

бѣдно одѣтый, держалъ въ рукахъ *нѣсколько* печатныхъ листочковъ, стоялъ *прислонившись* къ стѣнѣ и умиленно смотрѣлъ на поющую. Увидѣвъ старика, онъ подбѣжалъ къ нему и сказалъ: «добрый Томасъ! здоровъ ли ты?»— *Слава Богу! а мать твоя?.. Какъ она хорошо поетъ! послушаю.*—Сынъ началъ ласкать собачку; а мать, поговоривъ съ старикомъ, снова заиграла и запѣла... Я долго слушалъ и положилъ ей на колѣни нѣсколько пенсовъ. Мальчикъ взглянулъ на меня благодарными глазами и подалъ мнѣ печатной листокъ. Это былъ гимнъ, который пѣла мать его. Вмѣсто того, чтобы идти за городъ, я возвратился домой и перевелъ гимнъ. Вотъ онъ:

Господь есть бѣдныхъ покровитель
И всѣхъ печальныхъ утѣшитель;
Всевышній зритъ, что нужно намъ,
И двумъ тоскующимъ сердцамъ
Пошлетъ въ свой часъ отраду.
Отдастъ ли насъ Онъ въ жертву гладу?
Забудетъ ли отецъ дѣтей?
Прохожій сжалится надъ ними
(Есть сердце у людей!)
А мы молитвой и слезами
Заплатимъ долгъ ему.

Въ словахъ нѣтъ ничего отмѣннаго; но еслибъ вы, друзья мои, слышали, какъ бѣдная женщина пѣла, то не удивились бы, что я переводилъ ихъ со слезами.

Ранела.

Нынѣшнюю ночь карета служила мнѣ спальнею!—Въ 8 часовъ отправились мы Русскіе въ

«Благодѣтельность вашего сердца не имѣетъ «другаго примѣра —Вашего Высочества покор-«нѣйшій слуга К. Ф. Бадини.»

Послѣ такого письма я хотѣлъ бы лично узнать господина Бадини.

—

Лондонъ, Іюля... 1790.

Я хотѣлъ итти за городъ въ прекрасную деревеньку Гамстетъ; хотѣлъ взойти на холмъ *Примрозъ*, гдѣ благоухаетъ скошенное сѣно; хотѣлъ оттуда посмотрѣть на Лондонъ, возвратиться къ ночи въ городъ и ѣхать въ Воксалъ... но нигдѣ не былъ, и не жалѣю. День не пропалъ: сердце мое было тронуто!

Подлѣ самаго Cavendish Spuare встрѣтился мнѣ старый слѣпой нищій, котораго вела... собачка, привязанная на снуркѣ. Собачка остановилась, начала ко мнѣ ласкаться, лизать ноги мои; нищій сказалъ томнымъ голосомъ: «добрый господинъ! сжалься надъ бѣднымъ и слѣпымъ! my dear sir, I am poor and blind!» Я отдалъ ему шиллингъ. Онъ поклонился, тронулъ снурокъ, и собачка побѣжала. Я пошелъ за ними. Собачка вела его серединою *тротуара*, какъ можно далѣе отъ края и всѣхъ отверстій, чтобы слѣпой старикъ не упалъ; часто останавливалась, ласкала людей (но не всѣхъ, а по выбору: она казалась физіогномистомъ!) и почти всякой давалъ нищему. Мы прошли двѣ улицы. Собачка остановилась подлѣ женщины, не молодой, но миловидной и очень бѣдно одѣтой, которая противъ одного дому сидѣла на стулѣ, играла на лютнѣ, и пѣла жалобнымъ голосомъ. Прекрасный мальчикъ также

я удовольствія въ здѣшней Италіянской *Оперѣ*. Играли Андромаху. Маркези и Мара *пѣли; музыка* прекрасная. Дни два отзывался въ ушахъ моихъ трогательный дуэтъ:

Quando mai, astri tirrani,
Avran fine in nostri affanni?
Quando paghi mai sarete
Della vostra crudelta?

Въ театрѣ я купилъ эту Оперу, поднесенную Принцу Валлисскому при слѣдующемъ Англійскомъ письмѣ, которое перевожу для васъ какъ рѣдкую вещь:

«Странно покажется, что я осмѣливаюсь под-«нести Италіянскую Оперу Вашему Королев-«скому Высочеству. Хотя Юпитеръ принималъ «въ жертву быковъ, но никто не смѣлъ дарить «его мухами. Принцъ столь искусный, какъ «Ваше Высочество, во всѣхъ отвлеченныхъ «наукахъ и самой изящной Литературѣ, не «можетъ дорожить Оперною бездѣлкою. Восхи-«тительныя прелести музыки, разсыпанныя въ «сей Оперѣ, *ослащаютъ* нѣкоторымъ образомъ «сей малый трудъ; но я имѣю нѣчто важнѣй-«шее для моего оправданія. Славный Понти-«фексъ Леонъ X, не презрѣлъ поднесенной ему «книги о *поваренномъ искусствѣ*, и мы читаемъ «въ Вал. Вал. Максимѣ, что Персидской Мо-«нархъ принялъ въ даръ старой кафтанъ съ «такимъ снисхожденіемъ, что наградилъ дателя «Самоскимъ островомъ. Первый былъ самый «остроумнѣйшій изъ владыкъ земныхъ, а вто-«рый сильнѣйшій: два качества, которыя чу-«десно соединяются въ Вашемъ Высочествѣ. «Лучезарное свѣтило не отказываетъ въ улыбкѣ «своей ни червячку, ни былинкѣ; а высокая

актеры *). Зрителей всегда множество: и въ ложахъ и въ партерѣ; народъ бываетъ въ галлереяхъ. Въ первый разъ видѣлъ я Шекспирова Гамлета—и лучше естьли бы не видалъ! Актеры говорятъ, а не играютъ, одѣты дурно, декораціи бѣдныя. Гамлетъ былъ въ черномъ Французскомъ кафтанѣ, съ толстымъ пучкомъ и въ голубой лентѣ; Королева въ роброндѣ, а Король въ Гишпанской епанчѣ. Лакеи въ ливреѣ приносятъ на сцену декорацію, одну ставятъ, другую берутъ на плеча, тащатъ—и это дѣлается во время представленія! Какая разница съ Парижскими театрами! Я сердился на актеровъ не за себя, а за Шекспира, и дивился зрителямъ, которые сидѣли покойно и съ великимъ вниманіемъ слушали: изрѣдка даже хлопали. Угадайте, какая сцена живѣе всѣхъ дѣйствовала на публику? та, гдѣ копаютъ могилу для Офеліи, и гдѣ работники, играя словами, говорятъ, что первый дворянинъ былъ Адамъ the first that ever bore arms и тому подобное. Одна Офелія занимала меня: прекрасная актриса **), прекрасно одѣтая и трогательная въ сценахъ безумія; она напоминала мнѣ Дюгазонъ въ Нинѣ; и поетъ очень пріятно.—Я видѣлъ еще Оперу Инкле и Ярико (которую играли не очень хорошо, но гораздо лучше Гамлета и еще три комедіи или *буфонады*, въ которыхъ зрители очень смѣялись.—Говорятъ, что у Англичанъ есть Мельпомена; госпожа Сиддонсъ, рѣдкая трагическая Актриса; но ее теперь нѣтъ въ Лондонѣ. Гораздо болѣе нашелъ

*) Два главные Лондонскіе театра.

**) Баллингтонъ, естьли не ошибаюсь.

тятъ быть обкрадены, нежели *видѣть вездѣ* караулы, пикеты, и жить въ городѣ какъ въ лагерѣ. За то они берутъ предосторожность, не возятъ и не носятъ съ собою много денегъ, и рѣдко ходятъ по ночамъ, особливо же за городомъ. Мы Русскіе вздумали однажды въ 11 часовъ ночи ѣхать въ Воксалъ. Что же? выѣзжая изъ города, увидѣли, что у насъ за каретою сидятъ человѣкъ пять съ ужасными рожами; мы остановились, согнали ихъ, но слѣдуя совѣту благоразумія, воротились назадъ. Негодяи могли бы въ полѣ догнать насъ и ограбить. Въ другой разъ я и Д* испугали самихъ воровъ. Мы гуляли пѣшкомъ близъ Ричмонда, запоздали, сбились съ дороги, и очутились въ пустынномъ мѣстѣ, на берегу Темзы, въ бурную ночь, часу въ первомъ; идемъ и видимъ подъ деревомъ сидящихъ двухъ человѣкъ. Добрымъ людямъ мудрено было въ такое время сидѣть въ полѣ и на дождѣ. Что же дѣлать? спастись дерзостью, payer d'audace, какъ говорятъ Французы—смѣлымъ Богъ владѣетъ—прямо къ нимъ, скорымъ шагомъ! Они вскочили и дали намъ дорогу.—Въ Англіи никогда не возьмутъ въ тюрьму человѣка по вѣроятности, что онъ воръ; надобно поймать его на дѣлѣ и представить свидѣтелей, иначе вамъ же бѣда, естьли приведете его безъ неоспоримыхъ законныхъ доказательствъ.

Театръ.

Лѣтомъ бываетъ здѣсь только одинъ Гемеркетской Театръ, на которомъ однакожъ играютъ всѣ лучшіе Ковентарденскіе и Друриленскіе

и кричали: *смотрите, какая чучела!* Мы приступили къ нему, чтобы онъ одѣлся по-людски, и наконецъ убѣдили. Господинъ N. N. сдѣлалъ себѣ модный фракъ, купилъ прекрасную шляпу, и далъ намъ слово обновить ихъ въ день выборовъ. Мы зашли къ нему, чтобы итти вмѣстѣ на площадь, и ахнули отъ удивленія: онъ надѣлъ сверхъ кафтана синюю толстую епанчу, а на шляпу какой-то футляръ изъ клеенки, боясь дождя! Мы сорвали съ него то и другое; увѣрили, что небо чисто — и пошли. Нещастный! Солнце долго сіяло, но часу въ пятомъ, когда уже мы возвращались домой, небо затумапилось, ударилъ дождь, и нашъ N. N. бросился подъ зонтикъ пирожной лавки, ругая насъ немилосердно. Мы остановились, и черезъ минуту были окружены множествомъ людей. Вдругъ видимъ, что пріятель нашъ съ кѣмъ-то разговариваетъ очень весело, смѣется, разсказываетъ—и вдругъ, оцѣпенѣвъ, блѣднѣетъ отъ ужаса... Что такое?.. у него украли изъ кармана деньги, которыя онъ безпрестанно держалъ рукою; но заговорившись съ незнакомцемъ, ораторъ нашъ хотѣлъ сдѣлать какой-то выразительный *жестъ*, вынулъ изъ кармана руку, и черезъ двѣ секунды не нашелъ уже въ немъ кошелька. Подивитесь искусству здѣшнихъ воровъ! Мы совѣтовали бѣдному N. N. не брать денегъ: онъ не послушался.

Нигдѣ такъ явно не терпимы воры, какъ въ Лондонѣ; здѣсь имѣютъ они свои Клубы, свои Таверны, и раздѣляются на разные классы: на пѣхоту и конницу (footpad, highwayman), на домовыхъ и карманныхъ (housebreaker, pickpocket). Англичане боятся строгой полиціи, и лучше хо-

землю Гудъ! а черезъ минуту: *здравствуй Гудъ! провались сквозь землю Фоксъ!* Никто не унималъ шалуна, а Кандидаты даже и не взглянули на него.

Наконецъ объявили имена новыхъ Членовъ: Гуда и Фокса. За Горна Тука было только 200 голосовъ; но онъ вмѣстѣ съ избранными говорилъ благодарную рѣчь народу, и сказалъ: «я «никакъ не думалъ, чтобы въ Вестминстерѣ «нашлось 200 патріотовъ; теперь вижу, и ра«дуюсь такому числу».— Тутъ Фокса посадили на кресла, украшенныя лаврами и въ тріумфѣ понесли домой; знамена развивались надъ его головою, музыка гремѣла, и тысячи голосовъ восклицали: Fox for ever! *Вивать! ура!* Фоксъ уже въ пятый разъ избирается отъ Вестминстера: и такъ не модрено, что онъ сидѣлъ на торжественныхъ креслахъ очень покойно и свободно, то улыбался, то хмурилъ густыя черныя брови свои.—И Гуда хотѣли нести; но онъ просилъ увольненія, и одинъ изъ друзей его сказалъ: «Адмиралъ нашъ любитъ тріумфы только на морѣ!»——

Теперь, друзья мои, опишу вамъ другаго роду происшествіе. Сюда недавно пріѣхалъ курьеромъ изъ П* господинъ N. N., человѣкъ не молодой, который, не жалѣя тостаго брюха своего, скачетъ изъ земли въ землю, чтобы остальными отъ прогоновъ червонцами кормить жену и дѣтей своихъ. И такъ вы не осудите его, что онъ скупъ, и пріѣхавъ въ Лондонъ, не хотѣлъ сшить себѣ фрака, а ходилъ по улицамъ въ коротенькомъ синемъ мундирѣ, въ длинномъ красномъ камзолѣ и въ черномъ бархатномъ картузѣ; но здѣшній народъ не вы—мальчики бѣгали за нимъ

ныхъ своихъ выгодахъ, и хотѣлъ быть ужаснымъ единственно для того, чтобы получить доходное мѣсто; получилъ его, обогатился и сошелъ съ шумнаго театра. Онъ сказалъ Горну: «мой другъ! этою дрожащею рукою напишу я «имя твое въ книгѣ, и умру спокойнѣе, естьли «ты будешь Членъ Парламента». Горнъ обнялъ его съ холоднымъ видомъ, и началъ нюхать табакъ.

Горнъ Тукъ былъ, во время Американской войны, проповѣдникомъ въ Брендсфордѣ, писалъ въ газетахъ противъ Двора, сидѣлъ за то въ тюрьмѣ, не унялся, и понынѣ еще ставитъ себя за честь быть врагомъ Министровъ. Онъ говоритъ сильно, пишетъ еще сильнѣе, и многіе считаютъ его Авторомъ славныхъ *Юніевыхъ писемъ*.

Раздался голосъ: дайте мѣсто Кандидатамъ!» Мы увидѣли процессію... Напереди знамена, съ изображеніемъ Гудова и Фоксова имени, и съ надписью: *за отечество, народъ, конституцію*. За ними шли друзья Кандидатовъ съ разноцвѣтными кокардами на шляпахъ; за ними сами Кандидаты: Фоксъ, толстой, маленькій, черноволосый, съ густыми бровями, съ румянымъ лицемъ, человѣкъ лѣтъ въ 45, въ синемъ фракѣ— и Гудъ, высокой, худой, лѣтъ пятидесяти, въ Адмиральскомъ зеленомъ мундирѣ. Они стали на доски, устланныя коврами, и каждый говорилъ народу привѣтствіе. Начался выборъ. Избиратели входили въ галлерею, и записывали голоса свои: что продолжалось нѣсколько часовъ. Между тѣмъ мальчикъ лѣтъ тринадцати взлѣзъ на галлерею, и кричалъ надъ головою Кандидатовъ: *здравствуй Фоксъ! провались сквозь*

ихъ работали, говорили рѣчи, махали *шляпами*, и кричали: Hood for ever! Fox for ever! Тутъ люди въ голубыхъ лентахъ дружески пожимали руку у сапожниковъ.—Вдругъ явился человѣкъ лѣтъ пятидесяти, неопрятно одѣтый, видомъ неважный, снялъ шляпу и показалъ, что хочетъ говорить. Все умолкло. «Сограждане!» сказалъ онъ, понюхавъ нѣсколько разъ табаку, которымъ засыпанъ былъ весь длинный камзолъ его: «сограждане! истинная Англійская «свобода у насъ давно уже не въ модѣ; но я «человѣкъ старинной, и люблю отечество по ста«ринному. Вамъ говорятъ, что нынѣшній день «есть торжество гражданскихъ правъ вашихъ; «но пользуетесь ли вы ими, когда вамъ пред«лагаютъ изъ двухъ Кандидатовъ выбрать «двухъ Членовъ? Они уже выбраны! Министры «съ противниками согласились, и надъ вами «шутятъ».—(Тутъ онъ еще нѣсколько разъ понюхалъ табаку, а народъ говорилъ: «это правда; «надъ нами шутятъ)».—«Сограждане! для под«держанія вашихъ правъ, драгоцѣнныхъ моему «сердцу, я симъ себя предлагаю въ Кандидаты. «Знаю, что меня не выберутъ; но по крайней «мѣрѣ вы будете выбирать. Я Горнъ Тукъ: вы «обо мнѣ слыхали, и знаете, что министерство «меня не жалуетъ».—*Браво!* закричали многіе: *мы подадимъ за тебя голоса!* Въ ту же минуту подошелъ къ нему сѣдой старикъ на клюкахъ, и всѣ вокругъ меня произносили имя его: *Вилькесъ! Вилькесъ!* Вамъ, друзья мои, извѣстна исторія этого человѣка, который нѣсколько лѣтъ игралъ знаменитую ролю въ Англіи, былъ страшнымъ врагомъ Министерства, самаго Парламента, идоломъ народа; думалъ только о лич-

входъ платится копѣекъ сорокъ. — Я на разсвѣтѣ возвратился домой, будучи весьма доволенъ цѣлымъ днемъ.

—

Выборъ въ Парламентъ.

Черезъ каждыя семь лѣтъ Парламентъ возобновляется. Нынѣ, по моему щастію, надлежало быть выборамъ; я видѣлъ ихъ.

Вестминстеръ избираетъ двухъ Членовъ. Министры желали Лорда Гуда, а противники ихъ Фокса; болѣе не было Кандидатовъ. На канунѣ избранія угощались безденежно въ двухъ тавернахъ тѣ Вестминстерскіе жители, которые имѣютъ голосъ: въ одной подчивали Министры, а въ другой пріятели Фоксовы. Я хотѣлъ видѣть этотъ праздникъ: вошелъ въ таверну, и долженъ былъ выпить стаканъ вина за Фоксово здоровье. На сей разъ Англичане довольно шумѣли... Fox for ever! *да здравствуетъ Фоксъ! нашъ добрый, умный Фоксъ, лисица именемъ *), левъ сердцемъ, патріотъ другъ Вестминстерскаго народа!*— Тутъ были всякаго рода люди: и Лорды и ремесленники. Кто имѣетъ свой уголокъ въ Вестминстерѣ, тотъ имѣетъ и голосъ.

На другой день рано по утру отправился я съ земляками своими на Конвенгарденскую площадь, уже наполненную народомъ, такъ что мы съ трудомъ нашли себѣ мѣсто подлѣ галлереи, которая на это время дѣлается изъ досокъ, и въ которой Избиратели записываютъ свои голоса. Самихъ Кандидатовъ еще не было; но друзья

*) Фоксъ значитъ лисица.

Лондонскихъ Театроръ; а слушатели въ знакъ удовольствія, часто бросаютъ имъ деньги.

Вдругъ зазвонили въ колокольчикъ, и всѣ бросились къ одному мѣсту; я побѣжалъ вмѣстѣ съ другими, не зная, куда и за чѣмъ. Вдругъ поднялся занавѣсъ, и мы увидѣли написанное огненными словами: Take care of your pockets! *берегите карманы!* (потому что Лондонскіе воры, которыхъ довольно бываетъ и въ Воксалѣ, пользуются этою минутою). Въ то же время открылась прозрачная картина, представляющая сельскую сцену. «Хорошо! думалъ «я: но не стоитъ того, чтобы бѣжать безъ па«мяти и давить людей».

Лондонской Воксалъ соединяетъ всѣ состоянія: тутъ бываютъ и знатные люди и лакеи, и лучшія дамы и публичныя женщины. Одни кажутся актерами, другіе зрителями.—Я обходилъ всѣ галлереи и осмотрѣлъ всѣ картины, написанныя по большой части изъ Шекспировыхъ Драмъ или изъ новѣйшей Англійской Исторіи. Большая ротонда, гдѣ въ ненастное время бываетъ музыка, убрана сверху до полу зеркалами; куда ни взглянешь, видишь себя въ десяти живыхъ портретахъ.

Часу въ двѣнадцатомъ начались ужины въ павильйонахъ, и въ лосочкѣ заиграли на рогахъ. Я отъ роду не видывалъ такого множества людей, сидящихъ за столами—что имѣетъ видъ какого-то великолѣпнаго праздника. Мы сами выбрали павильйонъ; велѣли подать цыпленка, анчоусовъ, сыру, масла, бутылку Кларету, и заплатили рублей шесть.

Воксалъ въ двухъ миляхъ отъ Лондона, и лѣтомъ бываетъ отворенъ всякой вечеръ; за

годѣтельную мудрость Правленія. Salus publica есть подлинно девизъ его. Англичане должны любить свое отечество.

Гриничъ самъ по себѣ есть красивый городокъ; тамъ родилась Елисавета.—Мы отобѣдали въ кофейномъ домѣ, погуляли въ паркѣ, сѣли въ лодку, поплыли, въ 10 часовъ вечера вышли на берегъ и очутились въ какомъ-то волшебномъ мѣстѣ!..

Вообразите безконечныя алеи, цѣлые лѣса, ярко освѣщенные огнями; галлереи, колоннады, павильйоны, альковы, украшенные живописью и бюстами великихъ людей; среди густой зелени тріумфальныя, пылающія арки, подъ которыми гремитъ оркестръ; вездѣ множество людей; вездѣ столы для пиршества, убранные цвѣтами и зеленью. Ослѣпленные глаза мои ищутъ мрака; вхожу въ узкую крытую алею, и мнѣ говорятъ: *вотъ гульбище Друидовъ *)!* Иду далѣе; вижу при свѣтѣ луны и отдаленныхъ огней, пустыню и разсѣянные холмики, представляющіе Римской станъ; тутъ растутъ кипарисы и кедры. На одномъ пригоркѣ сидитъ Мильтонъ — мраморный — и слушаетъ музыку; далѣе — обелискъ, Китайской садъ; наконецъ нѣтъ уже дороги... Возвращаюсь къ оркестру.

Естьли вы догадливы, то узнали, что я описываю вамъ славный Англійской Воксалъ, которому напрасно хотятъ подражать въ другихъ земляхъ. Вотъ прекрасное, вечернее гульбище, достойное умнаго и богатаго народа!

Оркестръ играетъ по большой части любимыя народныя пѣсни; поютъ актеры и актрисы

---

*) Ими алеи.

женія славнѣйшихъ Астрономовъ, *которые своими* открытіями способствовали успѣхамъ Навигаціи. — Имена патріотовъ, давшихъ деньги Вильгельму III на заведеніе Госпитали, вырѣзаны на стѣнѣ золотыми буквами. Тутъ же представленъ и сей любезный Англичанамъ Король, попирающій ногами самовластіе и тиранство. Между многими другими, по большей части аллегорическими картинами, читаете надписи: Anglorum spes magna — salus publica — securitas publica.

Каждый изъ насъ долженъ былъ заплатить около рубля за свое любопытство; не больно давать деньги въ пользу такого славнаго заведенія. У всякаго матроза, служащаго на Королевскихъ и купеческихъ корабляхъ, вычитаютъ изъ жалованья 6 пенсовъ въ мѣсяцъ на содержаніе Госпитали; за то всякій матрозъ можетъ быть тамъ принятъ, естьли докажетъ, что онъ не въ состояніи продолжать службы, или былъ раненъ въ сраженіи, или способствовалъ отнять у непріятеля корабль. Теперь ихъ 2000 въ Гриничѣ, и каждой получаетъ въ недѣлю 7 бѣлыхъ хлѣбовъ, 3 фунта говядины, 2 фунта баранины, $1^1/_2$ сыру, столько же масла, гороху, и шиллингъ на табакъ.

Я напомню вамъ слово, сказанное въ Лондонѣ Петромъ Великимъ Вильгельму III, и достойное нашего Монарха. Король спросилъ, что Ему болѣе всего полюбилось въ Англіи? Петръ I отвѣчалъ: «то, что Госпиталь заслуженныхъ «матрозовъ похожа здѣсь на дворецъ, а дворецъ «Вашего Величества похожъ на Госпиталь».— Въ Англіи много хорошаго; а всего лучше общественныя заведенія, которыя доказываютъ бла-

ныя картины человѣческаго трудолюбія и Природы. Разговоръ нашъ еще не кончился, а ботикъ у берега.

Первый предметъ, который явился глазамъ нашимъ, былъ самый предметъ нашего путешествія и любопытства: Гриничская Госпиталь, гдѣ признательная Англія осыпаетъ цвѣтами старость своихъ мореходцевъ, орудіе величества и силы ея. Не многіе Цари живутъ такъ великолѣпно, какъ Англійскіе престарѣлые матрозы. Огромное зданіе состоитъ изъ двухъ замковъ, спереди раздѣленныхъ красивою площадью, и назади соединяемыхъ колоннами и Губернаторскимъ домомъ, за которымъ начинается большой паркъ. Сѣдые старцы, опершись на балюстрадъ террассы, видятъ корабли на всѣхъ парусахъ летящіе по Темзѣ: что можетъ быть для нихъ пріятнѣе? сколько воспоминаній для каждаго? Такъ и они въ свое время разсѣкали волны, съ Ансономъ, съ Кукомъ! — Съ другой стороны, плывущіе на корабляхъ матрозы смотрятъ на Гриничь и думаютъ: «тамъ готово при«станище для нашей старости! Отечество бла«годарно; оно призритъ и успокоитъ насъ, когда «мы въ его служеніи истощимъ силы свои».

Всѣ внутреннія украшенія дома имѣютъ отношеніе къ мореплаванію: у дверей глобусы, въ куполѣ залы компасъ; здѣсь Эвръ летитъ съ востока и гонитъ съ неба звѣзду утреннюю; тутъ Австеръ, окруженный тучами и молніями, льетъ воду; Зефиръ бросаетъ цвѣты на землю; Борей, размахивая драконовыми крыльями, сыплетъ снѣгъ и градъ. Тамъ Англійскій корабль, украшенный трофеями, и главнѣйшія рѣки Британіи, отягченныя сокровищами; тамъ изобра-

не помню; но вдругъ вывело меня *изъ задумчивости* привѣтствіе: «добрый *вечеръ*!» *Я взглянулъ* на небо: солнце садилось. Это поразило меня. Такъ бываетъ съ нами и въ жизни! Сперва говорятъ объ человѣкѣ: «какъ онъ молодъ!» и вдругъ скажутъ объ немъ: «какъ онъ старъ!»

Такимъ образомъ мыслилъ я въ Виндзорскомъ паркѣ, разбирая свои чувства и угадывая тѣ, которыя *со временемъ будутъ моими!*

—

Лондонъ, Іюля... 1790.

Трое Русскихъ, М*, Д* и я, въ 11 часовъ утра сошли съ берега Темзы, сѣли на ботикъ и поплыли въ Гриничъ. День прекрасный—мы спокойны и веселы — плывемъ подъ величественными арками мостовъ, мимо безчисленныхъ кораблей, стоящихъ на обѣихъ сторонахъ въ нѣсколько рядовъ: одни съ распущенными флагами проходятъ и втираются въ тѣсную линію; другіе съ поднятыми парусами готовы летѣть на край міра. Мы смотримъ, любуемся, разсуждаемъ— и хвалимъ прекрасную выдумку денегъ, которыя столько чудесъ производятъ на свѣтѣ и столько выгодъ доставляютъ въ жизни. Кусокъ золота— нѣтъ, еще лучше: клочекъ бумажки, присланный изъ Москвы въ Лондонъ, какъ волшебный талисманъ даетъ мнѣ власть надъ людьми и вещами: захочу, имѣю — скажу, сдѣлано. Все, кажется, ожидаетъ моихъ повелѣній. Вздумалъ ѣхать въ Гриничъ—стукнулъ въ рукѣ бѣленькими кружками — и гордые Англичане исполняютъ мою волю, пѣнятъ веслами Темзу, и доставляютъ мнѣ удовольствіе видѣть разнообраз-

и злословія, которыя будутъ шипѣть за вами до гробовой доски, и на самую могилу вашу изліютъ еще ядъ свой.—

Жизнь наша дѣлится на двѣ эпохи: первую проводимъ въ будущемъ, а вторую въ прошедшемъ. До нѣкоторыхъ лѣтъ, въ гордости надеждъ своихъ, человѣкъ смотритъ все впередъ, съ мыслію: «тамъ, тамъ ожидаетъ меня судьба, достойная моего сердца!» Потери мало огорчаютъ его; будущее кажется ему несмѣтною казною, приготовленною для его удовольствій. Но когда горячка юности пройдетъ; когда сто разъ оскорбленное самолюбіе по неволѣ научится смиренію; когда сто разъ обманутые надеждою, наконецъ перестаемъ ей вѣрить: тогда, съ досадою оставляя будущее, обращаемъ глаза на прошедшее, и хотимъ нѣкоторыми пріятными воспоминаніями замѣнить потерянное щастіе лестныхъ ожиданій, говоря себѣ въ утѣшеніе: *и мы, и мы были въ Аркадіи!* Тогда, тогда единственно научаемся дорожить и настоящимъ; тогда же бываемъ до крайности чувствительны и къ самомалѣйшей тратѣ; тогда прекрасный день, веселая прогулка, занимательная книга, искренній дружескій разговоръ, даже ласки вѣрной собачки (которая не оставила насъ вмѣстѣ съ невѣрными любовницами!) извлекаютъ изъ глазъ нашихъ слезы благодарности; но тогда же и смерть любимой птички дѣлаетъ намъ превеликое горе.

Гдѣ сливаются сіи двѣ эпохи? ни глазъ не видитъ, ни сердце не чувствуетъ. Однажды въ Швейцаріи вышелъ я гулять на восходѣ солнца. Люди, которые мнѣ встрѣчались, говорили: «доброе *утро*, господинъ!» Что со мною было далѣе,

Темныя, лестныя, милыя надежды *сердца! исполнитесь ли вы когда нибудь?* Живость ваша есть ли залогъ исполненія? или, со всѣми правами быть щастливымъ, узнаю щастье только воображеніемъ, увижу его только мелькомъ, вдали, подобно блистанію молній, и при концѣ жизни скажу: «я не жилъ!»

Мнѣ грустно; но какъ сладостна эта грусть? Ахъ! молодость есть прелестная эпоха бытія нашего! Сердце, въ полнотѣ жизни, творитъ для себя будущее, какое ему мило; все кажется возможнымъ, все близкимъ. Любовь и Слава, два идола чувствительныхъ душъ, стоятъ за флеромъ передъ нами и подымаютъ руку, чтобы осыпать насъ дарами своими. Сердце бьется въ восхитительномъ ожиданіи, теряется въ желаніяхъ, въ выборѣ счастья, и наслаждается возможнымъ еще болѣе нежели дѣйствительнымъ.

Но цвѣтъ юности на лицѣ увядаетъ; опытность сушитъ сердце, увѣряя его въ трудности щастливыхъ успѣховъ, которые прежде казались ему столь легкими! Мы узнаемъ, что воображеніе украшало всѣ пріятности жизни, сокрывая отъ насъ недостатки ея. Молодость прошла; любовь какъ солнце скатилось съ горизонта — чтожь осталось въ сердцѣ? нѣсколько милыхъ и горестныхъ воспоминаній — нѣжная тоска — чувство, подобное тому, которое имѣемъ по разлукѣ съ безцѣннымъ другомъ, безъ надежды увидѣться съ нимъ въ здѣшнемъ свѣтѣ.— А слава? Говорятъ, что она есть послѣднее утѣшеніе любовію растерзаннаго сердца; но слава, подобно розѣ любви, имѣетъ свое терніе, свои обманы и муки. Многіе ли бывали ею щастливы? Первый звукъ ея возбуждаетъ гидру зависти

Англіи, гдѣ такъ много пріятныхъ женскихъ лицъ... Нѣкоторые плафоны въ комнатахъ очень хороши; также и рѣзная работа. Я долго смотрѣлъ на портретъ нашего Великаго Петра, написанный во время Его пребыванія въ Лондонѣ живописцомъ Неллеромъ. Императоръ былъ тогда еще молодъ: это Марсъ въ Преображенскомъ мундирѣ! — Зала Св. Георгія, или Кавалеровъ Подвязки, стоитъ того, чтобы сказать объ ней нѣсколько словъ; она велика и прекрасна своею архитектурою. Въ большомъ овалѣ, среди плафона, представленъ Карлъ II въ Орденской одеждѣ, а за нимъ, въ видѣ женщинъ, три Соединенныя Королевства. Изобиліе и Религія держатъ надъ нимъ корону. Тутъ же изображено Монархическое Правленіе, которое опирается на Религію и Вѣчность. Правосудіе, Сила, Умѣренность и Благоразуміе гонятъ мятежъ и бунтъ. Подлѣ трона въ осьмиугольникѣ, подъ крестомъ Св. Георгія, окруженнымъ подвязкою и Купидонами, вырѣзана надпись: Honni soit qui mal y pense! Однимъ словомъ, какъ въ Версальскомъ Дворцѣ все дышетъ Лудовикомъ XIV, такъ въ Виндзорскомъ все напоминаетъ Карла II, о которомъ Англійскіе патріоты не любятъ вспоминать.

Виндзорскій паркъ.

Сидя подъ тѣнію дубовъ Виндзорскаго парка, слушая пѣніе лѣсныхъ птичекъ, шумъ Темзы и вѣтвей, провелъ я нѣсколько часовъ въ какомъ-то сладостномъ забвеніи — не спалъ, но видѣлъ сны восхитительные и печальные.

надежду, страхъ, опять надежду, восторгъ *или* отчаяніе; хотите слышать радостные плески въ честь побѣдителя: *браво! вивать! ура!*.. Ошибаетесь, друзья мои! мы опоздали, ничего не видали, посмѣялись надъ собою и пошли осматривать большой Виндзорской дворецъ. Онъ стоитъ на высокомъ мѣстѣ; всходъ нечувствителенъ, а видъ прекрасенъ. На одной сторонѣ равнина, гдѣ извивается величественная Темза, опушенная лѣсочками; а на другой большая гора, покрытая густымъ лѣсомъ. Передъ дворцомъ, на террасѣ, гуляли Принцессы, дочери Королевскія въ простыхъ бѣлыхъ платьяхъ, въ соломенныхъ шляпахъ, съ тросточками, какъ сельскія пастушки. Онѣ рѣзвились, бѣгали и кричали другъ другу: ma soeur, ma soeur! Глаза мои искали Елисаветы: воображеніе мое, по нѣкоторымъ газетнымъ анекдотамъ, издавна любило заниматься ею. Она не красавица; но скромный видъ ея нравится.

Дворецъ построенъ еще Вильгельмомъ Завоевателемъ, распространенъ и украшенъ другими Королями. Онъ славится болѣе своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, нежели наружнымъ и внутреннимъ великолѣпіемъ. Я замѣтилъ нѣсколько хорошихъ картинъ: Микель-Анджеловыхъ, Пуссеневыхъ, Корреджіевыхъ и портретовъ Вандиковыхъ. Изъ спальни входъ въ *залу красоты*, гдѣ стоятъ портреты прелестнѣйшихъ женщинъ во время Карла II. Хотите ли знать имена ихъ? Mistriss Knoff, Lawson, Lady Sunderland, Rochester, Denham, Middleton, Byron, Richmond, Clevelant, Sommerset, Northumberland, Grammont, Ossory. Естьли живописцы не льстили, то онѣ были подлинно красавицы, даже и въ

Хлыу у ногъ своихъ и горы внизъ главой,
Плывущій рядъ деревъ, надъ берегомъ висящихъ,
И воду свѣтлую собою зеленящихъ.
Среди прекрасныхъ мѣстъ излучистымъ путемъ
Лодона тихая едва, едва струится;
Но вдругъ, быстрѣе ставъ въ теченіи своемъ,
Спѣшитъ съ отцомъ ея навѣкъ соединиться *).

Извините, естьли переводъ хуже оригинала. Слушая томное журчаніе Лодоны, я вздумалъ разсказать ея исторію въ Русскихъ стихахъ.

Мнѣ хотѣлось бы многое перевести вамъ изъ Windsor-Forest; напримѣръ, щастіе сельскаго жителя, любителя Наукъ и любимца Музъ: описаніе бога Тамеса, который, поднявъ свою влажную главу, опершись на урну и озираясь вокругъ себя, славословитъ миръ и предсказываетъ величіе Англіи... Но солнце заходитъ, а намъ должно еще видѣть славную скачку. Мы спѣшимъ, спѣшимъ...

Теперь вы, друзья мои, ожидаете отъ меня другой картины; хотите видѣть, какъ 30, 40 человѣкъ, одѣтыхъ Зефирами, садятся на прекрасныхъ, живописныхъ лошадей, приподнимаются на стременахъ, удерживаютъ дыханіе, и съ сильнымъ біеніемъ сердца ждутъ знака, чтобы скакать, летѣть къ цѣли, опередить другихъ, схватить знамя и упасть на землю безъ памяти; хотите летѣть взоромъ за скакунами, изъ которыхъ всякой кажется Пегасомъ; хотите въ то же время угадывать по глазамъ зрителей, кто кому желаетъ побѣды, чья душа за какою лошадью несется; хотите читать въ нихъ

*) Съ Темзою, которая въ Поэзіи называется богомъ Тамесомъ.

И ловля птицъ, звѣрей, утѣхою была.
Одежда легкая на Нимфѣ развѣвалась;
Зефиръ игралъ въ ея струистыхъ волосахъ;
Рѣзной колчанъ звенѣлъ съ стрѣлами на плечахъ.
И мѣткое копье *) за серною свистало.
Однажды Панъ ее увидѣлъ, полюбилъ,
И сердце у него желаньемъ воспылало.
Она бѣжитъ... въ любви предметъ бѣгущій милъ,
И Нимфа робкая стыдливостью своею
Для дерзкаго еще прелестнѣе была.
Какъ горлица летитъ отъ хищнаго орла,
Какъ яростный орелъ стремится въ слѣдъ за нею,
Такъ Нимфа отъ него, такъ онъ за Нимфой въ слѣдъ—
И ближе, ближе къ ней... Она изнемогаетъ;
Слаба, блѣдна... въ глазахъ ея темнѣетъ свѣтъ.
Уже тѣнь Панова Лодону настигаетъ,
И Нимфа слышитъ стукъ ногъ бога за собой;
Дыханіе его какъ вѣтеръ развѣваетъ
Ей волосы... Тогда, оставлена Судьбой,
Въ отчаяньи своемъ нещастная, къ богинѣ
Душею обратясь, такъ мыслила: «спаси,
«О Цинтія! меня; въ дубравы принеси,
«На родину мою! Ахъ! пусть я тамъ отнынѣ
«Стенаю горестно, и слезы лью ручьемъ!»
Исполнилось... и вдругъ, какъ будто бы слезами
Изливъ тоску свою, она течетъ струями,
Стеная жалобно въ журчаніи своемъ.
Потокъ сей и теперь Лодоной называемъ,
Чистъ, хладенъ какъ она; тотъ лѣсъ имъ орошаемъ,
Гдѣ Нимфа нѣкогда гуляла и жила,
Діана моется въ его водѣ кристальной,
И память Нимфина донынѣ ей мила:
Когда вообразитъ ея конецъ печальной,
Струи сливаются съ богининой слезой.
Пастухъ задумавшись журчанью ихъ внимаетъ;
Сидя подъ тѣнію, въ нихъ часто созерцаетъ

*) Легкія копья, съ которыми изображаются Діанины Нимфы, были *бросаемы* въ звѣрей.

ж. обсыпайте насъ пылью; но зачѣмъ смѣяться?— Иные кричали даже: «добрый путь, господа! видно, по обѣщанію!» — Но Русскихъ не такъ легко унизить; мы сами начали смѣяться; скинули съ себя кафтаны, шли бодро и пѣли даже Французскія аріи; отобѣдали въ сельскомъ трактирѣ, и въ 5 часовъ, своротивъ немного съ большой дороги, вступили въ Виндзорской паркъ...

Thy forests, Windsor! and thy green retreats,
At once the Monarch's and the Muse's seats

Pope.

Мы сняли шляпы... вѣря Поэту, что это священный лѣсъ. «Здѣсь (говоритъ онъ) являются «боги во всемъ своемъ великолѣпіи; здѣсь Панъ «окруженъ безчисленными стадами, Помона разсыпаетъ плоды свои, Флора цвѣтитъ луга, и «дары Цереры волнуются какъ необозримое «море»... Описаніе Стихотворца пышно, но справедливо. Мрачные лѣса, прекрасные лѣсочки, поля, луга, безконечныя алеи, зеркальные каналы, рѣки и рѣчки, все есть въ Виндзорскомъ паркѣ!—Какъ мы веселились, отдыхали и снова утомлялись, то сидя подъ густою сѣнію, гдѣ пѣли надъ нами всякаго роду лѣсныя птицы, то бѣгая съ оленями, которыхъ тутъ множество! — Стихотворецъ у меня въ мысляхъ и въ рукахъ. Я ищу береговъ унылой Ледоны, гдѣ, по его словамъ, часто купалась Цинтія—Діана...

Изъ юныхъ Нимфъ ея дочь Тамеса, Лодона,
Была славнѣе всѣхъ; и взоръ Эндиміона
Лишь потому ее съ Діаной различалъ,
Что мѣсяцъ золотой богиню украшалъ.
Но смертныхъ и боговъ плѣняя, не плѣнялась;
Одна свобода ей съ невинностью мила,

очень хороша и величественна.—*Еще замѣтны* домы Бетфордовъ, Честерфильдовъ, Деворшинскаго Герцога Принца Валлисскаго (который даетъ впрочемъ дурную идею о вкусѣ хозяина или Архитектора); другіе всѣ малы и ничтожны.

Описанія свои заключу я примѣчаніемъ на счетъ Англійскаго любопытства. Что ни пойдете вы здѣсь осматривать: церковь ли Св. Павла, Шекспирову ли галлерею, или домъ какой, вездѣ находите множество людей, особливо женщинъ. Не мудрено: въ Лондонѣ обѣдаютъ поздно; и кто не имѣетъ дѣла, тому надобно выдумывать, чѣмъ занять себя до шести часовъ.

—

Виндзоръ.

Земляки мои непремѣнно хотѣли видѣть славную скачку близъ Виндзора, гдѣ рѣзвая лошадь приноситъ хозяину иногда болѣе Ост-Индскаго корабля. Я радъ съ другими всюду ѣхать, и въ 9 часовъ утра поскакали мы четверо въ каретѣ по Виндзорской дорогѣ; безпрестанно кричали нашему кучеру: *скорѣе! скорѣе!* и въ нѣсколько минутъ очутились на первой станціи.—«Лошадей!» — *А гдѣ ихъ взять? всѣ въ разгонѣ.* — «Вздоръ! это развѣ не лошади?» — *Онѣ приготовлены для другихъ; для васъ нѣтъ ни одной.* — Мы шумѣли, но безъ пользы, и наконецъ рѣшились итти пѣшкомъ, не смотря на жаръ и пыль. — Какое превращеніе! какой ударъ для нашей гордости! Тѣ, мимо которыхъ какъ птицы пролетѣли мы на борзыхъ Англійскихъ коняхъ, объѣзжали насъ одинъ за другимъ, смотрѣли съ презрѣніемъ на бѣдныхъ пѣшеходцевъ и смѣялись. Несносные, грубые Британцы! думалъ

правильности и смѣлости. — Я видѣлъ торжественное собраніе во Дворцѣ; однакожь не входилъ въ парадную залу, будучи въ простомъ фракѣ.

Уаитъ-галъ (White-hall) былъ прежде Дворцомъ Англійскихъ Королей — сгорѣлъ, и теперь существуютъ только его остатки, между которыми достойна примѣчанія большая зала, расписанная вверху Рубенсомъ. Въ семъ зданіи показываютъ закладенное окно, изъ котораго нещастный Карлъ сведенъ былъ на эшафотъ. Тамъ, гдѣ онъ лишился жизни, стоитъ мраморное изображеніе Іакова II; поднявъ руку, онъ указываетъ пальцемъ на мѣсто казни отца его *).

Адмиральтейство есть также одно изъ лучшихъ зданій въ Лондонѣ. Тутъ засѣдаютъ пять главныхъ Морскихъ Коммисаровъ; они разсылаютъ приказы къ начальникамъ Портовъ и къ Адмираламъ; всѣ выборы флотскихъ Чиновниковъ отъ нихъ зависятъ.

Палаты Лорда-Мера и Банкъ стоятъ примѣчательнаго взгляда; самый огромный домъ въ Лондонѣ есть такъ называемый *Соммерсетъ-гаусъ* на Темзѣ, который еще не достроенъ, и похожъ на цѣлый городъ. Тутъ соединены всѣ городскіе Приказы, Коммисіи, Бюро; тутъ живутъ Казначеи, Секретари, и проч. Архитектура

*) Я видѣлъ и статую Карла I, любопытную по слѣдующему анекдоту. Послѣ его бѣдственной кончины, она была снята и куплена мѣдникомъ, который продалъ безчисленное множество шандаловъ, увѣряя, что они вылиты изъ металла статуи: но въ самомъ дѣлѣ онъ спряталъ ее, и подарилъ Карлу II, при его восшествіи на престолъ — за что былъ награжденъ весьма щедро.

коронованія — серебряныя купѣли *для царской* фамиліи, и пребогатый *государственный вѣнецъ*, надѣваемый Королемъ для присутствія въ Парламентѣ, и украшенный большимъ изумрудомъ, рубиномъ и жемчугомъ.

Туть же показываютъ и топоръ, которымъ отрубили голову Аннѣ Грей!!

Наконецъ ввели насъ въ монетную, гдѣ дѣлаютъ золотыя и серебряныя деньги; но это Англійская *Тайная*, и вамъ говорятъ: *сюда не ходите, сюда не глядите; туда васъ не пустятъ!*— Мы видѣли кучу гиней; но Г. надзиратель не постыдился взять съ насъ нѣсколько шиллинговъ!

—

Сентъ-Джемской дворецъ есть, можетъ быть, самый бѣднѣйшій въ Европѣ. Смотря на него, пышный человѣкъ не захочетъ быть Англійскимъ Монархомъ. Внутри также ничего нѣтъ царскаго. Тутъ Король обыкновенно показывается чужестраннымъ Министрамъ и публикѣ; а живетъ въ Королевиномъ Дворцѣ, Buckinghamhouse, гдѣ комнаты убраны со вкусомъ, отчасти работою самой Королевы, и гдѣ всего любопытнѣе славные Рафаэлевы картины или рисунки; ихъ всего 12; 7 у Королевы Англійской, два у Короля Французскаго, два у Сардинскаго, а двѣнадцатый у одного Англичанина, который, занявъ для покупки сего драгоцѣннаго рисунка большую сумму денегъ, отдалъ его въ закладъ и получилъ назадъ испорченный. На нихъ изображены разныя чудеса изъ Новаго Завѣта; фигуры всѣ въ человѣческій ростъ. Художники считаютъ ихъ образцомъ

въ видѣ Любви и Красоты, какъ богиня явилась между ими, говоря: *друзья! не оставьте меня и отечество!* и когда всѣ единодушно отвѣчали: *умремъ за тебя и спасемъ отечество!..* Замѣтьте, что не только Гишпанская Армада, но почти всѣ огромныя вооруженія древнихъ и новыхъ временъ оканчивались стыдомъ и ничтожностію. Богъ слабымъ помогаетъ! Тамъ горсть Грековъ торжествуетъ надъ безчисленными Персами; тутъ Голландскіе рыбаки или Швейцарскіе пастухи истребляютъ лучшія арміи; здѣсь Венеція или Прусской Фридрихъ противится всей Европѣ и заключаетъ славный миръ.

Оттуда пошли мы въ большой арсеналъ... прекрасный и грозный видъ! Стѣны, колонны, пилястры, все составлено изъ оружія, которое ослѣпляетъ глаза своимъ блескомъ. Одно слово— и 10,000 человѣкъ будутъ здѣсь вооружены въ нѣсколько минутъ. — Внизу подъ малымъ арсеналомъ, въ длинной галлереѣ, стоитъ *Королевская артиллерія* между столбами, на которыхъ висятъ знамена, въ разныя времена отнятыя Англичанами у непріятелей. Тутъ же видите вы изображеніе знаменитѣйшихъ Англійскихъ Королей и Героевъ: каждой сидитъ на лошади, въ *своихъ* латахъ и съ мечемъ *своимъ*. Я долго смотрѣлъ на храбраго *Чернаго Принца*.

Въ царской кладовой показывали намъ вѣнецъ Эдуарда *Исповѣдника*, осыпанный множествомъ драгоцѣнныхъ камней; золотую державу съ фіолетовымъ аметистомъ, которому цѣны не полагаютъ; скипетръ, такъ называемые *мечи милосердія духовнаго* и *временнаго правосудія*, носимые передъ Англійскими Королями въ обрядѣ

онъ возвышеніемъ своимъ *обязанъ былъ не* великой душѣ, а коварству своему и *фанатизму* тогдашняго времени. Рѣчи, говоренныя имъ въ парламентѣ, наполнены удивительнымъ безуміемъ. Онъ нарочно путается въ словахъ, чтобы не сказать ничего: какая ничтожная хитрость! Великой человѣкъ не прибѣгаетъ къ такимъ малымъ средствамъ; онъ говоритъ дѣло или молчитъ. Сколь безсмысленно все говоренное и писанное Кромвелемъ, столь умны и глубокомысленны сочиненія Секретаря его, Мильтона, который по восшествіи на престолъ Карла II спасся отъ эшафота своею Поэмою, славою и всеобщимъ уваженіемъ.

Дворецъ Вильгельма Завоевателя еще цѣлъ и называется *бѣлою башнею*, white tower: зданіе безобразное и варварское! Другіе короли къ нему пристроивали, окруживъ его стѣнами и рвами.

Прежде всего показали намъ въ крѣпости дикихъ звѣрей (забаву Королей Англійскихъ со времени Генриха I), а потомъ большую залу, гдѣ хранятся трофеи перваго побѣдоноснаго флота Англіи, разбившаго славную Гишпанскую *Армаду*. Я съ великимъ любопытствомъ разсматривалъ флаги и всякаго роду оружіе; думалъ о Филиппѣ, о Елисаветѣ; воображалъ смиренную гордость перваго и скромное величіе послѣдней; — воображалъ ту минуту, когда Герцогъ Сидонія упалъ на колѣни передъ своимъ Монархомъ, говоря: *флотъ твой погибъ!* и когда Филиппъ, съ милостію простирая къ нему руку, отвѣчалъ: *да будетъ воля Божія!* — Я воображалъ всеобщую ревность Лондонскихъ гражданъ и солдатъ Елисаветиныхъ, когда она,

нѣкогда славное капище Діаны; во второмъ вѣкѣ оно превратилось въ Христіанскую церковь, которая черезъ 400 лѣтъ была снова украшена и посвящена Апостолу Павлу; пять разъ горѣла, и не прежде какъ въ 1711 году явилась въ теперешнемъ своемъ видѣ. Она стоила 12 милліоновъ рублей.

Лондонская крѣпость, Tower, построена на Темзѣ въ одиннадцатомъ вѣкѣ Вильгельмомъ Завоевателемъ, была прежде дворцомъ Англійскихъ Королей, ихъ убѣжищемъ въ народныхъ возмущеніяхъ, наконецъ государственною темницею; а теперь въ ней монетной дворъ, арсеналъ, царская кладовая и — звѣри!

Я не давно читалъ Юма, и память моя тотчасъ представила рядъ несчастныхъ Принцовъ, которые въ этой крѣпости были заключены и убиты. Англійская Исторія богата злодѣйствами; можно смѣло сказать, что по числу жителей въ Англіи болѣе нежели во всѣхъ другихъ земляхъ погибло людей отъ внутреннихъ мятежей. Здѣсь Католики умерщвляли Реформаторовъ, Реформаторы Католиковъ, Роялисты Республиканцевъ, Республиканцы Роялистовъ; здѣсь была не одна Французская Революція. Сколько добродѣтельныхъ патріотовъ, Министровъ, любимцевъ Королевскихъ положило свою голову на эшафотѣ! Какое остервенѣніе въ сердцахъ! какое изступленіе умовъ! Книга выпадаетъ изъ рукъ. Кто полюбитъ Англичанъ, читая ихъ Исторію? Какіе Парламенты! Римской Сенатъ во время Калигулы былъ не хуже ихъ. Прочитавъ жизнь Кромвеля, вижу, что

«только падать. Все это несносно: *не правда ли?*» Я боялся противорѣчіемъ еще болѣе взволновать кровь ея, которая и безъ того была въ страшномъ движеніи; подалъ ей руку въ знакъ согласія, и мы пошли внизъ, дружелюбно раздѣляя опасности и говоря безъ умолку.—Craignez de faire un faux pas, madame.—«Ah! les femmes en font si souvent!»—C'est que les châtes des femmes sont quelque fois très aimables. — «Oui, parce que les hommes en profitent». — Elles s'en relèvent avec grace.—«Mais non pas sans en ressentir la douleur le reste de leurs jours».—La douleur d'une belle femme est une grace de plus. — «Et tout cela n'est que pour servir sa majesté, l'homme». — Ce Roi est souvent détrôné, Md. — «Comme notre bon et pauvre Louis XVI: n'est ce pas?»—A peu près, Md.—Между тѣмъ мы сошли въ нижнюю галлерею, гдѣ Маркизъ сообщилъ намъ свои примѣчанія на живопись купола, и гдѣ мы забавлялись странною игрою звуковъ. Станьте въ одномъ мѣстѣ галлереи, и скажите что нибудь очень тихо: стоящіе вдали, напротивъ васъ, слышатъ ясно каждое слово *). Звукъ чуднымъ образомъ умножается въ окружности свода, и скрыпъ двери кажется вамъ сильнымъ ударомъ грома. Откуда прошли мы въ Библіотеку, гдѣ примѣчанія достойна модель храма, которою Архитекторъ Св. Павла, Христоферъ Ренъ (Wren), весьма радовался, но которая для того не была произведена въ дѣйство, что походитъ на языческіе храмы. Художникъ досадовалъ, спорилъ и наконецъ согласился сдѣлать другой планъ. — На мѣстѣ Св. Павла было

*) Это напомнило мнѣ Парижскую Salle du secret.

соловьевъ безъ досады; ему казалось, что нѣжная Филомела, трогая душу, опровергаетъ его систему; а система, какъ извѣстно, всего дороже Философу! Каково же Матеріалисту слушать пѣніе человѣческое? Ему надобно быть глухимъ или чрезмѣрно упрямымъ: — Служеніе кончилось, и вожатой предложилъ мнѣ итти въ верхнія галлереи, вмѣстѣ съ Французскимъ Маркизомъ и женою его. Маркизъ задохнулся и сѣлъ на первой галлереѣ; но Француженка всходила бодро, и хотѣла быть на самомъ верху. Начались трудныя ступени, темные, узкіе переходы. Маркиза не отставала и кричала мнѣ: *далѣе!* Montez toujours! Я былъ на Стразбургской башнѣ, на Альпійскихъ горахъ, но усталъ до смерти, и естьли бы не постыдился женщины, то отказался бы отъ славы быть на высочайшемъ пунктѣ Лондона. Мы взобрались едва не подъ самой крестъ: наконецъ... nec plus ultra! остановились и забыли свою усталость. Прекрасный видъ! весь городъ, всѣ окружности передъ глазами! Лондонъ кажется грудою блестящей черепицы; безчисленныя мачты на Темзѣ частымъ камышемъ на маленькомъ ручейкѣ; рощи и парки густою крапивою. Мы пробыли съ часъ, и Француженка имѣла время показать мнѣ свое остроуміе, философію и наблюдательный духъ. «Въ Англіи, говоритъ она, «надобно только *смотрѣть; слушать* нечего. «Англичане прекрасны видомъ, но скучны до «крайности; женщины здѣсь миловидны, и только: «ихъ дѣло разливать чай и няньчить дѣтей. «Парламентскіе Ораторы кажутся мнѣ индѣйскими пѣтухами, Шекспировы трагедіи игри«щами и похоронами; здѣшніе актеры умѣютъ

ніями, и не имѣетъ большой площади, на которой огромность ея показалась бы несравненно разительнѣе! Жаль также, что Лондонской вѣчной дымъ не пощадилъ великолѣпнаго храма и закоптилъ его снизу до самаго золотаго шара, служащаго ему короною! Вошедши во внутренность, я спѣшилъ, по совѣту моего вожатаго, на середину церкви, и остановясь подъ самымъ куполомъ, долго смотрѣлъ вверхъ и вокругъ себя. Вы думаете, что другъ вашъ, пораженный величествомъ храма, былъ въ восхищеніи! Нѣтъ; мысль, которая вдругъ пришла мнѣ въ голову, все испортила: «что значатъ всѣ «наши своды передъ сводомъ неба? сколько «надобно ума и трудовъ для произведенія столь «неважнаго дѣйствія? но есть ли Искусство «самая безстыдная обезьяна Природы, когда «оно хочетъ спорить съ нею въ величіи!» Между тѣмъ Чичероне мой говорилъ: «смотрите на эту «гордую аркаду, на щиты, на фестоны, на всѣ «украшенія; смотрите на живопись купола, на «славные органы, на колонны галлереи, и со«гласитесь, что вы не видали ничего подобнаго!» — Въ такъ называемомъ *Хорѣ* сдѣланъ тронъ для Лондонскаго Епископа и мѣсто для Лондонскаго Лорда-Мера... Вдругъ началось въ церкви пѣніе столь пріятное, что я забылъ смотрѣть, слушалъ и плѣнялся во глубинѣ души моей. Прекрасные мальчики, въ бѣломъ платьѣ, пѣли хоромъ: они казались мнѣ Ангелами! Что можетъ быть прелестнѣе гармоніи человѣческихъ голосовъ? Это непосредственный органъ божественной души! Декартъ, который всѣхъ животныхъ, кромѣ человѣка, хотѣлъ признавать машинами, не могъ слушать

выбираетъ изъ Шекспира самое фантастическое или *мечтательное*, и съ удивительною силою, съ удивительнымъ богатствомъ воображенія даетъ *вещественность воздушнымъ его твореніямъ, даетъ имъ имя и мѣсто*, a local habitation and a name, какъ сказалъ одинъ Англичанинъ. Естьли бы воскресъ мечтатель-Поэтъ, какъ бы обнялъ онъ мечтателя-живописца! Картины Гамильтоновы, Ангелики Кауфманъ, Вестовы, также очень хороши и выразительны.— Тутъ же видѣлъ я рисунки всѣхъ картинъ Офордова собранія, купленнаго нашею Императрицею.

—

Здѣшняя церковь Св. Павла почти столько же славна, какъ Римская Св. Петра, и есть конечно вторая въ свѣтѣ по наружному своему великолѣпію; вы видали рисунки той и другой: есть сходство, но много и различія. Избавлю себя и васъ отъ подробностей; не хочу говорить о *стилѣ*, о безчисленныхъ колоннахъ, фронтонахъ, статуяхъ Апостоловъ, Королевы Анны, Великобританіи съ копьемъ, Франціи съ короною, Ирландіи съ арфою, Америки съ лукомъ; и даже не скажу ни слова о величественномъ куполѣ. Все это превозносится и знатоками и невѣждами. Я замѣтилъ для себя одну прекрасную аллегорію; на фронтонѣ портика изображенъ фениксъ, вылетающій изъ пламени, съ Латинскою надписью: *воскресаю!* что имѣетъ отношеніе къ возобновленію этой церкви, разрушенной пожаромъ. Окружающій ее балюстрадъ считается первымъ въ свѣтѣ. Жаль, что она сжата со всѣхъ сторонъ зда-

Лондонъ, Іюля... 1790.

Хотя Лондонъ не имѣетъ столько примѣчанія достойныхъ вещей, какъ Парижъ, однакожь есть что видѣть, и всякой день употребляю нѣсколько часовъ на осматриваніе зданій, общественныхъ заведеній, Кабинетовъ; на примѣръ, нынѣшній день видалъ у Г. Толе (Towley) рѣдкое собраніе антиковъ, Египетскія статуи, древніе барельефы, между которыми живетъ хозяинъ, какъ скупецъ между сундуками.

Англія, богатая Философами и всякаго роду Авторами, но бѣдная художниками, произвела наконецъ нѣсколько хорошихъ живописцевъ, которыхъ лучшія историческія картины собраны въ такъ называемой *Шекспировой галлереѣ*. Г. Бойдель вздумалъ, а художники и Публика оказали всю возможную патріотическую ревность для произведенія въ дѣйство щастливой идеи, изобразить лучшія сцены изъ Драмъ безсмертнаго Поэта, какъ для славы его, такъ и для славы Англійскаго Искусства. Охотники сыпали деньгами для ободренія талантовъ, и болѣе двадцати живописцевъ неутомимо трудятся надъ обогащеніемъ галлереи, въ которой былъ я нѣсколько разъ съ великимъ удовольствіемъ. Зная твердо Шекспира, почти не имѣя нужды справляться съ описаніемъ, и смотря на картины, угадываю содержаніе. Всего болѣе нравится мнѣ работа Фисли, стариннаго Лафатерова друга *); онъ

*) Въ молодости своей оба они влюбились въ одну дѣвицу: Лафатеръ пожертвовалъ ему своею любовью. Фисли, уѣхавъ въ Италію и посвятивъ себя Искусству, переставъ отвѣчать на письма своего друга; но Лафатеръ всегда говорилъ объ немъ съ чувствомъ и съ жаромъ.

еще молодой Шведской Баронъ Сил*, человѣкъ умный и пріятный. Входя въ залу собранія, онъ взялъ меня за руку и сказалъ съ улыбкою: «здѣсь мы друзья, государь мой *); храмъ Наукъ «есть храмъ мира». Я засмѣялся и мы обнялись по-братски; а Г. Пар* закричалъ: «браво! браво!» Между тѣмъ Англичане, которые никогда не обнимаются, смотрѣли на насъ съ удивленіемъ: имъ странно казалось, что два человѣка пришли въ ученое собраніе цѣловаться!.. Профаны! вы не разумѣли нашей Мистики; вы не знали, что мы подали хорошій примѣръ воюющимъ державамъ, и что по тайной симпатіи дѣйствій онѣ скоро ему послѣдуютъ!

Въ большой залѣ увидѣли мы большой столъ, покрытый книгами и бумагами; за столомъ, на бархатныхъ креслахъ, сидѣлъ Президентъ Г. Банксъ, въ шляпѣ; передъ нимъ лежалъ золотой скипетръ, въ знакъ того, что просвѣщенный умъ есть царь земли. Секретари читали переписку, по большей части съ Французскими Учеными. Г. Банксъ всякой разъ снималъ шляпу и говорилъ: «изъявимъ такому-то господину благодарность нашу за его подарокъ!» — Онъ сказывалъ свое мнѣніе о книгахъ, но съ великою скромностію. — Читали еще другія бумаги, изъ которыхъ я не разумѣлъ половины. Черезъ два часа собраніе кончилось, и Г. Пар* подвелъ меня къ Президенту, который дурно произноситъ, но хорошо говоритъ по-Французски. Онъ человѣкъ тихой, и для Англичанина довольно привѣтливой.

—

*) Тогда была у насъ война со Швеціею.

взгляните, видите галлерею, гдѣ, *подъ аркадами*, собираются купцы, всякой день въ 11 часовъ, и ходя взадъ и впередъ, дѣлаютъ свои дѣла до трехъ. Тутъ человѣкъ человѣку даромъ не скажетъ слова, даромъ не пожметъ руки. Когда говорятъ, то идетъ торгъ; когда схватятся руками, то дѣло рѣшено, и кораблю плыть въ Новый Йоркъ или за Мысъ Доброй Надежды. Людей множество, но тихо; кругомъ жужжатъ, а не слышно громкаго слова. На стѣнахъ прибиты извѣстія о корабляхъ, пришедшихъ или отходящихъ; можете плыть, куда только вздумаете: въ Малабаръ, въ Китай, въ Нутка-Соундъ, въ Архангельскъ. Капитанъ всегда на биржѣ; уговоритесь — и Богъ съ вами! Тутъ славный Лойдовъ кофейный домъ, гдѣ собираются Лондонскіе страховщики, и куда стекаются новости изъ всѣхъ земель и частей свѣта; тутъ лежитъ большая книга, въ которую онѣ вписываются для любопытныхъ, и которая служитъ магазиномъ для здѣшнихъ журналистовъ. — Подлѣ Биржи множество кофейныхъ домовъ, гдѣ купцы завтракаютъ и пишутъ. Господинъ С* ввелъ меня въ одинъ изъ нихъ — представьте же себѣ мое удивленіе: всѣ люди заговорили со мною по-Русски! Мнѣ казалось, что я движеніемъ какого нибудь волшебнаго прутика перенесенъ въ мое отечество. Открылось, что въ этомъ домѣ собираются купцы, торгующіе съ Россіею; всѣ они живали въ Петербургѣ, знаютъ языкъ нашъ, и по своему приласкали меня.

Нынѣшній же день былъ я въ Королевскомъ Обществѣ. Г. Пар*, Членъ его, ввелъ меня въ это славное ученое общество. Съ нами пришелъ

воритъ отъ полноты сердца, а другіе слушаютъ съ благоговѣніемъ. Я крайне любопытствовалъ видѣть такое явленіе, и смотрѣлъ на всѣ лица, чтобы схватить, такъ сказать, первыя черты вдохновенія. Проходитъ часъ, другой: царствуетъ глубокое молчаніе, которое изрѣдка перерывается... кашлемъ. Всѣ физіогноміи покойны; никто не кривляется; многіе засыпаютъ— и другъ вашъ съ ними. Просыпаюсь — смотрю на часы: три — а все еще никто не говоритъ. Дожидаюсь, снова зѣваю, снова засыпаю — наконецъ вижу пять часовъ, лишаюсь терпѣнія, и ухожу ни съ чѣмъ! — Господа Квакеры! впередъ вы меня не заманите!

—

Биржа и Королевское Общество.

Англичанинъ царствуетъ въ Парламентѣ и на Биржѣ; въ первомъ даетъ онъ законы самому себѣ, а на второй цѣлому торговому міру.

Лондонская Биржа есть огромное, четвероугольное зданіе, съ высокою башнею (на которой, вмѣсто флюгера, видите изображеніе сверчка *) съ колоннадами, портиками и съ величественными аркадами надъ входомъ. Вошедши во внутренность, прежде всего встрѣчаете глазами статую Карла II, на высокомъ мраморномъ подножіи, и читаете въ надписи самую грубую лесть и ложь: *отцу отечества, лучшему изъ Королей, утѣхѣ рода человѣческаго*, и проч. Кругомъ вездѣ Амуры, не безъ смысла тутъ поставленные: извѣстно, что Карлъ II *любилъ любить*. Стоя на этомъ мѣстѣ куда ни

*) Сверчокъ былъ гербомъ Архитектора Биржи.

ской арміи единственно *изъ чести; дерется* храбро и умираетъ: вотъ славолюбіе.

Душа, слишкомъ чувствительная къ удовольствіямъ страстей, чувствуетъ сильно и непріятности ихъ: рай и адъ для нее въ сосѣдствѣ; за восторгомъ слѣдуетъ или отчаяніе или меланхолія, которая столь часто отворяетъ дверь... въ домъ сумасшедшихъ.

—

Лондонъ, Іюля... 1790.

Здѣсь терпимъ всякой образъ Вѣры; и естьли въ Европѣ хотя одна Христіянская Секта, которой бы въ Англіи не было? Пуритане или Кальвинисты, Методисты или Набожные, Пресвитеріане, Соціане, Унитане, Квакеры, Геррнгуторы; однимъ словомъ, чего хочешь, того просишь. Всѣ же тѣ, которые не принадлежатъ къ главной или Епископской церкви, называются Диссентерами. Мнѣ хочется видѣть служеніе каждой Секты — и нынѣшній день началось мое пилигримство съ Квакеровъ. Въ 12 часовъ я пришелъ къ нимъ въ церковь: голыя стѣны, лавки и каѳедра. Всѣ одѣты просто; женщины не только безъ румянъ и пудры, но даже и ленточки ни на одной не увидите; мущины въ темныхъ кафганахъ безъ пуговицъ и складокъ. Всякой войдетъ съ постнымъ лицомъ, ни на кого не взглянетъ, никому не поклонится, сядетъ на мѣсто и углубится въ размышленіе. Вы знаете, что у нихъ нѣтъ ни священниковъ, ни учителей, и въ церкви проповѣдуютъ единственно тѣ, которые вдругъ почувствуютъ въ себѣ дѣйствіе Св. Духа. Тогда вдохновенный стремится на каѳедру, го-

новъ, рыцари среднихъ вѣковъ были честны въ любви, но шумная и воинственная жизнь ихъ не давала ей чрезмѣрно усилиться въ сердцѣ. Напротивъ того въ нашемъ образѣ жизни, покойной, роскошной, утонченной — въ свѣтѣ, гдѣ желаніе нравиться есть первое и послѣднее чувство молодыхъ и старыхъ; на театрѣ, который можно назвать *театромъ любви;* въ книгахъ, усѣянныхъ, такъ сказать, ея цвѣтами — все, все наполняетъ душу горючимъ веществомъ для огня любовнаго. Дѣвушка двѣнадцати лѣтъ, побывавъ нѣсколько разъ въ спектаклѣ, начинаетъ уже задумываться; женщина въ 45 лѣтъ все еще томится нѣжностію: та и другая любитъ *воображеніемъ;* одна угадываетъ, другая воспоминаетъ — но я право не удивлюсь теперь, естьли покажутъ мнѣ десяти или шестидесятилѣтнюю Сафу! Мущины тоже; и пусть скажутъ намъ, въ какое другое время бывало столько молодыхъ и старыхъ Селадоновъ и Альцибіадовъ, сколько ихъ видимъ нынѣ? — Возьмемъ въ примѣръ и славолюбіе: утверждаю, что оно въ нынѣшній вѣкъ еще сильнѣе дѣйствуетъ, нежели прежде. Я люблю вѣрить всѣмъ великимъ дѣламъ древнихъ Героевъ; положимъ, что Кодры и Деціи давали убивать себя, и что Курціи бросались въ пропасть: но фанатизмъ Религіи конечно болѣе славолюбія участвовалъ въ ихъ героизмѣ *). Тогда же войны были *народныя;* всякой дрался за *свои* Аѳины, за *свой* Римъ. Нынѣ совсѣмъ другое; нынѣ Французъ или Гишпанецъ служитъ волонтеромъ въ Рус-

*) О рыцарствѣ среднихъ вѣковъ можно сказать тоже.

тѣла.—Надзиратель провелъ насъ *въ садъ, гдѣ* гуляли самые смирные изъ безумныхъ. Одинъ читалъ газеты: я заглянулъ въ нихъ и сказалъ: «это старыя». Безумный улыбнулся очень умно, приподнялъ свою шляпу и вѣжливымъ тономъ отвѣчалъ мнѣ: «государь мой! мы живемъ въ другомъ свѣтѣ; что у васъ старо, то у насъ еще «ново!»

Въ Бедламѣ кончилъ жизнь свою Англійскій Трагикъ Ли. Можетъ быть вы не знаете объ немъ слѣдующаго забавнаго анекдота. Одинъ пріятель посѣтилъ его въ домѣ сумасшедшихъ. Ли чрезвычайно ему обрадовался, говорилъ очень умно и привелъ его на высокую террасу; задумался и сказалъ: «Мой другъ! хочешь ли «быть вмѣстѣ со мною безсмертнымъ? Бросимся «съ этой террасы: тамъ внизу, на острыхъ кам«няхъ, ожидаетъ насъ слав[illegible]ная смерть!»—Пріятель увидѣлъ опасность, но отвѣчалъ ему равнодушно: «ничего немудрено броситься сверху; «гораздо славнѣе сойти внизъ, и оттуда вспры«гнуть на террасу».—Правда, правда! закричалъ стихотворецъ и побѣжалъ съ лѣстницы; а пріятель между тѣмъ убрался домой.—

Бедламу обязанъ я нѣкоторыми мыслями, и предлагаю ихъ на ваше разсмотрѣніе. Не правда ли, друзья мои, что въ наше время гораздо болѣе сумасшедшихъ, нежели когда нибудь? отъ чего же? отъ сильнѣйшаго дѣйствія страстей, какъ мнѣ кажется. Не говорю о физическихъ причинахъ безумія, дѣйствующихъ гораздо рѣже нравственныхъ. На примѣръ: когда бывало столько самоубійствъ отъ любви, какъ нынѣ? Мущина стрѣляется, а нѣжная, кроткая женщина сходитъ съ ума. Древніе не знали рома-

сидѣли въ глубокой задумчивости. «Это сумасшедшія отъ любви,—сказалъ надзиратель: онѣ всегда смирны и молчаливы». И такъ нѣжнѣйшая страсть человѣческаго сердца и въ самомъ безуміи занимаетъ еще *всю душу! сонъ для внѣшнихъ предметовъ* все еще продолжается!.. Я подошелъ къ одной молодой, блѣдной женщинѣ, и смотрѣлъ на нее. Намъ разсказали ея исторію. Она Француженка, ушла отъ своихъ родителей съ любовникомъ, молодымъ Англичаниномъ, пріѣхала въ Лондонъ, и скоро лишилась своего друга: онъ умеръ горячкою. Разумъ ея, послѣ жестокой болѣзни, повредился. Я началъ говорить съ нею: она кланялась и не отвѣчала ни слова. Другая женщина, лѣтъ въ 40, сидѣла на полу и смотрѣла въ землю: нещастная думаетъ, что она приговорена къ смерти и будетъ сожжена на кострѣ; ничто не можетъ ее разувѣрить—и когда день пройдетъ, она говоритъ: «завтра, завтра сожгутъ меня!» Какое ужасное состояніе!—Многіе изъ мущинъ заставили насъ смѣяться. Иной воображаетъ себя пушкою, и безпрестанно палитъ ртомъ своимъ; другой реветъ медвѣдемъ и ходитъ на четверенькахъ. Бѣшеные сидятъ особливо, иные прикованы къ стѣнѣ. Одинъ изъ нихъ безпрестанно смѣется, и зоветъ къ себѣ людей, говоря: «я щастливъ! подите ко мнѣ; я вдохну въ васъ блаженство!» Но кто подойдетъ того укуситъ.—Порядокъ въ домѣ, чистота, услуга и присмотръ за нещастными достойны удивленія. Между комнатами сдѣланы бани, теплыя и холодныя, которыми Медики лечатъ ихъ. Многіе выздоравливаютъ; и при выпускѣ каждый получаетъ безденежно нужныя лекарства для укрѣпленія души и

по маленькой площади, другіе *играютъ въ карты* или, читая газеты, зѣваютъ: вотъ *Кингс-Бенчъ!* Я не видалъ ничего похожаго на садъ; но то правда, что есть лавки, въ которыхъ покупаютъ и продаютъ заключенные; есть и кофейные домы, которыхъ содержатели сами за долги содержатся въ Кингс-Бенчѣ — это довольно странно! Портные, сапожники, и самыя Нимфы Венерины, тамъ сидящія, отправляютъ свое ремесло. Но между ими нѣтъ ни одной замужней женщины. По Англійскимъ законамъ въ разсужденіи долговъ всегда мужъ за жену отвѣчаетъ; она даетъ на себя обязательства, а онъ бѣднякъ или платитъ, или идетъ въ тюрьму. Послѣднее спасеніе для дѣвицы или вдовы, которая не можетъ удовольствовать своихъ заимодавцевъ, есть въ Англіи замужество.

Послѣ Кингс-Бенча хотѣлъ я видѣть заключенныхъ другаго роду — пришелъ къ огромному замку, къ большимъ воротамъ — и глаза мои, при входѣ, остановились на двухъ статуяхъ, которыя весьма живо представляютъ *безуміе печальное* и *свирѣпое*... «Это Бедламъ!» скажете вы, и не ошибетесь. Надлежало сыскать надзирателя, который изъ учтивости самъ пошелъ съ нами. Предлинныя галлереи раздѣлены желѣзною рѣшеткою: на одной стороны женщины, на другой мущины. Въ коридорѣ окружили насъ первыя, разсматривали съ великимъ вниманіемъ, начинали говорить между собою сперва тихо, потомъ громче и громче, и наконецъ такъ закричали, что надобно было зажать уши. Одна брала меня за руку, другая за пучокъ, третья хотѣла сдуть пудру съ головы моей—и не было конца ихъ ласкамъ. Между тѣмъ нѣкоторыя

ники, но и бѣдные должники; они раздѣлены съ первыми одною стѣною. Такое сосѣдство ужасно! И добрый человѣкъ можетъ разориться: каково же дышать однимъ воздухомъ съ злодѣями и видѣть передъ своими окнами казнь ихъ *)? Съ котораго времени Правительство посылаетъ осужденныхъ въ Ботани-Бейскую колонію: отъ чего Невгатъ называютъ ея преддверіемъ; но не чудно ли вамъ кажется, что нѣкоторые лучше хотятъ быть съ *честью повѣшены* въ Англіи, нежели плыть такъ далеко? «Мы любимъ свое отечество (говорятъ они) и не терпимъ дурнаго общества».

Я читалъ въ Архенгольцѣ описаніе Кингс-Бенча **), или темницы для неплатящихъ должниковъ,—описаніе, которое можетъ прельстить воображеніе читателей. Онъ говоритъ о пріятномъ мѣстоположеніи, о садахъ, о залахъ великолѣпно украшенныхъ, о балахъ, концертахъ и весельяхъ всякаго роду. Однимъ словомъ, сей извѣстный Англоманъ описываетъ тюрьму едва ли не такими живыми красками, какими Тассъ изобразилъ волшебное жилище Армиды. Сказать вамъ правду, я не нашелъ сходства въ оригиналѣ Кингс-Бенча съ портретомъ живописца Архенгольца. Вообразите большое мѣсто, обнесенное высокою стѣною; нѣсколько маленькихъ домиковъ, бѣдно прибранныхъ; множество людей неопрятно одѣтыхъ, изъ которыхъ одни ходятъ въ задумчивости

*) Злодѣевъ казнятъ передъ самымъ Невгатомъ.

**) Выгода сидѣть въ Кингс-Бенчѣ, а не въ другой тюрьмѣ покупается деньгами; кто не можетъ ничего дать, того отправляютъ въ Невгатъ.

разбойниковъ; но тюремщикъ, *понявъ мое движеніе*, сказалъ съ видомъ негодованія: «*государь* мой! разсыпьте вокругъ себя гинеи; ихъ здѣсь не тронутъ: таковъ заведенный мною порядокъ».—Для чего же не сдѣлаютъ васъ Лондонскимъ Полицеймейстеромъ? спросилъ я; и въ доказательство, что вѣрю ему, спряталъ обѣ руки въ жилетъ, бросивъ колодникамъ нѣсколько шиллинговъ.—Мы переходили изъ коридора въ коридоръ: вездѣ чистота, вездѣ свѣжій воздухъ, заражаемый только ядовитымъ дыханіемъ преступниковъ. Тюремщикъ, вводя насъ въ разныя комнаты, говорилъ: «здѣсь сидитъ *господинъ* убійца, «здѣсь *господинъ* воръ, здѣсь *госпожа* фальшивая «монетчица!» Не можете вообразить, какія гнусныя лица представлялись глазамъ моимъ! Порокъ и злодѣйство страшно безобразятъ людей! Признаюсь, что я сжавъ сердце ходилъ за надзирателемъ, и нѣсколько разъ спрашивалъ: *все ли?* Но онъ хвастался передъ нами обширностью своего владѣнія и множествомъ ему подвластныхъ. Въ одной комнатѣ заключенъ молодой человѣкъ. Дверь отворилась: онъ сидѣлъ на стулѣ и писалъ; приподнялъ голову, и съ ласковымъ видомъ намъ поклонился. Пріятное и томное лицо его казалось чуждымъ злодѣянію. Тѣмъ болѣе я содрогнулся, когда тюремщикъ сказалъ намъ, что онъ хотѣлъ умертвить госпожу свою и—любовницу. Она не считала за преступленіе измѣнить молодому камердинеру своему; а камердинеръ, въ минуту изступленія, выхватилъ кинжалъ, и ранилъ ее въ руку. Желаю знать рѣшеніе присяжныхъ.

Въ Невгатѣ заключаются не только преступ-

сказано и самое важное преступленіе, естьли законъ именно не опредѣляетъ его. Слѣдственно здѣсь нѣтъ человѣка, отъ котораго зависѣла бы жизнь другова! Не только осудить, но даже и судить нельзя никого безъ согласія 12 знаменитыхъ гражданъ. За то Англичане и хвалятся своими уголовными законами болѣе нежели чѣмъ нибудь, называя установленіе присяжныхъ священнымъ и божественнымъ. Разсказываютъ много удивительныхъ случаевъ, въ которыхъ темное чувство истины спасло невинныхъ вопреки всѣмъ вѣроятностямъ. На примѣръ: недавно одинъ ремесленникъ былъ судимъ въ убійствѣ; разныя улики обвиняли его; 11 присяжныхъ согласились произнести рѣшительное слово: *виноватъ!* двѣнадцатой не хотѣлъ. Товарищи требовали отъ него причинъ. «Не знаю, отвѣтилъ онъ: но видъ этаго человѣка говоритъ моему сердцу въ его пользу; и я скорѣе умру съ голода, нежели обвиню». Прошелъ цѣлый день въ спорѣ; и наконецъ присяжные, изнуренные усталостію, рѣшили оправдать судимаго. Черезъ нѣсколько дней нашелся другой убійца: ремесленникъ былъ невиненъ.

Изъ городскаго судилища сдѣланъ подземельный ходъ въ Невгатъ, ту славную темницу, которой имя прежде всего узналъ я изъ Англійскихъ романовъ. Зданіе большое и красивое снаружи. На дворѣ со всѣхъ сторонъ окружили насъ заключенные по большей части важные преступники, и требовали подаянія. Зная опытомъ, что и на Лондонскихъ улицахъ безпрестанно должно смотрѣть на часы и держать въ рукѣ кошелекъ, я тотчасъ схватился за свои карманы среди изобличенныхъ воровъ и

ему доброму поведенію), которые *снова должны* разсмотрѣть обстоятельства доноса; *и естьли* 12 изъ нихъ не признаютъ доказательствъ вѣроятными, то обвиняемый выпускается; а естьли признаютъ, то начинается формальное дѣло—такимъ образомъ:

Въ день рѣшительнаго засѣданія преступникъ является въ судѣ, выслушиваетъ на себя доносъ, и на вопросъ: «какъ хочешь быть судимъ?» отвѣчаетъ: «по совѣсти и закону моего отечества». Шефиръ избираетъ тогда другихъ присяжныхъ ровно 12 и судимый имѣетъ право уничтожить ихъ выборъ, доказывая, что они по чему нибудь могутъ быть пристрастны; и даже безъ всякихъ причинъ можетъ отвергнуть по закону 20 человѣкъ. Когда же присяжные выбраны, тогда, давъ клятву быть вѣрными совѣсти, садятся на свои кресла, и вмѣстѣ съ судьями выслушиваютъ дѣло, въ присутствіи многочисленныхъ зрителей. Доносчикъ обвиняетъ, судимый оправдывается, самъ или черезъ своего адвоката; представляютъ свидѣтелей—и наконецъ, по разобраніи всѣхъ обстоятельствъ, одинъ изъ судей снова предлагаетъ ихъ въ ясномъ сокращеніи. Присяжные идутъ въ другую комнату, запираются и судятъ единственно по гласу совѣсти; законъ не велитъ имъ ни пить, ни ѣсть, пока они на что нибудь единодушно не согласятся. Вышедши оттуда, говорятъ только одно слово: *виноватъ* или *не виноватъ*, и дѣло рѣшено безъ всякой апелляціи. Естьли скажутъ: *виноватъ*, то судьи прибираютъ только законъ на вину, держась его точнаго смысла, и не входя ни въ какія произвольныя изъясненія, такъ что въ Англіи не будетъ на-

Лондонъ, Іюля... 1790.

Нынѣшній день провелъ я какъ Говардъ — осматривалъ темницы — хвалилъ попечительность Англійскаго Правленія, сожалѣлъ о людяхъ и гнушался людьми.

Лучше, естьли бы совсѣмъ не было нужды въ тюрьмахъ, но когда бѣдный человѣкъ все еще проказитъ и безумствуетъ, то Англійскія должно назвать благодѣяніемъ человѣчества, и Французская пословица: il n'y a point de belles prisons *) здѣсь отчасти несправедлива.

Я хотѣлъ видѣть прежде Лондонское судилище, Justice-Hall, гдѣ каждыя 6 недѣль сбираются такъ называемые *присяжные*, Jury, и судьи для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Здѣсь, друзья мои, отдайте пальму Англійскимъ законодателямъ, которые умѣли жестокое правосудіе смягчить человѣколюбіемъ, не забыли ничего для спасенія невинности и не боялись излишнихъ предосторожностей. Разскажу вамъ порядокъ слѣдствій.

Такъ называемый *мирный судья* есть въ Англіи первый разбиратель всѣхъ доносовъ; онъ призываетъ къ себѣ обвиняемаго, даетъ очную ставку, и возглашаетъ ему свободу, если доносъ оказывается неосновательнымъ; въ противномъ же случаѣ обязываетъ его явиться въ судъ, или, когда преступленіе важно, отсылаетъ въ темницу. Потомъ другой судья, именуемый Шерифомъ, избираетъ отъ 12 до 24 присяжныхъ (всякаго состоянія людей, извѣстныхъ по сво-

*) То есть: «нѣтъ въ свѣтѣ хорошихъ темницъ».

ворить по-Русски; а въ нашемъ такъ *называемомъ хорошемъ обществѣ* безъ *французскаго* языка будешь глухъ и нѣмъ. Не стыдно ли? Какъ не имѣть народнаго самолюбія? За чѣмъ быть попугаями и обезьянами вмѣстѣ? Нашъ языкъ и для разговоровъ право не хуже другихъ; надобно только, чтобы наши умные свѣтскіе люди, особливо же красавицы, поискали въ немъ выраженій для своихъ мыслей. Всего же смѣшнѣе для меня наши *остроумцы*, которые хотятъ быть Французскими Авторами. Бѣдные! они щастливы тѣмъ, что Французъ скажетъ объ нихъ: pour un étranger, Monsieur n'écrit pas mal!

Извините, друзья мои, что я такъ разгорячился, и забылъ, что меня Бакстеръ ждетъ къ обѣду—совершенно Англійскому, кромѣ Французскаго супа. Ростбивъ, *потаты* *), пудинги и рюмка за рюмкой Кларету, Мадеры! Мущины пьютъ, женщины говорятъ между собою потихоньку, и скоро оставляютъ насъ однихъ; снимаютъ скатерть, кладутъ на столъ какія-то пестрыя салфетки, и ставятъ множество бутылокъ; снова пить — *тосты*, здоровья! Всякой предлагаетъ свое; я сказалъ: *вѣчный миръ и цвѣтущая торговля*! Англичане мои сильно хлопнули рукою по стулу, и выпили до дна. Въ 9 часовъ мы встали, всѣ розовые; пошли къ Дамамъ пить чай, и наконецъ всякой отправился домой. Это, говорятъ, весело! По крайней мѣрѣ не мнѣ. Не для того ли пьютъ Англичане, что у нихъ вино дорого? они любятъ хвастаться своимъ богатствомъ. Или холодная кровь ихъ имѣетъ нужду въ разгоряченіи?

*) Земляныя яблоки.

уважаютъ его. Я замѣтилъ, что здѣшнія Министерскія конференціи бываютъ безъ всякихъ чиновъ. Въ назначенный часъ Министръ къ Министру идетъ пѣшкомъ во фракѣ. Хозяинъ, какъ сказываютъ, принимаетъ въ сертукѣ; подаютъ чай—высылаютъ слугу—и, сидя на диванѣ, рѣшатъ важное политическое дѣло. Здѣсь нуженъ умъ, а не пышность. Нашъ Графъ носитъ всегда синій фракъ и маленькой кошелекъ, который отличаетъ его отъ всѣхъ Лондонскихъ жителей: потому что здѣсь никто кошельковъ не носитъ. На лѣто нанимаетъ онъ прекрасной сельской домъ въ Ричмондѣ (верстахъ въ 10 отъ Лондона), гдѣ я также у него былъ и ночевалъ.

Вчерашній день пригласилъ меня обѣдать богатый Англичанинъ Бакстеръ, Консулъ, въ загородный домъ свой, близь Гайдъ-Парка. Въ ожиданіи шести часовъ я гулялъ въ Паркѣ, и видѣлъ множество Англичанокъ верхомъ. Какъ онѣ скачутъ! Пріятно смотрѣть на ихъ смѣлость и ловкость; за каждою берейторъ. День былъ хорошъ: но вдругъ пошелъ дождь. Всѣ мои Амазонки спѣшились, и подъ тѣнію древнихъ дубовъ искали убѣжища. Я осмѣлился съ одной изъ нихъ заговорить по-Французски. Она осмотрѣла меня съ головы до ногъ; сказала два раза oui, два раза non — и болѣе ничего. Всѣ хорошо-воспитанные Англичане знаютъ Французской языкъ, но не хотятъ говорить имъ, и я теперь крайне жалѣю, что такъ худо знаю Англійской. Какая розница съ нами! У насъ всякой, кто умѣетъ только сказать: comment vous portez-vous? безъ всякой нужды коверкаетъ Французскій языкъ, чтобы съ Русскимъ не го-

Брожу по улицамъ; любуюсь, какъ *на вѣчной* ярмонкѣ, разложенными въ лавкахъ товарами, смотрю на смѣшныя каррикатуры, выставляемыя на дверяхъ *въ эстампныхъ кабинетахъ*, и дивлюсь охотѣ Англичанъ. Какъ Французъ на всякій случай напишетъ пѣсенку, такъ Англичанинъ на все выдумаетъ каррикатуру. На примѣръ, теперь Лондонскій Кабинетъ ссорится съ Мадритскимъ за Нутка-Соундъ. Чтожь представляетъ каррикатура? Министры обоихъ Дворовъ стоятъ по горло въ водѣ и дерутся въ кулачки; у Гишпанскаго кровь бьетъ уже фонтаномъ изъ носу.— Захожу завтракать въ пирожныя лавки, гдѣ прекрасная ветчина, свѣжее масло, славные пироги и конфекты; гдѣ все такъ чисто, такъ прибрано, что любо взглянуть. Правда, что такіе завтраки не дешевы, и меньше двухъ рублей не заплатишь, естьли аппетитъ хорошъ. Обѣдаю иногда въ кофейныхъ домахъ, гдѣ за кусокъ говядины, пудинга и сыру берутъ также рубли два. За то велика учтивость: слуга отворяетъ вамъ дверь, и миловидная хозяйка спрашиваетъ ласково, что прикажете?— Но всего чаще обѣдаю у нашего Посла, Г. С. Р. В., человѣка умнаго, достойнаго, привѣтливаго, который живетъ совершенно по-Англійски, любитъ Англичанъ и любимъ ими. Всегда нахожу у него человѣкъ пять или шесть, по большей части иностранныхъ Министровъ. Обхожденіе Графа пріятно и ласково безъ всякой излишней короткости. Онъ истинный патріотъ, знаетъ хорошо Русскую Исторію, Литературу, и читалъ мнѣ наизусть лучшія мѣста изъ Одъ Ломоносова. Такой посолъ не уронитъ своего Двора; за то Питтъ и Гренвиль очень

не бѣленые (для того, чтобы вѣчная копоть отъ угольевъ была на нихъ менѣе примѣтна), и представляютъ скучное, печальное единообразіе; но внутренность мила: все просто, чисто и похоже на сельское. Крыльцо и комнаты устланы прекрасными коврами; вездѣ свѣтлое красное дерево; нигдѣ не увидишь пылинки; нѣтъ большихъ залъ, но все уютно и покойно. Всѣхъ приходящихъ къ хозяину или хозяйкѣ вводятъ въ горницу нижняго этажа, которая называется parlour; одни родные или друзья могутъ войти во внутреннія комнаты. — Воротъ здѣсь нѣтъ: изъ домовъ на улицу дѣлаются большія двери, которыя всегда бываютъ заперты. Кто придетъ, долженъ стучаться мѣдною скобою въ мѣдный замокъ: слуга одинъ разъ, гость два, хозяинъ три раза. Для каретъ и лошадей есть особливые конюшенные дворы; при домахъ же бываютъ самые маленькіе дворики, устланные дерномъ; иногда и садикъ, но рѣдко, потому что мѣста въ городѣ чрезмѣрно дороги. Ихъ по большей части отдаютъ здѣсь на выстройку: возьми мѣсто, построй домъ, живи въ немъ 15 или 20 лѣтъ, и послѣ отдай все тому, чья земля.

Что, естьли бы Лондонъ при такихъ широкихъ улицахъ, при такомъ множествѣ красивыхъ лавокъ, былъ выстроенъ какъ Парижъ? Воображеніе не могло бы представить ничего великолѣпнѣе.—

Не скоро привыкнешъ къ здѣшнему образу жизни, къ здѣшнимъ позднимъ обѣдамъ, которые можно почти назвать ужинами. Вообразите, что за столъ садятся въ 7 часовъ! Хорошо тому, кто спитъ до одиннадцати; но каково мнѣ, привыкшему вставать въ восемь?

человѣческой смѣлости, *нравственнаго сближенія* народовъ и общественнаго просвѣщенія! Пусть гордый богачъ, окруженный произведеніями всѣхъ земель, думаетъ, что услажденіе его чувствъ есть главный предметъ торговли! Она, питая безчисленное множество людей, питаетъ дѣятельность въ мірѣ, переноситъ изъ одной части его въ другую полезныя изобрѣтенія ума человѣческаго, новыя идеи, новыя средства утѣшаться жизнію.—

Нѣтъ другаго города столь пріятнаго для пѣшеходцевъ, какъ Лондонъ; вездѣ подлѣ домовъ сдѣланы для нихъ широкіе *троттуары*, которые по-Русски можно назвать *намостами;* ихъ всякое утро моютъ служанки (каждая передъ своимъ домомъ), такъ что и въ грязь и въ пыль у васъ ноги чисты. Одно только не нравится мнѣ въ этомъ *намостѣ;* а именно то, что безпрестанно видишь у ногъ отверстія, которыя ночью закрываются, а днемъ не всегда; и естьли вы хотя мало задумаетесь, то можете попасть въ нихъ какъ въ западню. Всякое отверстіе служитъ окномъ для кухни, или для какой нибудь Таверны; или тутъ ссыпаютъ земляные уголья; или тутъ маленькая лѣстница для схода внизъ. Надобно знать, что всѣ Лондонскіе домы строятся съ подземельною частью, въ которой бываетъ обыкновенно кухня, погребъ и еще какія нибудь, очень несвѣтлыя горницы для слугъ; служанокъ, бѣдныхъ людей. Въ Парижѣ нищета взбирается подъ облака, на чердакъ; а здѣсь опускается въ землю. Можно сказать, что въ Парижѣ носятъ бѣдныхъ на головахъ, а здѣсь топчутъ ногами.

Домы Лондонскіе всѣ малы, узки, кирпичные,

а Клариссу называетъ умною дурою. Таковы Лондонскія служанки!

Въ каждомъ городѣ самая примѣчательнѣйшая вещь есть для меня... самый городъ. Я уже исходилъ Лондонъ вдоль и поперекъ. Онъ ужасно длиненъ, но въ иныхъ мѣстахъ очень узокъ; въ окружности же составляетъ верстъ пятьдесятъ. Распространяясь безпрестанно, онъ скоро поглотитъ всѣ окрестныя деревни, которыя исчезнутъ въ немъ какъ рѣки въ Океанѣ. *Вестминстеръ* и *Сити* составляютъ двѣ главныя части его: въ первомъ живутъ по большей части свободные достаточные люди, а въ послѣднемъ купцы, работники, матрозы: тутъ рѣка съ великолѣпными своими мостами, тутъ Биржа; улицы тѣснѣе, и вездѣ множество народу. Тутъ не видите уже той пріятной чистоты, которая на каждомъ шагу плѣняетъ глаза въ Вестминстерѣ. Темза, величественная и прекрасная, совсѣмъ не служитъ къ украшенію города, не имѣя хорошей набережной (какъ напримѣръ Нева въ Петербургѣ, или Рона въ Ліонѣ), и будучи съ обѣихъ сторонъ застроенъ скверными домами, гдѣ укрываются самые бѣдные жители Лондона. Только въ одномъ мѣстѣ сдѣлана на берегу терраса (называемая *Адельфи*), и къ нещастью въ такомъ, гдѣ совсѣмъ не видно рѣки подъ множествомъ лодокъ, нагруженныхъ земляными угольями. Но и въ этой неопрятной части города находите вездѣ богатыя лавки, магазины, наполненные всякаго рода товарами, Индѣйскими и Американскими сокровищами, которыхъ тутъ запасено на нѣсколько лѣтъ для всей Европы. Такая роскошь не возмущаетъ, а радуетъ сердце, представляя вамъ разительный образъ

подлѣ него — но болѣе казался задумчивымъ. Въ наружности его нѣтъ ничего особеннаго, пріятнаго.——Слышавъ Генделя и видѣвъ Питта, не жалѣю своей гинеи.

Эта Ораторія дается каждый годъ, въ память сочинителю и въ знакъ признательности Англійскаго народа къ великимъ его талантамъ. Гендель жилъ и умеръ въ Лондонѣ.

Изъ Вестминстерскаго Аббатства прошелъ я въ славный Сент-Джемской паркъ — нѣсколько изрядныхъ липовыхъ алей, обширный лугъ, гдѣ ходятъ коровы, и болѣе ничего!

—

Лондонъ, Іюля... 1790.

Съ помощію моихъ любезныхъ земляковъ нашелъ я въ Оксофортской улицѣ, близъ Cavendish Square, прекрасныя три комнаты за полгинею въ недѣлю; онѣ составляютъ весь второй этажъ дома, въ которомъ живутъ двѣ сестры хозяйки, служанка Дженни, вашъ другъ—и болѣе никого. «Одинъ мущина съ тремя женщинами! какъ «страшно или весело»! Ни мало. Хозяйки мои украшены нравственными добродѣтелями и сѣдыми волосами, а служанка успѣла уже разсказать мнѣ тайную исторію своего сердца: Нѣмецъ ремесленникъ плѣнился ею, и скоро будетъ щастливымъ ея супругомъ. Въ 8 часовъ утра приноситъ она мнѣ чай съ сухарями, и разговариваетъ со мною о Фильдинговыхъ и Ричардсоновыхъ романахъ. Вкусъ у нее странной: напримѣръ, Ловеласъ кажется ей несравненно любезнѣе Грандиссона. Обожая Клеменсину, Дженни смѣется надъ дѣвицею Байронъ,

любилось бы еще болѣе, естьли бы онъ не такъ сильно ударилъ меня по плечу. — Вотъ другой случай; къ намъ вошла женщина съ *аффишами*, и втерла мнѣ въ руки листочекъ, для того, чтобы взять съ меня 6 пенсовъ. Старшій изъ фамиліи выдернулъ его у меня съ сердцемъ и бросилъ женщинѣ, говоря: «ему не надобно; ты хочешь «отнять у него деньги; это стыдно. Онъ иностра- «нецъ, и не умѣетъ отговориться». Хорошо, подумалъ я: но для чего ты, господинъ Британецъ, вырвалъ листокъ съ такою грубостью? для чего задѣлъ меня имъ по носу?

Между тѣмъ я съ пріятнымъ любопытствомъ разсматривалъ Королевскую Фамилію. У всѣхъ добродушныя лица, и болѣе Нѣмецкія, нежели Англійскія. Видъ у Короля самый здоровый, никакихъ слѣдовъ прежней его болѣзни въ немъ не примѣтно. Дочери похожи на мать: совсѣмъ не красавицы, но довольно миловидны. Принцъ Валлисской хорошій мущина; только слишкомъ толстъ.

Тутъ видѣлъ я всю лучшую Лондонскую публику. Но всѣхъ болѣе занималъ меня молодой человѣкъ въ сѣренькомъ фракѣ, видомъ весьма обыкновенный, но умомъ своимъ рѣдкій; человѣкъ, который въ лѣтахъ цвѣтущей молодости живетъ единственно честолюбіемъ, имѣя цѣлію пользу своего отечества; родителя славнаго сынъ достойный, уважаемый всѣми истинными патріотами — однимъ словомъ, Вильгельмъ Питтъ! У него самое Англійское, покойное и даже немного флегматическое лицо, на которомъ однакожъ изображается благородная важность и глубокомысліе. Онъ съ великимъ вниманіемъ слушалъ музыку — говорилъ съ тѣми, которые сидѣли

arise, shine, for thy light is come *). *Печаль*, грусть обнимаетъ сердце, когда Мара *поетъ о* Христѣ: he was a man of sorrows, and acquainted with grief **). Такъ называемые *семи-хоры*, вопросами и отвѣтами, производятъ удивительное дѣйствіе. Одинъ: who is the kinh of glory? Другой: The Lord, strong and mighty. — Who is the king of glory? The Lord of Hosts ***). Послѣ чего *семи-хоръ* повторяется всѣмъ хоромъ. Я плакалъ отъ восхищенія, когда Мара пѣла арію: I know that my Redeemer lives—и дуэтъ съ Паккіеротти: O Death, where is thy sting? O grave, where is thy victory ****)? Я слыхалъ музыку Перголезіеву, Іомелліеву, Гайденову, но не бывалъ ничѣмъ столько растроганъ, какъ Генделевымъ Мессіею. И печально и радостно, и великолѣпно, и чувствительно.

Ораторія раздѣляется на три части; послѣ каждой музыканты отдыхали, а слушатели, пользуясь тѣмъ временемъ, завтракали. Я былъ въ ложѣ съ однимъ купеческимъ семействомъ. Меня посадили на лучшемъ мѣстѣ и кормили пирогами, но нимало не думали занимать разговоромъ. Лишь только Король съ Фамиліею вошелъ въ ложу свою, одинъ изъ моихъ товарищей ударилъ меня по плечу и сказалъ: «вотъ нашъ «добрый Джорджъ съ добрыми дѣтьми своими! «Я нарочно наклонюсь, чтобы вы могли лучше «видѣть ихъ». Это мнѣ очень полюбилось, и по-

*) Возстань и сіяй, ибо явился свѣтъ Твой.

**) Онъ испыталъ горесть, узналъ печаль.

***) Кто Царь славы? Господь небесныхъ воинствъ.

****) Живъ, живъ Спаситель мой!.. О Смерть! Гдѣ твое жало? Могила! гдѣ побѣда твоя?

Англичанъ, чтобъ онъ тотчасъ заказалъ себѣ дюжину *синихъ* фраковъ: это любимый цвѣтъ ихъ. Изъ 50 человѣкъ, которые встрѣтятся вамъ на Лондонской улицѣ, по крайней мѣрѣ двадцать увидите въ синихъ кафтанахъ. Такимъ важнымъ замѣчаніемъ могу кончить письмо свое: остальныя наблюденія поберегу для слѣдующихъ. Скажу только, что я съ великимъ трудомъ нашелъ свою *Таверну*. Лондонскія улицы всѣ одна на другую похожи; надобно было спрашивать, а я дурно выговаривалъ имя своей, и не прежде одиннадцати часовъ возвратился къ любезному моему... чемодану.

—

Лондонъ, Іюня... 1790.

Я не видалъ еще никого въ Лондонѣ, не успѣлъ взять денегъ у Банкира, но успѣлъ слышать въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ Генделеву Ораторію, Мессію, отдавъ за входъ послѣднюю гинею свою. Въ оркестрѣ было 900 музыкантовъ. Пѣли славная въ Европѣ Мара, Синьйора Кантело, Стораче, извѣстный пѣвецъ Паккіеротти, Норрисъ и проч. Инструментальною музыкою управлялъ Г. Крамеръ. Вообразите дѣйствіе 600 инструментовъ и 300 голосовъ, наилучшимъ образомъ соглашенныхъ, — въ огромной залѣ, при безчисленномъ множествѣ слушателей, наблюдающихъ глубокое молчаніе! Какая величественная гармонія! какія трогательныя аріи! гремящіе хоры! быстрыя перемѣны чувствъ! Послѣ священнаго ужаса вселяемаго аріею: who shall stand when he appears *), вы въ восторгѣ отъ хора:

*) Кто устоитъ предъ лицемъ Его, и проч.

Лондонѣ очень хороши, одѣваются *просто и* мило; всѣ безъ пудры, безъ румянъ, въ *шляпкахъ*, выдуманныхъ Граціями. Онѣ ходятъ какъ летаютъ; за иною два лакея съ трудомъ успѣваютъ бѣжать. Маленькія ножки, выставляясь изъ-подъ кисейной юбки, едва касаются до камней *троттуара;* на бѣломъ корсетѣ развѣвается Остъ - Индская *Шаль;* и на Шаль, изъ - подъ шляпки, свѣтлые локоны. Англичанки по большей части бѣлокуры; но самыя лучшія изъ нихъ темноволосыя. Такъ мнѣ показалось; а я, право, смотрѣлъ на нихъ съ большимъ вниманіемъ! Взглядывалъ и на Англичанъ, которыхъ лица можно раздѣлить на три рода: на угрюмыя, добродушныя и звѣрскія. Клянусь вамъ, что нигдѣ не случалось мнѣ видѣть столько послѣднихъ, какъ здѣсь. Я увѣрился, что Гогардъ писалъ съ Натуры. Правда, что такія гнусныя физіогноміи встрѣчаются только въ низкой черни Лондонскаго народа; но столь многообразны, живы и разительны, что Лафатеровъ не доставало бы для описанія всѣхъ дурныхъ качествъ, ими изображаемыхъ. Франтовъ видѣлъ я здѣсь гораздо болѣе, нежели въ Парижѣ. Шляпа сахарною головою, густо насаленные волосы и виски до самыхъ плечъ, толстой галстукъ, въ которомъ погребена вся нижняя часть лица, разинутый ротъ, обѣ руки въ карманахъ, и самая непристойная походка: вотъ ихъ общія примѣты! Не думаю, чтобы изъ тысячи подобныхъ людей вышелъ одинъ хорошій Членъ Парламента. Боркъ, Фоксъ, Шериданъ, Питтъ, въ молодости своей вѣрно не бѣгали по улицамъ разинями.

Скажите, друзья мои, нашему П., обожателю

пребываніе, въ которомъ, занимаясь частями, теряемъ *чувство цѣлаго*. Свѣжее любопытство ловитъ главные, отличительные знаки мѣста и людей: то, что собственно называется характеромъ, и то, что при долгомъ *повторительномъ* разсматриваніи затемняется въ душѣ наблюдателя. Такимъ образомъ, естьли бы я, проживъ въ Лондонѣ года два, уѣхалъ и захотѣлъ себѣ представить его въ картинѣ, то мнѣ надлежло бы оживить въ памяти своей сильныя впечатлѣнія нынѣшняго дня.

Кто скажетъ вамъ: *шумный Лондонъ!* тотъ, будьте увѣрены, никогда не видалъ его. *Много людей*, правда; но тихъ удивительнымъ образомъ, не только въ сравненіи съ Парижемъ, но даже и съ Москвою. Кажется, будто здѣсь люди или со сна не разгулялись, или чрезмѣрно устали отъ дѣятельности, и спѣшатъ отдыхать. Естьли бы отъ времени до времени стукъ каретъ не потрясалъ нервъ вашего слуха, то вы, ходя по здѣшнимъ улицамъ, могли бы вообразить, что у васъ залегли уши. Я входилъ въ разные кофейные домы: двадцать, тридцать человѣкъ сидятъ въ глубокомъ молчаніи, читаютъ газеты, пьютъ красное Португальское вино; и хорошо естьли въ 10 минутъ услышишь два слова—какіе же? your health, gentleman! *ваше здоровье!* Мудрено ли, что Англичане славятся глубокомысліемъ въ философіи? они имѣютъ время думать. Мудрено ли, что Ораторы ихъ въ Парламентѣ заговоривъ не умѣютъ кончить? имъ наскучило молчать дома и въ публикѣ.

Спокойствіе моихъ ушей давало полную свободу глазамъ моимъ заниматься наружностію предметовъ, особливо лицами. Женщины и въ

пенсіи на *лунной свѣтъ* *); *гордый Британецъ* смѣется, звучитъ въ карманѣ *гинеями, и велитъ* Питту зажигать фонари засвѣтло.

Я люблю большіе города и многолюдство, въ которомъ человѣкъ можетъ быть уединеннѣе, нежели въ самомъ маломъ обществѣ; люблю смотрѣть на тысячи незнакомыхъ лицъ, которыя, подобно Китайскимъ тѣнямъ, мелкаютъ предо-мною, оставляя въ нервахъ легкія, едва примѣтныя впечатлѣнія, люблю теряться душею въ разнообразіи дѣйствующихъ на меня предметовъ и вдругъ обращаться къ самому себѣ,—думать, что я средоточіе нравственнаго міра, предметъ всѣхъ его движеній, или пылинка, которая съ міріадами другихъ атомовъ обращается въ вихрѣ предопредѣленныхъ случаевъ. Философія моя укрѣпляется, такъ сказать, видомъ людской суетности; напротивъ того, будучи одинъ съ собою, часто ловлю свои мысли на мірскихъ ничтожностяхъ. Свѣтъ нравственной, подобно небеснымъ тѣламъ, имѣетъ двѣ силы: одною влечетъ сердце наше къ себѣ, а другою отталкиваетъ его: первую живѣе чувствую въ уединеніи, другую между людей—но не всякой обязанъ имѣть мои чувства.

Я умствую: извините. Таково дѣйствіе Англійскаго климата. Здѣсь родились Невтонъ, Локкъ и Гоббесъ!

Надобно смотрѣть, надобно описывать.—Ошибаюсь или нѣтъ; но мнѣ кажется, что первый взглядъ на городъ даетъ намъ лучшее, живѣйшее объ немъ понятіе, нежели долговременное

*) Въ лунныя ночи Парижъ не освѣщался; изъ остатковъ суммы, опредѣленной на освѣщеніе города, давались пенсіоны.

Въ ту же минуту явился Англійской парикмахеръ, толстый флегматикъ, который изрѣзалъ мнѣ щеки тупою бритвою, намазалъ голову саломъ и напудрилъ мукою... я уже не въ Парижѣ, гдѣ кость искуснаго, веселаго Ролета *) подобно Зефиру навѣвала на мою голову бѣлѣйшій ароматный иней! На мои жалобы: *ты меня ръжешь, помада твоя пахнетъ саломъ, изъ пудры твоей хорошо только печь сухари*, Англичанинъ отвѣчалъ съ сердцемъ: I dont unterstand you, Sir; *я васъ не разумѣю!* И большой человѣкъ не естьли ребенокъ? Бездѣлица веселитъ, бездѣлица огорчаетъ его: толстой Лондонской парикмахеръ грубостью своею какъ облакомъ затмилъ мою душу. Надѣвая на себя Парижскій фракъ, я вздохнулъ о Парижѣ, и вышелъ изъ дому въ задумчивости, которая однакожъ въ минуту разсѣялась видомъ прекраснѣйшей иллюминаціи... Едва только закатилось солнце, а всѣ фонари на улицахъ были уже засвѣчены; ихъ здѣсь тысячи, одинъ подлѣ другова, и куда ни взглянешь, вездѣ перспектива огней, которые вдали кажутся вамъ огненною, безпрерывною нитью, протянутою въ воздухѣ. Я ничего подобнаго не видывалъ, и не дивлюсь ошибкѣ одного Нѣмецкаго Принца, который, въѣхавъ въ Лондонъ ночью и видя яркое освѣщеніе улицъ, подумалъ, что городъ иллюминованъ для его пріѣзда. Англійская нація любитъ свѣтъ, и даетъ Правительству милліоны, чтобы замѣнять естественное солнце искусственнымъ. Разительное доказательство народнаго богатства! Французское Министерство давало

*) Имя моего Парижскаго парикмахера.

въ обширномъ Лондонѣ, *но ѣхалъ спокойно, весело*; смотрѣлъ и ничего не думалъ. *Обыкновенное слѣдствіе путешествія и переѣздовъ изъ земли въ землю!* Человѣкъ привыкаетъ къ неизвѣстности, страшной для домосѣдовъ *Здѣсь есть люди: я найду себѣ мѣсто, найду знакомство и пріятности*—вотъ чувство, которое дѣлаетъ его беззаботнымъ гражданиномъ вселенной.

Наконецъ карета наша остановилась; товарищи мои выпрыгнули и скрылись. Тутъ вспомнилъ я, что и мнѣ надлежало итти куда нибудь съ своимъ чемоданомъ — куда же? Однажды, всходя въ Парижской Отели своей на лѣстницу, подняль я карточку, на которой было написано: *Г. Ромели въ Лондонѣ, на улицѣ Пель-Мель, въ 208 нумерѣ, имѣетъ комнаты для иностранцевъ.* Карточка сохранилась въ моей записной книжкѣ, и другъ вашъ отправился къ Г-ну Ромели. Вспомните анекдотъ, что одинъ Французъ, умирая, велѣлъ позвать къ себѣ *обыкновеннаго* духовника своего; но посланный возвратился съ отвѣтомъ, что духовника его уже лѣтъ двадцать нѣтъ на свѣтѣ. Со мною случилось подобное. Г. Ромели скончался за 15 лѣтъ до моего пріѣзда въ Лондонъ!.. Надлежало искать другаго пристанища: мнѣ отвели уголокъ въ одномъ Французскомъ трактирѣ. «Комната не велика (сказалъ хозяинъ), и занята молодымъ Эмигрантомъ; но онъ добрый человѣкъ, и согласится раздѣлить ее съ вами». Товарища моего не было дома, въ горницѣ не нашелъ я ничего кромѣ постели, гитары, картъ и... a black pair of silk breeches *).

*) Съ которыми отправился Йорикъ во Францію, какъ извѣстно.

самъ, гордо возвышаются къ небу, то Лондонъ совсѣмъ не великолѣпенъ. Проѣхавъ двадцать или тридцать лучшихъ улицъ, я не видалъ ни однихъ величественныхъ палатъ, ни одного огромнаго дому. Но длинныя широкія, гладко-вымощенныя улицы; большими камнями устланныя дороги для пѣшихъ; двери домовъ, сдѣланныя изъ краснаго дерева, натертыя воскомъ и блестящія какъ зеркало; безпрерывный рядъ фонарей на обѣихъ сторонахъ; красивыя площади (Squares), гдѣ представляются вамъ статуи или другіе историческіе монументы; подъ домами богатыя лавки, гдѣ, сквозь стеклянныя двери, съ улицы видите множество всякаго рода товаровъ; рѣдкая чистота, опрятность въ одеждѣ людей самыхъ простыхъ, и какое-то общее благоустройство во всѣхъ предметахъ—образуютъ картину неописанной пріятности, и вы сто разъ повторяете: *Лондонъ прекрасенъ!* Какая розница съ Парижемъ! Тамъ огромность и гадость, здѣсь простота съ удивительною чистотою; тамъ роскошь и бѣдность въ вѣчной противоположности, здѣсь единообразіе общаго достатка; тамъ палаты, изъ которыхъ ползутъ блѣдные люди въ раздранныхъ рубищахъ; здѣсь изъ маленькихъ кирпичныхъ домиковъ выходятъ Здоровье и Довольствіе, съ благороднымъ и спокойнымъ видомъ—Лордъ и ремесленникъ, чисто одѣтые, почти безъ всякаго различія; тамъ распудренный, разряженный человѣкъ тащится въ скверномъ фіакрѣ, здѣсь поселянинъ скачетъ въ хорошей каретѣ на двухъ гордыхъ коняхъ; тамъ грязь и мрачная тѣснота, здѣсь все сухо и гладко — вездѣ свѣтлый просторъ, не смотря на многолюдство.

Я не зналъ, гдѣ мнѣ приклонить свою голову

Товарищи мои начали разсуждать *о семъ происшествіи*; я молчалъ.

Верстъ за пять увидѣли мы Лондонъ въ густомъ туманѣ. Куполъ церкви Св. Павла гигантски превышалъ всѣ другія зданія. Близь него — такъ казалось издали—подымался сквозь дымъ и мглу тонкой высокой столпъ, монументъ, сооруженный въ память пожара, который нѣкогда превратилъ въ пепелъ большую часть города. Черезъ нѣсколько минутъ открылось потомъ и Вестминстерское Аббатство, древнее готическое зданіе, вмѣстѣ съ другими церквами и башнями; вмѣстѣ съ зелеными, густыми парками, звѣринцами и рощами, окружающими Лондонъ. Надобно было спускаться съ горы: я вышелъ изъ кареты — и смотря на величественный городъ, на его окрестности и на большую дорогу, забылъ все. Есть-ли бы товарищи не хватились меня, то я остался бы одинъ на горѣ, и пошелъ бы въ Лондонъ пѣшкомъ.

На правой сторонѣ, между зеленыхъ береговъ, сверкала Темза, гдѣ возвышались безчисленныя корабельныя мачты, подобно лѣсу, опаленному молніями. Вотъ первая пристань въ свѣтѣ, средоточіе всемірной торговли!

Мы въѣхали въ Лондонъ.

—

Лондонъ, Іюля... 1790.

Парижъ и Лондонъ, два первые города въ Европѣ, были двумя Фаросами моего путешествія, когда я сочинялъ планъ его. Наконецъ вижу и Лондонъ.

Естьли великолѣпіе состоитъ въ огромныхъ зданіяхъ, которыя, подобно гранитнымъ уте-

видѣть нѣсколько городовъ, множество деревень, рѣкъ, море, и проч. «Какъ щастливъ долженъ быть хозяинъ этова дому!» сказала наша спутница, пожилая француженка. «Нѣтъ, отвѣчалъ молодой Кентской дворянинъ, ѣхавшій съ нами въ каретѣ: блестящая наружность и прекрасные виды не дѣлаютъ человѣка благополучнымъ. Я знаю исторію хозяина; она горестна».—Англичанинъ разсказалъ намъ слѣдующее:

«Лордъ О* былъ молодъ, хорошъ, богатъ; но съ самаго младенчества носилъ на лицѣ своемъ печать меланхоліи—и казалось, что жизнь, подобно свинцовому бремени, тяготила душу и сердце его. Двадцати-пяти лѣтъ женился онъ на знатной и любезной дѣвицѣ, оставилъ Лондонъ, пріѣхалъ въ нашу провинцію, въ этотъ огромный замокъ, построенный и украшенный отцомъ его, и не смотря на всѣ ласки, на всѣ нѣжности милой супруги, предался болѣе, нежели когда нибудь, мрачной задумчивости и меланхоліи. Бѣдная Лади, живучи съ нимъ, страдала и томилась, semblable à ces flambeaux, à ces lugubres feux, qui brulent près des morts sans échauffer leur cendre.—Въ одинъ бурный вечеръ онъ взялъ ее за руку, привелъ въ густоту парка и сказалъ: *я мучилъ тебя; сердце мое, мертвое для всѣхъ радостей, не чувствуетъ цѣны твоей; мнѣ должно умереть—прости!* Въ самую сію минуту нещастный Лордъ прострѣлилъ себѣ голову и упалъ мертвой къ ногамъ оцѣпенѣвшей жены своей.—Уже два года покоится въ землѣ прахъ его. Чувствительная вдова клялась не выѣзжать изъ замка, и всякой день проливаетъ слезы на гробѣ супруга, который былъ неизъяснимымъ феноменомъ въ нравственномъ мірѣ».

Думаю, что картина Англіи еще *болѣе поразила* бъ мои чувства; она была бы для меня новѣе.

Какое многолюдство! какая дѣятельность! и притомъ какой порядокъ! Все представляетъ видъ довольства, хотя не роскоши, но изобилія. Ни одинъ предметъ отъ Дувра до Лондона не напомнилъ мнѣ о бѣдности человѣческой.

На каждыхъ четырехъ верстахъ перемѣняли мы лошадей; но, не смотря на то, что постильйоны или кучера, coachmen останавливаются раза три пить въ трактирахъ — и никто не смѣй имъ сказать ни слова.

Въ Кантербури, главномъ городѣ Кентской провинціи, пили мы чай, въ первый разъ по-Англійски, то есть, крѣпкой и густой, почти безъ сливокъ, и съ масломъ, намазаннымъ на ломтики бѣлаго хлѣба; въ Рочестерѣ обѣдали, также по-Англійски, то есть, не ѣли ничего, кромѣ говядины и сыра. Я спросилъ салату; но мнѣ подали вялую траву, облитую уксусомъ; Англичане не любятъ никакой зелени, *Рост-бифъ, бифъ стекъ* *) есть ихъ обыкновенная пища. Отъ того густѣетъ въ нихъ кровь; отъ того дѣлаются они флегматиками, меланхоликами, несносными для самихъ себя, и не рѣдко самоубійцами. Къ сей физической причинѣ ихъ *сплина* **) можно прибавить еще двѣ другія: вѣчный туманъ отъ моря и вѣчный дымъ отъ угольевъ, который облаками носится здѣсь надъ городами и деревнями.

Мы проѣзжали мимо одного огромнаго замка, построеннаго на высокомъ мѣстѣ, откуда можно

*) Жареная и битая говядина.

**) То есть, меланхолія.

теру. Бутылка самаго худаго Шампанскаго или Бургонскаго стоитъ здѣсь болѣе четырехъ рублей. Простите! Теперь полночь.

—

Лондонъ.

Въ шесть часовъ утра сѣли мы въ четверомѣстную карету, и поскакали на прекрасныхъ лошадяхъ по Лондонской дорогѣ, ровной и гладкой.

Какія мѣста! какая земля! Вездѣ богатые, темнозеленые и тучные луга, гдѣ пасутся многочисленныя стада, блестящія своею перловою и серебряною волною; вездѣ прекрасныя деревеньки съ кирпичными домиками, покрытыми свѣтлою черепицею; вездѣ видите вы маленькихъ красавицъ (въ чистыхъ, бѣлыхъ корсетахъ, съ распущенными кудрями, съ открытою снѣжною грудью), которыя держатъ въ рукахъ корзинки, и продаютъ цвѣты; вездѣ замки богатыхъ Лордовъ, окруженные рощами и зеркальными прудами; вездѣ встрѣчается вамъ множество каретъ, колясокъ, верховыхъ; множество хорошо одѣтыхъ людей, которые ѣдутъ изъ Лондона и въ Лондонъ, или изъ деревень и сельскихъ домиковъ выѣзжаютъ прогуливаться на большую дорогу; вездѣ трактиры, и у всякаго трактира стоятъ осѣдланныя лошади и кабріолеты — однимъ словомъ, дорога отъ Дувра до Лондона подобна большой улицѣ многолюднаго города.

Что, ежели бы я прямо изъ Россіи пріѣхалъ въ Англію, не видавъ ни Эльбскихъ, ни Рейнскихъ, ни Сенскихъ береговъ; не бывъ ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи, ни во Франціи? —

мой кошелекъ; но я, бросивъ на землю *два шиллинга*, ушелъ отъ нихъ. Судите, любятъ ли здѣсь деньги, и дешево ли цѣнятъ Англичане трудъ свой?

Еще другая черта. Всѣ наши сундуки и вещи принесли съ пакет-бота въ таможню. «У меня нѣтъ ничего запрещеннаго, сказалъ я осмотрщикамъ: и естьли вы повѣрите моему честному слову, и не будете разбивать моего чемодана, то я съ благодарностію заплачу нѣсколько шиллинговъ.»—«Нѣтъ, государь мой! (отвѣчали мнѣ) намъ должно все видѣть.»—Я отперъ, и показалъ имъ старыя свои книги, бумаги, бѣлье, фраки. «Теперь, сказали они, вы должны заплатить полкроны.»—За что же? спросилъ я: развѣ вы были снисходительны или нашли у меня что нибудь запрещенное?»—«Нѣтъ; но безъ этого не получите своего чемодана.» Я пожалъ плечами, и заплатилъ три шиллинга.—И такъ Англійскіе таможенные приставы умѣютъ строго исполнять свою должность, и притомъ... наживаться!

Мнѣ хотѣлось видѣть Англійскую кухню. Какая чистота! На полу нѣтъ ни пятнышка; кастрюли, блюда, чашки—все бѣло, все свѣтло, все въ удивительномъ порядкѣ. Каменныя уголья пылаютъ на большомъ очагѣ, и розовымъ огнемъ своимъ прельщаютъ зрѣніе. Хозяйка улыбнулась очень пріятно, когда я сказалъ ей: «видъ Французской кухни не рѣдко отнимаетъ аппетитъ; видъ вашей кухни производитъ его.»

Ужинъ состоялъ изъ жареной говядины, земляныхъ яблокъ, пудинга и сыру. Я хотѣлъ спросить вина, но вспомнилъ, что въ Англіи нѣтъ виноградныхъ садовъ, и спросилъ пор-

всѣ стороны пускаетъ тысячами стрѣлы свои, лишился всей твердости, ослабѣлъ и растаялъ въ томныхъ чувствахъ. Нѣтъ, друзья мои! я имѣлъ еще столько силъ, чтобы взойти на превысокую гору и видѣть тамъ древній замокъ, колодезь въ 360 футовъ глубиною, и мѣдную пушку, длиною въ три сажени, которая называется карманнымъ пистолетомъ Королевы Елисаветы.

Я сѣлъ отдыхать на вершинѣ горы, и великолѣпнѣйшій видъ представился глазамъ моимъ. Съ одной стороны вся Кентская провинція съ городами и деревнями, рощами и полями; а съ другой безконечное море, въ которое погружалось солнце, и гдѣ пестрѣли разноцвѣтные флаги; гдѣ бѣлѣлись парусы и милліоны пѣнистыхъ валовъ.

Англійскій Лордъ, любезная жена и милая сестра его, вышедши на берегъ, съ нѣжностію обняли другъ друга. «Берегъ моего отечества! (сказалъ Лордъ) я благословляю тебя!» — Они дали мнѣ свой Лондонской адресъ, и поѣхали въ наемной каретѣ.

Когда я пришелъ въ трактиръ, гдѣ мы остановились ночевать, то въ первой комнатѣ окружили меня семь или восемь человѣкъ, весьма худо одѣтыхъ, которые грубымъ голосомъ требовали денегъ. Одинъ говорилъ: «дай мнѣ шиллингъ за то, что я подалъ тебѣ руку, когда ты сходилъ съ пакет-бота;» другой: «дай мнѣ шиллингъ за то, что я поднялъ платокъ твой, когда ты уронилъ его на землю;» третій: «дай мнѣ два шиллинга за то, что я донесъ до трактира чемоданъ твой.» Четвертый, пятый, шестый — всѣ требовали, всѣ объявляли права свои на

съ кроткою, нѣжною улыбкою, *съ посошкомъ* въ бѣлой рукѣ.

Такъ, друзья мои! Англію можно назвать землею красоты — и путешественникъ, который не плѣнится миловидными Англичанками; который — особливо пріѣхавъ изъ Франціи, гдѣ очень мало красавицъ — можетъ смотрѣть равнодушно на ихъ прелести, долженъ имѣть каменное сердце. Часа два ходилъ я здѣсь по улицамъ единственно для того, чтобы любоваться Дуврскими женщинами, и скажу всякому живописцу: «естьли ты не былъ въ Англіи, то кисть твоя никогда совершенной красоты не изображала!» — Англичанокъ нельзя уподобить розамъ; нѣтъ, онѣ почти всѣ блѣдны — но сія блѣдность показываетъ сердечную чувствительность, и дѣлается новою пріятностію на ихъ лицахъ. Поэтъ назоветъ ихъ лиліями, на которыхъ, отъ розовыхъ облаковъ неба, мелькаютъ алые оттѣнки. Кажется, будто всякимъ томнымъ взоромъ своимъ говорятъ онѣ: *я умѣю любить нѣжно!* — Милыя, милыя Англичанки! — Но вы опасны для слабаго сердца, опаснѣе Нимфъ Калипсиныхъ, и вашъ островъ есть островъ волшебства, очарованія. Горе бѣдному страннику! Равнодушно взглянетъ онъ съ берега на пылающій корабль свой, и снова устремитъ огненные глаза на какую нибудь Эвхарису *). Ахъ! какой Менторъ низвергнетъ его въ волны морскія!

Между тѣмъ не думайте, чтобы другъ вашъ, пріѣхавъ въ опасную Англію, гдѣ Купидонъ во

*) Извѣстно, что Телемакъ, влюбленный въ Калипсину Нимфу, Евхарису, не тужилъ о сгорѣвшемъ кораблѣ своемъ.

И мы въ Веиндорфѣ!» — «Тамъ, гдѣ живетъ Анюта!»—«Тамъ, гдѣ живетъ Лиза!»—«Дай Богъ! дай Богъ!» — сказали они въ одинъ голосъ, и крѣпко, крѣпко пожали руку одинъ у другаго.

Уже открывается Дувръ и высокія башни, въ которыхъ ночью зажигаютъ огонь для безопасности плавателей. Нигдѣ не видно зелени; вездѣ песчаные холмы, песчаныя равнины. Мы близко къ берегу; но еще буря можетъ унести насъ далеко въ необозримость морскую — еще опасность не миновалась — еще корабль нашъ можетъ удариться о подводные граниты, и погрузиться въ шумящей безднѣ! Тогда... adieu!

—

Дувръ.

Берегъ! берегъ! Мы въ Дуврѣ, я въ Англіи — въ той землѣ, которую въ ребячествѣ своемъ любилъ я съ такимъ жаромъ, и которая по характеру жителей и степени народнаго просвѣщенія есть конечно одно изъ первыхъ государствъ Европы. — Здѣсь все другое: другіе домы, другія улицы, другіе люди, другая пища — однимъ словомъ, мнѣ кажется, что я переѣхалъ въ другую часть свѣта.

Англія есть кирпичное царство: и въ городѣ и въ деревняхъ всѣ домы изъ кирпичей, покрыты черепицею, и некрашенные. Вездѣ видите дымъ земляныхъ угольевъ; вездѣ чувствуете ихъ запахъ, который для меня весьма непріятенъ; улицы широки и отмѣнно чисты; вездѣ *тротуары* или камнемъ выстланныя дорожки для пѣшихъ — и на каждомъ шагу — въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Дувръ — встрѣчается вамъ красавица, въ черной шляпкѣ,

что не помогало! Бѣдная Англичанка, *смотря* на меня умильными и томными глазами, говорила: Je suis mal, très mal; ma poitrine se déchire— Dieu! je crois mourir! *мнѣ дурно, очень дурно, грудь моя раздирается — я умираю!* — Наконецъ и ее должно было вести въ каюту къ прочимъ больнымъ женщинамъ. Она подала мнѣ свою руку, холодную, слабую и дрожащую; грудь ея видимо подымалась и опускалась; слезы катились градомъ по блѣдному лицу — я почти несъ ее на рукахъ. Какая мучительная болѣзнь! Видя вездѣ страдающихъ; видя многія непріятныя явленія, которыя бываютъ всегдашнимъ слѣдствіемъ морскихъ припадковъ, я самъ едва было не упалъ въ обморокъ; оставилъ свою больную, возвратился на палубу, и мало по малу отдохнулъ на свѣжемъ воздухѣ.

Подлѣ меня сидятъ теперь два Нѣмца — кажется, ремесленники, которые, думая, что ихъ никто не разумѣетъ, свободно разговариваютъ между собою.—«Что-то мы увидимъ въ Англіи! сказалъ одинъ: Французы намъ теперь извѣстны; въ нихъ не много пути». — Думаю, отвѣчалъ другой, что и Англія намъ не очень полюбится. Гдѣ лучше нашей любезной Германіи! Гдѣ лучше береговъ Рейна! —«Гдѣ лучше Веиндорфа!» сказалъ первый съ улыбкою: «тамъ живетъ Анюта».— Правда, отвѣчалъ другой со вздохомъ: тамъ живетъ Анюта. Не далеко оттуда живетъ и Лиза, примолвилъ онъ съ улыбкою. —«Ахъ! не далеко! отвѣчалъ первый съ такимъ же вздохомъ». «Еще шесть или семь мѣсяцевъ», сказалъ одинъ, взявъ товарища своего за руку— — Еще шесть или семь мѣсяцевъ, повторилъ другой, и мы въ Германіи!—«И мы на берегу Рейна!»—

керку добродушнаго монаха, а другою рвалъ зеленую траву.—Патеръ Лорензо! другъ Іорикъ! (вздумалъ я, облокотившись на одинъ мшистый камень) — гдѣ вы, не знаю; но желаю нѣкогда быть съ вами вмѣстѣ!

У ногъ моихъ синѣлись цвѣточки; я сорвалъ два, и спряталъ въ записную книжку свою. Вы ихъ увидите нѣкогда, — естьли волны морскія не поглотятъ меня вмѣстѣ съ ними!—Простите!

—

Пакетъ-ботъ.

Мы уже три часа на морѣ; вѣтеръ пресильной, многіе пассажиры больны. Берегъ Французской скрылся отъ глазъ нашихъ — Англійской показывается въ отдаленіи.

Вмѣстѣ съ нами сѣли на Пакет-ботъ молодой Лордъ и двѣ Англичанки, жена и сестра его; они возвращаются изъ Италіи. Лордъ важенъ, но учтивъ.—Лади и миссъ любезны. Съ какимъ нетерпѣніемъ приближаются они къ отечеству, къ родственникамъ и друзьямъ своимъ, послѣ шестилѣтней разлуки! Съ какою радостію говорятъ о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя ожидаютъ ихъ въ Лондонѣ! — Ахъ, я завидовалъ имъ отъ всего сердца! Они примѣтили мою чувствительность, и для того, можетъ быть, обошлись со мною ласковѣе, нежели съ другими пассажирами. Черезъ два часа Лади занемогла морскою болѣзнію—Лордъ также—ихъ отвели въ каюту. Миссъ осталась на палубѣ; но скоро и она поблѣднѣла. Вѣтеръ сорвалъ съ нее шляпу, развѣвалъ ея русые длинные волосы. Я принесъ ей стаканъ холодной воды; но ни-

велѣлъ подать себѣ бутылку — *du meilleur! du* meilleur! Прекрасное вино! Нѣмецъ съ длиннымъ носомъ, сидѣвшій подлѣ меня, доказывалъ убѣдительнымъ образомъ, что оно и цвѣтомъ и вкусомъ похоже на божественный Нектаръ, который излился изъ роговъ святой козы Амальтеи*). «Мы давно слышали, сказалъ одинъ изъ Англичанъ, что Нѣмцы ученый народъ: теперь вѣрю этому. Vraiment, Monsieur, vous êtes savant comme tous les diables!»—Германецъ улыбался, и былъ сердечно доволенъ заслуженною похвалою.

Я пришелъ въ свою комнату, бросился на постелю, и заснулъ: но черезъ нѣсколько минутъ разбудилъ меня шумъ веселыхъ Англичанъ, которые въ другой горницѣ кричали, топали, стучали и проч. и проч. Съ полчаса я терпѣлъ; наконецъ кликнулъ слугу, и послалъ его напомнить Британцамъ, что они не одни въ трактирѣ, и что сосѣди ихъ, можетъ быть, хотятъ тишины и спокойствія. Сказавъ нѣсколько разъ *Годъ демъ*, они замолчали.—Рука не пишетъ болѣе—простите!

Кале, 10 часовъ утра.

Узнавъ, что пакетъ-ботъ нашъ не отвалитъ отъ берега прежде одиннадцати часовъ, я пошелъ бродить, куда глаза глядятъ — очутился за городомъ, близъ кладбища, обсаженнаго высокими деревьями, и вспомнилъ могилу отца Лоренза, гдѣ Йориковы слезы лились на мягкой дернъ,—гдѣ въ одной рукѣ держалъ онъ таба-

*) Такъ говоритъ Мивологія.

мѣнилось мнѣ во Франціи! Дессенъ Капраломъ! Дессенъ въ мундирѣ! Дессенъ на караулѣ! Grand Dieu! — Смерклось, и я возвратился въ свой трактиръ.

Что вамъ сказать о Калѣ? Городъ не великъ, но чрезвычайно многолюденъ—и Англичане составляютъ по крайней мѣрѣ шестую часть жителей. Домы не высокіе,—въ два этажа; а роскошь видна только въ однихъ трактирахъ. Впрочемъ все кажется мнѣ здѣсь печальнымъ и бѣднымъ. Воздухъ напитанъ сыростью и тонкою морскою солью, которая непріятнымъ образомъ щекотитъ нервы обонянія. Ни для чего въ свѣтѣ не хотѣлъ бы я жить здѣсь долго!

За ужиномъ ѣли мы прекрасную рыбу и свѣжихъ морскихъ раковъ, отмѣнно вкусныхъ. Тутъ сидѣло человѣкъ 40; между прочими семь или восемь Англичанъ, которые только-что переѣхали черезъ Каналъ, и намѣрены странствовать по всей Европѣ. Съ ними былъ одинъ Италіянецъ, великой говорунъ и великой трусъ; худымъ Англійскимъ и Французскимъ языкомъ разсказывалъ онъ о многихъ опасностяхъ, угрожавшихъ ему и товарищамъ его на морѣ. Англичане смѣялись, и называли его Улиссомъ, который пугаетъ Царя Альциноя повѣствованіемъ о страшныхъ небылицахъ *). Между тѣмъ они безпрестанно кричали трактирщику: *вина! вина! самаго лучшаго!* du meilleur! du meilleur! и розовое Шампанское лилось изъ урны своей не въ рюмки, а въ стаканы. Оно такъ хорошо алѣло въ стеклѣ, такъ хорошо пѣнилось, что и умѣренный другъ вашъ, не спрашивая о цѣнѣ,

*) См. Одиссею.

легче пуха?»**). Гдѣ приходилъ *къ нему отецъ Лорензо* съ кротостію святаго мужа.—«И гдѣ онъ не далъ ему ни копѣйки?—Но гдѣ хотѣлъ онъ заплатить двадцать фунтовъ стерлинговъ тому Адвокату, который бы взялся и могъ оправдать Йорика въ глазахъ Йориковыхъ. — «Государь мой, эта комната во второмъ этажѣ, прямо надъ вами. Тутъ живетъ нынѣ старая Англичанка съ своею дочерью».

Я взглянулъ на окно, и увидѣлъ горшокъ съ розами. Подлѣ него стояла молодая женщина и держала въ рукахъ книгу — вѣрно Sentimental Journey!

Благодарю васъ, государь мой — сказалъ я словоохотному Французу: но естьли позволите, то я спросилъ бы еще.— —«Гдѣ тотъ каретный сарай, перервалъ Офицеръ, въ которомъ Йорикъ познакомился съ милою сестрою Графа Л*?»— Гдѣ онъ помирился съ отцомъ Лорензомъ и... съ своею совѣстію. — «Гдѣ Йорикъ отдалъ ему черепаховую свою табакерку и взялъ на обмѣнъ роговую?»—Но которая была ему дороже золотой и брилліантовой.—«Этотъ сарай въ 50 шагахъ отсюда, черезъ улицу; но онъ запертъ, а ключъ у Господина Дессеня, который теперь... у вечерни».—Офицеръ засмѣялся,—поклонился и ушелъ.—«Господинъ Дессенъ въ Театрѣ», сказалъ мнѣ другой человѣкъ мимоходомъ. «Господинъ Дессенъ на караулѣ (сказалъ третій): его недавно пожаловали въ Капралы Гвардіи».— О Йорикъ! думалъ я—о Йорикъ! какъ все пере-

**) Все сіе памятно тому, кто хотя одинъ разъ читалъ Стерново или Йориково путешествіе; но можно ли читать его только одинъ разъ.

я васъ чувствую, не смотря на отдаленіе— чувствую, и лобызаю съ нѣжностію!...

Дикой, переселенной изъ мрачныхъ Канадскихъ лѣсовъ въ великолѣпный городъ Европы, на сцену всѣхъ блестящихъ Искусствъ, видитъ богатство и пышность—видитъ, и плѣняется;— но черезъ минуту очарованіе исчезаетъ—хладъ остается въ его сердцѣ, и онъ желаетъ возвратиться въ бѣдные шалаши лѣсовъ Канадскихъ, гдѣ грудь его согрѣвалась питательными лучами любви и дружбы.

Товарищи мои садятся въ карету — черезъ часъ будемъ въ Калѣ.

—

Кале, въ часъ по полуночи.

Насъ привезли въ трактиръ почтоваго двора.— Я тотчасъ пошелъ къ Дессеню (котораго домъ есть самый лучшій въ городѣ); остановился передъ его воротами, украшенными бѣлымъ павильономъ, и смотрѣлъ на право и на лѣво. «Что вамъ надобно, государь мой?» спросилъ у меня молодой Офицеръ въ синемъ мундирѣ. «Комната, въ которой жилъ Лаврентій Стернъ»*), отвѣчалъ я.—«И гдѣ въ первый разъ ѣлъ онъ Французскій супъ?» сказалъ Офицеръ.—Соусъ съ цыплятами, отвѣчалъ я.—«Гдѣ хвалилъ онъ кровь Бурбоновъ?» — Гдѣ жаръ человѣколюбія покрылъ лице его нѣжнымъ румянцемъ.—«Гдѣ самый тяжелый изъ металловъ казался ему

*) См. Sentimental Journey, Стерново путешествіе. Оно переведено на Русской, и напечатано.

что воображеніе мое еще ни *разу не заглянуло* въ будущее; ѣду въ Англію, а объ ней еще не думаю.

Го-Бюисонъ, въ 4 часа по полудни.

Въ Иль-де-Франсѣ плоды уже зрѣлы—въ Пикардіи зелены—въ окрестностяхъ Булони все еще цвѣтетъ и благоухаетъ. Перемѣна климата чувствительна на каждой милѣ—и воображеніе, что я удаляюсь безпрестанно отъ благословенныхъ странъ юга, горестно для души моей. Натура видимо блѣднѣетъ къ сѣверу.

Теперь сижу одинъ подъ каштановымъ деревомъ, шагахъ въ двадцати отъ почтоваго двора,—смотрю черезъ луга и поля на синѣющееся вдали море и на городъ Кале, окруженный болотами и песками.

Странное чувство! Мнѣ кажется, будто я пріѣхалъ на край свѣта—тамъ необозримое море—конецъ земли—Природа хладѣетъ, умираетъ—и слезы мои льются ручьями.

Все тихо, все печально; почтовый дворъ стоитъ уединенно; вокругъ его чистое поле. Товарищи мои сидятъ на травѣ, подлѣ нашей кареты, не говоря между собою ни слова; постильйоны впрягаютъ лошадей; вѣтеръ воетъ, и листья уныло шумятъ надъ головой моей.

Кто видитъ мои слезы? кто беретъ участіе въ моей горести? кому изъясню чувства мои? Я одинъ... одинъ!—Друзья! гдѣ взоръ вашъ? гдѣ рука ваша? гдѣ ваше сердце? Кто утѣшитъ печальнаго?

О, милыя узы отечества, родства и дружбы!

А вы, отечественные друзья мои, не назовете меня невѣрнымъ за то, что я въ чужой землѣ нашелъ человѣка, съ которымъ сердце мое было какъ дома. Это знакомство считаю благодѣяніемъ Судьбы въ странническомъ сиротствѣ моемъ. Какъ ни пріятно, какъ ни весело всякой день видѣть прекрасное, слышать умное и любопытное; но людямъ нѣкотораго роду надобны подобные имъ люди, или сердцу ихъ будетъ грустно.

Наконецъ скажу вамъ, что, выключая мои меланхолическія минуты, я не зналъ въ Парижѣ ничего, кромѣ удовольствій. Провести тамъ около четырехъ мѣсяцевъ, есть, по словамъ одного Англійскаго Доктора, выманить у скупой волшебницы, Судьбы, очень богатый подарокъ. Почти всѣ мои земляки провожали меня, и Б* и Баронъ В*. Мы обнялись нѣсколько разъ прежде, нежели я сѣлъ въ дилижансъ. Теперь мы ночуемъ, отъѣхавъ верстъ 30 отъ Парижа. Душа моя такъ занята прошедшимъ,

---

vous supplie, mon cher ami, de me répondre le plutôt pour que je sache que vous vous portez bien et que je peux toujours me compter parmi vos amis. Vous n'avez pas d'idée, combien le souvenir de notre séjour de Paris a de charmes pour moi. Tout a changé depuis; mais l'amitié que je vous ai vouée alors, est toujours la même. Je me flatte aussi, que vous ne m'avez pas entièrement oublié. J'aime à croire que nous nous entendons toujours à demi-mot, и пр. Онъ женился на молодой, любезной женщинѣ, которая извѣстна въ Германіи по уму и талантамъ своимъ. Она написала романъ, который долго считался твореніемъ славнаго Геге: потому что скромная Муза не хотѣла наименовать себя.

свиткъ исторіи *), чтобы *найти въ ней предсказаніе* будущаго! Можетъ быть *тогда все* темное для меня изъяснится; можетъ быть тогда еще болѣе полюблю человѣчество; или закрывъ лѣтописи, перестану заниматься его судьбою...

Прости, любезный Парижъ! прости, любезный В*! Мы родились съ тобою не въ одной землѣ, но съ одинакимъ сердцемъ; увидѣлись, и три мѣсяца не разставались. Сколько пріятныхъ вечеровъ провелъ я въ твоей Сенъ-Жерменской *Отели* читая привлекательныя мечты единоземца и соученика твоего Шиллера, или занимаясь собственными нашими мечтами, или философствуя о свѣтѣ, или судя новую Комедію, нами вмѣстѣ видѣнную! Не забуду нашихъ пріятныхъ обѣдовъ за городомъ, нашихъ ночныхъ прогулокъ, нашихъ рыцарскихъ приключеній, и всегда буду хранить нѣжное, дружеское письмо твое, которое тихонько написалъ ты въ моей комнатѣ за часъ до нашей разлуки. Я любилъ всѣхъ моихъ земляковъ въ Парижѣ; но единственно съ тобою и съ Б* мнѣ грустно было разставаться. Къ утѣшенію своему думаю, что мы въ твоемъ или моемъ отечествѣ можемъ еще увидѣться, въ другомъ состояніи души, можетъ быть и съ другимъ образомъ мыслей, но равно знакомы и дружны **)!

---

*) Въ Булонскомъ лѣсу читалъ я Мабліеву Исторію Французскаго Правленія.

**) Черезъ 10 лѣтъ послѣ нашей разлуки, не имѣвъ во все это время никакого объ немъ извѣстія, вдругъ получаю отъ него письмо изъ Петербурга, куда онъ присланъ съ важною коммисіею отъ Двора своего—письмо дружеское и любезное. Мнѣ пріятно напечатать здѣсь нѣкоторыя его строки: Je

«нѣтъ у характеръ народа, столь веселаго, «остроумнаго, любезнаго!»

Это писано для Дамы, и для Француженки, которая ахнула бы отъ ужаса, и закричала: *сѣверный варваръ*! естьли бы я сказалъ ей, что Французы не остроумнѣе, не любезнѣе другихъ.

—

Я оставилъ тебя, любезный Парижъ, оставилъ съ сожалѣніемъ и благодарностію! Среди шумныхъ явленій твоихъ жилъ я спокойно и весело, какъ безпечный гражданинъ вселенной; смотрѣлъ на твое волненіе съ тихою душею, какъ мирный пастырь смотритъ съ горы на бурное море. Ни Якобинцы, ни Аристократы твои не сдѣлали мнѣ никакого зла; я слышалъ споры, и не спорилъ; ходилъ въ великолѣпные храмы твои наслаждаться глазами и слухомъ: тамъ, гдѣ свѣтозарный Богъ Искусствъ сіяетъ въ лучахъ ума и талантовъ; тамъ, гдѣ Геній славы величественно покоится на лаврахъ! Я не умѣлъ описать всѣхъ пріятныхъ впечатлѣній своихъ, не умѣлъ всѣмъ пользоваться, но выѣхалъ изъ тебя не съ пустою душею: въ ней остались идеи и воспоминанія! Можетъ быть, когда нибудь еще увижу тебя и сравню прежнее съ настоящимъ; можетъ быть порадуюсь тогда большею зрѣлостію своего духа, или вздохну о потерянной живости чувства. Съ какимъ удовольствіемъ взошелъ бы я еще на гору Валеріанскую, откуда взоръ мой леталъ по твоимъ живописнымъ окрестностямъ! Съ какимъ удовольствіемъ, сидя во мракѣ Булонскаго лѣса, снова развернулъ бы передъ собою

«умереть въ моемъ любезномъ *отечествѣ; не*
«послѣ Россіи нѣтъ для меня *земли пріятнѣе*
«Франціи, гдѣ иностранецъ часто забывается,
«что онъ не между своими. Говорятъ, что здѣсь
«трудно найти искренняго, вѣрнаго друга... Ахъ
«друзья вездѣ рѣдки; и чужеземцу ли искать
«ихъ, тому, кто, подобно Кометѣ, *являясь исче-*
«заетъ? Дружба есть потребность жизни; вся-
«кой хочетъ для нее предмета надежнаго. Но
«все, чего по справедливости могу требовать
«отъ чужихъ людей, Французъ предлагаетъ
«мнѣ съ ласкою, съ *букетомъ цвѣтовъ*. Вѣтрен-
«ность, непостоянство, которыя составляютъ
«порокъ его характера, соединяются въ немъ
«съ любезными свойствами души, *происходя-*
«щими *) нѣкоторымъ образомъ отъ сего самаго
«порока. Французъ непостояненъ—и не злопа-
«мятенъ; удивленіе, похвала, можетъ скоро ему
«наскучить: ненависть также. По вѣтренности
«оставляетъ онъ доброе, избираетъ вредное: за
«то самъ первый смѣется надъ своею ошиб-
«кою—и даже плачетъ, естьли надобно. Веселая
«безразсудность есть милая подруга жизни его.
«Какъ Англичанинъ радуется открытію новаго
«острова, такъ Французъ радуется острому
«слову. Чувствителенъ до крайности, страстно
«влюбляется въ истину, въ славу, въ великія
«предпріятія; но любовники непостоянны! Ми-
«нуты его жара, изступленія, ненависти, могутъ
«имѣть страшныя слѣдствія: чему примѣромъ
«служитъ Революція. Жаль, естьли эта ужас-
«ная политическая перемѣна должна перемѣ-

*) Qui tiennent à ce même défaut.

«ложны.» Министръ удивился; но разговоръ вдругъ перервался, и забавный Йорикъ не изъяснилъ намъ своей мысли. Кажется, объ Аѳинскомъ народѣ было сказано, что онъ важными дѣлами шутилъ какъ бездѣлками, а бездѣлки считалъ важными дѣлами: то же самое можно сказать о Французахъ, которые не обижаются сходствомъ съ Аѳинскимъ народомъ. Вспомните жаркіе, но смѣшные споры о древней и новой Литературѣ, которыми Версальской Дворъ и весь Парижъ занимался; вспомните исторію Глукистовъ, Пичинистовъ, Месмеристовъ, и согласитесь, что въ нѣкоторомъ смыслѣ Йорикъ могъ утверждать свой парадоксъ. Но Французы имѣютъ характеръ, вопреки его старымъ шиллингамъ, qui à force d'être polis, n'ont plus d'empreinte *)—имѣютъ даже болѣе другихъ народовъ. Я говорилъ объ этомъ съ Госпожею Н*, и послѣ выразилъ мысли свои въ письмѣ къ ней. Вотъ переводъ:

«Скажу: *огонь, воздухъ*—и характеръ Француза описанъ. Я не знаю народа умнѣе, плавнѣе и вѣтренѣе вашего. Кажется, будто онъ *выдумалъ*, или для него *выдумано обращеніе*: столь мила его обходительность, и столь удивительны его тонкія соображенія въ искусствѣ жить съ людьми! Сіе искусство кажется въ немъ любезною природою. Никто, кромѣ его, не умѣетъ приласкать человѣка однимъ видомъ, одною вѣжливою улыбкою. Напрасно Англичанинъ или Нѣмецъ захотѣлъ бы учиться ей передъ зеркаломъ: на лицѣ ихъ она чужая, принужденная. Я хочу жить и

*) Слова Йориковы, сказанныя имъ въ другомъ мѣстѣ.

«сынъ Катерины Медицисъ *стрѣлялъ въ Про-*
«тестантовъ!» Аббатъ Мори вскочилъ *съ мѣста,*
и закричалъ: «вздоръ! ты отсюда не видишь
«его.» Члены и зрители захохотали во все
горло. Такія непристойности бываютъ весьма
часто. Вообще въ засѣданіяхъ нѣтъ ни малой
торжественности, никакого величія; но многіе
Риторы говорятъ краснорѣчиво. Мирабо и Мо
ри вѣчно единоборствуютъ, какъ Ахиллесъ и
Гекторъ.

На другой день послѣ споровъ о Католической Религіи явились въ лавкахъ бумажныя табакерки à l'abbé Maury; отворите крышку, выскочитъ Аббатъ. Таковы Французы: на всякой случай у нихъ готова выдумка. — Разскажу вамъ другой анекдотъ въ семъ родѣ. Въ тотъ самый день, какъ Собраніе опредѣлило выдать ассигнаціи, я былъ въ театрѣ. Играли старую оперу *башмашника,* которому во второмъ актѣ надлежало пѣть извѣстный *водевиль* Вмѣсто того онъ запѣлъ новые стихи, въ похвалу Короля и Народнаго Собранія, съ припѣвомъ:

L'argent caché ressortira
Par le moyen des assignats.

Зрители были внѣ себя отъ удовольствія, и заставили актера десять разъ повторить: l'argent caché ressortira. Имъ казалось, что передъ ними лежатъ уже кучи золота!

—

Парижъ, Іюня... 1790.

Вы помните, что Йорикъ сказалъ Министру Б* о характерѣ Французовъ: «они слишкомъ

каѳедра; кругомъ лавки, одна другой выше; вверху ложи для зрителей. Засѣданіе еще не открывалось. Вокругъ меня было множество людей, по большей части неопрятно одѣтыхъ—съ растрепанными волосами, въ сертукахъ. Шумѣли, смѣялись, около часа. Зрители хлопали въ ладоши, изъявляя нетерпѣніе. Наконецъ тотъ самый человѣкъ, который ввелъ меня *), подошелъ къ Президентскому столу, взялъ колокольчикъ, позвонилъ—и всѣ, закричавъ: *по мѣстамъ! по мѣстамъ!* разбѣжались и сѣли. Одинъ я остался середи залы—подумалъ, что мнѣ дѣлать, и сѣлъ на ближней лавкѣ; но черезъ минуту подошелъ ко мнѣ Церемоніймейстеръ, въ черномъ кафтанѣ, и сказалъ: «Вы не можете быть здѣсь!» Я всталъ и перешелъ на другое мѣсто. Между тѣмъ одинъ изъ Членовъ, Г. Андре, читалъ на каѳедрѣ предложеніе Военной Коммисіи. Его слушали со вниманіемъ; я также, но не долго, потому что проклятый черный кафтанъ опять подлетѣлъ ко мнѣ и сказалъ: «государь мой! вы конечно не знаете, что въ этой залѣ могутъ быть только одни Чле ны.»—Куда же мнѣ дѣваться, Г. М.?—«Подите въ ложи.»—А есть ли тамъ нѣтъ мѣста?—«Подите домой, или куда вамъ угодно.»— —Я у шелъ; но въ другой разъ высидѣлъ въ ложѣ 5 или 6 часовъ, и видѣлъ одно изъ самыхъ б урныхъ засѣданій. Депутаты Духовенства предлагали, чтобы Католическую Религію признать единственною или главною во Франціи. Мирабо оспоривалъ, говорилъ съ жаромъ, и сказалъ: «я вижу отсюда то окно, изъ котораго

*) Это былъ Рабо-Сентъ-Этьенъ.

«Есть міръ другой, гдѣ нѣтъ *измѣны*,
«Нѣтъ скуки, въ чувствахъ *перемѣны*:
«Тамъ ты увидишься со мной,
«И тамъ, надѣюсь, будешь мой!»...
Навѣкъ закрылся взоръ Алины
Никто не могъ понять причины
Сего внезапнаго конца;
Но вы, о нѣжныя сердца!
Ее конечно угадали!
Въ нещастьи жизнь намъ не мила...
Спросили медиковъ: узнали,
Что ядъ Алина приняла...
Супругъ, какъ громомъ пораженный,
Хотѣлъ идти за нею въ слѣдъ;
Но гласомъ дружбы убѣжденный,
Остался жить. Онъ слезы льетъ;
И сею горестною жертвой
Судъ неба и людей смягчилъ;
Живой Алинѣ измѣнилъ,
Но хочетъ вѣрнымъ быть ей мертвой!

Парижъ, Іюня... 1790.

Скажу вамъ нѣчто о Парижскомъ Народномъ Собраніи, о которомъ такъ много пишутъ теперь въ газетахъ. Въ первый разъ пришелъ я туда послѣ обѣда; не зналъ мѣста, хотѣлъ войти въ большія двери вмѣстѣ съ Членами, былъ остановленъ часовымъ, котораго никакія просьбы смягчить не могли, и готовился уже съ досадою воротиться домой; но вдругъ явился человѣкъ въ темномъ кафтанѣ, собою очень некрасивый; взялъ меня за руку, и сказавъ: allons, Mr. allons! ввелъ въ залу. Я окинулъ глазами всѣ предметы . . . . . Большая галлерея, столъ для президента и еще два для Секретарей по сторонамъ; напротивъ

«Въ подобномъ бѣдствіи насъ должно
«Лишь Богу одному судить...
«Когда мнѣ здѣсь уже не можно
«Для щастія супруга жить,
«Могу еще, на зло судьбинѣ,
«Ему пожертвовать собой!»

Вдругъ обнаружились въ Алинѣ
Всѣ признаки болѣзни злой;
И смерть приблизилась къ нещастной.
Супругъ у ногъ ея лежалъ;
Невѣрный слезы проливалъ,
И снова какъ любовникъ страстной
Клялся ей въ нѣжности, въ любви;
(Но поздно!) говорилъ: «живи,
«Живи, о милая! для друга!
«Я можетъ быть виновенъ былъ!»
«Нѣтъ!—томнымъ голосомъ супруга
Ему сказала: «ты любилъ
«Любилъ меня, и я сердечно,
«Мой другъ, благодарю тебя!
«Но есть ли здѣсь ничто не вѣчно,
«То какъ тебѣ винить себя?
«Цвѣтъ щастья, жизнь, ахъ! все невѣрно!
«Любви блаженство столь безмѣрно,
«Что смертный былъ бы самый Богъ,
«Когдабъ продлить его онъ могъ...
«Ничто, ничто моей кончины
«Уже не можетъ отвратить!
«Послѣдній взоръ твоей Алины
«Стремится нѣжность изъявить...
«Но дай ей умереть счастливо;
«Дай слово мнѣ—спокойнымъ быть,
«Снести потерю терпѣливо
«И снова для любови жить!
«Ахъ! естьли ты съ другою будешь
«Дни въ мирныхъ радостяхъ вести,
«Хотя Алину и забудешь,
«Довольно для меня!.. Прости!

(Нещастнымъ тѣнь лѣсовъ *мила!*)
И видитъ храмъ уединенный,
Остатокъ древности священный,
Тамъ вѣтръ въ развалинахъ свиститъ,
И мраморъ желтымъ мхомъ покрытъ;
Тамъ древность божеству молилась;
Тамъ послѣ, въ наши времена,
Кровь двухъ любовниковъ струилась:
Извѣстны свѣту имена
Фальдони, нѣжныя Терезы *);
Они жить вмѣстѣ не могли,
И смерть разлукѣ предпочли.
Алина, проливая слезы,
Равняетъ жребій ихъ съ своимъ,
И мыслитъ: «Кто любя любимъ,
«Тотъ долженъ быть судьбой доволенъ;
«Въ темницѣ и въ цѣпяхъ онъ воленъ
«Объ другѣ сладостно мечтать —
«Въ разлукѣ, въ горестяхъ питать
«Себя надеждою щастливой.
«Неблагодарные! за чѣмъ,
«Въ жару любви нетерпѣливой
«И въ изступленіи своемъ,
«Вы Небо смертью оскорбили?
«Ахъ! мнѣ бы слезы ваши были
«Столь милы, какъ... любовь моя!..
«Но щастьемъ полнымъ насладиться,
«*Измѣнной* вдругъ его лишиться,
«И въ тягость другу быть какъ я...

---

*) См. III Част. Писемъ Русск. Пут. стр. 67. Церковь, въ которой они застрѣлились, построена на развалинахъ древняго храма, какъ сказываютъ. Все, что здѣсь говоритъ или мыслитъ Алина, взято изъ ея Журнала, въ которомъ она почти съ самаго дѣтства записывала свои мысли, и который хотѣла сжечь умирая, но не успѣла. За день до смерти нещастная ходила на то мѣсто, гдѣ Фальдони и Тереза умертвили себя.

Всегдашней лаской, стараньемъ:
Но чѣмъ же можно возвратить?
Ничѣмъ! въ немиломъ все немило.
Алина тоже, что была,
И всѣхъ другихъ плѣнять могла,
Но чувство друга къ ней простыло;
Когда онъ съ нею, скука съ нимъ.
Кто нами пламенно любимъ,
Кто прежде самъ любилъ насъ страстно,
Тому быть въ тягость наконецъ
Для сердца нѣжнаго ужасно!
Милонъ не есть коварный льстецъ!
Не хочетъ больше притворяться,
Влюбленнымъ безъ любви казаться—
И дни проводитъ розно съ той,
Которая одна, безъ друга,
Проводитъ ихъ съ своей тоской.
Увы! нещастная супруга
Въ молчаніи страдать должна...
И скоро узнаетъ она,
Что вѣтреный Милонъ другою
Любезной женщиной плѣненъ;
Что онъ сражается съ собою,
И, сердцемъ въ горесть погруженъ,
Винитъ жестокость злой судьбины *).
Ударъ послѣдній для Алины!
Ахъ! сердце друга потерять,
И щастію его мѣшать
Въ другомъ любимомъ имъ предметѣ,
Лютѣе всѣхъ мученій въ свѣтѣ!
Міръ хладный, жизнь противны ей.
Она бѣжитъ отъ глазъ людей...
Но горесть лишь себѣ находитъ
Во всемъ, вездѣ, гдѣбъ ни была!..
Алина въ мрачный лѣсъ приходитъ

) Женщина, въ которую Милонъ былъ влюбленъ, по словамъ Госпожи Н, сама любила его; но имѣла твердость отказать ему отъ дому, для того, что онъ былъ женатъ.

Другъ друга вѣчно обожать
Они клялись чистосердечно.
Но что въ минутной жизни вѣчно?
Что клятва?—искренній обманъ!
Что сердце?—вѣтреный тиранъ!
Оно въ желаньяхъ своевольно,
И самымъ щастьемъ—недовольно.

И самымъ щастьемъ!—Такъ Милонъ,
Осыпанный любви цвѣтами,
Ея нѣжнѣйшими дарами,
Вдругъ сталъ задумчивъ. Часто онъ,
Ласкаемый подругой милой,
Имѣлъ видъ томной и унылой,
И въ землю потуплялъ глаза,
Когда блестящая слеза
Любви, чувствительности страстной
Катилась по лицу прекрасной:
Какъ въ пламенныхъ ея очахъ
Стыдливость съ нѣжностью сражалась,
Грудь тихо, тайно волновалась,
И розы тлѣли на устахъ.
Чего ему не доставало?
Онъ милой былъ боготворимъ!
Прекрасная дышала имъ!
Но верхъ блаженства есть начало
Унылой томности въ душахъ;
Любовь, восторгъ, холодность смежны.
Увы! почтожь сей пламень нѣжный
Не вмѣстѣ гаснетъ въ двухъ сердцахъ?

Любовь имѣетъ взоръ орлиный:
Глаза чувствительной Алины
Могли ль премѣны не видать?
Могло ль ей сердце не сказать:
«Уже твой другъ не любитъ страстно?»
Она надѣется (напрасно!)
Любовь любовью обновить:
Ее легко найти исканьемъ,

слышали».—Это слишкомъ просто.—«Истина не требуетъ украшеній».—По крайней мѣрѣ въ разсказъ можно вмѣстить нѣкоторыя мысли, нравственныя истины.—«Дозволяю. Сдержите же слово».—— Я сдержалъ его, и написалъ слѣдующее:

АЛИНА.

О даръ, достойнѣйшій Небесъ,
Источникъ радости и слезъ,
Чувствительность! сколь ты прекрасна,
Мила—но въ дѣйствіяхъ нещастна!..
Внимайте, нѣжныя сердца!

Въ странѣ, украшенной дарами
Природы, щедраго Творца,
Гдѣ Сона свѣтлыми водами
Кропитъ зеленые берега,
Сады, цвѣтущіе луга,
Алина милая родилась;
Плѣняла взоры красотой,
А души Ангельской душой;
Плѣняла—и сама плѣнилась.
Одна любовь въ любви законъ,
И сердце въ выборѣ не властно:
Что мило, то всегда прекрасно;
Но нѣжный юноша, Милонъ,
Достоинъ былъ Алины нѣжной;
Какъ старецъ въ младости уменъ,
Любезенъ всѣмъ, отъ всѣхъ почтенъ.
Съ улыбкой гордой и надежной
Себѣ подруги онъ искалъ;
Увидѣлъ—вольности лишался:
Алинѣ сердцемъ покорился;
Сказалъ: *люблю*! отвѣта ждалъ...
Еще Алина словъ искала;
Боялась сердцу волю дать,
Но все молчаніемъ сказала.—

немъ, и упалъ безъ чувства; *его подняли какъ* мертваго, вздумали анатомить и безразсудный лекарь воткнулъ ему ножъ въ сердце—пронзительный крикъ раздался — Прево былъ еще живъ—лекарь зарѣзалъ его.

Я списалъ въ Шантильи прекрасную Грувелеву надпись къ Амуру, представленному безъ оружія и безъ крыльевъ. Какъ умѣю, переведу ее:

Одною нѣжностью богатъ,
Какъ правда сердцемъ обнаруженъ,
Какъ Непорочность безоружень,
Какъ постоянство некрылатъ.
Онъ былъ въ Астреиномъ вѣкѣ. Уже мы не находимъ
Его нигдѣ; но жизнь въ исканіи проводимъ.

—

Парижъ, 1юля... 1790

Вчера цѣлыхъ пять часовъ провелъ я у Госпожи Н*, и не скучно; даже самый прелестный Баронъ, другъ ея, казался мнѣ сноснымъ. Говорили о чувствительности. Баронъ утверждалъ, что привязанность мущинъ бываетъ гораздо сильнѣе и надежнѣе; что женщины болѣе плачутъ, а мы чаще умираемъ отъ любви. Хозяйка утверждала противное, и милымъ голосомъ, съ нѣжнымъ и томнымъ видомъ разсказала намъ печальный Ліонскій анекдотъ. Всѣ были тронуты; я не менѣе другихъ. Госпожа Н* оборотилась ко мнѣ и спросила: «сочиняете ли вы стихи?—Для тѣхъ, которые любятъ меня, отвѣчалъ я.—«Вотъ вамъ матерія. Дайте мнѣ слово описать это приключеніе въ Русскихъ стихахъ». — Охотно; но позвольте немного украсить.—«Ни мало. Скажите только, что отъ меня

Шантильи.

Dans sa pompe élégante admirez Chantilly,
De Heros en Heros, d'âge en âge embelli.

Не ожидайте отъ меня пышнаго описанія: я видѣлъ Шантильи въ дурное время, въ дурномъ расположеніи и въ страхѣ, чтобы не уѣхала безъ меня почтовая карета. Мысль, что хозяинъ его скитается нынѣ по чужимъ землямъ, какъ бѣдный изгнанникъ, также туманила для глазъ моихъ предметы. Что вамъ сказать? Я видѣлъ великолѣпныя палаты, прекрасныя статуи, Физическіе Кабинеты, подземельные ходы съ высокими сводами, рѣдкія оранжереи, огромныя конюшни, большой паркъ, красивыя террассы, *островъ Любви*, пріятный Англійскій садъ, хижины, украшенныя какъ дворецъ, чудесную игру водъ и наконецъ латы *Орлеанской дѣвственницы*. Я вспомнилъ то великолѣпное, безпримѣрное зрѣлище, которымъ Принцъ Конде веселилъ здѣсь нашего Сѣвернаго Графа. Ночь превратилась въ день; отъ безчисленныхъ огней казалось, что лѣса и воды горѣли; искры сыпались отъ каскадовъ; музыка гремѣла, и охотники, при восклицаніяхъ народа, неслись вихремъ за быстрыми оленями. Такъ и восточные Государи не забавляли гостей своихъ.

Шантильи окруженъ густымъ лѣсомъ. Тутъ, на большой равнинѣ, гдѣ сходятся 12 безконечныхъ алей, Великой Конде, Герой и другъ просвѣщенія, давалъ праздники Лудовику XIV и всему Двору его.

Сей лѣсъ напоминаетъ печальную смерть мрачнаго Романиста Прево. Онъ гуляль въ

Что Руссо въ жизни своей *имѣлъ злобныхъ* враговъ, не мудрено; но можно ли безъ омерзѣнія слышать, что нѣкоторые хотѣли ругаться и надъ безчувственнымъ прахомъ его, вырѣзывали на гробѣ непристойныя, безстыдныя надписи, бросали грязь на монументъ и ломали его, такъ что хозяинъ, Маркизъ Жирарденъ, долженъ былъ приставить караулъ къ острову!

За то Руссо имѣлъ и жаркихъ, ревностныхъ почитателей болѣе, нежели кто нибудь изъ новыхъ Авторовъ. Ревность нѣкоторыхъ доходила до безумія. Разсказываютъ, что одинъ молодой Французъ, восхищенный твореніями Жанъ-Жака, вздумалъ проповѣдывать его ученіе въ Азіи, и сочинилъ на Арабскомъ языкѣ катихизисъ, который начинается такъ: *Что есть правда? Богъ. Кто ложный пророкъ Его? Маіометъ. Кто истинный? Руссо.* Французскій Консулъ видѣлъ его въ Бассорѣ въ 1780 году, и никакъ не могъ доказать ему, что онъ сумасшедшій. Скромный Руссо конечно не хотѣлъ такихъ учениковъ. Думаю, что и нынѣшніе Французскіе Ораторы не одолжили бы его своими пышными хвалами: чувствительный, добродушный Жанъ-Жакъ объявилъ бы себя первымъ врагомъ Революціи.

Говорили, что Тереза, жена его, вышла замужъ за слугу Маркиза Жирарденя: это неправда. Она гордится именемъ Руссовой супруги, и живетъ одна въ маленькой деревенькѣ Плесси-Бельвиль.

Кто, опершись рукою на монументъ незабвеннаго Жанъ-Жака, видѣлъ заходящее солнце и думалъ о безсмертіи, тотъ насладился не малымъ удовольствіемъ въ жизни.

продать ее за 100 экю; что жена мельникова никому не даетъ садиться на томъ стулѣ, на которомъ Руссо у мельницы сиживалъ, смотря на пѣнистую воду; что школьный мастеръ хранитъ два пера его; что Руссо ходилъ всегда задумавшись, неровными шагами, но всякому кланялся съ ласковымъ видомъ. Вамъ хочется и слушать перевощика, и читать надписи на берегу, и видѣть скорѣе гробъ Ж. Жаковъ...

Среди журчащихъ водъ, подъ сѣнію священной,
Ты видишь гробъ Руссо, наставника людей;
Но памятникъ его нетлѣнной
Есть чувство нѣжныхъ душъ и щастіе дѣтей *).

Всякая могила есть для меня какое-то святилище; всякой безмолвный прахъ говоритъ мнѣ:

И я былъ живъ, какъ ты;
И ты умрешь, какъ я.

Сколь же краснорѣчивъ пепелъ такого Автора, который сильно дѣйствовалъ на ваше сердце; которому вы обязаны многими изъ любезнѣйшихъ своихъ идей; котораго душа отчасти перелилась въ вашу? Монументъ его имѣетъ видъ древняго жертвенника; съ одной стороны написано: ici repose l'homme de la Nature et de la vérité, *здѣсь покоится человѣкъ истины и природы;* о на другой сторонѣ изображены играющія дѣти съ матерью, которая держитъ въ рукѣ томъ Эмиля; на верху девизъ Жанъ-Жаковъ: vitam impendere vero, *жить для истины.* На свинцовомъ гробѣ вырѣзано: hic jacent ossa J. J. Rousseau, *здѣсь лежатъ кости Руссовы.*

*) Переводъ одной изъ надписей.

Руссо переѣхалъ въ Эрменонвиль *20 Мая* 1778, а умеръ 2 Іюля: слѣдственно не *долго* наслаждался онъ здѣшнимъ тихимъ уединеніемъ; успѣлъ только ласкою, обходительностію снискать любовь Эрменонвильскихъ жителей, которые по сіе время не могутъ безъ слезъ говорить объ немъ. Свѣтъ, Литтература, слава, все ему наскучило: одна Природа сохранила до конца милыя права свои на его сердце и чувствительность. Въ Эрменонвилѣ рука Жанъ-Жакова не бралась за перо, а только подавала милостыню бѣднымъ. Лучшее его удовольствіе состояло въ прогулкахъ, въ дружескихъ разговорахъ съ земледѣльцами и въ невинныхъ играхъ съ дѣтьми. За день до смерти своей онъ ходилъ еще собирать травы; 2 Іюля, въ 7 часовъ утра, вдругъ почувствовалъ слабость и дурноту; велѣлъ своей Терезѣ растворить окно, взглянулъ на лугъ, сказалъ: comme la Nature est belle! и закрылъ глаза навѣки... Человѣкъ рѣдкій, Авторъ единственный; пылкій въ страстяхъ и въ слогѣ, убѣдительный въ самыхъ заблужденіяхъ, любезный въ самыхъ слабостяхъ! младенецъ сердцемъ до старости! мизантропъ, любви исполненный! нещастный по своему характеру между людьми, и завидно-щастливый по своей душевной нѣжности въ объятіяхъ Натуры, въ присутствіи невидимаго Божества, въ чувствѣ Его благости и красотъ творенія!.. Прахъ его хранится на маленькомъ прекрасномъ островкѣ, île des peupliers, осѣненномъ высокими тополями. Надобно переѣхать на лодкѣ — и Харонъ говоритъ вамъ о Жанъ-Жакѣ; сказываетъ, что Эрменонвильской цырюльникъ купилъ трость его и не хотѣлъ

Французъ въ восторгъ приходитъ
Отъ имени ея;
Оно на мысль приводитъ
Намъ добраго Царя.

Съ нѣжными чувствами выходите изъ башни, и вступаете въ прекрасной лѣсокъ, посвященный Музамъ и Спокойствію. Тутъ стремится ручей, подобно Воклюзскому, гдѣ, по увѣренію Италіянскаго Тибулла, *травы, цвѣты, Зефиры, птицы и Петрарка о любви говорили.* Тутъ въ прохладномъ гротѣ написано:

Являйте, зеркальныя воды,
Всегда любезный видъ Природы
И образъ милой красоты!
Съ Зефирами играйте,
И мнѣ воспоминайте
Петрарковы мечты!

Отъ всѣхъ Эрменонвильскихъ домиковъ, живописно разсѣянныхъ по лугу, отличается тотъ, который строенъ былъ для Жанъ-Жака, но достроенъ уже по смерти его: самый сельской и пріятный! Подлѣ садикъ, огородъ; лужокъ, орошаемый ручейкомъ; густыя дерева; мостикъ, примкнутый къ двумъ большимъ вязамъ, и маленькой жертвенникъ, съ надписью:

A l'amitié, le baume de la vie.
Дружбѣ, бальзаму жизни.

Подъ сѣнію одного дерева стоитъ канапе, съ надписью:

Жанъ-Жакъ любилъ здѣсь отдыхать,
Смотрѣть на зелень дерна,
Бросать для птичекъ зерна,
И съ нашими дѣтьми играть.

красной Габріели, и маленькая *лодочка готова* перевезти васъ. На дверяхъ башни читаете:

Здѣсь было царство Габріели;
Ей надлежало дань платить.
Французы изстари умѣли
Сердцами красоту дарить.

Архитектура наружности, крыльцо, внутреннія комнаты, напоминаютъ вамъ тѣ времена, когда люди не умѣли со вкусомъ ни строить, ни украшать своихъ домовъ, но умѣли обожать славу и красавицъ. Здѣсь, думаете вы, здѣсь Король Рыцарь, послѣ военнаго грома, наслаждался тишиною и сердцемъ своимъ въ объятіяхъ милой Габріели; здѣсь сочинилъ онъ нѣжную пѣсню свою:

Charmante Gabrielle,
Percé de mille dards,
Quand la gloire m'appelle,
Je vole au champ de Mars.
Cruelle départie!
Malheureux jour!
C'est trop peu d'une vie.
Pour tant d'amour *).

И куда ни взгляните въ комнатахъ, вездѣ читаете charmante Gabrielle! Авторъ Седенъ сочинилъ *здѣсь* на голосъ этой пѣсни другую такого содержанія.

Здѣсь Габріели страстной
Взоръ нѣжность изъявлялъ;
Здѣсь богъ войны ужасной
Въ цѣпяхъ любви вздыхалъ.

*) Вѣроятно, что послѣдніе два стиха не Генриховы. Музыка сей старинной пѣсни очень пріятна.

Здѣсь поклоняются Творцу
Природы дивныя и нашему Отцу.

Перейдите чрезъ большую дорогу и невольный ужасъ овладѣетъ вашимъ сердцемъ: мрачныя сосны, печальные кедры, дикія скалы, глубокой песокъ, являютъ вамъ картину Сибирской пустыни. Но вы скоро примиритесь съ нею... На хижинѣ, покрытой сосновыми вѣтвями, написано: *Царю хорошо въ своемъ дворцѣ, а льснику въ своемъ шалашѣ; всякой у себя господинъ;* а на древнемъ, густомъ вязѣ:

Подъ сѣнію его я съ милой изъяснился;
Подъ сѣнію его узналъ, что я любимъ!

Слѣдственно и въ дикой пустынѣ можно быть щастливымъ!—Во внутренности каменнаго утеса найдете гротъ Жанъ-Жака Руссо, съ надписью: *Жанъ-Жакъ безсмертенъ.* Тутъ, между многими девизами и титуломъ всѣхъ его сочиненій, вырѣзано прекрасное изреченіе Женевскаго Гражданина: *тотъ единственно можетъ быть свободенъ, кому для исполненія воли своей не надобно приставлять къ своимъ рукамъ чужихъ* *).—Идите далѣе, и дикость вокругъ васъ мало по малу исчезаетъ; зеленая мурава, скалы покрытыя можжевельникомъ, шумящіе водопады, напоминаютъ вамъ Швейцарію, Мельери и Кларанъ; вы ищите глазами Юліина имени, и видите его—на камняхъ и деревахъ.

Свѣтлая рѣка течетъ по лугу мимо виноградныхъ садовъ, сельскихъ домиковъ; на другой сторонѣ ея возвышается готическая башня *пре-*

*) Короче: «кто не имѣетъ нужды въ чужихъ рукахъ»; но не такъ живописно.

текторовъ, съ означеніемъ *того, что каждый* изъ нихъ обработывалъ по своему таланту. Напримѣръ:

J. J. Rousseau---Naturam (Природу).
Montesquieu---Justitiam (Правосудіе).
W. Penn---Humanitatem (Человѣчество).
Voltaire---Ridiculum (смѣшное).
Descartes---nil in rebus inane (нѣтъ въ вещахъ пустаго).
Newton---lucem (свѣтъ).

Внутри написано, что сей недостроенный храмъ посвященъ Монтаню; надъ входомъ: *познавай причину вещей;* а на столпѣ: *кто довершитъ?* Многіе писали отвѣтъ на колоннахъ. Они думаютъ, что несовершенный умъ человѣческій не можетъ произвести ничего совершеннаго; другіе надѣются, *что разумъ въ школѣ вѣковъ возмужаетъ,* побѣдитъ всѣ затрудненія, докончитъ свое дѣло и воцаритъ истину на земномъ шарѣ.

Видъ, который открывается съ вершины пригорка, веселитъ глаза и душу. Кристальныя воды, нѣжная зелень луговъ, густая зелень лѣса, представляютъ разнообразную игру тѣней и свѣта.

Уныло журчащій ручеекъ ведетъ васъ, мимо дикихъ гротовъ, къ олтарю *задумчивости.* Далѣе, въ лѣсу, находите мшистый камень съ надписью: *здѣсь погребены кости нещастныхъ, удитыхъ во времена суевѣрія, когда братъ возставалъ на брата, гражданинъ на гражданина, за несогласное мнѣніе о Религіи.*—На дверяхъ маленькой хижины, которая должна быть жилищемъ отшельника, видите надпись:

лѣсная пустыня обратилась въ прелестный Англійскій садъ, въ живописные ландшафты, въ Пуссеневу картину.

Древній замокъ остался въ прежнемъ своемъ готическомъ видѣ. Въ немъ жила нѣкогда *милая Габріель*, и Генрихъ IV наслаждался ея любовію; воспоминаніе, которое украшаетъ его лучше самыхъ великолѣпныхъ перестилей! Маленькіе домики примыкаютъ къ нему съ обѣихъ сторонъ; свѣтлыя воды струятся вокругъ его, образуя множество пріятныхъ островковъ. Здѣсь раскиданы лѣсочки; тамъ зеленѣютъ долины; тутъ гроты, шумные каскады: вездѣ Природа въ своемъ разнообразіи—и вы читаете надпись:

Ищи въ другихъ мѣстахъ Искусства красоты:
Здѣсь видъ богатыя Природы
Есть образъ щастливой свободы
И милой сердцу красоты.

Прежде всего поведу васъ къ двумъ густымъ деревамъ, которыя сплелись вѣтвями, и на которыхъ рукою Жанъ-Жака вырѣзаны слова: *любовь все соединяетъ*. Руссо любилъ отдыхать подъ ихъ сѣнію, на дерновомъ канапѣ, имъ самимъ сдѣланномъ. Тутъ разсѣяны знаки пастушеской жизни; на вѣтвяхъ висятъ свирѣли, посохи, вѣнки, и на дикомъ монументѣ изображены имена сельскихъ Пѣвцовъ: Теокрита, Виргилія, Томсона.

На высокомъ пригоркѣ видите храмъ—*новой Философіи*, который своею архитектурою напоминаетъ развалины Сибиллина храма въ Тиволи. Онъ не достроенъ; матеріалы готовы, но предразсудки мѣшаютъ совершить зданіе. На колоннахъ вырѣзаны имена Главныхъ Архи-

«самая умная книга; а я, бѣднякъ, не *умѣю ска-*
«зать двухъ красивыхъ словъ. Съ нѣкотораго
«времени онъ сталъ задумчивъ, ходилъ повѣся
«голову и любилъ разсуждать со мною о смерти.
«Дней шесть мы не видались: вчера узналъ я,
«что Жаку наскучила жизнь, и что въ свѣтѣ
«не стало одного добраго человѣка!» — Бидеръ
плакалъ какъ ребенокъ. Я самъ былъ сердечно
тронутъ. Бѣдный Жакъ!.. Гибельныя слѣдствія
полуфилософіи! Drink deep or taste not, *пей много
или не пей ни капли*, сказалъ Англичанинъ Попъ.
Эпиктетъ былъ слугою, но не убилъ себя.

—

Эрменонвиль.

Верстъ тридцать отъ Парижа до Эрменонвиля: тамъ Руссо, жертва страстей, чувствительности, пылкаго воображенія, злобы людей и своей подозрительности, заключилъ бурный день жизни тихимъ, яснымъ вечеромъ; тамъ послѣднее дѣло его было—благодѣяніе, послѣднее слово хвала Природѣ; тамъ въ мирной сѣни высокихъ деревъ дружбою насажденныхъ, покоится прахъ... Туда спѣшатъ добрые странники, видѣть мѣста, освященныя невидимымъ присутствіемъ Генія, — ходить по тропинкамъ, на которыхъ слѣдъ Руссовой ноги изображался—дышать тѣмъ воздухомъ, которымъ нѣкогда онъ дышалъ — и нѣжною слезою меланхоліи оросить его гробницу.

Эрменонвиль былъ прежде затемняемъ дремучимъ лѣсомъ, окруженъ болотами, глубокими и безплодными песками: однимъ словомъ, былъ дикою пустынею. Но человѣкъ, богатый и деньгами и вкусомъ, купилъ его, отдѣлалъ—и дикая,

между разбросанными по столу бумагами напились стихи, разныя философическія мысли и завѣщаніе. Изъ первыхъ видно, что сей молодой человѣкъ зналъ наизусть опасныя произведенія новыхъ Философовъ; вмѣсто утѣшенія извлекалъ изъ каждой мысли ядъ для души своей, необразованной воспитаніемъ для чтенія такихъ книгъ, и сдѣлался жертвою мечтательныхъ умствованій. Онъ ненавидѣлъ свое низкое состояніе, и въ самомъ дѣлѣ былъ выше его, какъ разумомъ, такъ и нѣжнымъ чувствомъ; цѣлыя ночи просиживалъ за книгами и покупалъ свѣчи на свои деньги, думая, что строгая честность не дозволяла ему тратить на то господскихъ. Въ завѣщаніи говоритъ, что онъ *сынъ любви*, и весьма трогательно описываетъ нѣжность *второй матери* своей, добродушной кормилицы; отказываетъ ей 130 ливровъ, отечеству (en don patriotique) 100, бѣднымъ 48, заключеннымъ въ темницѣ за долги 48, луидоръ тѣмъ, которые возмутъ на себя трудъ предать землѣ прахъ его, и три луидора другу своему, слугѣ Нѣмцу, живущему въ *Британской Отели*. Комисаръ нашелъ въ его ларчикѣ болѣе 400 ливровъ». — «Три луидора отказаны мнѣ, «сказалъ чувствительный Бидеръ: онъ былъ съ «ребячества другомъ моимъ и рѣдкимъ молодымъ человѣкомъ; вмѣсто того, чтобы шататься по трактирамъ, ходилъ всякой день на «нѣсколько часовъ въ *кабинетъ чтенія*, и вся«кое Воскресенье въ театръ. Не рѣдко со слезами на глазахъ говаривалъ мнѣ: «*Генрихъ! «будемъ благородны сердцемъ! заслужимъ собствен«ное свое почтеніе*! Ахъ! я не могу пересказать «вамъ всѣхъ рѣчей его: Жакъ говаривалъ какъ

нѣжными оттѣнками шелковъ, *такъ что тканье* не уступаетъ въ ней живописи.—Слуга *мой Бидеръ* безпрестанно говорилъ: eh bien, Monsieur, eh bien, qu'en dites-vous?

Теперь скажу вамъ нѣсколько словъ о Бидерѣ. Онъ родомъ Нѣмецъ, но забылъ свой природный языкъ; живетъ со мною въ одной *Отели*, только на чердакѣ; бѣденъ какъ Иръ, а честенъ какъ Сократъ; покупаетъ мнѣ все дешево, и бранитъ меня естьли гдѣ нибудь заплачу лишнее. Однажды, всходя на лѣстницу, я выронилъ завернутые въ бумажкѣ пять луидоровъ: онъ шелъ за мною, поднялъ ихъ и принесъ ко мнѣ. Ты самый честный слуга, Бидеръ! говорю ему. Il faut bien que je le sois, Monsieur, pour ne pas dementir mon nom *), отвѣчаетъ мой Нѣмецъ. Не помню, за что я сказалъ ему грубость. Бидеръ отступилъ два шага назадъ... Monsieur, de choses pareilles ne se disent point en bon françois. Je suis trop sensible pour le souffrir. Я разсмѣялся. Riez, Monsieur: je rirai avec vous; mais point de grossieretés je vous en prie.— Однажды Бидеръ пришелъ ко мнѣ весь въ слезахъ и сказалъ, подавая листъ газетъ: «читайте!» Я взялъ и прочиталъ слѣдующіе: «Сего Маія 28 дня, въ 5 часовъ утра, въ улицѣ Сен-Мери застрѣлился слуга господина N. Прибѣжали на выстрѣлъ, отворили дверь... нещастный плавалъ въ крови своей; подлѣ него лежалъ пистолетъ; на стѣнѣ было написано: quand on n'est rien, et qu'on est sans éspoir, la vie est un opprobre, et la mort un devoiri; а на дверяхъ: aujourd'hui mon tour, demain le tien.

*) Бидеръ по-нѣмецки значитъ *честный* или *добрый*.

сраженіе конницы, и подаренный, какъ думаютъ, Гишпанскимъ народомъ Сципіону Африканскому; 2) стальныя латы Франциска I, съ рѣзною работою по рисунку Юлія Романа, такія легкія, что ихъ можно поднять одною рукою (онъ въ нихъ сражался при Павіи, гдѣ Французы *все потеряли, кромѣ чести;* tout est perdu hormis l'honneur, писалъ Францискъ къ матери, будучи въ плѣну у непріятеля со всѣми своими Генералами); 3) латы Генриха II (въ которыхъ онъ былъ смертельно раненъ на турнирѣ Графомъ Монгомерри) и Лудовика XIV, подарокъ Венеціанской Республики; 4) два меча Генриха IV; 5) двѣ пушки съ серебряными лафетами, присланныя Сіамскимъ Царемъ Лудовику XIV, въ доказательство, что у него есть артиллерія*); 6) длинное вызолоченное копье Папы Павла V, которымъ онъ хотѣлъ заколоть Венеціанскую Республику; 7) золотая корзинка, осыпанная брилліантами и рубинами; 8) *золотая церковная утварь* Кардинала Ришельё, также осыпанная драгоцѣнными каменьями; 9) богатое сѣдло, подаренное султаномъ Лудовику XV—и наконецъ шелковыя картинныя обои, за которыя Францискъ I заплатилъ около 100,000 талеровъ Фламандскимъ художникамъ, и на которыхъ вытканы сраженія Сципіоновы, *дѣянія Апостольскія* и басни Псиши, по рисунку Юлія Романа и Рафаэля. Тутъ же хранятся и лучшія произведенія Гобелинской фабрики, заведенной въ Парижѣ Кольбертомъ: работа удивительная правильностью рисунка, блескомъ красокъ,

*) Ему сказали, что Лудовикъ не считаетъ его опаснымъ своимъ непріятелемъ, полагая, что у него нѣтъ пушекъ.

счесть до ста, умѣла чувствовать *красоты безсмертнаго Романа*, и плакать. Домъ маленькой, на пригоркѣ; вокругъ сельскія равнины.

Былъ и въ Монморанси, гдѣ написанъ Эмиль; былъ и въ Пасси, гдѣ жилъ Франклинъ; былъ и въ *Бельвю*, достойномъ своего имени *); и въ Сен-Клу, гдѣ бьетъ славнѣйшій искусственный каскадъ въ Европѣ; былъ я и въ разныхъ другихъ городкахъ, деревенькахъ, замкахъ, по чему нибудь достойныхъ любопытства.

—

Парижъ, Іюня...

Наемный слуга мой Бидеръ, который (за 24 су въ день) всюду меня провожаетъ, *зная* (по словамъ его) *Парижъ, какъ свой чердакъ*, давно уже приступалъ ко мнѣ, чтобы я шелъ смотрѣть *Царскую кладовую*, Garde-meuble du Roi. «Стыдно, государь мой, стыдно! Быть три мѣ«сяца въ Парижѣ, и не видать еще самой любопытнѣйшей вещи! Что вы здѣсь дѣлаете? бѣ«гаете по улицамъ, по театрамъ, по лѣсамъ, во«кругъ города! Вотъ вамъ шляпа, трость; на«добно непремѣнно итти въ кладовую!»—Я надѣлъ шляпу, взялъ трость, и пошелъ на мѣсто Лудовика XV въ Garde meuble, большое зданіе съ колонами.

Въ самомъ дѣлѣ я видѣлъ такъ множество рѣдкихъ вещей, серебра и золота, драгоцѣнныхъ камней, вазъ и всякаго рода оружія. Любопытнѣе всего: 1) круглой серебряный щитъ, около трехъ футовъ въ діаметрѣ, найденный въ Ронѣ близъ Ліона, представляющій (en bas-relief

*) *Бельвю* значитъ прекрасный видъ.

И вверхъ стремяся упадаютъ
Жемчужнымъ радужнымъ дождемъ,
Лучами солнца озлащеннымъ;
Потомъ, извивистымъ путемъ,
Древами темно осѣненнымъ,
Едва журчатъ среди луговъ.
Тамъ, въ тихой мрачности лѣсовъ,
Вездѣ встрѣчаются Сильваны,
Подруги скромныя Діаны.
Тамъ каждый мраморъ — богъ, лѣсочикъ всякой — храмъ *)
Герой, извѣстный всѣмъ странамъ,
На лаврахъ славы отдыхая,
И будто весь Олимпъ сзывая
Къ себѣ на велелѣпный пиръ,
Съ богами торжествуетъ миръ.

Надобно быть механикомъ, чтобы понять чудесность Марлійской водяной машины; ея горизонтальныя и вертикальныя движенія, дѣйствіе насосовъ, и проч. Дѣло состоитъ въ томъ, что она беретъ воду изъ рѣки Сены, поднимаетъ ее вверхъ, вливаетъ въ трубы, проведенныя въ Марли и въ Тріанонъ. Изобрѣтатель сей машины не зналъ грамотѣ. — —

Какъ обогащены Искусствомъ всѣ мѣста вокругъ Парижа! Часто хожу на гору Валеріянскую, и тамъ, сидя подлѣ уединенной часовни, смотрю на великолѣпныя окрестности великолѣпнаго города.

Я не забылъ Эрмитажа, сельскаго дома Госпожи д'Епине, въ которомъ жилъ Руссо и гдѣ сочинена Новая Элоиза; гдѣ авторъ читалъ ее своей простодушной Терезѣ, которая, не умѣвъ

*) Я удержалъ въ этомъ славномъ стихѣ мѣру оригинала.

Я не примѣтилъ. Но что значатъ *ваши вопросы*, государи мои? — «Такъ; намъ нужно знать. Извините». — Они приподняли шляпы, прыгнули въ карету и поскакали.

Парижъ, Іюня...

Я былъ въ Марли; видѣлъ чертогъ солнца *) и 12 павильйоновъ, изображающихъ 12 знаковъ Зодіака; видѣлъ Олимпъ, долины Темпейскія, сады Альцыноевы; однимъ словомъ, вторую Версалію, съ нѣкоторыми особливыми оттѣнками. Вмѣсто подробнаго описанія, вотъ вамъ худой переводъ Делилевыхъ прекрасныхъ стиховъ, въ которыхъ онъ прославляетъ Марли:

Тамъ все велико, все прелестно,
Искусство славно и чудесно;
Тамъ истинный Армидинъ садъ,
Или великаго Героя
Достойный мирный вертоградъ,
Гдѣ онъ въ объятіяхъ покоя
Еще желаетъ *побѣждать*
Натуру смѣлыми трудами,
И каждый шагъ свой означать
Могуществомъ и чудесами,
Едва понятными уму.
Стихіи творческой Природы
Подвластны кажутся ему;
Въ его рукахъ земля и воды.
Тамъ храмы въ рощахъ Ореядъ
Подъ кровомъ зелени блистаютъ;
Тамъ бронзы дышутъ, говорятъ.
Тамъ рѣки токъ свой пресѣкаютъ,

*) Солнце, какъ извѣстно, было девизомъ Лудовика XIV. Королевскій павильйонъ, построенный среди двѣнадцати другихъ, называется *солнечнымъ*.

Хотите ли, подобно Орфею, за любезною тѣнію сойти на Плутоново царство? Есть ли у васъ сладкогласная лира?.. Земля разверзается передъ вами: вы спускаетесь въ глубины ея по каменнымъ ступенямъ и трепещете отъ ужаса; густой мракъ окружаетъ васъ. Поздно думать о возвращеніи; надобно итти впередъ, въ ночной темнотѣ, въ неизвѣстности. Безпокойное воображеніе мечтаетъ объ адскихъ чудовищахъ, слышитъ грозный шумъ Стикса и Коцита; скоро, скоро залаетъ Церберъ... Не бойтесь: быстрый лучъ свѣта издали озаряетъ ваши глаза — еще нѣсколько шаговъ, и вы опять въ подсолнечномъ мірѣ, на берегу журчащей рѣчки, среди прелестныхъ ландшафтовъ. Здѣсь, любезные друзья, остановитесь со мною; сядьте на мягкомъ дернѣ, и насладитесь пріятнымъ вечеромъ. Не хочу болѣе описывать; описаніе можетъ наскучить... но никогда, никогда не скучилось бы вамъ гулять въ Булонскомъ саду Графа д'Артуа!

На возвратномъ пути въ городъ случилась со мною странность. Смерклось; я шелъ одинъ какъ можно тише, какъ можно чаще останавливаясь и смотря на всѣ стороны. Скачетъ карета. Я слышу голосъ: arrête! arrête! *стой*! Кучеръ удержалъ лошадей. Вышли два человѣка, прямо ко мнѣ; оглядѣли меня съ головы до ногъ, и спросили кто я? — Иностранецъ. Что вамъ угодно? — «Не вы ли ходили въ Булонскомъ «лѣсу съ Господиномъ Лаклосомъ?»—Я ходилъ въ Булонскомъ лѣсу одинъ, и не знаю Господина Лаклоса. — «Тѣмъ лучше или тѣмъ хуже. «По крайней мѣрѣ не объѣхала ли васъ дама «верхомъ, въ зеленомъ Амазонскомъ платьѣ?»—

ваются тропинки, текутъ ручейки, *возвышаются* красивые мостики и павильйоны. Одинъ изъ нихъ построенъ на скалѣ; всходъ неудобенъ, труденъ... это павильйонъ *Философіи*, которая не всякому дается. Видъ его снаружи не привлекателенъ, странный, готическій: въ знакъ того, что Философія мила только Философамъ, а другимъ кажется едва ли не сумазбродствомъ. Внутренность украшена медальйонами Греческихъ мудрецовъ; а разноцвѣтныя окончины представляютъ вамъ всякую вещь разноцвѣтною: эмблема несогласія умовъ и мнѣній человѣческихъ. Внизу павильйона гротъ, куда лучи солнца проницаютъ сквозь разсѣлины камней, гдѣ собраны всѣ произведенія минеральнаго царства. — Съ другой дикой скалы стремится большой каскадъ, шумитъ и вливается пѣною въ кристаллъ пруда, котораго тихія струи омываютъ въ одномъ мѣстѣ черную мраморную гробницу, обсаженную кипарисами: предметъ трогательный для всякаго, кто любилъ и терялъ милыхъ!

Ктожь милыхъ не терялъ? Оставь холодный свѣтъ,
И горесть раздѣляй съ унылыми древами,
Съ кристалломъ томныхъ водъ и съ снѣжными цвѣтами;
Чувствительной во всемъ себѣ друзей найдетъ.
Тамъ урну хладную съ любовью осѣняютъ
Тополь высокій, блѣдный тисъ,
И ты, другъ мертвыхъ, кипарисъ!
Печальныя сердца твою пріятность знаютъ,
Любовникъ нѣжный мирты рветъ,
Для славы гордый лавръ растетъ;
Но ты милѣе тѣмъ, которые стенаютъ
Надъ прахомъ щастья и друзей!

Делиль.

Видите маленькой домикъ, покрытый тростникомъ; въ немъ двѣ комнаты, обклеенныя мохомъ и листьями, кухня, нѣсколько деревянныхъ стульевъ, постеля. Тутъ въ самомъ дѣлѣ жилъ когда-то пустынникъ въ трудахъ и воздержаніи; любопытные приходили видѣть уединеннаго мудреца, и слушать его наставленія. Онъ съ презрѣніемъ говорилъ о свѣтѣ, называлъ его забавы адскими игрищами, женскую красоту приманкою Сатаны, а любовь (боюсь сказать) самимъ дьяволомъ. Купидонъ, раздраженный такимъ дерзкимъ *Эротохуленіемъ*, рѣшился отмстить Анахорету, прострѣлилъ его насквозь своею кипарисною стрѣлою, и показалъ ему вдали сельскую красавицу, которая на берегу Сены рвала фіялки. Пустынникъ воспламенился; забылъ свое ученіе, свою густую бороду, и сдѣлался Селадономъ. Далѣе молчитъ исторія; но изустное преданіе говоритъ, что онъ былъ нещастливъ въ любви, и хотя обрилъ себѣ бороду, хотя обрѣзалъ длинное свое платье, но красавицѣ не могъ понравиться; съ отчаянія записался въ солдаты, дрался съ Англичанами, былъ раненъ и принятъ въ домъ Инвалидовъ, гдѣ Графъ д'Артуа давалъ ему сто ливровъ пенсіи. — Близь домика часовня; поле, которое Анахоретъ обработывалъ, и ручей, которымъ онъ утолялъ свою жажду.

Вздохнувъ о слабости человѣческой, иду далѣе, и вдругъ является передо мною высокой обелискъ, исписанный таинственными гіероглифами. Жаль, что Египетскіе жрецы не оставили мнѣ ключа своей науки; сказываютъ, что на сей пирамидѣ помѣщена вся ихъ мудрость. За обелискомъ, по цвѣтущимъ лугамъ, изви-

Къ залѣ примыкаютъ два *кабинета: баня* будуаръ, гдѣ все нѣжно и сладострастно. *На* картинахъ улыбается Любовь, а въ альковѣ кроются Восторги... не смѣю взглянуть на постелю. Въ верхнемъ этажѣ спальня бога Марса: вездѣ пики, каски, трофеи, знаки сраженій и побѣдъ. Но Марсъ дружень съ Кипридою; взгляните на право... тутъ маленькой тайный кабинетъ, гдѣ представляются глазамъ знаки другаго рода сраженій и побѣдъ: Стыдливость умираетъ, Любовь торжествуетъ. Цвѣтъ дивана, креселъ и другихъ приборовъ, есть самый нѣжный тѣлесный; одни Амуры умѣютъ такъ красить. Подойдите къ окну: видъ прелестный! Теченіе Сены, Лоншанскій монастырь, мостъ Нёльи, образуютъ самой живописный ландшафтъ. — Наконецъ вы узнаете, что этотъ павильйонъ есть въ самомъ дѣлѣ волшебный, будучи построенъ, отдѣланъ, убранъ въ пять недѣль; безъ волшебства такихъ чудесъ не дѣлается.

Отъ павильйона идутъ двѣ алеи, и примыкаютъ къ гранитному утесу, изъ котораго вытекаетъ ручей; за утесомъ пріятный лѣсокъ, посвященный *стыдливой Венерѣ* à la Venus pudique; мраморный образъ ея стоитъ на высокомъ подножіи. Тутъ начинается садъ Англійской, картина сельской Природы, въ иныхъ мѣстахъ дикой, угрюмой, въ другихъ обработанной и веселой. Прежде всего является глазамъ большой лугъ, окруженный лѣсомъ и маленькими холмиками; въ серединѣ свѣтлый прудъ, по которому вѣтеръ носитъ лодку. На лѣвой сторонѣ извивается тропинка, и приводитъ васъ къ *пустынѣ;* густыя дерева, перепутываясь своими вѣтвями, служатъ ей оградою.

Св. Дионисій, Патронъ Франціи, проповѣдывалъ въ Галліи Христіянство, и былъ казненъ злыми язычниками въ Монмартрѣ. Католическія Легенды говорятъ, что онъ послѣ казни сталъ на ноги, взялъ въ руки отрубленную голову свою и шелъ съ ней версты четыре. Одна Парижская Дама, разсуждая о семъ чудѣ, сказала: cela n'est pas surprenant; il n'y a que le premier pas qui coute.

—

Парижъ, Іюня...

Сколько разъ былъ я въ Булонскомъ лѣсу, не видавъ славной *Бездѣлки*! Сегодня видѣвъ ее, хвалилъ вкусъ хозяина, жалѣлъ о нынѣшней судьбѣ его. Вы догадаетесь, что я говорю о Булонскомъ увеселительномъ домѣ Графа д'Артуа, называемомъ Багатель, и вспомните, что сказалъ объ немъ Делиль:

Et toi, d'un Prince aimable ô l'asyle fidelle,
Dont le nom trop modeste est indigne de toi,
Lieu charmant! etc.

Въ концѣ лѣса, почти на самомъ берегу Сены, возвышается прекрасный павильйонъ съ золотою надписью на дверяхъ; parva sed apta; *мало, но покоенъ*. У крыльца стоитъ мраморная Нимфа, и держитъ на головѣ корзину съ цвѣтами: въ эту корзину ставится ночью хрустальный фонарь для освѣщенія крыльца. Первая комната столовая, гдѣ изъ двухъ дельфиновъ бьетъ вода и льется въ обширный бассейнъ, окруженный зеленью; зеркала повторяютъ дѣйствіе фонтана. Оттуда входъ въ большую ротонду, украшенную стеклами, барельефами, арабесками и разными аллегорическими фигурами.

одна въ ужасѣ, другая въ горестномъ *изумленіи*. Черная мраморная доска ждетъ эпитафіи: для чего не вырѣжутъ на ней слѣдующихъ стиховъ, не знаю кѣмъ сочиненныхъ:

Turenne a son tombeau parmi ceux de nos Rois;
Il obtint cet honneur par ses fameux exploits;
Louis voulut ainsi couronner sa vaillance,
Afin d'apprendre aux siècles d'avenir,
Qu'il ne met point de difference
Entre porter le sceptre et le bien soutenir.

Честь Франціи, Тюренъ,
Съ Царями погребенъ.
Симъ Лудовикъ его и въ гробѣ награждаетъ,
Желая свѣту доказать,
Что онъ единымъ почитаетъ,
На тронѣ быть, или тронъ славно защищать.

Я не буду говорить вамъ о странныхъ барельефахъ Дагобертовой гробницы, на которыхъ изображены дьяволы въ дракѣ, Св. Діонисій въ лодкѣ и Ангелы съ подсвѣчниками: мысль и работа достойны варварскихъ вѣковъ. Король Дагоберъ основалъ Діонисіево Аббатство. Не буду описывать вамъ и тамошняго сокровища, золотыхъ распятій, святыхъ гвоздей, рукъ, ногъ, волосовъ, лоскутьевъ, подаренныхъ Аббатству разными Королями и благочестивыми людьми. Замѣчу только вѣнецъ Карла Великаго, скипетръ и державу Генриха IV, мечь Лудовика Святаго (которымъ онъ въ Африкѣ и въ Азіи рубилъ невѣрныхъ), портретъ такъ называемой *Орлеанской дѣвственницы*, славной Героини Вольтеровой Поэмы, и большую древнюю чашу, сдѣланную изъ восточнаго агата для Египетскаго Царя Птоломея Филадельфа, съ изображеніемъ Вакхова торжества.

шла за Графа Креци, и скончала дни свои въ Жанлизскомъ монастырѣ, ею основанномъ; другіе же Историки думаютъ, что она возвратилась въ Россію. Какъ бы то ни было, но ея кенотафа нѣтъ подлѣ монумента Генриха I. Вообразите чувство юной Россіянки, которая, оставляя свою милую отчизну и семейство, ѣдетъ въ чужую, дальнюю землю, какъ въ темный лѣсъ, не зная тамъ никого, не разумѣя языка — чтобъ быть супругою неизвѣстнаго ей человѣка!... Слѣдственно и тогда приносились горестныя жертвы Политикѣ! Анна должна была перемѣнить законъ, во время самыхъ жаркихъ раздоровъ Восточной и Западной церкви: что очень удивительно. Генрихъ I заслуживалъ быть ея супругомъ; онъ славился мужествомъ и другими Царскими достоинствами. Любовь заключила вторый брачный союзъ ея; но Анна не долго наслаждалась щастіемъ любви: Графъ Креци былъ убитъ на поединкѣ однимъ Британскимъ рыцаремъ.

Я поклонился гробу Лудовика XII и Генриха IV...

Великій человѣкъ достоинъ монумента,
Великій Государь достоинъ олтарей.

Гробъ Франциска I, прозваннаго *Отцемъ Искусствъ и Наукъ*, великолѣпно украшенъ благодарнымъ Художествомъ: но монументъ перваго изъ новыхъ военачальниковъ, Александра храбростію, Фабія благоразуміемъ — однимъ словомъ, Тюрена, всѣхъ другихъ достойнѣе примѣчанія. Герой кончается въ объятіяхъ Безсмертія, которое вѣнчаетъ его лаврами. Храбрость и Мудрость стоятъ подлѣ его гроба,

залъ имъ: «друзья! намѣреніе *ваше похвально;* «но теперь ночь: никто не увидитъ героическаго «конца Поэтовъ. Дождемся Феба, отца нашего; «и тогда весь Парижъ будетъ свидѣтелемъ слав- «ной смерти дѣтей его!» Такая щастливая мысль «всѣмъ полюбилась, и Шапель, наливая рюмку, «говорилъ: правда, правда; утопимся завтра, «а теперь допьемъ остальное вино!»—По смерти стихотворца Буало жилъ въ его домѣ придвор- ный Медикъ Жандронъ. Вольтеръ, будучи у него въ гостяхъ, написалъ карандашемъ на стѣнѣ:

C'est ici le vrai Parnasse
Des vrais enfans d'Apollon:
Sous le nom de Boileau, ces lieux virent Horace,
Esculape y paroit sous celui de Gendron.

Теперь этотъ домъ принадлежитъ господину... забылъ имя.

Деревенька Отёль славилась нѣкогда хоро- шимъ виномъ своимъ; но слава ея прошла: нынѣшнее Отёльское вино никуда не годится. Я не могъ выпить рюмки.—Смеркается; спѣшу въ городъ.

—

Сен-Дени.

Вселенныя любовь иль страхъ,
Цари! что вы по смерти?.. прахъ!

То есть, я былъ въ Аббатствѣ Св. Діонисія, на кладбищѣ Французскихъ Царей, которые всѣ, въ глубокой тишинѣ, лежатъ другъ подлѣ друга: колѣно Меровеево, Карлово, Капетово, Валуа и Бурбонское. Я напрасно искалъ гроб- ницы Ярославовой дочери, прекрасной Анны, супруги Генриха I, которая по смерти его вы-

Теперь, видя васъ, еще болѣе удивляюсь.—«Видя меня?»—Имѣть такую любезную супругу и добровольно съ нею разстаться!—«Государь мой! любопытство имѣетъ своихъ мучениковъ. Мы женщины созданы для неподвижности; а вы всѣ Калмыки—любите скитаться, искать Богъ знаетъ чего, и не думать о нашемъ безпокойствѣ».—Я старался увѣрить Госпожу Вальянъ, что у насъ въ Россіи мужья гораздо нѣжнѣе, не любятъ разставаться съ женами, и твердятъ пословицу. *Домъ, Домъ, а лучше всего домъ!*—Она дозволила мнѣ притти къ ней въ другой разъ, чтобы познакомиться съ ея мужемъ, который опять собирается ѣхать въ Африку!

—

Деревня Отель, Іюня...

Я пришелъ сюда для того, чтобы видѣть домъ, въ которомъ Буало писалъ сатиры свои, веселился съ друзьями, и гдѣ Мольеръ спасъ жизнь всѣхъ лучшихъ Французскихъ Писателей тогдашняго времени. Помните ли этотъ забавный анекдотъ? Хозяинъ, Расинъ, Лафонтенъ, Шапель, Мольеръ, ужинали, пили, смѣялись, и наконецъ вздумали *Гераклитствовать*, оплакивать житейскія горести, проклинать судьбу, находя, по словамъ одного Греческаго Софиста, что первое щастіе есть... не родиться, а второе умереть какъ можно скорѣе. Буало, не теряя времени, предложилъ друзьямъ своимъ броситься въ рѣку. Сена была не далеко, и дѣти Аполлоновы, разгоряченные виномъ, вскочили, хотѣли бѣжать, летѣть въ объятія смерти. Одинъ благоразумный Мольеръ не всталъ съ мѣста, и ска-

ною, и до крайности говорливою. *Вальянъ хо*тѣлъ съ Мыса Доброй Надежды пробраться черезъ пустыни Африканскія до самаго Египта: глубокія рѣки, неизмѣримыя песчаныя степи, гдѣ вся Природа мертва и бездушна, заставили его возвратиться назадъ; но онъ во внутренности Африки былъ далѣе другихъ путешественниковъ. Весь Парижъ читаетъ теперь описаніе его романическаго странствія, въ которомъ Авторъ изображаетъ себя маленькимъ Тезеемъ, сражаться съ чудовищами, и стрѣляетъ слоновъ какъ зайцевъ. Парижскія Дамы говорятъ: il est vaillant, ce Monsieur de Vallant! Желая быть вторымъ Руссо, онъ ужаснымъ образомъ бранитъ просвѣщеніе, хвалитъ дикихъ, находитъ въ Кафріи милую для своего сердца, привлекательную Нерину, гоняется за нею какъ Аполлонъ за Дафною, прячетъ ея передникъ, когда она въ рѣкѣ купается; не можетъ нарадоваться невинностію смуглой красавицы; клянется самому себѣ не употреблять ее во зло, и хранитъ клятву. Вальянъ вывезъ изъ Африки нѣсколько звѣринныхъ кожъ, пернатыхъ чучелъ, Готтентотскихъ орудій и матерію для двухъ большихъ томовъ. Слогъ его чистъ, выразителенъ, иногда живописенъ; и Госпожа Вальянъ съ гордымъ видомъ объявила мнѣ, что въ послѣднія 15 лѣтъ Французская Литература произвела только двѣ книги для безсмертія: Анахарсиса и путешествіе мужа ея. Оно прекрасно, сказалъ я: но читая его, удивляюсь, какъ можно оставить милое семейство, отечество, всѣ пріятныя удобности Европейской жизни, и скитаться за океаномъ по неизвѣстнымъ степямъ, чтобы вѣрнѣе другихъ описать какую нибудь птичку.

розъ Натуры. Садъ Тріанона есть совершенство садовъ Англійскихъ; нигдѣ нѣтъ холодной симметріи; вездѣ безпорядокъ, простота и красоты сельскія. Вездѣ свободно играютъ воды, и цвѣтущіе берега ихъ ждутъ, кажется, пастушки. Прелестный островокъ является взору; тамъ, въ дикой густотѣ лѣска, возвышается храмъ Любви: такъ искусный рѣзецъ Бушардоновъ изобразилъ Амура во всей его любезности. Нѣжный богъ ласковымъ взоромъ своимъ привѣтствуетъ входящихъ; въ чертахъ лица его не видно опасной хитрости, коварнаго лукавства. Художникъ представилъ любовь невинную и щастливую.—Иду далѣе; вижу маленькіе холмики, обработанныя поля, луга, стада, хиженки, дикой гротъ. Послѣ великолѣпныхъ, утомительныхъ предметовъ Искусства нахожу Природу: снова нахожу самого себя, свое сердце и воображеніе; дышу легко, свободно; наслаждаюсь тихимъ вечеромъ; радуюсь заходящимъ солнцемъ... Мнѣ хотѣлось бы остановить, удержать его на лазурномъ сводѣ, чтобы долѣе быть въ прелестномъ Тріанонѣ. Ночь наступаетъ... Простите, мѣста любезныя! — Возвращаюсь въ Парижъ, бросаюсь на постелю и говорю самому себѣ: «я не видалъ ничего великолѣпнѣе Вер«сальскаго дворца съ паркомъ, и милѣе Тріа«нона съ его сельскими красотами!»

Парижъ, Іюня...

Я былъ нынѣшній день у Вальяна, славнаго Африканскаго путешественника; не засталъ хозяина дома, однакожь видѣлъ его кабинетъ, и познакомился съ хозяйкою, пріятною женщи-

Чего мы съ ними не дѣлаемъ? *Маленькая двуногая* тварь садится верхомъ на огромнаго слона, стучитъ ему молотомъ въ голову, и правитъ имъ какъ овечкою; величественнаго льва какъ суслика запираетъ въ клѣтку; оковавъ яростнаго тигра, дразнитъ его палкою и смѣется надъ его злобою; беретъ за рогъ носорога, и ведетъ изъ Ефіопіи въ Версалію. Многихъ животныхъ называютъ хитрыми; но что ихъ хитрость противъ нашей.

Лудовикъ XIV хотя чрезмѣрно любилъ пышность, однакожь иногда скучалъ ею, и въ такомъ случаѣ изъ огромнаго дворца переселялся на нѣсколько дней въ Тріанонъ, небольшой увеселительной домъ, построенный въ Версальскомъ паркѣ, въ одинъ этажъ, украшенный живописью, убранный со вкусомъ, и довольно просто. Передъ домомъ цвѣтники, бассейны, мраморныя группы.

Но мы спѣшили видѣть *маленькой Тріанонъ*, о которомъ говоритъ Делиль:

Semblable à son auguste et jeune Déité,
Trianon joint la grace avec la majesté.

Пріятные лѣсочки съ Англійскими цвѣтниками окружаютъ уединенный домикъ, Любезностію посвященный Любезности и тихимъ удовольствіямъ избраннаго общества. Тутъ не Королева, а только прекрасная Марія, какъ милая хозяйка, угощала друзей своихъ; тутъ, въ низенькой галлереѣ, закрываемой отъ глазъ густою зеленью, бывали самые пріятные ужины, концерты, пляски Грацій. Софы и кресла обиты собственною работою Маріи Антуанеты; розы, ею вышитыя, казались мнѣ прелестнѣе всѣхъ

рестной ссылки, и снова поютъ любовь; но ахъ! не въ *присутствіи Царей*! Никто не слушаетъ теперь ихъ пѣсенъ, кромѣ нѣкоторыхъ любопытныхъ иностранцевъ, приходящихъ иногда видѣть садъ Версальскій!

Одно названіе статуй, которыми украшаются партеры, фонтаны, лѣсочки, алеи, заняло бы нѣсколько страницъ; тутъ собраны лучшія произведенія тридцати лучшихъ ваятелей. Упомяну только о древнемъ, колоссальномъ Юпитерѣ славнаго Греческаго художника Мирона, сдѣланномъ изъ Паросскаго мрамора. Маркъ-Антоній нашелъ его въ Самосѣ; Августъ поставилъ въ Каштоліи; Германикъ, Траянъ, Маркъ-Аврелій, приносили ему жертвы. Маргарита, Герцогиня Комаринская, подарила его Министру Карлу V, Гранвелю, который украсилъ имъ Безансонской садъ свой. Наконецъ, по волѣ Лудовика XIV, Самосской колоссальной Юпитеръ шагнулъ въ Версалію. Я поклонился въ немъ не богу, а глубокой древности, и смотрѣлъ на него съ особеннымъ удовольствіемъ. Время и странствія лишили его ногъ; художникъ Друильи придѣлалъ ихъ; но мнѣ казалось, что древній Зевсъ не твердо стоитъ на новыхъ ногахъ.

Въ большомъ звѣринцѣ, въ красныхъ павильйонахъ, за желѣзными рѣшетками видѣлъ я множество звѣрей: львовъ, тигровъ, барсовъ и (что всего любопытнѣе) славнаго риноцероса, или носорога. Онъ менѣе слона, но гораздо болѣе всѣхъ другихъ животныхъ. Страшно смотрѣть на него и въ клѣткѣ: каково же встрѣтиться съ нимъ въ пустынѣ Африканской? Впрочемъ звѣри имѣютъ причину не любить насъ.

Артиста, и долженъ трепетать, *когда художникъ* беретъ въ руки его сочиненіе.

Въ 1775 году Версальскій садъ претерпѣлъ страшное опустошеніе: безжалостная сѣкира подрубила всѣ густыя, высокія дерева, для того (говорятъ), что они начинали старѣться, и походили не на лѣсочки, а на лѣсъ. Стихотворецъ въ такихъ случаяхъ не принимаетъ никакихъ извиненій, и Делиль въ гармоническихъ стихахъ изъявляетъ свое негодованіе:

O Versailles, ô regrets, ô bosquets ravissans,
Chef-d'oeuvre d'un grand Roi, de Lenotre et du tems
La hache est à vos pieds, et votre heure est venue!

«Исчезли, продолжаетъ онъ, исчезли вѣтви-«стые старцы, которыхъ величественныя главы «осѣняли священную главу Царя великаго! Увы! «гдѣ прекрасныя рощи, въ которыхъ веселились «Граціи?.. Амуръ! Амуръ! гдѣ прелестныя сѣни, «въ которыхъ нѣжно томилась гордая Монтес-«панъ и гдѣ милая чувствительная Лавальеръ «не нарочно открыла тайну своего сердца щаст-«ливому любовнику? Все исчезло, и пернатые «Орфеи, устрашенные стукомъ разрушенія, съ «горестію летятъ изъ мирной обители, гдѣ столько «лѣтъ *въ присутствіи Царей* пѣли они любовь «свою! Боги, которыми ваятельное художество «населило сіи тѣнистые храмы; боги, вдругъ «лишенные зеленаго покрова, тоскуютъ, и сама «Венера въ первый разъ устыдилась наготы «своей!.. Растите, осѣняйтесь, юныя дерева, воз-«вратите намъ птичекъ!»...

Юныя дерева послушались стихотворца, разрослись, осѣнились — Венера не стыдится уже наготы своей — птички возвратились изъ го-

Къ великолѣпію Цари осуждены;
Мы требуемъ отъ нихъ огромности блестящей,
Во изумленіе нашъ разумъ приводящей;
Какъ солнцемъ ею быть хотимъ ослѣплены.

И такъ не ищите Природы въ садахъ Версальскихъ; но здѣсь на всякомъ шагу Искусство плѣняетъ взоры; здѣсь царство кристальныхъ водъ, богини Скульптуры и Флоры. Партеры, цвѣтники, пруды, фонтаны, бассейны, лѣсочки и между ими безчисленное множество статуй, группъ, вазъ, одна другой лучше, не привлекаютъ, а развлекаютъ вниманіе, такъ что вы не знаете на что смотрѣть. Вотъ точно дѣйствіе, которое хотѣли произвести великій Царь и великій художникъ! Послѣдній безъ сомнѣнія не думалъ, чтобы любопытные зрители разбирали всякую красоту въ особенности: сколько времени надобно для такого дѣла? Мало и года! Нѣтъ, онъ воображалъ, что зритель, окинувъ часть несмѣтныхъ богатствъ и воскликнувъ въ первую минуту: *великолѣпно!* умолкнетъ отъ изумленія, и не посмѣетъ болѣе хвалить. Я то и сдѣлалъ; въ чувствѣ моего ничтожества передвигалъ ноги, переносилъ взоры отъ предмета къ предмету, находилъ все совершеннымъ, и смиренно удивлялся. Лудовикъ XIV съ Ленотромъ запечатали мнѣ воображеніе, которое не можетъ тутъ ничего придумать, ничего представить иначе. Къ славѣ художника вспомнилъ я Тассово описаніе Армидиныхъ садовъ: какъ оно бѣдно въ сравненіи съ Версальскимъ! Тамъ эстампъ, здѣсь картина. А сколько разъ было сказано, что Художество не угоняется за Поэзіею? въ изображеніи *сердца для сердца*, конечно; но во всемъ *картиномъ для глазъ* Поэтъ ученикъ

Королевскаго кабинета, хранятся *драгоцѣнные* гравированные, древніе и новые камни; между ими всего любопытнѣе такъ называемая *печать Микеля Анджела*, на которой изображено собираніе винограда.—Осмотрѣвъ театръ, достойный называться Королевскимъ, пошли мы искать обѣда.

Версалія безъ Двора какъ тѣло безъ души: осиротѣла, уныла. Гдѣ прежде всякую минуту стучали кареты, тѣснился народъ, тамъ нынѣ едва встрѣтится человѣкъ: мертвая тишина и скука! Всякой житель казался мнѣ печальнымъ. Въ самомъ лучшемъ трактирѣ заставили насъ два часа ждать обѣда. Хозяйка въ оправданіе свое говорила: «Что дѣлать? Худыя времена, «государи мои! нещастныя времена! Всѣ терпятъ: «и вы потерпите!»

Утоливъ съ нуждою голодъ свой, торопились мы видѣть сады и паркъ, которые въ окружности составляютъ верстъ пятьдесятъ.

Ничто не можетъ сравняться съ великолѣпнымъ видомъ дворца изъ саду; фасадъ его вмѣстѣ съ флигелями простирается на 300 саженъ. Тутъ разсѣяны всѣ красоты, всѣ богатства архитектуры и ваянія. Никто изъ Царей земныхъ, ни самый роскошный Соломонъ не имѣлъ такого жилища. Надобно видѣть: описать невозможно. Исчислить колонны, статуи, вазы, трофеи, не есть описывать. Огромность, совершенная гармонія частей, дѣйствіе цѣлаго: вотъ чего и живописцу нельзя изобразить кистію!

Пойдемъ въ сады, твореніе Ленотра, котораго смѣлый Геній вездѣ сажалъ на тронъ гордое Искусство, а смиренную Натуру, какъ бѣдную невольницу, повергалъ къ ногамъ его.

сдаются голубей. На другой картинѣ Лудовикъ подаетъ масличную вѣтвь Европѣ. — Изъ *мирной залы* входъ въ Королевины комнаты... Я вспомнилъ 4 Октября, ту ужасную ночь, въ которую прекрасная Марія, слыша у дверей своихъ грозный крикъ Парижскихъ варваровъ и стукъ оружія, спѣшила неодѣтая, съ распущенными волосами, укрыться въ объятіяхъ супруга отъ злобы тигровъ... Не скоро могъ я обратить глаза на украшенія и живопись комнатъ. Тутъ всѣ картины представляютъ славу и торжество женщинъ. Клеопатра подлѣ Антонія, готоваго броситься къ ногамъ ея; Царица Родопа смотритъ на пирамиду, сооруженную красотѣ ея; безсмертная Сафо играетъ на лирѣ; Аспазія говоритъ съ Аѳинскими мудрецами; Пенелопа распускаетъ коверъ; невинныя дѣвы приносятъ Юпитеру жертву на горѣ Идѣ — и славнѣйшія Царицы древности.—Въ Королевскихъ внутреннихъ комнатахъ замѣтили мы Рафаэлева Іоанна, нѣсколько Веронезовыхъ, Бассановыхъ картинъ портреты Катерины Валуа, Маріи Медицисъ, Франциска I (Рубенсовой, Вандиковой, Тиціановой кисти), два древніе бюста. Сципіона Африканскаго (бронзовой съ серебряными глазами) и Александра Великаго, порфировый; большіе астрономическіе часы, которые бьютъ секунды, показываютъ мѣсяцъ, число, день, недѣли, дѣйствіе холода и тепла на металлы, и круговращеніе планетъ съ такою вѣрностью, что во сто лѣтъ не могутъ сдѣлать ни малѣйшей розницы съ астрономическими таблицами. Лудовикъ XIV спалъ на высокой постелѣ, съ которой онъ видѣлъ, сквозь прямую аллею, весь Парижъ передъ собою. Въ маленькихъ комнатахъ, подлѣ

пѣтуха поютъ махая крыльями; *въ ту же секунду* выходятъ изъ маленькой дверцы двѣ бронзовыя фигуры съ тимпаномъ, по которому два Амура бьютъ всякую четверть стальнымъ молоточкомъ; въ серединѣ декораціи является статуя Лудовика XIV, а сверху на облакѣ спускается богиня побѣдъ и держитъ корону надъ его головою; внутри играетъ музыка — и наконецъ вдругъ все исчезаетъ.—Въ Тронной, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, стоитъ престолъ. «Вотъ первый тронъ въ свѣтѣ!» сказалъ человѣкъ, который водилъ насъ по дворцу: «*былъ*, разумѣю; но естьли Богъ не оставилъ Францу-«зовъ, то солнце Лудовика XIV опять возсіяетъ «здѣсь во всей лучезарности!» — Черезъ *залу войны*, Salon de la Guerre, гдѣ кисть Лебрюнева вездѣ изобразила побѣды Франціи, вошли мы въ галлерею, которая не даромъ названа большою: она длиною въ 37 сажень, вышиною 8. Противъ оконъ сдѣланы зеркальныя аркады, въ которыхъ самымъ прелестнымъ образомъ изображается садъ, зелень, игра воды. На плафонѣ представлена Лебрюнемъ, въ 27 аллегорическихъ картинахъ, исторія Лудовика въ первыя семь лѣтъ его царствованія. Четыре мраморныя колонны съ осмью пиластрами окружаютъ входъ съ обѣихъ сторонъ галлереи; между пиластрами, на мраморныхъ подножіяхъ, стоятъ древнія статуи: Бахуса, Венера (найденная въ городѣ Арлѣ); Весталка и Муза Уранія; а въ серединѣ, въ четырехъ нишахъ, Германикъ, изваянный славнымъ Аѳинскимъ художникомъ Алькаменомъ; двѣ Венеры и Діана.—Въ *залѣ мира* живопись представляетъ Францію, сидящую на лазоревомъ шарѣ; Слава вѣнчаетъ ее; Амуръ и Миръ со-

Расположеніе, фигуры, выразительность служатъ доказательствомъ Лемуанова Генія. Самые лучшіе живописцы ему удивляются. Тутъ же стоятъ двѣ славныя Веронезовы картины: Спаситель и Ревекка. Первая была собственностью Сервитскихъ монаховъ въ Венеціи, которые ни за что не хотѣли продать ее Лудовику XIV; но Сенатъ узнавъ желаніе Короля, отнялъ у монаховъ картину и подарилъ ему. Даже и рамы достойны того, чтобы посмотрѣть на нихъ нѣсколько минутъ: прекрасная рѣзьба!—Залы *Изобилія, Венерина, Діанина, Марсова*, также всего болѣе достойны вниманія по своимъ живописнымъ плафонамъ. Во второй замѣтилъ я древнюю статую земледѣльца и Диктатора Цинцината; въ третьей бюстъ Лудовика XIV, а въ четвертой удивлялись мы Лебрюневой *Дарієвой фамиліи*, признанной всѣми знатоками за лучшую изъ картинъ его. Онъ писалъ ее въ Фонтенебло; Король всякій день ходилъ смотрѣть его работу и восхищался ею — что имѣло вліяніе на кисть художника. Разсказываютъ, что одинъ Италіянскій Прелатъ не могъ отъ зависти видѣть этой картины, и всегда, будучи во дворцѣ, проходилъ мимо ее зажмуривъ глаза. Подлѣ Любреневой стоитъ Веронезова картина *Странники*, на которой живописецъ изобразилъ все свое семейство. Въ *Меркуріевой залѣ* были преждѣ двѣ Рафаэлевы картины: Архангелъ Михаилъ и *Святая фамилія;* но ихъ, къ нашему сожалѣнію, за чѣмъ-то сняли. Тутъ съ любопытствомъ разсматривали мы часы, сдѣланные въ началѣ нынѣшняго вѣка Мораномъ, который, подобно нашему Кулыбину, никогда не бывалъ часовщикомъ. Всякій часъ два

Министровъ; у воротъ стоятъ двѣ *группы, представляющія* Изобиліе и Миръ, два *главные предмета* дѣлъ Министерскихъ. Прежде всего пошли мы въ придворную церковь, о которой Вольтеръ упоминаетъ въ описаніи Храма Вкуса:

Il n'a rien des défauts pompeux
De la chapelle de Versaille,
Ce colifichet fastueux
Qui du peuple éblouit les yeux,
Et dont le connoisseur se raille.

Однакожъ многіе знатоки не такъ думаютъ, и вопреки Фернейскому насмѣшнику находятъ зданіе достойнымъ похвалы, какъ въ гармоніи цѣлаго, такъ и въ частныхъ украшеніяхъ. Въ церкви служили обѣдню, но никого не было, кромѣ монаховъ. Рѣзная работа и живопись прекрасны; вездѣ богатство, разсыпанное съ блескомъ и со вкусомъ. Между многими хорошими картинами замѣтилъ я Жувенетову, на которой изображенъ Св. Лудовикъ, Герой и Христіянинъ; побѣдивъ невѣрныхъ въ Египтѣ, онъ печется о раненыхъ и служитъ имъ. На одномъ изъ олтарей показываютъ, какъ великую драгоцѣнность, Распятіе изъ слоновой кости, вышиною въ 4 фута: даръ Августа II, Короля Польскаго. Изъ церкви прошли мы въ *Геркулесову залу*, которая огромна своимъ пространствомъ и великолѣпна украшеніемъ. Тутъ возвышается 20 мраморныхъ Коринѳическихъ пиластровъ, съ жарко-вызолоченными капителями и базами; но главная красота залы есть плафонъ, расписанный на полотнѣ масляными красками живописцемъ Лемуаномъ, и представляющій Геркулесово *боготвореніе* (апоѳеозу); самая величайшая картина въ

простосердечный Лафонтенъ находилъ болѣе ума, нежели въ философскихъ трактатахъ, и которые безъ всякаго сомнѣнія подали Стерну мысль сочинить Тристрама Шанди. Рабле жилъ и умеръ шутя. За нѣсколько минутъ до смерти своей сказалъ онъ: «занавѣсъ опускается, комедія вся. Je vais chercher un grand peutêtre». Духовная его состояла въ слѣдующихъ словахъ: *ничего не имѣю; много долженъ; остальное бѣднымъ.* — Въ деревенькѣ Севѣ, извѣстной въ цѣломъ свѣтѣ по своей фарфоровой фабрикѣ (съ которою ни Саксонская, ни Берлинская не можетъ сравняться въ чистотѣ и въ живописи), мы позавтракали въ кофейномъ домѣ и отправились въ Версалію пѣшкомъ; видѣли на обѣихъ сторонахъ дороги прекрасные домы, сады, трактиры, и нечувствительно вошли въ Версальскія алеи, avenues de Versailles, гдѣ открылся намъ дворецъ...

Лудовикъ XIV хотѣлъ сдѣлать чудо; велѣлъ — и среди пустыни, дикой, песчаной, явились Темпейскія долины и дворецъ, которому въ Европѣ нѣтъ подобнаго великолѣпіемъ.

Три двойныя алеи, одна изъ Парижа, другая изъ Со, третья изъ Сенъ-Клу, сходятся на площади, называемой Place d'armes, гдѣ возвышаются два огромныхъ зданія. Радуйтесь, естьли вы любите лошадей: это конюшни. Впереди прекрасная желѣзная рѣшетка; а по концамъ двѣ группы, которыя изображаютъ побѣды Франціи надъ Гишпаніею и Нѣмецкою Имперіею. Новая постройка съ лѣвой стороны, для Королевской гвардіи, имѣетъ видъ палатокъ: хорошо само по себѣ, но разрушаетъ общую симметрію. За площадью передній дворъ (avant cour) или дворъ

Парижъ, Іюня...

Наконецъ я рѣшился отказаться на нѣсколько времени отъ Спектаклей, чтобы осмотрѣть любопытныя Парижскія окрестности. Съ чего начать? Безъ всякаго сомнѣнія съ Версаліи.

Въ 9 часовъ утра нашъ Посольскій священникъ, Г. К*, Русской Артистъ съ великимъ талантомъ, и я пришли на берегъ Сены: сѣли на гальйотъ и поплыли мимо Елисейскихъ полей, Булонскаго лѣса, многихъ прелестныхъ загородныхъ домовъ и садовъ. На лѣвой сторонѣ возвышается замокъ Медонъ съ великолѣпною своею террасою (длиною въ 150 саженъ) и съ густымъ паркомъ. Онъ принадлежалъ откупщику Сервіену, Министру Лувуа, Лудовику XIV и Дофину, который умеръ тамъ оспою въ 1711 году. Въ мѣстечкѣ Медонъ жилъ нѣкогда Францискъ Рабле, Авторъ романовъ Гаргантюа и Пантагрюель, наполненныхъ остроумными замыслами, гадкими описаніями, темными аллегоріями и нелѣпостью. Шестой-надесять вѣкъ удивлялся его знаніямъ, уму, шутовству. Бывъ нѣсколько времени худымъ монахомъ, Рабле сдѣлался хорошимъ докторомъ, выпросилъ у Папы *отпускную*, и прославилъ Монпельерскій Университетъ своими лекціями *); ѣздилъ въ Римъ пошутить надъ туфлемъ своего благодѣтеля, взялъ на себя должность приходскаго священника въ Медонѣ, усердно врачевалъ тѣло и душу своей паствы, и писалъ романы, въ которыхъ

*) Такъ, что по сіе время, въ память ему, на всякаго новопринимаемаго Доктора въ Монпелье надѣваютъ Раблееву мантію, которая не рѣдко напоминаетъ басню осла во львиной кожѣ.

Въ ясные осенніе дни мы наслаждаемся Природою какъ другомъ, съ которымъ намъ должно разстаться на долгое время—и тѣмъ живѣе бываетъ наше удовольствіе. Наступаетъ зима—и сельской житель спѣшитъ въ городъ пользоваться обществомъ.

Вопросъ. Какія пріятности имѣетъ ваша общественная жизнь?

Отвѣтъ. Всѣ тѣ, которыми вы наслаждаетесь: спектакли, балы, ужины, карты и любезность вашего пола.

Вопросъ. Любятъ ли иностранцевъ въ Россіи? хорошо ли ихъ принимаютъ?

Отвѣтъ. Гостепріимство есть добродѣтель Русскихъ. Мы же благодарны иностранцамъ за просвѣщеніе, за множество умныхъ идей и пріятныхъ чувствъ, которыя были неизвѣстны предкамъ нашимъ до связи съ другими Европейскими землями. Осыпая гостей ласками, мы любимъ имъ доказывать, что ученики не уступаютъ учителямъ въ искусствѣ жить и съ людьми обходиться.

Вопросъ. Уважаете ли вы женщинъ?

Отвѣтъ. У насъ женщина на тронѣ. Слава и любовь, лавръ и роза, есть девизъ нашихъ рыцарей.

Угадайте, какой вопросъ теперь слѣдуетъ?.. *Много ли дичи въ Россіи?* «спрашиваетъ мужъ мой (прибавляетъ Графиня), страстный охотникъ стрѣлять».

Я отвѣчалъ такъ, что провинціальный Графъ долженъ закричать: *ружье! лошадей! въ Россію!*

Однимъ словомъ, естьли и мужъ и жена теперь не прискачутъ къ вамъ въ Москву, то не моя вина!

—

столь прелестны, какъ зимою; *дѣйствіе холода* свѣжитъ ихъ лица, и всякая, входя *съ надворья* въ комнату, кажется Флорою.

Вопросъ. Какое время въ году бываетъ у васъ пріятно?

Отвѣтъ. Всѣ четыре; но нигдѣ весна не имѣетъ столько прелестей, какъ въ Россіи. Бѣлая одежда зимы наконецъ утомляетъ зрѣніе; душа желаетъ перемѣны, и звонкой голосъ жаворонка раздается на высотѣ воздушной. Сердца трепещутъ отъ удовольствія. Солнце быстрымъ дѣйствіемъ лучей своихъ растопляетъ снѣжные холмы; вода шумитъ съ горъ, и поселянинъ, какъ мореплаватель при концѣ Океана, радостно восклицаетъ: *земля!* Рѣки рвутъ на себѣ ледяныя оковы, пышно выливаются изъ береговъ, и самой маленькой ручеекъ кажется величественнымъ сыномъ моря. Блѣдные луга, упитанные благотворною влагою, пушатся свѣжею травкою и красятся лазоревыми цвѣтами. Березовыя рощи зеленѣютъ; за ними и дремучіе лѣса, при громкомъ гимнѣ веселыхъ птичекъ, одѣваются листьями, и Зефиръ всюду разноситъ благоуханіе ароматной черемухи. Въ вашихъ климатахъ весна наступаетъ медленно, едва примѣтнымъ образомъ: у насъ мгновенно слетаетъ съ неба, и глазъ не успѣваетъ слѣдовать за ея быстрыми дѣйствіями. Ваша Природа кажется изнуренною, слабою: наша имѣетъ всю пламенную живость юности; едва пробуждаясь отъ зимняго сна, является во всемъ блескѣ красоты своей; и что у васъ зрѣетъ нѣсколько недѣль, то у насъ въ нѣсколько дней доходитъ до возможнаго растительнаго совершенства. Луга ваши желтѣютъ въ срединѣ лѣта: у насъ зелены до самой зимы

«скакиваютъ въ его трагедіяхъ хорошіе стихи, «но какъ будто бы не нарочно, безъ его вѣдома «и согласія».

Какой страшный Аристархъ! думалъ я: хорошо, что у насъ въ Россіи нѣтъ такихъ грозныхъ Критиковъ.

Мы сѣли ужинать въ 11 часовъ. Всѣ говорили, но въ памяти у меня ничего не осталось. Французскіе разговоры можно назвать бѣглымъ огнемъ: такъ быстро летятъ слова одно за другимъ, и вниманіе едва успѣваетъ слѣдовать за ними.

—

Парижъ, Іюня...

Я получилъ отъ Госпожи Н* слѣдующую записку: «Сестра моя, Графиня Д*, которую вы у «меня видѣли, желаетъ имѣть подробное свѣдѣ«ніе о вашемъ отечествѣ. Нынѣшнія обстоятель«ства Франціи таковы, что всякой изъ насъ дол«женъ готовить себѣ убѣжище гдѣ нибудь въ «другой землѣ. Прошу отвѣчать на прилагаемые «вопросы: чѣмъ меня обяжете». Я развернулъ большой листъ, на которомъ подъ вопросами оставлено было мѣсто для отвѣтовъ. Вотъ нѣчто для примѣра — разсмѣйтесь!

Вопросъ. Можно ли человѣку съ нѣжнымъ здоровьемъ сносить жестокость вашего климата?

Отвѣтъ. Въ Россіи терпятъ отъ холода менѣе нежели въ Провансѣ. Въ теплыхъ комнатахъ, въ теплыхъ шубахъ, мы смѣемся надъ трескучимъ морозомъ. Въ Декабрѣ, въ Генварѣ, когда во Франціи небо мрачное и дождь льется рѣкою, красавицы наши, при яркомъ свѣтѣ солнца, катаются въ саняхъ по снѣжнымъ брилліянтамъ, и розы цвѣтутъ на ихъ лилейныхъ щекахъ. Ни въ какое время года Россіянки не бываютъ

«sibilité, какъ напримѣръ въ Федрѣ».—*И такъ* Расинъ великій Трагикъ по вашему *мнѣнію?*—«Великій Писатель, Стихотворецъ, а не Тра«гикъ. Нѣжная душа его никогда не могла при«нять въ себя трагическаго ужаса. Онъ писалъ «драматическія Элегіи, а не Трагедіи; но въ «нихъ много чувства; слогъ несравненный, крас«норѣчіе живое, отъ полноты сердца; его можно «назвать *совершеннымъ*, и *до конца вселенной* са«мою лучшею похвалою Французскихъ стиховъ будетъ: *«они похожи на Расиновы*! Но имѣя даръ *«цвѣтить* нѣжное чувство, совсѣмъ не имѣлъ «онъ таланта изображать *ужасное* или *геро«ическое*. Расинъ не представилъ на сценѣ ни «одного сильнаго характера; въ трагедіяхъ его «слышимъ великія имена, а не видимъ ни одного «великаго человѣка, какъ напримѣръ въ Кор«нелѣ».—И такъ вы отдаете вѣнецъ Корнелю?—«Онъ достоинъ былъ родиться Римляниномъ, «изображалъ великое, какъ *свое собственное;* «Герои его дѣйствительно Герои; но сильный «слогъ его часто слабѣетъ, унижается, оскорб«ляетъ вкусъ; а нѣжности Корнелевы почти «всегда несносны».—Чтожъ вы скажете о Кребильонѣ?—«То, что онъ ужаснѣе всѣхъ нашихъ «Трагиковъ. Какъ Вольтеръ нравится, Расинъ «плѣняетъ, Корнель возвеличиваетъ душу: такъ «Кребильйонъ пугаетъ воображеніе; но варвар«скій слогъ его не достоинъ Мельпомены и на«шего времени. Корнель не имѣлъ для себя об«разцевъ въ слогѣ, но часто служитъ самъ образ«цемъ: Кребильйонъ же имѣлъ дерзость послѣ «Расина писать грубыми, дикими стихами, и до«казалъ, что у него не было ни слуха, ни чув«ства для красотъ Стихотворства. Иногда про-

«отдѣлиться разумомъ отъ современниковъ, бо-«ялся далеко опередить ихъ, чтобы не сдѣ-«латься темнымъ, невразумительнымъ; хотѣлъ «за каждую строку *немедленнаго* награжденія, и «для того искалъ единственно лучшаго выра-«женія, лучшаго оборота для идей обыкновен-«ныхъ; бралъ изъ чужихъ магазиновъ, работалъ «*начисто*, не занимаясь изобрѣтеніемъ, не думая «о собраніи новыхъ матеріаловъ. Онъ былъ со-«вершенный Эпикуреецъ въ умѣ, не мыслилъ о «потомствѣ, не вѣрилъ безсмертію славы; не «сажалъ кедровъ, а сѣялъ одни цвѣты, изъ ко-«торыхъ уже многіе завяли въ глазахъ нашихъ— «а мы еще современники Вольтеровы! Что же «будетъ черезъ сто лѣтъ? Насмѣшки его надъ «разными суевѣрными мнѣніями, философскими «системами, могутъ ли производить сильное «дѣйствіе тогда, когда мнѣнія и системы пе-«ремѣнятся? — А его трагедіи! сказалъ я. — «Онѣ въ *совершенствѣ* уступаютъ Расиновымъ, «отвѣчалъ Аббатъ: въ слогѣ ихъ нѣтъ чи-«стоты, плавности, сладкаго краснорѣчія творца «Федры и Андромахи; но много смѣлыхъ идей, «которыя теперь уже не кажутся смѣлыми; «много такъ называемой Философіи, которая не «принадлежитъ къ существу Драмы, а нравится «партеру; много вкуса, а мало истинной чув-«ствительности?» — Какъ! въ Заирѣ мало чув-ствительности?—«Да, я берусь доказать, что въ «Заирѣ нѣтъ ни одной нѣжной мысли, которой «бы не нашлось въ самомъ обыкновенномъ «романѣ. Достоинство Вольтерово состоитъ въ «одномъ выраженіи; но никогда не найдете въ «немъ жаркихъ изліяній чувства, сильныхъ стрем-«леній сердца, de grands, de beaux élans de sen-

«дикомъ Пароскомъ мраморѣ наростаетъ иногда «довольно пріятная зелень: но можно ли срав- «нить ее съ видомъ того мрамора, который пред- «ставляетъ Фидіасову Венеру? Вотъ его истин- «ное *опредѣленіе* (destination), подобно какъ опре- «дѣленіе сердца есть любовь».

«Одинъ великій музыкантъ сказалъ, что бла- «женство небесной жизни должно состоять въ «*гармоніи;* нѣжныя души увѣрены, что оно бу- «детъ состоять въ любви».

«Я не знаю, есть ли атеисты; но знаю, что «любовники не могутъ быть атеистами. Взоръ «съ милаго предмета невольно обращается на «небо. Кто любилъ, тотъ понимаетъ меня».

Слушатели при всякой фразѣ, говорили: *браво!* c'est beau, c'est ingénieux, sublime; а я думалъ: *хорошо, изрядно, высокопарно, темно и совсѣмъ не женской языкъ!* Глаза мои искали Автора. Черноволосая Дама, лѣтъ въ 30, сидѣла всѣхъ далѣе отъ Аббата, не слушала, развертывала книги, ноты на клавесинѣ: не трудно было угадать въ ней сочинительницу. Хозяйка сказала: «я не «знаю Автора, а хотѣла бы поцѣловать его»— сказала, и съ великою нѣжностію обняла Маркизу Л*. Всѣ захлопали. Черезъ минуту поставили два стола; три Дамы и пять Кавалеровъ сѣли играть въ карты; а другіе, сидя и стоя, слушали Аббата Д*, который съ великой строгостію судилъ главныхъ Французскихъ Авторовъ. «Вольтеръ (говорилъ онъ) писалъ един- «ственно для своего времени, искуснѣе всѣхъ «другихъ пользовался настоящимъ расположе- «ніемъ умовъ; но достоинство его съ перемѣною «обстоятельствъ необходимо должно теряться. «Будучи жаденъ къ минутной славѣ, онъ боялся

«Регуль слабъ... въ сравненіи съ истиннымъ лю-«бовникомъ, который выше дѣйствія стихій, внѣ «сферы мірскихъ желаній, гдѣ обыкновенныя души, какъ пылинки въ вихрѣ, носятся и вер-«тятся. Дерзко назвать его полубогомъ—мы не «язычники — но онъ не человѣкъ. Зороастръ «изображаетъ Бога въ пламени; пламя добродѣ-«тельной, героической любви достойнѣе всего «окружать тронъ Всевышняго».

«Монтанъ говоритъ: *другъ мнѣ милъ для того, «что онъ онъ; я милъ ему для того, что я я.* Мон-«тань говоритъ о любовникахъ — или слова его «не имѣютъ смысла».

«Прелести никогда не бываютъ основаніемъ «страсти; она рождается внезапно отъ соосяза-«нія двухъ нѣжныхъ душъ въ одномъ взорѣ, въ «одномъ словѣ; она есть не что иное, какъ сим-«патія, соединенія двухъ половинъ, которыя въ «разлукѣ томились».

«Только одинъ разъ сгараютъ вещи; только «одинъ разъ любитъ сердце».

«Въ жизни чувствительныхъ бываютъ три «эпохи: *ожиданіе, забвеніе, воспоминаніе.* Забве-«ніемъ называю *восторгъ любви,* который не мо-«жетъ быть продолжителенъ, для того, что мы «не боги, и земля не Олимпъ. Любовь оставляетъ «по себѣ милое *воспоминаніе,* которое уже не есть «*любовь;* но мы, кажется, все еще любимъ чело-«вѣка, для того что нѣкогда обожали его. Намъ «пріятно то мѣсто, гдѣ что нибудь пріятное съ «нами случилось».

«Человѣкъ, любящій славу, знатность, богат-«ство, подобенъ тому, кто за неимѣніемъ Новой «Элоизы читаетъ романъ дѣвицы Скюдери; за «неимѣніемъ, говорю, или по дурному вкусу. На

Парижъ, Іюня...

Госпожа Гло* сказала мнѣ: «Послѣ-завтра бу«детъ у насъ *чтеніе*. Аббатъ Д* привезетъ *мысли о любви*, сочиненіе сестры его, Маркизы Л*. «C'est plein de profondeur à ce qu'on dit. Авторъ «также будетъ у меня, но только *инкогнито*. «Естьли хотите узнать остроуміе и глубокомысліе здѣшнихъ Дамъ, то приходите».— Какъ не притти? Я пожертвовалъ спектаклемъ, и въ 8 часовъ явился. Хозяйка сидѣла на Вальтеровскихъ креслахъ; вокругъ ее пять или шесть Кавалеровъ вели шумной разговоръ; на софѣ два Аббата занимали своею любезностію трехъ Дамъ; по угламъ комнаты было еще разсѣяно нѣсколько *группъ*, такъ что общество состояло изъ 25 или 30 человѣкъ. Въ 9 часовъ хозяйка вызвала Аббата Д* на сцену. Всѣ окружили софу. Чтецъ вынулъ изъ кармана розовую тетрадку, сказалъ что-то забавное и началъ... Жаль, что я не могу отъ слова до слова пересказать вамъ мыслей Автора! Однакожъ можете судить о достоинствахъ и тонѣ сочиненія по слѣдующимъ отрывкамъ, которые остались у меня въ памяти:

«Любовь есть *кризисъ*, рѣшительная минута «жизни, съ трепетомъ ожидаемая сердцемъ. За«навѣсъ поднимается... *Онъ! она!* восклицаетъ «сердце, и теряетъ личность бытія своего. Таинственный Рокъ бросаетъ жребій въ урну: ты бла«женъ! ты погибъ!»

«Все возможно описать въ мірѣ, кромѣ страст«ной, героической любви; она есть символъ неба, «которой на землѣ не изъясняется. Передъ нею «исчезаетъ всякое величіе. Цесарь малодушенъ,

зывая, гдѣ чему быть, и какое дѣйствіе должна произвести всякая его идея, Король, восхищенный такимъ богатымъ воображеніемъ, нѣсколько разъ перерывалъ его описаніе говоря: *Ле-Нотръ! за эту выдумку даю тебѣ 20,000 ливровъ.* Наконецъ безкорыстный и гордый художникъ разсердился и сказалъ ему: *Ваше Величество! я замолчу, чтобы не разорить васъ.*

За послѣднимъ олтаремъ сей церкви, подъ низкимъ сводомъ, въ блѣдномъ мерцаніи свѣта, возвышается дикая скала: тутъ Спаситель на крестѣ; у ногъ его Магдалина. На правой сторонѣ видите спящихъ воиновъ, на лѣвой сломленныя дерева, между которыми ползетъ змѣя, Подъ горою голубой мраморный жертвенникъ, въ образѣ древней гробницы; на немъ стоятъ двѣ урны, въ которыхъ дымится ѳиміамъ. Все вмѣстѣ слабо освѣщено черезъ отверстіе вверху, и составляетъ неизъяснимо-трогательное зрѣлище. Сердце чувствуетъ благоговѣніе, и колѣна сами собою преклоняются. — Похвалите Фальконета: вы видите произведеніе рѣзца его.

Въ церкви Св. Северина списалъ я слѣдующіе стихи, вырѣзанные надъ темнымъ коридоромъ ея кладбища, и служащіе примѣромъ *игры словъ:*

Passant, penses-tu pas passer par ce passage,
Où pensant j'ai passé?
Si tu n'y penses pas, passant tu n'es pas sage,
Car en n'y pensant pas tu te verras passer.

—

то мѣсто, гдѣ былъ нѣкогда городъ *Эфесъ*. — Келюсъ издалъ множество книгъ: Собраніе древностей, Предметы для живописи и ваянія, Картины изъ Гомера и Виргилія, Сказки, и проч.

Церковь Св. Илера обагрилась нѣкогда кровію двухъ живописцевъ. Одинъ изъ нихъ изобразилъ тамъ Адама и Еву въ земномъ раю. Другой, смотря на его картину, сказалъ: «Но-«ворожденный младенецъ бываетъ связанъ съ «матерью посредствомъ тонкихъ жилъ, которыя, «будучи перерѣзаны, образуютъ у него пупокъ. «Адамъ и Ева не родились, но были вдругъ «сотворены; слѣдовательно ты глупецъ, изобразивъ ихъ съ пупкомъ, котораго они имѣть не могли». — Оскорбленный живописецъ выхватилъ шпагу; начался поединокъ — и безумцевъ на силу розняли.

Прахъ *великаго* (какъ называютъ Французы) Корнеля покоится въ церкви Св. Рока; безъ мавзолея, безъ эпитафій. Тутъ погребена и нѣжная Дезульеръ, которой имя напоминаетъ вамъ

Берега кристальныхъ рѣчекъ,
Кроткихъ, миленькихъ овечекъ,
И собачку подлѣ нихъ.

Посошокъ, вѣнокъ, сплетенный изъ луговыхъ цвѣтовъ, и свирѣль, лучше всего украсили бы ея могилу. — Тутъ и гробъ ле-Нотра, творца великолѣпныхъ садовъ, передъ которыми древніе сады Гесперидскіе не что иное, какъ сельскіе огороды. Надъ гробомъ стоитъ бюстъ его, лице благородное и важное. Таковъ былъ характеръ Артиста. Когда онъ предлагалъ Лудовику XIV планъ Версальскихъ садовъ, разска-

Тутъ же погребены мужъ и жена Дасье, которыхъ соединила законнымъ бракомъ любовь... къ Греческому языку; которые въ ученомъ супружествѣ своемъ ласкали другъ друга Греческими именами, и тогда бывали веселы, тогда были щастливы, когда находили новую красоту въ стихѣ Гомеровомъ. О варварство! о неблагодарность! на гробѣ ихъ нѣтъ Греческой надписи!!.

Кенотафъ Графа Келюса, въ одномъ изъ придѣловъ Св. Жерменя, сдѣланъ изъ самаго лучшаго порфира. Графъ берегъ его долгое время для своей гробницы. Человѣкъ, который для успѣховъ Искусства не жалѣлъ ни трудовъ, ни имѣнія, ни самой жизни, достоинъ такого кенотафа. Слѣдующій анекдотъ доказываетъ удивительную страсть его. Будучи въ Смирнѣ, онъ хотѣлъ видѣть развалины Эфеса, близъ которыхъ жилъ тогда разбойникъ Каракаяли, ужасъ всѣхъ путешественниковъ. Чтожъ сдѣлалъ неустрашимый Графъ? Сыскалъ двухъ разбойниковъ изъ шайки Каракаяли, и нанялъ ихъ себѣ въ проводники, съ тѣмъ, чтобы заплатить имъ деньги по возвращеніи въ Смирну; надѣлъ самое простое платье, не взялъ съ собою ничего, кромѣ бумаги съ карандашемъ, и прямо съ своими вожатыми явился къ атаману воровъ, который, узнавъ о намѣреніи его видѣть древности, похвалилъ такое любопытство; сказалъ, что не далеко отъ его стана есть другія прекрасныя развалины; далъ ему двухъ Арабскихъ скакуновъ, чтобы ѣхать туда—и Графъ черезъ нѣсколько минутъ очутился на развалинахъ Колофона; осмотрѣвъ ихъ, возвратился ночевать къ разбойнику, и на другой день видѣлъ

«имя Матвѣя Шартье есть *и будетъ живымъ* «его монументомъ. 1559.»

Въ храмѣ Бенедиктиновъ погребенъ изгнанникъ Іаковъ II. Онъ велѣлъ схоронить себя безъ всякой пышности и на гробѣ написать только: ci-gît Jacques II, Roi de la Grande Bretagne. Король самый нещастливѣйшій, потому что никто не жалѣлъ о его нещастіи!

Церковь Кармелитовъ достойна примѣчанія богатымъ монументомъ, сооруженнымъ въ ней господами Буллене отцу и матери ихъ; но Исторія Кармелитовъ, изданная на Латинскомъ языкѣ, еще достойнѣе примѣчанія. Авторъ утверждаетъ, что не только всѣ славнѣйшіе Христіане, но и самые язычники: Пиѳагоръ, Нума Помпилій, Зороастръ, Друиды, были монахи Кармелитскаго Ордена. Имя его происходитъ отъ Сирійской горы Кармель, гдѣ жили благочестивые пустынники, первые основатели Кармелитскаго собратства.

Въ церкви Св. Жерменя погребенъ Французской Горацій, Малербъ, о которомъ сказалъ Буало, что онъ первый *узналъ тайную силу каждаго слова, поставленнаго на своемъ мѣстѣ.* По сіе время можно читать съ великимъ удовольствіемъ Оды его, и всѣ знаютъ наизусть прекрасную строфу:

La mort a des rigueurs à nulle autre pareilles;
On a beau la prier:
La cruelle qu'elle est, se bouche les oreilles,
Et nous laisse crier.
Le pauvre en sa cabane, où le chaume le couvre,
Est sujet à ses loix,
Et la garde qui veille aux barrières du Louvre,
N'en défend point nos Rois.

ныхъ. что засвидѣтельствовано Турецкимъ Посломъ, который съ великимъ благоговѣніемъ читалъ и цѣловалъ его.

Въ *Королевскомъ Аббатствѣ*, гдѣ все богато и великолѣпно, всего лучше внутренность купола, росписанная водяными красками Миньяромъ; знатоки называютъ ее совершенствомъ. Мольеръ сочинилъ Поэму въ честь Миньяра. Жаль, что краски уже теряютъ свою живость.

Въ церкви Св. Андрея сооруженъ памятникъ Аббату Батте, наставнику Авторовъ, котораго за два года передъ симъ читалъ я съ любезнымъ Агатономъ, вникая въ истину его примѣровъ. Монументъ нравится своею простотою, на колоннѣ стоитъ урна съ медальйономъ умершаго, и съ милою надписью: amicus amico, *другъ другу*.—Тутъ же видѣлъ я одну старинную Французскую эпитафію въ стихахъ, которая содержитъ въ себѣ исторію Матвѣя Шартье, *добраго человѣка*, и которая мнѣ очень полюбилась. На примѣръ: «Онъ вѣрилъ Богу, Христіанству, без«смертію, добродѣтели; не вѣрилъ лицемѣрамъ «суевѣрія и щастію порока; жилъ 50 лѣтъ съ «женою своею, и всякой наступающій годъ же«лалъ провести съ нею какъ минувшій; любилъ «въ будни работу, а въ праздникъ гостей; училъ «добру дѣтей своихъ, иногда умными словами, «а чаще примѣромъ. Мнѣніе и свидѣтельство «его уважалось во всемъ околоткѣ, и люди го«ворили: *такъ сказалъ Матвѣй Шартье, добрый «человѣкъ*! Прохожій! не дивись, что гробница «его сдѣлана не изъ Паросскаго мрамора, и не «украшена Фригійскою работою; богатые па«мятники нужны для тѣхъ, которые жизнію и «дѣлами не оставили по себѣ доброй памяти;

не во всемъ достоинъ вѣры, но всегда *достоинъ* удивленія; всегда великъ, и своею Метафизикою, своимъ нравоученіемъ возвеличиваетъ санъ человѣка, убѣдительно доказывая бытіе Творца, чистую безтѣлесность души, святость добродѣтели. Я не давно читалъ слѣдующее сравненіе между Декартомъ и Невтономъ: «Они «равны *вымысломъ* или духомъ изобрѣтенія; первый быстрѣе, высокопарнѣе: вторый глубокомысленнѣе. Таковъ характеръ Французовъ и «Англичанъ; умъ первыхъ *строитъ въ вышину*, «послѣднихъ *углубляется въ основаніи*. Оба Философа хотѣли создать міръ, подобно какъ «Александръ хотѣлъ завоевать его: оба безсмертны, оба велики въ понятіяхъ своихъ о «Натурѣ».

Въ томъ же Аббатствѣ взглянулъ я на гробницу Кловиса (завоевателя Галліи, перваго Царя Французовъ), на изображеніе Рима (en relief), въ которомъ видны всѣ улицы, всѣ большія зданія; на Библіотеку и на собраніе Египетскихъ, Этрусскихъ, Греческихъ, Римскихъ и Гальскихъ рѣдкостей.

Новая церковь Святой Женевьевы величественна и прекрасна. Знатоки Архитектуры особливо хвалятъ фронтонъ, въ которомъ смѣлость готическая соединена съ красотою Греческою. Наружность и внутренность Коринфическаго Ордена; послѣдняя не совсѣмъ еще отдѣлана.

—

Въ Аббатствѣ Св. Виктора хранятся древніе манускрипты; между прочими Библія въ рукописи девятаго вѣка, и Алькоранъ самый вѣр-

мы остались монументами его незабвеннаго правленія. Можно смѣло сказать, что Кольберъ былъ первымъ Министромъ въ свѣтѣ; ищу въ мысляхъ, и не нахожу другаго, ни столь мудраго, ни столь щастливаго въ своихъ предпріятіяхъ (второе было конечно слѣдствіемъ перваго) — и слава его Министерства прославила царствованіе Лудовика XIV. Вотъ предметъ, достойный соревнованія всѣхъ Министровъ! И всякому изъ нихъ должно имѣть въ кабинетѣ портретъ Кольбертовъ, чтобы смотрѣть на него и не забывать великихъ своихъ обязанностей.—Но какой Монархъ, какой Министръ можетъ удовольствовать всѣхъ людей? Одинъ изъ недовольныхъ Кольбертомъ написалъ на его статуѣ: res ridenda nimis, vir inexorabilis orat! т. е. *какъ смѣшно видѣть моленіе неумолимаго человѣка* *)!

Въ Аббатствѣ Св. Женевьевы хранится прахъ Декартовъ, перевезенный изъ Стокгольма черезъ 17 лѣтъ послѣ смерти Философа. Нѣтъ памятника! Эпитафія говоритъ, что онъ былъ первымъ мудрецомъ своего вѣка—и справедливо. Философія прежде его состояла въ одномъ школьномъ пустословіи. Декартъ сказалъ, что она должна быть Наукою Природы и человѣка; взглянулъ на вселенную глазами мудреца, и предложилъ новую, остроумную систему, которая все изъясняетъ—и самое неизъяснимое; во многомъ ошибся, но своими ошибками направилъ на путь истины Англійскихъ и Нѣмецкихъ Философовъ; заблуждался въ лабиринтѣ, но бросилъ нить Аріадны Невтону и Лейбницу;

*) Онъ представленъ на гробницѣ молящимся.

прозванный Французскимъ *Рафаэлемъ: предметъ* зависти и даже злобы другихъ современныхъ живописцовъ! Напримѣръ, де-Брюнъ не могъ равнодушно слышать, чтобы говорили о ле-Сюеровыхъ картинахъ, и видя его при послѣднемъ издыханіи, сказалъ: *теперь гора свалится у меня съ плечъ, и смерть этого человѣка вынетъ занозу изъ моего сердца*! Въ другое время, смотря на ле-Сюерову картину, и думая, что его никто не слышитъ, ле-Брюнъ шепталъ: *прекрасно*! *удивительно*! *несравненно*! Горестно слышать такіе черные анекдоты о великихъ Артистахъ; и какъ я люблю живописца Магдалины, такъ гнушаюсь врагомъ ле-Сюеровымъ.

—

Въ церкви Св. Евстафія погребенъ Кольберъ. Памятникъ достоинъ его памяти. Онъ изображенъ на колѣняхъ, на черной мраморной гробницѣ, передъ Ангеломъ, держащимъ разогнутую книгу. Изобиліе и Религія, въ видѣ женщинъ стоятъ подлѣ. Великій Министръ, слава Франціи и Лудовика XIV! Онъ служилъ Королю, стараясь умножать его доходы и силы; служилъ народу, стараясь обогатить его посредствомъ разныхъ выгодныхъ заведеній и торговли; служилъ человѣчеству, способствуя быстрымъ успѣхамъ Наукъ, полезныхъ искусствъ и Словесности, не только во Франціи, но и въ другихъ земляхъ. Побѣдоносные Лудовиковы флоты, какъ будто бы словомъ: *да будетъ*! сотворенные; лучшія Французскія мануфактуры; Лангедокской каналъ, соединяющій Средиземное море съ Океаномъ; именитыя торговыя общества: Индѣйское, Американское—и почти всѣ Акаде-

ная Пилонова группа, три нагія Граціи, одна другой лучше, и всѣ прекрасныя; но не странно ли видѣть языческихъ богинь въ храмѣ истиннаго Бога? Такъ угодно было Катеринѣ Медицисъ. Она велѣла заключить сердце свое въ одну урну съ сердцемъ Генриха II, и поставить ее на голову Граціямъ. Чудная мысль!

—

Въ церкви Св. Кома погребенъ нѣкто Трульякъ, рогатой человѣкъ. Онъ былъ представленъ за чудо Генриху IV, который подарилъ его своему конюшему, а конюшій показывалъ его за деньги народу. Сей бѣдный Сатиръ крайне оскорблялся своимъ уродствомъ и умеръ съ горя. На гробѣ его вырѣзали эпитафію такого содержанія:

Здѣсь погребенъ Трульякъ. Не будучи женатъ,
Сей жалкой человѣкъ (о диво!) былъ рогатъ!

—

Въ церкви Св. Стефана, которой странная архитектура представляетъ вамъ соединеніе Греческаго вкуса съ готическимъ, найдете вы гробъ нѣжнаго Росина безъ всякой эпитафіи; но его имя напоминаетъ лучшія произведенія Французской Мельпомены — и довольно. Тутъ же погребенъ Паскаль (Философъ, Теологъ, остроумный Авторъ, котораго Провинціальныя письма донынѣ ставятся въ примѣръ хорошаго Французскаго слога); Турнфоръ, славный Ботанистъ и путешественникъ; Тонье, искусный Медикъ (котораго эпитафія говоритъ: *Теперь только смертные страшитесь смерти: ибо Тонье умеръ и васъ лечить не кому),* и живописецъ ле-Сюеръ,

нѣсколько минутъ почти всѣ сгорѣли. *Король* спасенъ былъ Герцогинею де-Берри, которая бросила на него свою мантилею и затушила пламя. Герцогъ, чтобы загладить свою бѣдственную неосторожность, соорудилъ великолѣпный олтарь въ церкви Целестиновъ.—Тамъ много картинъ и памятниковъ; между прочими монументъ Леона, Царя Армянскаго, который, будучи выгнанъ изъ земли своей Турками, умеръ въ Парижѣ въ 1393 году. Фруасаръ, современный Историкъ, говоритъ объ немъ слѣдующее. «Лишенный трона, сохранилъ онъ царскія до«бродѣтели, и еще прибавилъ къ нимъ новую: «великодушное терпѣніе; съ благодѣтелемъ сво«имъ, Карломъ VI, обходился какъ съ другомъ, «не забывая собственнаго царскаго сана; а «смерть Леонова была достойна жизни его».— Близъ гробницы нещастнаго Царя, въ готическомъ нишѣ, нѣжная дочь соорудила памятникъ нѣжной матери. Черная мраморная урна стоитъ на бѣлой колоннѣ, съ надписью: «Бу«дучи другомъ дѣтей своихъ, она заставляла «ихъ плакать... только отъ благодарности; «скромность ея даже удивлялась необыковенной любви нашей» (прекрасная черта!) «Да бу«детъ сей памятникъ священъ для добрыхъ «и чувствительныхъ сердецъ! Здѣсь погребена «Марія Гокаръ, графиня де-Коссе, умершая 29 Сентября 1779 году».—Послѣ трогательной надписи видите вы смѣшную, надъ гробомъ рыцаря Бриссака. Вотъ она: «Что я? мертвой или «живой? мертвой: нѣтъ, живой. Ты спросишь: «почему? отвѣчаю: потому, что имя мое вездѣ шумитъ, вездѣ гремитъ (mon non court et bruit en tous lieux).»—Въ сей же церкви стоитъ слав-

думала, хитраго Министра, но свирѣпаго чѣловѣка, врага непримиримаго, хвастливаго покровителя Наукъ, но завистника и гонителя великихъ дарованій. Я представилъ бы Кардинала не съ Христіанскою, святою Религіею, а съ чудовищемъ, которое называется Политикою, и которое описываетъ Вольтеръ въ Генріадѣ:

Дщерь гордости властолюбивой,
Обмановъ и коварства мать,
Всѣ виды можетъ принимать:
Казаться мирною, правдивой,
Покойною въ опасный часъ;
Но сонъ вовѣки не смыкаетъ
Ея глубоко-впавшихъ глазъ;
Она трудится, вымышляетъ;
Печать у Истины беретъ,
И взоры обольщаетъ ею;
За небо будто возстаетъ,
Но адской злобою своею
Разитъ лишь собственныхъ враговъ.

Впрочемъ сей монументъ ваятельнаго искусства есть одинъ изъ лучшихъ въ Парижѣ.

Въ церкви Целестиновъ (des Célestins) есть придѣлъ Герцога Орлеанскаго, который напоминаетъ странное нещастное приключеніе. Карлъ VI вздумалъ однажды для маскарада нарядиться Сатиромъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ придворныхъ. Герцогъ Орлеанскій подошелъ къ нимъ съ факеломъ, и нечаянно зажегъ мохнатое платье на одномъ изъ нихъ. Къ несчастью, они были связаны цѣпочкою другъ съ другомъ, и не могли скоро распутаться: огонь разлился, обхватилъ ихъ, и въ

никъ, чтобы снова воспламенить *въ немъ искру* жизни. Супругъ, оживленный благотворною теплотою, хочетъ встать, и слабую руку простираетъ къ милой супругѣ, которая бросается въ его объятія. Но смерть неумолимая стоитъ за д'Аркуромъ, указываетъ на свой посохъ, и даетъ знать, что время жизни прошло! Ангелъ гаситъ свѣтильникъ... Сказываютъ, что нѣжная Графиня, безпрестанно оплакивая кончину любезнаго, видѣла точно, такой сонъ: Художникъ изобразилъ его по ея описанію—и никогда рѣзецъ Пигалевъ не дѣйствовалъ на мое чувство такъ сильно, какъ въ семъ трогательномъ, меланхолическомъ представленіи. Я увѣренъ, что сердце его участвовало въ работѣ.

Тутъ же видѣлъ я грубую статую Короля Филиппа Валуа. Побѣдивъ непріятелей, онъ въѣхалъ верхомъ въ соборную Парижскую церковь. Художникъ такъ и представилъ его: на лошади, съ мечемъ въ рукѣ—не много уваженія къ святынѣ храма!—

Въ Сорбонскую церковь ходятъ всѣ удивляться искусству ваятеля Жирардона. На монументѣ, въ древнемъ вкусѣ, представленъ Кардиналъ Ришельё; умирая въ объятіяхъ Религіи, онъ кладетъ правую руку на сердце, а въ лѣвой держитъ духовныя свои творенія. Наука въ видѣ молодой женщины, рыдаетъ у ногъ его.—Говорятъ, что Петръ, Великій смотря на сей памятникъ, сказалъ внуку Кардинала, Герцогу Ришельё: *Твой дѣдъ былъ величайшій изъ Министровъ; я отдалъ бы половину своего Государства за то, чтобы научили меня править другою, какъ онъ правилъ Франціею.* Не вѣрю этому анекдоту: или Государь нашъ не зналъ всѣхъ злодѣйствъ Кар-

заплакали. Надзиратель увидѣлъ слезы наши, и велѣлъ ученикамъ повторить гимнъ. Вотъ переводъ его:

Владыка міра и судьбины!
Дай видѣть намъ лучъ солнца Твоего
Хотя на часъ, на мигъ единый,
И новой тьмой для насъ покрой его;
Лишь толькобъ мы узрѣли
Благотворителей своихъ,
И милый образъ ихъ
Навѣкъ въ сердцахъ запечатлѣли.

Парижъ, Мая...

Вы получали бы отъ меня не листы, а цѣлыя тетради, естьли бы я описывалъ вамъ всѣ картины, статуи и монументы, мною видимыя. Здѣсь церкви кажутся галлереями живописи или Академіями Скульптуры. Мудрено ли? Со временъ Франциска I донынѣ Художества цвѣли въ Парижѣ какъ въ отчизнѣ своей. Замѣчу только, что у меня осталось въ памяти.

На примѣръ: соборная церковь Богоматери Notre Dame—зданіе готическое, огромное и почтенное своею древностію—наполнена картинами лучшихъ Французскихъ живописцевъ; но я, не говоря объ нихъ ни слова, опишу вамъ единственно памятникъ супружеской любви, сооруженный тамъ новою Артемизою. Графиня д'Аркуръ, потерявъ супруга, хотѣла посредствомъ сего мавзолея, изваяннаго Пигалемъ, оставить долговременную память своей нѣжности и печали. Ангелъ одною рукою снимаетъ камень съ могилы д'Аркура, а другою держитъ свѣтиль-

учителя, подобнаго ему въ искусствѣ и въ ревности быть нашимъ просвѣтителемъ, другомъ, вторымъ отцомъ. Многіе изъ нѣмыхъ страстно любятъ чтеніе, такъ, что для сохраненія ихъ глазъ надобно отнимать у нихъ книги. Съ удивительною скоростію говорятъ они знаками между собою, выражая самыя отвлеченныя идеи, кажется, будто не могутъ нарадоваться своею новою способностію.

Въ другой школѣ, заведенной Господиномъ Гаюи, слѣпые учатся Ариѳметикѣ, чтенію, Музыкѣ и Географіи посредствомъ *выпуклыхъ* (en relief) знаковъ, буквъ, нотъ и ландкартъ, разбираемыхъ ими по осязанію. Ученикъ, щупая ряды литеръ и нотъ, передъ нимъ лежащихъ, читаетъ, поетъ; прикоснувшись рукою къ ландкартѣ, говоритъ: *здѣсь Парижъ, тутъ Москва; здѣсь Отаити, тутъ Филиппинскіе острова.* Шведъ тихонько перевернулъ карту; слѣпой, дотронувшись до нее, сказалъ; *она лежитъ вверхъ ногами,* и снова оборотилъ ее. Какъ у зрячихъ судятъ глаза о разстояніи предметовъ, ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, такъ у слѣпыхъ осязаніе, удивительно тонкое, вѣрно *соглашенное* съ памятью и воображеніемъ. На примѣръ: естьли я, зажмуривъ глаза, ощупаю нѣсколько предметовъ, то мнѣ очень трудно будетъ вообразить ихъ взаимное между собою отношеніе, отъ непривычки судить о вещахъ по осязанію; напротивъ того слѣпые воображаютъ по ощупи такъ же быстро, какъ мы по глазамъ. Надзиратель хотѣлъ сдѣлать намъ полное удовольствіе, и велѣлъ слѣпымъ ученикамъ своимъ пѣть гимнъ, сочиненный для нихъ Оберомъ. Прекрасные голоса! трогательная мелодія! милыя слова! Мы

твоей дружбы.» — Всѣ люди друзья мои. — «Есть злые.» — Ихъ не знаю.

Къ великому моему сожалѣнію я не видалъ сего новаго Діогена. Онъ скрылся при началѣ Революціи. Иные думаютъ, что его уже нѣтъ на свѣтѣ. Вотъ доказательство, что въ самомъ низкомъ состояніи можетъ родиться и жить *Геній дѣятельной мудрости.*

—

Парижъ, Мая...

Нынѣшній день видѣлъ я двѣ чудесныя школы: училище природноглухихъ и нѣмыхъ (которымъ посредствомъ знаковъ сообщаютъ самыя трудныя, сложныя, метафизическія идеи *); которые знаютъ совершенно Грамматику, разбираютъ всѣ книги, и сами пишутъ, яснымъ, чистымъ, правильнымъ слогомъ), и еще другую, не менѣе удивительную школу природно-слѣпыхъ, которые умѣютъ читать, знаютъ Музыку, Географію, Математику. Аббатъ л'Епе, основатель перваго училища, умеръ; мѣсто его заступилъ Аббатъ Сикаръ: онъ съ великою ревностію посвящаетъ себя искусству дѣлать получеловѣковъ совершенными людьми, замѣняя въ нихъ, такъ сказать, новымъ органомъ слухъ и языкъ. Молодой Шведъ, бывшій вмѣстѣ со мною у Сикара, написалъ на бумажкѣ: *вы конечно жалѣете о л'Епе* — и подалъ ее одному изъ учениковъ, который тотчасъ, схвативъ перо отвѣчалъ: *безъ сомнѣнія; онъ нашъ благодѣтель, разбудилъ въ насъ умъ, далъ намъ мысли и другова*

*) См. третью Часть Писемъ Русскаго Путешественника.

необходимо для жизни. Онъ промысломъ *носильщикъ* *); все его имѣніе состоитъ *въ большой* корзинѣ; днемъ разноситъ въ ней по комиссіи всякую всячину, а ночью спитъ какъ въ альковѣ на городской площади, подъ колоннадою. Сорокъ лѣтъ не перемѣняетъ своего камзола; въ случаѣ нужды нашиваетъ заплаты, и такимъ образомъ отъ времени до времени возобновляетъ его, какъ Природа, по мнѣнію Медиковъ, возобновляетъ въ разные періоды человѣческое тѣло. 14 Луковицъ составляютъ его дневную пищу. Не думайте, чтобы онъ жилъ такъ по необходимости; нѣтъ, бѣдные просятъ у него милостыни, и получаютъ; другіе берутъ въ займы — но Парижской Діогенъ никогда не требуетъ назадъ своихъ денегъ, ежедневно вырабатывая 3 и 4 ливра. Онъ умѣетъ быть благодѣтелемъ и другомъ; говоритъ мало, но съ выразительнымъ Лаконизмомъ. Многіе Ученые знакомы съ нимъ. Химистъ Л* спросилъ у него однажды: «щастливъ ли ты, добрый человѣкъ?»— Думаю, отвѣчалъ нашъ Философъ. — «Въ чемъ состоятъ твои удовольствія?» — Въ работѣ, отдыхѣ, въ безпечности. — «Прибавь еще въ благодѣяніяхъ. Я знаю, что ты дѣлаешь много добра.»—Какого?—«Подаешь милостыню.»—Отдаю лишнее. — «Молишься ли Богу?» — Благодарю Его. — «За что?» — За себя. — «Ты не боишься смерти?» — Ни жизни, ни смерти. — «Читаешь книги?» — Не имѣю времени. — «Бываетъ ли тебѣ скучно?» — Я никогда не бываю празденъ. — «Не завидуешь никому?» — Я доволенъ собою. — «Ты истинный мудрецъ.» — Я человѣкъ. — «Желаю

*) Port-faix.

изъ ложки въ ложку подбирать булавки; ни одна не укроется отъ его мышьихъ глазъ, гдѣ бы она ни лежала; и въ то мгновеніе, какъ слуга хочетъ гасить послѣднюю свѣчу, нашъ откупщикъ хватаетъ послѣднюю булавку; говоритъ: *слава Богу! завтра я не умру съ голоду!* и бѣжитъ съ своимъ пакетомъ къ лавошнику. — Я былъ въ Мазариновой Библіотекѣ и смотрѣлъ на ряды книгъ безъ всякихъ мыслей. Ко мнѣ подошелъ сѣдый старикъ въ темномъ кафтанѣ, и сказалъ: «вы желаете видѣть примѣчанія достойныя книги и манускрипты?» — Желалъ бы, государь мой! — «Я къ вашимъ услугамъ». И старикъ началъ мнѣ показывать рѣдкія изданія, древнія рукописи, безпрестанно говоря, изъясняя. Я думалъ, что онъ Библіотекарь: совсѣмъ нѣтъ; но тридцать лѣтъ служитъ тамъ *живымъ каталогомъ* для любителей и читателей книгъ. Надзиратели Мазариновой Коллегіи дозволяютъ старику хозяйствовать въ Библіотекѣ и чрезъ то промышлять себѣ хлѣбъ. Дайте ему экю или мѣдную копѣйку: онъ возьметъ ихъ съ равною благодарностію; не скажетъ: *мало!* не сморщитъ лба; также и за горсть серебряной монеты не поклонится вамъ ниже обыкновеннаго. Парижской нищій хочетъ имѣть наружность благороднаго человѣка. Онъ беретъ подаяніе безъ стыда; но за грубое слово вызоветъ васъ на поединокъ: у него есть шпага!

Въ *Галлереѣ примѣчанія достойныхъ людей* занялъ бы конечно не послѣднее мѣсто одинъ здѣшній Стоикъ, извѣстный подъ именемъ *четырнадцати-луковошнаго* (de quatorze-oignons), истинный Діогеновъ человѣкъ, отказывающій себѣ во всемъ, что не есть въ строгомъ смыслѣ

волосу, распудренные, съ большимъ *кошелькомъ* на спинѣ, съ длинною шпагою на бедрѣ, *въ* черномъ кафтанѣ, не имѣютъ копѣйки вѣрнаго дохода; а живутъ, веселятся, и, судя по наружному виду, безпечны, какъ птицы небесныя. Средства? они разнообразны, безчисленны, и нигдѣ кромѣ Парижа неизвѣстны. На примѣръ: человѣкъ, изрядно одѣтый, который сидитъ въ Café de Chartres за чашкою *бавароиза*, говоритъ не умолкая, съ видомъ благороднымъ, пріятнымъ, шутитъ, разсказываетъ забавные анекдоты — знаете ли, чѣмъ живетъ? продажею *афишъ*, или всякаго рода печатныхъ объявленій, которыми здѣсь бываютъ облѣплены стѣны. Ночью, когда городъ успокоится и люди по домамъ разбредутся, онъ ходитъ собирать свой кормъ, изъ улицы въ улицу, сдираетъ со стѣнъ печатные листы, относитъ ихъ къ пирожникамъ, имѣющимъ нужду въ бумагѣ, получаетъ за то нѣсколько копѣекъ, ливра два, или цѣлой *экю*, ложится на соломенной тюфякъ въ какомъ нибудь *гренье* *), и засыпаетъ покойнѣе многихъ Крезовъ. Другой человѣкъ, который также всякой день бываетъ *въ публикѣ*, то есть въ Тюльери, Пале-Рояль, и котораго вы по кафтану сочтете Клеркомъ **), есть... откупщикъ; но прошу угадать, какой? У него на откупѣ... всѣ булавки, теряемыя дамами въ Италіянскомъ Спектаклѣ. Когда занавѣсъ опускается и всѣ зрители выходятъ изъ залы, онъ только-что является въ Театръ, и съ дозволенія Директорскаго, между тѣмъ какъ гасятся свѣчи, ходитъ

*) То есть чердакѣ.
**) Писаремъ.

слышалъ ея слова, и сердце ему сказало: «вотъ та, которую ты любить долженъ!» Онъ не зналъ ее; на другой день старался говорить со всѣми придворными дамами; узналъ Лавальеръ по голосу — и нѣсколько лѣтъ, будучи обожаемъ, самъ обожалъ ее; измѣнилъ — и нещастная оставила свѣтъ, заключилась въ Кармелитскомъ монастырѣ, истребила въ душѣ всѣ земныя склонности, жила 36 лѣтъ единственно для добродѣтели, для Неба, подъ именемъ Луизы, *сестры милосердія*, ревностно исполняя строгія должности Ордена и званія своего.

—

Парижъ, Мая...

Я думаю теперь: какое моглобъ быть самое любопытнѣйшее описаніе Парижа? Исчисленіе здѣшнихъ монументовъ Искусства (разсѣянныхъ, такъ сказать, по всѣмъ улицамъ) рѣдкихъ вещей въ разныхъ родахъ, предметовъ великолѣпія, вкуса, имѣетъ конечно свою цѣну: но десять такихъ описаній, и самыхъ подробныхъ, отдалъ бы я за одну краткую *характеристику* или за *галлерею примѣчанія достойныхъ людей въ Парижѣ*, живущихъ не въ огромныхъ палатахъ, а по большей части на высокихъ чердакахъ, въ тѣсномъ уголкѣ, въ неизвѣстности. Вотъ обширное поле, на которомъ можно собрать тысячу любопытныхъ анекдотовъ! Здѣсь-то бѣдность, недостатокъ въ средствахъ къ пропитанію, доводитъ человѣка до удивительныхъ хитростей, истощаетъ и разумъ и воображеніе! Здѣсь многіе люди, которые всякой день являются на гульбищахъ, въ Пале-Рояль, даже въ спектакляхъ, причесанные волосъ къ

Прости меня, говоритъ ея сердце. *Прости меня,* говоритъ ея взоръ... Ахъ! не только Богъ, совершенная благость, но и самые люди, рѣдко не жестокіе, какихъ бы слабостей не простили такому искреннему, святому раскаянію?.. Никогда я не думалъ, не воображалъ, чтобы картина могла быть столь краснорѣчива и трогательна. Чѣмъ болѣе смотрю на нее, тѣмъ глубже вникаю чувствомъ въ ея красоты. Все прелестно въ Магдалинѣ: лице, станъ, руки, растрепанные волосы, служащіе покровомъ для лилейной груди; всего же прелестнѣе глаза, отъ слезъ покраснѣвшіе... Я видѣлъ много славныхъ произведеній живописи: хвалилъ, удивлялся искусству; но эту картину *желалъ бы имѣть; былъ бы щастливъе съ нею;* однимъ словомъ, *люблю ее!* Она стояла бы въ моемъ уединенномъ кабинетѣ, всегда передъ моими глазами...

Но открыть ли вамъ тайную прелесть ея для моего сердца? Лебрюнь, въ видѣ Магдалины, изобразилъ нѣжную, прекрасную Герцогиню Лавальеръ, которая въ Лудовикѣ XIV любила не Царя, а человѣка, и всѣмъ ему пожертвовала: своимъ сердцемъ, невинностію, спокойствіемъ, свѣтомъ. Я воображаю тихую лунную ночь, когда, гуляя въ Версальскомъ Паркѣ съ своими подругами, милая Лавальеръ сказала имъ: «вы говорите о придворныхъ красавцахъ, а «забываете перваго: нашего любезнаго Короля. «Не пышность трона ослѣпляетъ глаза мои; «нѣтъ, и въ сельской хижинѣ, въ платьѣ бѣднаго «пастушка предпочла бы я его всѣмъ мущинамъ на свѣтѣ». — Король былъ въ двухъ шагахъ отъ прелестной; скрывался за деревомъ,

Парижъ, Мая...

Шесть дней сряду, въ 10 часовъ утра, хожу я въ улицу Св. Якова, въ Кармелитскій монастырь... «За чѣмъ?» спросите вы: «за тѣмъ ли, чтобы разсматривать тамошнюю церковь, древнѣйшую въ Парижѣ, и нѣкогда окруженную густымъ, мрачнымъ лѣсомъ, гдѣ Св. Діонисій въ подземной глубинѣ укрывался отъ враговъ своихъ, то есть враговъ Христіанства, благочестія и добродѣтели? За тѣмъ ли, чтобы рѣшить споръ Историковъ, — изъ которыхъ одни приписываютъ строеніе сего храма язычникамъ, а другіе Королю Роберту: одни утверждаютъ, что статуя, видимая вверху, на порталѣ, есть образъ богини Цереры: а другіе увѣряютъ, что она представляетъ Архангела Михаила? Или за тѣмъ, чтобы удивляться великолѣпію олтарей, ихъ бронзѣ, золоту, барельефамъ»... Нѣтъ: я хожу въ Кармелитской монастырь для того, чтобы видѣть милую, трогательную Магдалину живописца Лебрюна, таять сердцемъ, и даже плакать!.. О чудо несравненнаго искусства! я вижу не холодныя краски, и не бездушное полотно, но живую, Ангельскую красоту, въ горести, въ слезахъ, которыя изъ небесныхъ голубыхъ глазъ ея льются на грудь мою; чувствую теплоту, жаръ ихъ, и вмѣстѣ съ нею плачу. Она узнала суету міра и злополучіе страстей! Сердце ея, для свѣта охладѣвшее, пылаетъ предъ олтаремъ Всевышняго. Не муки адскія ужасаютъ Магдалину; но мысль, что она не достойна любви Того, Кто любимъ ею столь ревностно и пламенно: любви Отца небеснаго—чувство нѣжное, однѣмъ прекраснымъ душамъ извѣстное!

«кто былъ сей человѣкъ, извѣстный *только подъ* «именемъ *Желѣзной Маски.* Шамиларъ *отвѣчалъ,* «что онъ клялся хранить государственную тай«ну, и не можетъ открыть ее. Однимъ словомъ, «многіе изъ нашихъ современниковъ свидѣтель«ствуютъ истину мною разсказаннаго, и я не «знаю никакого историческаго происшествія, «которое было бы удивительнѣе и вѣрнѣе она«го».—Въ жизни Герцога Ришельё недавно напечатанной, сія любопытная загадка, справедливо или нѣтъ, рѣшится. Авторъ говоритъ, будто человѣкъ съ Желѣзною маскою былъ сынъ Королевы Анны и близнецъ Лудовика XIV, скрытый отъ свѣта Кардиналомъ Ришельё, для того, чтобы ему не вздумалось когда нибудь спорить о коронѣ съ братомъ своимъ. Гипотеза не совсѣмъ вѣроятная! Равно какъ и то не совсѣмъ вѣроятно, чтобы журналъ заключеннаго, которымъ землякъ мой дорожитъ до крайности, былъ въ самомъ дѣлѣ писанъ Желѣзною Маскою. У него одно доказательство: «заключен«ный въ разныхъ мѣстахъ упоминаетъ о шоко«ладѣ, который къ нему по утрамъ носили; при «Людовикѣ XIV пили шоколадъ одни знатные; «а какъ въ это время (сколько извѣстно) никто «изъ важныхъ людей, кромѣ человѣка съ Же«лѣзною Маскою, не содержался въ Бастиліи, «то надобно, чтобы журналъ былъ его!» Впрочемъ Авторъ сихъ дневныхъ записокъ, Желѣзная Маска или другой кто, не говоритъ ничего примѣчанія достойнаго; однѣ жалобы на скуку, на жестокость заключенія, въ несвязныхъ словахъ, безъ орѳографіи—и все тутъ.

—

«знавали. Всего болѣе любилъ онъ тонкое бѣлье «и кружева; зналъ музыку; игралъ на гитарѣ, «имѣлъ самый изобильный столъ, и Губерна- «торъ рѣдко передъ нимъ садился. Старый Ба- «стильской Докторъ никогда не видалъ его лица. «Онъ былъ, по словамъ сего Медика, чрезвы- «чайно строенъ, имѣлъ трогательный голосъ, «говорилъ пріятно, никогда не жаловался на «заключеніе, и таилъ свое имя.—Сей неизвѣст- «ный умеръ въ 1703 году и погребенъ ночью въ «церкви Св. Павла. Никто изъ людей знамени- «тыхъ въ Европѣ не пропадалъ во время его «заключенія; но онъ безъ сомнѣнія былъ важ- «ный человѣкъ. Вотъ что случилось въ первые «дни его пребыванія на островѣ Святой Мар- «гариты... Самъ Губернаторъ носилъ ему ку- «шанье, и выходя, запиралъ комнату. Заклю- «ченный начертилъ однажды нѣсколько словъ «на серебряной тарелкѣ и бросилъ ее въ окно «на лодку, стоявшую внизу подлѣ самой башни. «Рыбакъ, хозяинъ лодки, поднялъ тарелку и «принесъ Губернатору, который съ великимъ «безпокойствомъ спросилъ: видѣлъ ли онъ над- «пись, и не показывалъ ли кому нибудь тарел- «ки? Я только что нашелъ ее, а самъ не умѣю «читать, отвѣчалъ рыбакъ. Однакожъ Губерна- «торъ удержалъ рыбака, чтобы увѣриться въ «истинѣ его словъ. Наконецъ, отпуская, ска- «залъ ему: *поди и благодари Бога, что не умѣешь «читать.* Одинъ изъ достовѣрныхъ людей, ко- «торымъ сей случай былъ извѣстенъ, живъ еще «и нынѣ. Шамиларъ послѣдній изъ Министровъ «зналъ тайну заключеннаго. Фельдмаршалъ «Фёльядъ, зять его, сказывалъ мнѣ, что онъ на «колѣняхъ просилъ тестя своего объявить ему,

манускриптовъ на разныхъ *языкахъ*. *У него* есть оригинальныя письма Генриха IV, Лудовика XIII, XIV и XV, Кардинала Ришельё, Англійской Королевы Елисаветы и проч. Онъ знакомъ со всѣми здѣшними Библіотекарями, и черезъ нихъ достаетъ рѣдкости за бездѣлку, особливо въ нынѣшнее смутное время. Въ тотъ день какъ народъ разграбилъ Бастильской архивъ, У* купилъ за луидоръ цѣлую кипу бумагъ, между прочими нѣсколько [illegible] писемъ какого-то [illegible] Автора къ Полиціймейстеру и журналъ одного изъ заключенныхъ во время Лудовика XIV. Онъ увѣренъ, что его писалъ тайный арестантъ, извѣстный подъ именемъ *Желѣзной маски*, о которомъ Вольтеръ говоритъ слѣдующее: «Черезъ нѣсколько «мѣсяцовъ по смерти Кардинала Мазарина слу«чилось происшествіе, которое можно назвать «безпримѣрнымъ, и котораго (что также удиви«тельно) совсѣмъ не знали Историки. Съ вели«чайшею тайною посланъ былъ на островъ Свя«той Маргариты неизвѣстный арестантъ, моло «дой человѣкъ, высокой ростомъ и благородный «видомъ. Онъ носилъ маску съ желѣзною пру«жиною, которая не мѣшала ему ѣсть. Офицеръ «имѣлъ повелѣніе убить его, естьли бы онъ «снялъ ее. Сей человѣкъ содержался на островѣ «до самаго того времени, какъ Губернаторъ «Пиньерольской, Сенъ-Марсъ, въ 1690 году сдѣ«ланъ былъ Бастильскимъ начальникомъ и самъ «перевезъ его въ Бастилію, также въ маскѣ. «Министръ Лувуа былъ у него на островѣ Св. «Маргариты, говорилъ съ нимъ стоя и съ ве«ликимъ почтеніемъ. Въ Бастиліи отвели ему «самыя лучшія комнаты, и ни въ чемъ не отка-

въ мѣхахъ зимою? Это не весело; и хотя столъ Госпожи *Гло** очень вкусенъ, однакожь мнѣ пріятнѣе обѣдать за деньги у какого-нибудь Ресторатера, смотрѣть на множество людей, вслушиваться иногда въ шумные разговоры или про себя думать, сочинять планъ для остальнаго дня. Госпожа Н*, другая моя знакомка, миловидна и любезна, такъ что я съ удовольствіемъ былъ у нее разъ пять. Мы говорили о Швейцаріи, о Руссо, о щастіи простой жизни, даже о любви въ метафизическомъ смыслѣ; но вотъ неудобность: къ ней ѣздитъ молодой Баронъ Д*, и какъ скоро онъ въ двери, я дѣлаюсь лишнимъ; это не много оскорбительно для моего самолюбія. Баронъ же хотя и не есть Баронъ Нѣмецкій, однакожь взгляды его на меня очень грубы. Онъ садится съ ногами на диванъ подлѣ хозяйки, играетъ ролю разсѣяннаго или сонливаго, плюетъ на Англійскій коверъ; кладетъ голову на подушку—а какъ его не выгоняютъ, то надобно думать, что онъ имѣетъ право выгонять другихъ изъ кабинета Госпожи Н*. Смекнувъ такимъ образомъ, беру шляпу и скрываюсь. Прованская красавица раздумала ѣхать въ Швейцарію и быть жительницею горы Нешательской *). Баронъ смѣется надъ такою мыслію, и называетъ ее вдохновеніемъ старомоднаго романизма.

Здѣсь теперь не много Русскихъ: фамилія Князя Г*, П*, и болѣе никого, кромѣ Посланника, Секретаря М* и Г. У*, съ которыми вижусь не рѣдко. У* не богатъ, но умѣлъ собрать прекрасную библіотеку и множество рѣдкихъ

*) Описанной Жанъ-Жакомъ въ письмѣ къ д'Аланберту.

Вечеръ провелъ я также очень *пріятно въ* деревнѣ Исси, въ прекрасныхъ садахъ Герцога Инфантадоса и Принцесы Шиме. Тутъ есть несравненная алея изъ древнихъ, каштановыхъ деревъ (лучше самой Тюлерійской), и въ концѣ ея превеликой водоемъ. Видъ съ террасъ прелестенъ: замокъ Мёдонъ, Бельвю, Булонскій лѣсъ, неизмѣримая равнина, по которой течетъ Сена; и на краю горизонта Мон-Валерьенъ.

Вообще Парижскія окрестности весьма пріятны. Вездѣ прекрасныя деревеньки, алеи, сады; вездѣ разсѣяны драгоцѣнности Искусствъ: въ каждой сельской церкви найдете хорошія картины, замѣчанія достойные монументы, памятники Французской Исторіи. Съ нѣкотораго времени я всякой день бываю за городомъ, и возвращаюсь иногда очень поздно. Теперь же все цвѣтетъ, и весна нѣжными оттѣнками переливается въ лѣто.

—

Парижъ, Мая...

Я худо пользуюсь здѣшними знакомствами и обществомъ; я скупъ на время: мнѣ жаль тратить его въ трехъ или четырехъ домахъ, гдѣ меня принимаютъ. Холодная учтивость не привлекательна. Госпожа *Гло** увѣряетъ, что въ домѣ ея собираются лучшіе Авторы; но мнѣ не случилось видѣть у нее ни одного извѣстнаго. Говорятъ отрывками; все личности, jargon, языкъ непонятный для чужестранца; молчишь, зѣваешь, или скажешь слова два на вопросы: *какъ сильны бываютъ морозы въ Петербургѣ? сколько мѣсяцевъ катаются у васъ въ саняхъ? ѣздите ли*

Кто похвально жизнь ведетъ;
За невинность увѣнчаютъ
Дѣвушку въ осьмнадцать лѣтъ *)...

Парижскія дамы всегда любопытствовали видѣть невинность такъ близко отъ Парижа, брали участіе въ веселіи Сюренскихъ поселянъ и не стыдились танцовать съ ними по-деревенски.— Я обѣдалъ въ трактирѣ съ нарядными земледѣльцами, которые потчивали меня своимъ краснымъ виномъ, увѣряя, что Сюренской виноградъ и Сюренскіе нравы славны во всемъ околоткѣ. Одинъ изъ нихъ, съ гордымъ видомъ выправляя свои бѣлыя, длинныя манжеты, сказывалъ мнѣ, что всѣ три дочери его были увѣнчаны розами, и всѣ три нашли себѣ достойныхъ жениховъ.

Давно уже сельская простота не веселила меня столько, какъ нынѣшній день—и наслаждаться ею въ 7 верстахъ отъ Парижа! Я не могъ наговориться съ крестьянами и съ крестьянками; послѣднія довольно смѣлы, но не безстыдны. «Куда ты идешь съ книжкою?» спросилъ я у миленькой дѣвушки.—*Въ церковь*, отвѣчала она: *молиться Богу*.—«Жаль, что я не вашего закона; а мнѣ хотѣлось бы молиться подлѣ тебя, красавица».—Mais le bon Dieu est de toutes les réligions, Monsieurs. *Богъ единъ во всѣхъ законахъ*.— Согласитесь, друзья мои, что такая философія въ сельской дѣвушкѣ не совсѣмъ обыкновенна. Вообще всѣ Сюренскіе жители казались мнѣ умными и щастливыми, можетъ быть отъ веселаго расположенія души моей.

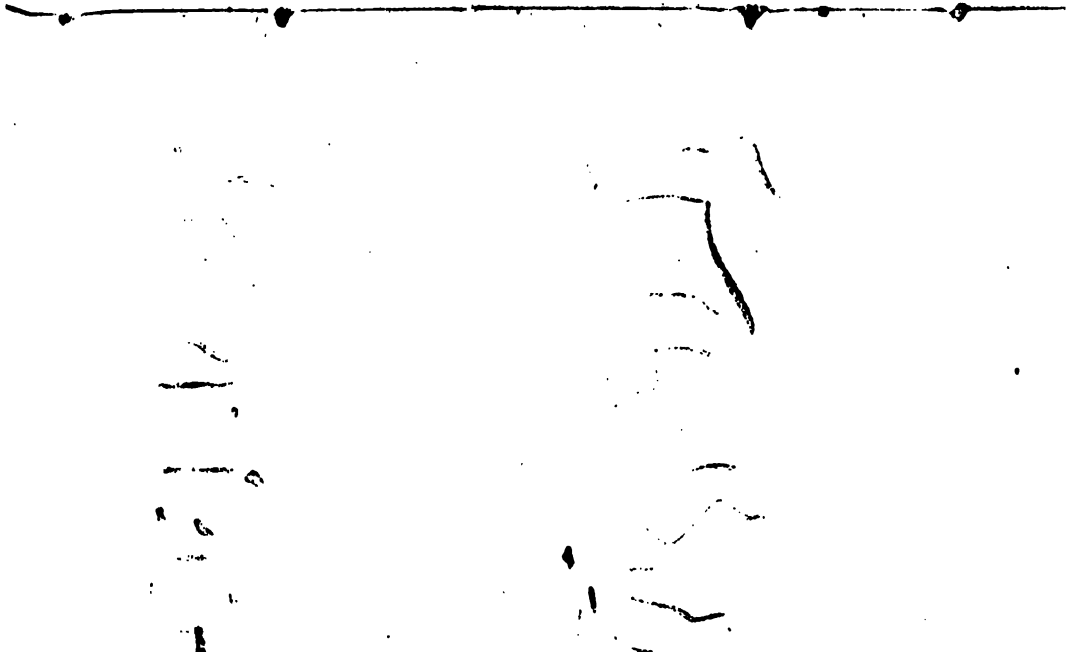
---

*) Ей непремѣнно надлежало быть осьмнадцати лѣтъ.

Парижъ, Мая...

13 Мая, въ день Вознесенья, ходилъ я въ деревеньку Сюрень, лежащую въ двухъ миляхъ отъ Парижа на берегу Сены. Мнѣ сказали, что тамъ съ великою торжественностью будутъ короновать розами осьмнадцатилѣтнюю, добродѣтельную дѣвушку; но какая горесть! нынѣшній годъ не было праздника — la fête de la Rosière. Отель-де-Виль, или Городской Приказъ, не заплатилъ процентовъ съ капитала, положеннаго какимъ-то Гм. Эліотомъ для награжденія сельской невинности, хотя на это требовалось не болѣе 300 ливровъ. Приходскому священнику надлежало послѣ вечерни объявить имена трехъ достойнѣйшихъ Сюренскихъ дѣвушекъ; деревенскіе старшины выбирали изъ нихъ одну, украшали цвѣтами, хвалили ея добродѣтель, водили по деревнѣ и пѣли хоромъ:

Безъ награды добродѣтель
Не бываетъ никогда;
Ей въ подсолнечной свидѣтель
Богъ и совѣсть завсегда.
Люди также примѣчаютъ,



Карамзинъ

ПИСЬМА
РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«мѣнно долженъ быть трусомъ», говоритъ *Стер*новъ Капралъ Тримъ.—Петръ Великій, осматривая Парижскій Инвалидный домъ въ то время, какъ почтенные воины сидѣли за обѣдомъ, налилъ себѣ рюмку вина, и сказавъ: *ваше здоровье, товарищи*! выпилъ до капли.

Архитектура и живопись прекрасны.

[illegible], ничего не слышатъ. Монахъ Киркеръ писалъ изъясненіе сей механической странности.—Кто хочетъ сойти въ подземельный лабиринтъ Обсерваторіи, служащій для разныхъ метеорологическихъ опытовъ, тому надобно непремѣнно взять вожатаго и факелы: 360 ступеней ведутъ васъ въ эту бездну, темнота страшная; густой, сырой воздухъ почти останавливаетъ дыханіе. Мнѣ разсказывали, что два монаха, сошедши туда вмѣстѣ съ другими любопытными, отстали—хотѣли догнать товарищей, но факелъ ихъ угасъ—они искали выхода изъ темныхъ переходовъ, но тщетно. Черезъ 8 дней нашли ихъ въ лабиринтѣ мертвыхъ.

—

Людовикъ XIV построилъ самой великолѣпнѣйшій въ Европѣ *Инвалидный домъ* для изувѣченныхъ и престарѣлыхъ воиновъ, желая доказать имъ Царскую благодарность, и часто бывалъ у нихъ въ гостяхъ, безъ всякой стражи, кромѣ испытаннаго усердія своихъ Ветерановъ. Печальное зрѣлище для Философа, трогательное для всякаго чувствительнаго! Многіе Инвалиды не могутъ ходить; многіе не могутъ даже ѣсть сами: ихъ кормятъ. Одни молятся передъ олтарями; другіе сидятъ подъ тѣнію густыхъ деревъ, разговаривая о побѣдахъ, купленныхъ ихъ кровію. Какъ охотно снимаю шляпу передъ сѣдымъ воиномъ, который носитъ на себѣ неизгладимые знаки храбрости и печать славы! Война бѣдственна, но храбрость есть великое свойство души. «Робкой человѣкъ можетъ быть «добрымъ: но всякой дурной человѣкъ непре-

лянъ, скитался изъ земли въ *землю: тогда я* былъ нѣжнымъ другомъ хотя нещастнаго, *но* великаго Аннибала, и врагомъ жестокихъ Республиканцевъ. — Еще хранятся въ Библіотекѣ двѣ стрѣлы дикихъ Американцевъ, намазанныя такимъ сильнымъ ядомъ, что естьли проколешь ими до крови какое нибудь животное, то оно черезъ нѣсколько минутъ оцѣпенѣвъ умретъ.— Въ залѣ нижняго этажа стоятъ два глобуса чрезмѣрной величины, такъ что верхняя часть ихъ выходитъ, черезъ отверстіе потолка, въ другой этажъ. Они сдѣланы монахомъ Коронелли. — Собраніе эстамповъ въ Библіотекѣ также достойно примѣчанія.

Здѣсь много и другихъ общественныхъ и частныхъ библіотекъ, отворенныхъ въ назначенные дни для всякого. Читайте, выписывайте, что вамъ угодно. Нѣтъ въ свѣтѣ другова Парижа ни для ученыхъ, ни для любопытныхъ; все готово—только пользуйся.

—

Королевская Обсерваторія, обращенная углами къ четыремъ главнымъ пунктамъ горизонта, построена безъ дерева и безъ желѣза. Въ большой залѣ перваго этажа проведенъ Меридіанъ, который идетъ черезъ всю Францію, на сѣверъ и на югъ, отъ Коліура до Динкирхена. Тамъ одна комната называется *тайною,* la salle des Secrets, и представляетъ любопытный феноменъ. Естьли вы приложите губы къ пиластру и тихонько скажете нѣсколько словъ, то человѣкъ, стоящій напротивъ у другова пиластра, слышитъ ихъ; а люди, которые стоятъ между

Эдѣшняя Королевская Библіотека есть первая въ свѣтѣ; по крайней мѣрѣ такъ сказалъ мнѣ Библіотекарь. Шесть превеликихъ залъ наполнены книгами. Мистическіе Авторы занимаютъ пространство въ 200 футовъ длиною и въ 20 вышиною, Схоластики 150 футовъ. Юриспруденты 40 саженъ, Историки вдвое. Поэтовъ считается 40,000, Романистовъ 6,000, путешественниковъ 7,000. Все вмѣстѣ составляетъ болѣе 200,000 томовъ, къ которымъ надобно еще прибавить 60,000 рукописныхъ. Порядокъ рѣдкій. Наименуйте книгу, и черезъ нѣсколько минутъ она у васъ въ рукахъ. Мнѣ, какъ Русскому, показывали Славянскую Библію и Наказъ Императрицы. — Карлъ V получилъ въ наслѣдство послѣ Короля Іоанна 20 книгъ; любя чтеніе, умножилъ ихъ до 900, и былъ основателемъ сей библіотеки. Тутъ же въ Кабинетѣ древнихъ и новыхъ медалей, съ великимъ любопытствомъ разсматривалъ я два щита славнѣйшихъ изъ древнихъ полководцевъ: Аннибала и Сципіона Африканскаго *). Какими пріятными воспоминаніями обязаны мы Исторіи! Мнѣ было 8 или 9 лѣтъ отъ роду, когда я въ первый разъ читалъ Римскую, и воображая себя маленькимъ Сципіономъ, высоко поднималъ голову. Съ того времени люблю его какъ своего Героя. Аннибала я ненавидѣлъ въ щастливыя времена славы его, но въ рѣшительный день, передъ стѣнами Карѳагенскими, сердце мое едва ли не ему желало побѣды. Когда всѣ лавры на головѣ его увяли и засохли; когда онъ, укрываясь отъ злобы мстительныхъ Рим-

*) Доказывается надписью.

30 *су*. При мнѣ плавали три человѣка *съ от*мѣнною легкостію. Въ Парижѣ есть и теплыя бани, въ которыя часто посылаютъ Медики больныхъ своихъ. Самыя лучшія и дорогія называются Русскими, bains Russes, de vapeurs ou de fumigations, simples et composés. Надобно заплатить рубля два, и васъ вымоютъ, вытрутъ губками, обкурятъ ароматами, какъ у насъ въ Грузинскихъ баняхъ.

—

Я былъ въ Hôtel-Dieu, главной Парижской Гошпитали, въ которую принимаютъ всякой вѣры, всякой націи, всякаго рода больныхъ, и гдѣ бываетъ ихъ иногда до 5000, подъ надзираніемъ 8 Докторовъ и ста лекарей. 130 Монахинь Августинскаго Ордена служатъ нещастнымъ и пекутся о соблюденіи чистоты; 24 священника безпрестанно исповѣдываютъ умирающихъ, или отпѣваютъ мертвыхъ. Я видѣлъ только двѣ залы, и не могъ итти далѣе: мнѣ стало дурно; и до самаго вечера стонъ больныхъ отзывался въ моихъ ушахъ. Не смотря на хорошій присмотръ, изъ 1000 всегда умираетъ 250. Какъ можно заводить такія больницы въ городѣ? Какъ можно пить воду изъ Сены, въ которую стекаетъ вся нечистота изъ Hôtel-Dieu? Ужасно вообразить! Щастливъ, кто выѣдетъ изъ Парижа здоровый! — Я спѣшу въ театръ, чтобы разсѣять свою меланхолію и начало лихорадки.

—

ихъ, а вмѣсто извиненія говорили: diable! peste!— C'est l'empire de la grosse gaieté, царство грубаго веселья! — И такъ не одинъ Русской народъ обожаетъ Бахуса! Розница та, что пьяный Французъ шумитъ, а не дерется.

У дверей всякой *Генеты* стоятъ женщины съ цвѣтами, берутъ васъ за руку и говорятъ: *Господинъ милый! господинъ прекрасный! я дарю васъ букетомъ розъ.* Надобно непремѣнно взять подарокъ, отблагодарить шестью копѣйками *), и еще сказать учтивое слово, un mot de politesse, d'honneteté. Парижскія *цвѣточницы* одного разбора съ *рыбными торговками* (les poissardes); страшно не понравиться имъ; онѣ въ состояніи заметать васъ грязью. Но естьли вы держите въ рукѣ букетъ цвѣтовъ, то вамъ уже не предлагаютъ другова. Однажды, на *Королевскомъ мосту*, двѣ *цвѣточницы* остановили меня съ Барономъ В*, и требовали... поцѣлуя! Мы смѣялись, хотѣли итти: но жестокія Вакханты насильно поцѣловали насъ въ щеку, хохотали во все горло, и кричали намъ въ слѣдъ: *еще, еще одинъ поцѣлуй!*

—

Идучи по *Дофинскому берегу*, увидѣлъ я на рѣкѣ два Китайскіе павильйона, узналъ, что это бани; сошелъ внизъ, заплатилъ 24 *су* и вымылся холодною водою въ прекрасномъ маленькомъ кабинетѣ. Чистота удивительная. Во всякой кабинетъ проведена изъ рѣки особливая труба, въ которой вода течетъ сквозь песокъ. Тутъ же учатъ плавать; урокъ стоитъ

*) Une pièce de 6 sous.

rendre hommage par une médaille *à la decouverte* de MM. de Montgolfier. На стѣнѣ прибитъ *медальйонъ*, который изображаетъ обоихъ братьевъ Монгольфье. — Жанъ-Жакъ Руссо прославилъ одинъ кофейный домъ, le Café de la Régence, тѣмъ, что всякой день игралъ тамъ въ шашки. Любопытство видѣть великаго Автора привлекало туда столько зрителей, что Полицеймейстеръ долженъ былъ приставить къ дверямъ караулъ. И нынѣ еще собираются тамъ ревностные Жанъ-Жакисты, пить кофе въ честь Руссовой памяти. Стулъ, на которомъ онъ сиживалъ, хранится какъ драгоцѣнность. Мнѣ сказывали, что одинъ изъ почитателей Философа давалъ за него 500 ливровъ; но хозяинъ не хотѣлъ продать его.

Смѣсь.

Я желалъ видѣть, какъ веселится Парижская чернь, и былъ нынѣшній день въ *Генетахъ:* такъ называются загородные трактиры, гдѣ по Воскресеньямъ собирается народъ обѣдать за 10 *су* и пить самое дешевое вино. Не можете представить себѣ, какой шумный и разнообразный спектакль! Превеликія залы наполнены людьми обоего пола; кричатъ, плящутъ, поютъ. Я видѣлъ двухъ шестидесятилѣтнихъ стариковъ, важно танцующихъ менуетъ съ двумя старухами; молодые хлопали въ ладоши, и кричали: *браво*! Нѣкоторые шатались отъ дѣйствія винныхъ паровъ, а также хотѣли танцовать, и только что не падали; не узнавали дамъ сво-

людей въ Парижѣ, особливо Авторовъ. Тутъ сходились Фонтенель, Жанъ Батистъ Руссо, Соренъ, Кребильйонъ, Пиронъ, Вольтеръ; читали прозу и стихи, спорили, шутили, разсказывали новости. Парижане ходили отъ скуки слушать ихъ. Имя сохранилось донынѣ; но теперешній Прокоповъ кофейный домъ не имѣетъ уже славы прежняго.

Что можетъ быть щастливѣе этой выдумки? Вы идете по улицѣ, устали, хотите отдохнуть: вамъ отворятъ дверь въ залу, чисто прибранную, гдѣ за нѣсколько копѣекъ освѣжитесь лимонадомъ, мороженымъ; прочитаете газеты; слушаете сказки, разсужденія; сами говорите, и даже кричите, естьли угодно, не боясь досадить хозяину. Люди не богатые, осенью, зимою, находятъ тутъ пріятное убѣжище отъ холода, каминъ, свѣтлый огонь, передъ которымъ могутъ сидѣть какъ дома, не платя ничего, и еще пользоваться удовольствіемъ общества. Vive Pascal, vive Procope! vive Soliman Aga!

Нынѣ болѣе 600 кофейныхъ домовъ въ Парижѣ (каждый имѣетъ своего Корифея, умника, говоруна), но знаменитыхъ считается 10, изъ которыхъ пять или шесть въ Пале-Рояль: Café de Foi, du Cavot, du Valois, de Chartres. Первый отмѣнно хорошо прибранъ; а второй украшенъ мраморными бюстами музыкальныхъ сочинителей, которые своими Операми плѣняютъ слухъ здѣшней публики: бюстомъ Глука, Саккини, Пиччини, Гретри и Филидора. Тутъ же на мраморномъ столѣ написано золотыми буквами: On ouvrit deux souscriptions sur cette table: la premiére le 28 Juillet, pour répéter l'experience d'Annonay; la deuxième le 29 Août, 1783, pour

дывалъ на дверь, какъ будто *бы ожидая возвращенія* прелестной незнакомки. Кто *она? благородная*, почтенная, или... Какая мысль! Важныя Парижскія дамы не говорятъ такъ вольно съ незнакомыми; однакожь можетъ быть исключеніе изъ правила. Воображеніе мое не переставало заниматься ею во время балета, находя въ разныхъ танцовщицахъ сходство съ бѣлокурою незнакомкою. Я пришелъ домой — и все еще объ ней думалъ.

«Исторія кончилась», вы скажете: а можетъ быть и *нѣтъ*. Что, если я опять гдѣ нибудь встрѣчусь съ красавицею, въ *Елисейскихъ поляхъ*, въ Булонскомъ лѣсу; избавлю ее отъ разбойниковъ, или вытащу изъ Сены, или спасу отъ огня?.. Предвижу вашу усмѣшку. «Романъ! романъ!» повторите вы съ Кавалеромъ Св. Людовика. Боже мой! какъ люди стали нынѣ недовѣрчивы! Это отнимаетъ охоту путешествовать и разсказывать анекдоты. Хорошо; я замолчу.

—

Парижъ, Маія...

Солиманъ Ага Турецкій посланникъ при Дворѣ Лудовика XIV въ 1669 году, первый ввелъ въ употребленіе кофе. Нѣкто Паскаль, Армянинъ, вздумалъ завести кофейный домъ; новость полюбилась, и Паскаль собралъ довольно денегъ. Онъ умеръ, и мода на кофе прошла, такъ что къ его наслѣдникамъ никто уже не ходилъ въ гости. Черезъ нѣсколько лѣтъ Прокопъ Сициліянецъ открылъ новый кофейный домъ близъ *Французскаго театра*, украсилъ его со вкусомъ и нашелъ способъ заманивать къ себѣ лучшихъ

Глукова Орфея восхитила меня такъ, что я забылъ и красавицу; за то вспомнилъ Жанъ-Жака, который не любилъ Глука, но слыша въ первый разъ Орфея, плѣнился, молчалъ—и когда Парижскіе знатоки при выходѣ изъ театра окружили его, спрашивая, какова музыка? запѣлъ тихимъ голосомъ: j'ai perdu mon Eurydice; rien n'égale mon malheur — обтеръ слезы свои, и не сказавъ болѣе ни слова, ушелъ. Такъ великіе люди признаются въ несправедливости мнѣній своихъ!

Занавѣсъ опустился. Незнакомка сказала мнѣ: «Божественная музыка! а вы кажется, не аплодировали?»

Я. Я чувствовалъ, сударыня.

Незнакомка. Глукъ милѣе Пиччини.

Кавалеръ. Объ этомъ въ Парижѣ давно перестали спорить. Одинъ славится гармоніею, другой мелодіею; одинъ всегда равно удивителенъ, другой великъ порывами; одинъ никогда не падаетъ, другой встаетъ съ земли, чтобы летѣть къ облакамъ; въ одномъ болѣе характера въ другомъ болѣе оттѣнокъ. *Мы* давно согласились.

Незнакомка. Я не умѣю дѣлать ученыхъ сравненій; а вы, государь мой?

Я. Согласенъ съ вами, сударыня.

Незнакомка. Etes vous toujours bien Mr.?

Я. Parfaitement bien, Madame, auprès de vous.

Тутъ Кавалеръ Св. Лудовика сказалъ ей что-то на ухо. Она засмѣялась, посмотрѣла на часы, встала, подала ему руку, и сказавъ мнѣ: je vous salue, Monsieur! ушла вмѣстѣ съ другою дамою. Я изумился... Не дождаться прекраснаго балета *Калипсы* и *Телемака*! странно!.. Мнѣ стало въ ложѣ просторнѣе и — скучнѣе. Я взгля-

Незнакомка. Любезныя?

Я. По крайней мѣрѣ *любимыя*.

Незнакомка. Да, я думаю, что у васъ лучше умѣютъ любить, нежели нравиться. Во Франціи напротивъ: чувство пылаетъ здѣсь только въ романахъ.

Я. У насъ, сударыня, у насъ оно пылаетъ въ сердцахъ.

Кавалеръ. Чувствительность вездѣ романъ. Я путешествовалъ, и знаю.

Красавица. О несносные Французы! вы всѣ атеисты въ любви. Не мѣшайте ему говорить. Онъ намъ скажетъ, какъ въ Россіи обожаютъ женщинъ.—

Кавалеръ. Ро́манъ!

Красавица. Какъ мущины нѣжны, примѣчательны—

Кавалеръ. (Зѣвая). Ро́манъ!

Красавица. Какъ они смотрятъ женщинамъ въ глаза, не скучая, не *зѣвая*.

Кавалеръ (засмѣявшись). Ро́манъ! Ро́манъ.

Тутъ весь театръ освѣтился плошками, и зрители захлопали въ знакъ удовольствія. Красавица сказала съ улыбкою: «мущины рады свѣту, а мы боимся его. Посмотрите, напримѣръ, какъ вдругъ стала блѣдна молодая дама, которая сидитъ противъ насъ»!..

Кавалеръ. Отъ того, что она, подражая Англичанкамъ, не румянится.

Я. Блѣдность имѣетъ свою прелесть, и женщины напрасно румянятся.

Красавица обернулась къ партеру... Ахъ! она была нарумянена! Я сказалъ неучтивость, прижался бокомъ къ стѣнѣ, и молчалъ. Къ щастью оркестръ заигралъ, и началась опера. Музыка

Кавалеръ. Не льзя ошибиться тому, кто подобно мнѣ, былъ вездѣ, и знаетъ языки. У васъ въ Россіи говорятъ Нѣмецкимъ языкомъ?

Я. Русскимъ.

Кавалеръ. Да, Русскимъ; все одно.

«Всѣ мѣста заняты,» сказала красавица, взглянувъ на партеръ: «тѣмъ лучше! я люблю людей.»

Кавалеръ. Иначе вы были бы неблагодарны.

Какъ досадно! думалъ я: онъ сорвалъ у меня съ языка это слово.

Кавалеръ. Только по Моисееву закону вамъ надобно ненавидѣть женщинъ.

Незнакомка. Почему же?

Кавалеръ. Любовь за любовь, ненависть за ненависть.

Незнакомка (съ усмѣшкою). Я Христіянка. Однакожь это правда: женщины не любятъ другъ друга.

Для чего же? спросилъ я съ величайшею невинностію.

Красавица. Для чего?

Тутъ она понюхала свои розы, взглянула опять на меня, и спросила, давно ли я въ Парижѣ, долго ли пробуду?

Когда розы увянутъ въ саду, меня уже здѣсь не будетъ,—отвѣчалъ я самымъ жалкимъ голосомъ.

Красавица (посмотрѣвъ на свой букетъ). Онѣ у меня цвѣтутъ и зимою.

Я. Чего не дѣлаетъ искусство, сударыня? Однакожь Натура не теряетъ своихъ правъ: ея цвѣты милѣе.

Красавица. Не сѣверному жителю хвалить Природу: она у васъ печальна.

Я. Не всегда сударыня: у насъ также есть весна, цвѣты и прекрасныя женщины.

рую молодую красавицу. *Черный цвѣтъ платья* оттѣнивалъ бѣлизну лица; голубая *ленточка* извивалась въ густыхъ свѣтлыхъ, не напудренныхъ волосахъ; букетъ розъ алѣлъ на лилеяхъ груди. — «Хорошо ли вамъ?» спросила у меня съ улыбкою любезная незнакомка. — *Не льзя лучше, сударыня.*—Но кавалеръ, который сидѣлъ рядомъ съ нею, безпрестанно повертываясь съ стороны въ сторону, безпокоилъ Реинвальда. «Я здѣсь ни за что не останусь,» сказалъ мой Нѣмецъ: «проклятый Французъ натретъ мнѣ на колѣняхъ мозоли»—сказалъ, и ушелъ. Бѣлокурая незнакомка посмотрѣла на дверь и на меня. «Вашъ товарищъ не доволенъ нашею ложею?»

Я. Ему хочется быть прямо противъ сцены.

Незнакомка. А вы съ нами?

Я. Естьли позволите.

Незнакомка. Вы очень милы.

Кавалеръ Св. Людовика. Я только теперь примѣтилъ, что у васъ на груди розы: вы ихъ любите?

Незнакомка. Какъ не любить? онѣ служатъ эмблемою нашего пола.

«Отъ нихъ совсѣмъ нѣтъ запаха», сказалъ онъ, распуская и сжимая свои ноздри.

Я. Извините—я далѣе, а чувствую.

Незнакомка. Вы далѣе? да чтожъ вамъ мѣшаетъ быть поближе, естьли розы для васъ пріятны? Здѣсь есть мѣсто... Вы Англичанинъ?

Я. Естьли Англичане имѣютъ щастіе вамъ нравиться, то мнѣ больно назваться Русскимъ.

Кавалеръ. Вы Русской? Видите, что я угадалъ, сударыня! j'ai voyagé dans le nord; je me connois aux accens; je vous l'ai dit dans le moment.

Незнакомка. Я право думала, что вы Англичанинъ. Je raffole de cette nation.

нѣкія, тутъ заключены были любезныя дочери Карла Великаго за ихъ нѣжныя слабости, тутъ, при Короляхъ второго поколѣнія, знатныя Парижскія дамы видались съ своими обожателями; тутъ нынѣ выкармливаютъ голубей для продажи. Кстати, подумалъ я, голубь есть Венерина птица.

Въ этой же улицѣ славился пирожникъ Миньйо. котораго воспѣлъ Буало въ сатирѣ своей.

... Mignot c'est tout dire, et dans le mand entier
Jamais empoison neur ne sut mieux son métier...

Пирожникъ разсердился на старика, жаловался въ судѣ; но будучи только осмѣянъ судьями, вздумалъ мстить Поэту инымъ образомъ: уговорилъ Аббата Коттеня сочинить ситиру на Буало, напечаталъ ее и разослалъ съ пирогами и по всему городу.

Оперное знакомство.

Я пришелъ въ Оперу съ Нѣмцомъ Реинвальдомъ. Entrez dans cette loge, Messieurs!—Въ ложѣ сидѣли двѣ дамы съ Кавалеромъ Св. Лудовика. «Останьтесь здѣсь, государи мои,» сказала намъ одна изъ нихъ; «видите что у насъ нѣтъ ничего на головахъ; въ другихъ ложахъ найдете женщинъ съ превысокими уборами, которые совсѣмъ закроютъ отъ васъ театръ.» Мы васъ благодаримъ, отвѣчалъ я, и сѣлъ позади ее. Учтивость ея возбудила мое вниманіе: я съ обѣихъ сторонъ заглядывалъ ей въ лицо. Между тѣмъ товарищъ мой началъ говорить со мною по-Русски: и дамы и кавалеръ посмотрѣли на насъ, услышавъ неизвѣстные звуки. Я имѣлъ удовольствіе найти въ учтивой дамѣ бѣлоку-

трудомъ могли оттащить ее. Въ *другой, въ третій* разъ то же; собака, всегда смирная, *только* противъ одного человѣка дѣлается злобнымъ тигромъ. Люди удивляются, говорятъ; вспомнили ея привязанность къ господину; вспомнили, что Макеръ въ разныхъ случаяхъ оказывалъ ненависть къ покойнику. Другія обстоятельства умножаютъ подозрѣніе. Доходитъ до Короля. Онъ желаетъ видѣть собственными глазами — и видитъ, что собака, ласкаясь ко всѣмъ придворнымъ, съ визгомъ кусаетъ Макера. Въ тогдашнія времена поединокъ рѣшалъ судьбу обвиняемыхъ, естьли доказательства были не ясны. Карлъ назначаетъ день, мѣсто: Рыцарю даютъ булаву, и пускаютъ собаку. Жестокій бой начинается. Макеръ заноситъ руку, хочетъ разить; но собака увертывается, хватаетъ его за горло — и злодѣй, падая на землю, признается Королю въ своемъ злодѣяніи. Карлъ V, желая для потомства сохранить память вѣрной собаки, которая столь чудесно открыла тайное убійство, велѣлъ въ Бондійскомъ лѣсу соорудить ей мраморный монументъ и вырѣзать слѣдующую надпись: *Жестокія сердца! стыдитесь: безсловесное животное умѣетъ любить, и знаетъ благодарность. А ты, злодѣй! въ минуту преступленія бойся самой тьми своей!*—И такъ Карлъ справедливо названъ *Мудрымъ*.—Когда *Исторія людей*, наполненная злодѣяніями, выпадаетъ изъ рукъ моихъ, я стану читать *исторію собакъ*, и утѣшусь!

Отъ чего въ Парижѣ назвали одну улицу *адскою?* Людовикъ Святый, добрый Государь (естьли бы онъ только не ѣздилъ воевать въ Азію и

Чѣмъ заглушить въ мысляхъ страшныя воспоминанія? Куда теперь ѣхать? Въ *Иль де-Нотръ Дамъ*, гдѣ во время Карла V, передъ глазами всѣхъ именитыхъ жителей Парижа, рыцарь Макеръ сражался... съ другимъ рыцаремъ, думаете? Нѣтъ, съ собакою, которая могла служить примѣромъ для рыцарей. Донынѣ показываютъ тамъ мѣсто сего чуднаго поединка. Выслушайте исторію. Обри Мондидье, гуляя одинъ въ лѣсу не далеко отъ Парижа, былъ зарѣзанъ и схороненъ подъ деревомъ. Собака нещастнаго, которая оставалась дома, побѣжала ночью искать его, нашла въ лѣсу могилу, узнала кто погребенъ тутъ, и нѣсколько дней не сходила съ мѣста. Наконецъ голодъ заставилъ ее возвратиться въ Парижъ. Она пришла къ Обріеву другу, Ардильеру, и жалкимъ воемъ давала ему чувствовать, что общаго друга ихъ нѣтъ уже на свѣтѣ! Ардильеръ накормилъ ее, ласкалъ: но горестная собака не переставала визжать, лизала ему ноги, брала его за кафтанъ, тащила къ дверямъ. Ардильеръ рѣшился итти за нею— изъ улицы въ улицу, за городъ, въ лѣсъ, къ высокому дубу. Тутъ начала она визжать еще сильнѣе и рыть лапами землю. Другъ Обріевъ съ горестнымъ предчувствіемъ видитъ могилу; велитъ слугѣ своему копать, и находитъ тѣло нещастнаго. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ собака встрѣчается съ убійцею, котораго всѣ Историки называютъ рыцаремъ Макеромъ; бросается на него *), лаетъ, грызетъ, такъ что съ великимъ

*) Спрашивается, какъ она узнала его? Можетъ быть, имѣя тонкое обоняніе, почувствовала на немъ кровь господина своего.

какъ мячемъ, то есть, бросали *ихъ изъ рукъ* въ руки, и такимъ образомъ умерщвляли. *Многіе* рыцари не могли снести пытки, и признавали себя виновными; другіе же, въ страшныхъ мукахъ, на кострѣ, въ пламени, восклицали: *Есть Богъ! Онъ знаетъ нашу невинность!* Моле, Великій Магистръ Ордена, выведенъ былъ на эшафотъ, чтобъ всенародно изъявить покаяніе, за которое обѣщали простить его. Одинъ ревностный Легатъ въ длинной рѣчи описалъ всѣ мнимыя злодѣянія Кавалеровъ Храма, и заключилъ словами: «Вотъ ихъ начальникъ! слушайте: онъ самъ откроетъ вамъ богомерзскія тайны Ордена»... *Открою истину,* сказалъ нещастный старецъ, выступивъ на край эшафота, и потрясая тяжкими своими цѣпями: *Всевышній, милосердый Отецъ человѣковъ! внемли клятвѣ моей, которая да оправдаетъ меня предъ Твоимъ небеснымъ судилищемъ!.. Клянусь, что рыцарство невинно; что Орденъ нашъ былъ всегда ревностнымъ исполнителемъ Христіанскихъ должностей, правовѣрнымъ, благодѣтельнымъ; что одни лютыя муки заставили меня сказать противное, и что я молю Небо простить человѣческую слабость мою. Вижу яростную злобу нашихъ гонителей, вижу мечь и пламя. Да будетъ со мною воля Божія! Готовъ все терпѣть въ наказаніе за то, что я оклеветалъ моихъ братій, истину и святую Вѣру!*— Въ тотъ же день сожгли его. Старецъ, пылая на кострѣ, говорилъ только о невинности рыцарей и молилъ Спасителя подкрѣпить его силы. Народъ, проливая слезы, бросился въ огонь, собралъ пепелъ нещастнаго и унесъ его какъ драгоцѣнную святыню! — Какія времена! какіе изверги между людьми! Хищному Филиппу надобно было имѣніе Ордена.

воевалъ не чужое, а свое государство, и единственно для щастія завоеванныхъ!—Слова незабвенныя, простыя, но сильныя: *Я не хочу умереть безъ того, чтобы всякой крестьянинъ въ Королевствѣ моемъ не имѣлъ курицы по Воскресеньямъ*! и другія, сказанныя имъ Гишпанскому Министру: *Вы не узнаете Парижа; мудрено ли? Отецъ семейства былъ прежде въ отлучкѣ; теперь онъ дома и печется о своихъ дѣтяхъ!* — Въ бѣдствіяхъ образовалась душа Генрихова; въ собственномъ нещастіи научился онъ дорожить щастіемъ другихъ людей и дружбою, которая рождается и торжествуетъ въ бурныя времена. Онъ былъ любимъ! Нѣкоторые изъ добрыхъ Французовъ отъ горести послѣдовали за нимъ во гробъ; между прочими ле-Викъ, Парижской Губернаторъ.—Кучеръ мой остановился и кричалъ: «вотъ улица де-ла-Ферронери!» *Нѣтъ*, отвѣчалъ я: *ступай далѣе!* Я боялся выттти и ступить на ту землю, которая не провалилась подъ гнуснымъ Равальякомъ.

Улица храма, rue du Temple, напоминаетъ бѣдственный жребій славнаго Ордена Тамплiеровъ, которые въ бѣдности были смиренны, храбры и великодушны; разбогатѣвъ, возгордились и вели жизнь роскошную. Филиппъ *Прекрасный* (но только не душею), и Папа Климентъ V, по доносу двухъ злодѣевъ, осудили всѣхъ главныхъ рыцарей на казнь и сожженіе. Варварство достойное 14 вѣка! Ихъ мучили, терзали, заставляя виниться въ ужасныхъ нелѣпостяхъ; на прим. въ томъ, будто они покланялись деревянному болвану съ сѣдою бородою, отрекались отъ Христа, дружились съ дьяволомъ, влюблялись въ чертовокъ, играли младенцами

довъ, урнъ, съ какимъ-то *жесткимъ, минеральнымъ* веществомъ. Алхимическое суевѣріе *обрадовалось* новому лучу безумной надежды, и многіе, желая разбогатѣть подобно Фламелю, превратили въ дымъ свое имѣніе. Прошло нѣсколько вѣковъ: Исторія его была уже забыта; но Павелъ Люкасъ, славный путешественникъ, славный лжецъ, возобновилъ ее слѣдующею сказкою. Будучи въ Азіи, познакомился онъ съ однимъ Дервишемъ, который говорилъ *всѣми* языками, казался молодымъ человѣкомъ, а прожилъ на свѣтѣ болѣе ста лѣтъ. «Сей Дервишъ, «говоритъ Люкасъ, увѣрилъ меня, что Николай «Фламель еще живъ; что онъ, боясь сидѣть въ «тюрьмѣ за тайну философскаго камня, вздумалъ скрыться; подкупилъ Доктора и приход«скаго священника, чтобы они разгласили о его «смерти, а самъ ушелъ изъ Франціи. Съ того «времени, сказалъ мнѣ Дервишъ, Николай Фла«мель и жена его Пернилія ведутъ философ«скую жизнь въ разныхъ частяхъ свѣта; онъ «сердечный другъ мой, и я недавно видѣлся съ «нимъ на берегу Гангеса».—Удивительно не то, что Павелъ Люкасъ выдумалъ романъ, а то, что Людовикъ XIV посылалъ такого человѣка странствовать для обогащенія наукъ историческими свѣдѣніями.—Я стоялъ нѣсколько минутъ передъ домомъ Фламеля, копалъ въ землѣ своею тростью, но не нашелъ ничего, кромѣ камней совсѣмъ не философскихъ.

Я не хотѣлъ бы жить въ улицѣ *Ферронери:* какое ужасное воспоминаніе! Тамъ Генрихъ IV палъ отъ руки злодѣя—seul roi de qui le peuple ait gardé la mémoire, говоритъ Вольтеръ. Герой великодушный, Царь благотворительный! ты за-

«прелести сіяли еще на лицѣ сей рѣдкой жен-«щины.» Какая изъ нынѣшнихъ красавицъ не позавидуетъ Діанѣ? Имъ остается слѣдовать образу ея жизни. Она всякой день вставала въ шесть часовъ, умывалась самою холодною ключевою водою, не знала притираній, никогда не румянилась; часто ѣздила верьхомъ, ходила, занималась чтеніемъ и не терпѣла праздности. Вотъ рецептъ для сохраненія красоты! —Діана погребена въ Анетѣ; не имѣя надежды видѣть могилу ея, я бросилъ цвѣтокъ на то мѣсто, гдѣ жила прелестная.

Въ улицѣ *писателей* или *копистовъ* (des écrivains) хотѣлъ я видѣть домъ, гдѣ въ 14 вѣкѣ жилъ Николай Фламель съ женою своею Перниліею, и гдѣ еще по сіе время на большомъ камнѣ видны ихъ рѣзныя изображенія, окруженныя готическими надписями и гіероглифами. Вы не знаете, кто былъ Николай Фламель: не правда ли? Онъ былъ не что иное, какъ бѣдный копистъ; но вдругъ, къ общему удивленію, сдѣлался благотворителемъ неимущихъ, и началъ сыпать деньги на бѣдныхъ отцовъ семейства, на вдовъ и сиротъ; завелъ больницы, выстроилъ нѣсколько церквей. Пошли въ городѣ разные толки: одни говорили, что Фламель нашелъ кладъ; другіе думали, что онъ знаетъ тайну философскаго камня и дѣлаетъ золото; иные подозрѣвали даже, что онъ водится съ духами; а нѣкоторые утверждали, что причиною богатства его есть тайная связь съ Жидами, выгнанными тогда изъ Франціи. Фламель умеръ, не рѣшивъ спора. Черезъ нѣсколько лѣтъ любопытные вздумали рыть землю въ его погребѣ, и нашли множество угольевъ, разныхъ сосу-

шняго времени съ великимъ жаромъ *предста* вилъ родителямъ возможныя слѣдствія *такихъ* сходбищъ, и набожные люди немедленно засыпали *источникъ любви*. Показываютъ мѣсто его: тутъ выпилъ я стаканъ Сенской воды, остатками оросилъ землю, и сказалъ: à l'amour! *въ жертву Венерѣ-Уранiи*.

Нынѣшняя *Павильйонная улица* называлась прежде именемъ Діаны, не Греческой богини, а прекрасной, милой Діаны дю-Пуатье, которую знаю и люблю по запискамъ Брантома. Она имѣла всѣ прелести женскія, до самой старости сохранила свѣжесть красоты своей, и владѣла сердцемъ Генриха II. Ростъ Минервинъ, гордый видъ Юноны, походка величественная, темно-русые волосы, которые до земли доставали; глаза черные огненные; лице нѣжное лилейное, съ двумя розами на щекахъ; грудь венеры Медицискоѣ, и, что еще милѣе, чувствительное сердце и просвѣщенный умъ: вотъ ея портретъ! Король хотѣлъ чтобы Парламенты торжественно признали дочь ея законною его дочерью: Діана сказала: «Имѣвъ право на твою руку, я требо-«вала единственно твоего сердца, для того, что «любила тебя; но никогда не соглашусь, чтобы «Парламентъ объявилъ меня твоею наложни-«цею». — Генрихъ слушалъ ее во всемъ и дѣлалъ только хорошее. Она любила Науки, Поэзію, и была Музою остроумнаго Маро. Городъ Ліонъ посвятилъ ей медаль съ надписью: Omnium victorem vici *). «Я видѣлъ Діану шести-«десяти пяти лѣтъ, говоритъ Брантомъ, и не «могъ надивиться чудесной красотѣ ея; всѣ

*) Я побѣдила побѣдителя всѣхъ.

меня, но хотѣлъ угадать и не угадывалъ. Надлежало сказать яснѣе: Eh bien, dans la rue de la Truanderie! — «A la bonne heure. Vous autres étrangers, vous ne dites le mot propre qu'à la fin de la phrase!» — И такъ мы отправились въ Трюандери. Вотъ анекдотъ:

Агнеса Геллебикъ, прекрасная молодая дѣвушка, дочь главнаго Конюшаго при дворѣ Филиппа Августа, любила и страдала. Отъ Парижа далеко до мыса Левкадскаго: что же дѣлать? броситься въ колодезь на улицѣ Трюандери, и концемъ дней своихъ прекратить любовную муку. Лѣтъ черезъ 300 послѣ того другой случай. Одинъ молодой человѣкъ, приведенный въ отчаяніе жестокостію своей богини, также бросился въ этотъ колодезь, но весьма осторожно и весьма щастливо: не утонулъ, не зашибся; и красавица, свѣдавъ, что ея любовникъ сидитъ въ водѣ, прилетѣла на крыльяхъ Зефира, спустила къ нему веревку, вытащила рыцаря, наградила его своею любовію, сердцемъ и рукою. Желая изъявить благодарность колодезю, онъ перестроилъ его, украсилъ, и готическими буквами написалъ:

L'amour m'a refait
En 1525 tout à-fait.
Въ 1525 году вновь
Меня перестроила любовь.

Весь Парижъ узналъ о семъ происшествіи. Молодые люди и дѣвушки начали тамъ сходиться при свѣтѣ луны, пѣть нѣжныя пѣсни, плясать, увѣрять другъ друга въ любви, и колодезь обратился въ жертвенникъ Эротовъ. Наконецъ одинъ славный проповѣдникъ тогда-

чостно трудится для обогащенія *Исторической* Литтературы; нравы, обыкновенія, монументы древности, составляютъ предметъ ея любопытныхъ изысканій. Она по сіе время выдала болѣе 40 томовъ, которые можно назвать золотою миною Исторіи. Вы не знаете, что были Египтяне, Персы, Греки, Римляне, естьли не читали Записокъ Академіи; читая ихъ, живете съ Древними; видите, кажется, всѣ ихъ движенія, малѣйшія подробности домашней жизни въ Аѳинахъ, въ Римѣ и проч. Девизъ Академіи есть Муза Исторіи, которая въ правой рукѣ держитъ лавровый вѣнокъ, а лѣвою указываетъ вдали на пирамиду, съ надписью: *не даетъ умирать*, vetat mori.

Наименую вамъ еще Академію Живописи, Ваянія, Архитектуры, которыя всѣ помѣщены въ Луврѣ, и всѣ доказываютъ любовь къ Наукамъ Лудовика XIV, или великаго Министра его Кольберта.

—

Парижъ, Маія...

Нынѣшній день — угадайте, что я осматривалъ? Парижскія улицы; разумѣется, гдѣ что нибудь случилось, было или есть примѣчанія достойное. Забывъ взять съ собою планъ Парижа, которой бы всего лучше могъ быть моимъ путеводителемъ, я страшнымъ образомъ кружилъ по городу, и въ скверныхъ фіакрахъ цѣлый день проѣздилъ. Въ 10 часовъ утра началось мое путешествіе. Кучеру данъ былъ приказъ везти меня—къ *источнику любви*. Онъ не читалъ Сент-Фау, слѣдственно не понималъ

даетъ ревностной любви его къ Наукамъ: оно служитъ ему только средствомъ къ размноженію ихъ благотворныхъ дѣйствій. Химическіе опыты требуютъ иногда большихъ издержекъ: Лавуазье ничего не жалѣетъ; а сверхъ того любитъ дѣлиться съ бѣдными: одною рукою обнимаетъ ихъ какъ братій, а другою кладетъ имъ кошелекъ въ карманъ. Его сравниваютъ съ Гельвеціемъ, который также былъ Генеральнымъ Откупщикомъ, также любилъ Науки и благодѣтельность; но Философія послѣдняго не стоитъ Химіи перваго. Товарищъ мой Беккеръ не можетъ безъ восхищенія говорить о Лавуазье, который дружески обласкалъ его, слыша, что онъ ученикъ Берлинскаго Химика Клапрота. Я всегда готовъ плакать отъ сердечнаго удовольствія, видя, какъ Науки соединяютъ людей, живущихъ на сѣверѣ и югѣ; какъ они, безъ личнаго знакомства, любятъ, уважаютъ другъ друга. Что ни говорятъ Мизософы, а Науки святое дѣло! – Слава Лавуазьерова пристрастила многихъ здѣшнихъ Дамъ къ Химіи, такъ что года за два передъ симъ красавицы любили изъяснять нѣжныя движенія сердецъ своихъ химическими операціями.— Бальи есть также одинъ изъ знаменитыхъ Членовъ Академіи, и болѣе всего прославилъ себя Исторіею Древней и Новой Астрономіи. Жаль, что онъ вдался въ Революцію, и мирную тишину кабинета промѣнялъ можетъ быть на эшафотъ *)!

Академія Надписей и Словесности учреждена также Лудовикомъ XIV, и болѣе ста лѣтъ рев-

*) Лавуазье и Бальи умещвлены Робеспьеромъ.

чиненій своихъ, полезныхъ для *Ученаго, пріят*ныхъ для любопытнаго. Они составляютъ подробнѣйшую Исторію Наукъ со временъ Лудовика XIV. Иностранцы считаютъ за великую славу быть Членами Парижской Академіи; число ихъ опредѣлено закономъ: 8, не болѣе. Нигдѣ нѣтъ теперь такихъ Астрономовъ и Химиковъ, какъ въ Парижѣ. Нѣмецкій ученый снимаетъ колпакъ, говоря о Лаландѣ и Лавуазье. Первый, забывая все земное, болѣе 40 лѣтъ безпрестанно занимается небеснымъ, и открылъ множество новыхъ звѣздъ. Онъ есть Талесъ нашего времени, и прекрасную эпитафію Греческаго мудреца *) можно будетъ вырѣзать на его гробѣ:

Когда отъ старости Талесовъ взоръ затмился;
Когда уже и звѣздъ не могъ онъ различить,
Мудрецъ на небо преселился,
Чтобъ къ нимъ поближе быть.

Кромѣ своей учености, Лаландъ любезенъ, живъ, веселъ какъ самый любезнѣйшій молодой Французъ. Онъ воспитываетъ дочь свою также совершенно *для неба*, учитъ Математикѣ, Астрономіи, и въ шутку называетъ Уранією; ведетъ переписку со всѣми знаменитыми Астрономами Европы, и съ великимъ уваженіемъ говоритъ о Берлинцѣ Боде.—Лавуазье есть Геній Химіи, обогатилъ ее безчисленными открытіями, и (что всего важнѣе) полезными для жизни, для всѣхъ людей. Бывъ передъ Революціею Генеральнымъ Откупщикомъ, имѣетъ конечно не одинъ милліонъ; но богатство не прохлаж-

*) См. Діогена Лаэрція въ жизни Талеса.

ихъ, въ день Св. Лудовика торжественно объявляетъ, кто побѣдитель, чье твореніе достойно награды, и раздаетъ золотыя медали. Спрашивается, для чего ла-Фонтенъ, Мольеръ, Жанъ-Батистъ, Жанъ-Жакъ Руссо, Дидротъ, Дорать и многіе другіе достойные Писатели не были ея Членами? Отвѣтъ: гдѣ люди, тамъ пристрастіе и зависть; иногда славнѣе не быть, нежели быть Академикомъ. Истинныя дарованія не остаются безъ награды; есть публика, есть потомство. Главное дѣло не *получать*, а *заслуживать*. Не *Писатели*, а *маратели* всего болѣе сердятся за то, что имъ не даютъ патентовъ. Французская Академія, боясь, чтобы кто нибудь изъ Авторовъ не оскорбилъ ея гордости и не вздумалъ отвергнуть предлагаемаго ею патента утвердила закономъ выбирать въ Члены единственно тѣхъ, которые сами запищутся въ кандидаты. Злѣйшій непріятель ея былъ Пиронъ. Извѣстна его насмѣшка: messieurs les quarante ont de l'esprit comme quatre и забавная эпитафія:

Ci-gît Piron; il ne fut rien,
Pas même Académicien.

Но вотъ что дѣлаетъ честь Академіи: въ залѣ ея, между многими изображеніями Славныхъ Авторовъ, стоитъ Пироновъ бюстъ! Мщеніе великодушное!

Академія Наукъ учреждена Лудовикомъ XIV, состоитъ изъ 70 Членовъ, и занимается Физикою, Астрономіею, Математикою, Химіею, стараясь *открывать новое*, или *довести до совершенства* извѣстное по девизу: invenit et perfecit. Каждый годъ выдаетъ она большой томъ со-

рое правило, но рѣже всего исполняется. *Правда*, что *Господа-сорокъ*, messieurs les quarante *), наблюдаютъ въ своихъ засѣданіяхъ точное равенство. Прежде всѣ они сидѣли на стульяхъ; одинъ изъ знатныхъ Членовъ потребовалъ для себя креселъ: чтожъ сдѣлали другіе? сами сѣли на кресла. C'est toujours quelque chose. Главный плодъ сего Академическаго дерева есть Лексиконъ Французскаго языка, чистый, правильный, строгій, но не полный, такъ что въ первомъ изданіи господа Члены забыли даже слово *Академія!* На примѣръ, Англійскій Лексиконъ Джонсоновъ и Нѣмецкій Аделунговъ гораздо совершеннѣе Французскаго. Вольтеръ болѣе всѣхъ чувствовалъ недостатки его, хотѣлъ дополнить, украситъ; но смерть помѣшала **). Академія занималась и критикою, только рѣдко и мало; въ угожденіе своему основателю Ришельё доказывала, что Корнелевъ *Сидъ* не достоинъ славы; но Парижскіе любители Театра, на зло ей, тѣмъ болѣе хвалили Сида. Она могла бы конечно быть гораздо полезнѣе, издавая на примѣръ Журналъ для критики и Словесности: чего бы не произвели соединенные труды лучшихъ Писателей? Однакожъ польза ея не сомнительна. Множество хорошихъ піесъ написано для славы быть Членомъ Академіи, или заслужить ея хвалу. Всякой годъ избираетъ она два предмета для Стихотворства и краснорѣчія, вызываетъ всѣхъ Авторовъ обработывать

*) Ихъ всегда 40, ни болѣе, ни менѣе.

**) Остроумный Ривароль давно обѣщаетъ новый Философическій Словарь языка своего, но чрезмѣрная лѣность, какъ сказываютъ, мѣшаетъ ему исполнить обѣщаніе.

числа ея любимцевъ, покупаетъ его за половину цѣны, за 600,000 ливровъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, какъ сказываютъ, чтобы за ужиномъ, который онъ хочетъ дать въ новокупленномъ домѣ, подарить его прежней хозяйкѣ. Взоръ благодарнаго удивленія долженъ быть наградою Американца.

Академіи.

Работать соединенными силами, съ однимъ намѣреніемъ, по лучшему плану, есть предметъ всѣхъ Академій. Выдумка благословенная для пользы Наукъ, Искусствъ и всѣхъ людей! Пріятная мысль быть участникомъ въ достохвальныхъ трудахъ, соревнованіе между Членами, нераздѣлимость общей славы съ личною, взаимное усердное вспоможеніе окриляютъ разумъ человѣческій. Надобно отдать справедливость Парижскимъ Академіямъ: онѣ были всегда трудолюбивѣе и полезнѣе другихъ ученыхъ обществъ.

Собственно такъ называемая *Французская Академія*, учрежденная Кардиналомъ Ришелье для обогащенія Французскаго языка, утверждена Парламентомъ и Королемъ. Девизъ ея: *Безсмертіе!* Жаль, что она обязана бытіемъ своимъ такому жестокому министру! Жаль, что всякой новый Членъ при вступленіи своемъ долженъ хвалить его! Жаль, что половина Членовъ состоитъ изъ людей едва не безграмотныхъ, для того единственно, что они знатные! Такіе Академики, ни мало не возвышая себя ученымъ титуломъ, унижаютъ только Академію. *Всякой знай свое дѣло и мѣсто,* есть муд-

кому, но вѣрно хозяйкѣ. Глаза *ищутъ... догадайтесь, чего.* Ложе удовольствій, осыпанное неувядаемыми, то есть, искусственными розами безъ терній, возвышается на нѣсколькихъ ступеняхъ; тутъ безъ сомнѣнія всякой Адонисъ долженъ преклонять колѣна свои. Позади спальни, въ небольшой залѣ, сдѣланъ мраморный бассеинъ для купанья, а вверху хоры для музыкантовъ, чтобы красавица, слушая гармоническую игру ихъ, могла въ тактъ полоскаться. Изъ сей комнаты дверь въ Гесперидской садъ, гдѣ всѣ тропинки опушены цвѣтами; гдѣ всѣ дерева осѣняя благоухаютъ. Лужки и лѣсочки живописные; кажется, будто всякая травка и всякой листокъ выбраны изъ тысячи. Дорожки извиваясь приводятъ васъ ко мшистой скалѣ, къ дикому гроту, гдѣ читаете надпись: *Искусство ведетъ къ Натурѣ; она дружески подаетъ ему руку;* а въ другомъ мѣстѣ: *Здѣсь я наслаждаюсь задумчивостію.* Молодой англичанинъ, который былъ съ нами, взглянувъ на послѣднюю надпись, сказалъ: grimace, grimace, Mademoiselle Dervieux!—Хозяйка живетъ во второмъ этажѣ, который мы также осматривали, и гдѣ комнаты хотя со вкусомъ прибраны, однакожъ не имѣютъ очаровательности перваго. Я любопытствовалъ видѣть Нимфу; но ей угодно было играть ролю невидимки. На диванѣ лежалъ корсетъ, доказательство ея тонкаго стана, чепчикъ съ розовыми лентами и черепаховый гребень. Зеленый тафтяный занавѣсъ отдѣлялъ отъ насъ славную прелестницу; но мы не смѣли отдернуть его.

Новая Нинонъ вздумала продавать волшебный свой храмъ. Одинъ богатый Американецъ, изъ

мало огня, чувствительности, воображенія, но стихи всѣ хороши, и много сильныхъ. Теперь занимается онъ литературною частію Французскаго Меркурія, вмѣстѣ съ Шанфоромъ, также Членомъ Академіи.—Мерсье и Флоріанъ въ Парижѣ; но мнѣ по сіе время не удалось ихъ видѣть.

Парижъ, Маія...

Бывшая актриса Дервье, актриса посредственная, но прелестница славная, упражняясь лѣтъ двадцать въ доходномъ своемъ искусствѣ, и наживъ милліоны, вздумала построить такой домъ, который обратилъ бы на себя вниманіе Парижа. Чего хотѣла, то и сдѣлалось. Сей домъ смотрятъ всѣ какъ диво. Надобно имѣть билетъ, чтобы видѣть его. Господинъ П*, мой землякъ, доставилъ мнѣ это удовольствіе. Что за комнаты! что за приборы! Живопись, бронза, мраморъ, дерево: все блеститъ, привлекаетъ глаза. Домъ не великъ; но Умъ чертилъ планъ его, Искусство было архитекторомъ, Вкусъ украшалъ, а Богатство выдавало деньги. Тутъ нѣтъ ничего *непрекраснаго*; и съ прекраснымъ для глазъ вездѣ соединена удобность или ловкость для употребленія. Прошедши комнатъ пять, вошли мы во святилище—въ спальню, гдѣ живопись изобразила на стѣнахъ Геркулеса, стоящаго на колѣняхъ передъ Омфалою; пять или шесть Эротовъ, ѣдущихъ верьхомъ на его палицѣ; Армиду, которая смотрится въ зеркало, гораздо болѣе восхищаясь своею красотою, нежели обожаніемъ сидящаго подлѣ нее Ринальда; Венеру, которая, снявъ съ себя поясъ, подаетъ его... не видно

съ Гм. Левекомъ и сказать ему *комплиментъ* на счетъ его добраго мнѣнія о Русскихъ, *у которыхъ* онъ по своей благосклонности не отнимаетъ природнаго ума, ни способности къ Наукамъ. Бартелеми подарилъ меня еще двумя учтивыми фразами, и мы разстались какъ знакомые.

—

Я видѣлъ Автора прекрасныхъ сказокъ, который въ самомъ, кажется, легкомъ, въ самомъ обыкновенномъ родѣ сочиненій, умѣетъ быть единственнымъ, неподражаемымъ: Мармонтеля. Недовольно видѣть, надобно его узнать короче; надобно поговорить съ нимъ о щастливыхъ временахъ Французской Литтературы, которыя прошли и не возвратятся! Вѣкъ Вольтеровъ, Жанъ-Жаковъ, Энциклопедіи, Духа Законовъ, не уступаетъ вѣку Расина, Буало, ла-Фонтена; и въ домѣ Г-жи Неккеръ, Барона Ольбаха, шутили столь же остроумно, какъ въ домѣ Ниноны Ланкло. Физіогномія Мармонтелева очень привлекательна; тонъ его доказываетъ, что онъ жилъ въ лучшемъ Парижскомъ Обществѣ. Вообразите же, что одинъ Нѣмецкій Романистъ, котораго имени не помню, въ журналѣ своего путешествія описываетъ его почти мужикомъ, то есть, самымъ грубымъ человѣкомъ! Какъ врали могутъ быть нахальны! — Мармонтелю болѣе шестидесяти лѣтъ; онъ женился на молодой красавицѣ, и живетъ съ нею щастливо въ сельскомъ уединеніи, изрѣдка заглядывая въ Парижъ.—Лагарпъ, въ улицѣ Генего, мой сосѣдъ. Талантъ, слогъ, вкусъ и критика его давно награждены всеобщимъ уваженіемъ. Онъ лучшій Трагикъ послѣ Вольтера. Въ твореніяхъ его

При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ жили многіе иностранцы въ Москвѣ, но не имѣли никакого вліянія на Русскихъ, не имѣвъ съ ними почти никакого обхожденія. Молодые люди, тогдашніе франты, катались иногда въ саняхъ по Нѣмецкой слободѣ, и за то считались вольнодумцами. Одна только ревностная дѣятельная воля и безпредѣльная власть Царя Русскаго могла произвести такую внезапную, быструю перемѣну. Сообщеніе наше съ другими Европейскими землями было очень не свободно и затруднительно; ихъ просвѣщеніе могло дѣйствовать на Россію только слабо; и въ два вѣка по естественному, непринужденному ходу вещей, едва ли сдѣлалось бы то, что Государь нашъ сдѣлалъ въ 20 лѣтъ. Какъ Спарта безъ Ликурга, такъ Россія безъ Петра не могла бы прославиться.

Между тѣмъ, друзья мои, вы все еще сидите со мною въ Академіи Надписей. Читали разсужденіе о Греческой живописи, похвальное слово одному изъ умершихъ Членовъ; и я замѣтилъ то же, что нѣсколько разъ замѣчалъ въ Спектакляхъ: ни одна хорошая мысль, ни одно щастливое выраженіе не укрывается отъ тонкаго вкуса здѣшней Публики — *браво!* и рукоплесканіе. Всего болѣе нравятся здѣсь нравственныя мысли или *сентенціи*, иногда самыя обыкновенныя. На примѣръ, въ похвальномъ словѣ умершему, Авторъ сказалъ: «Вотъ доказательство, что нѣжныя души предпочитаютъ «тихое удовольствіе совѣсти шумнымъ успѣ«хамъ честолюбія!» и всѣ слушатели захлопали.—Засѣданіе кончилось предложеніемъ задачь для Антикваріевъ. Надобно было познакомиться

новостей для блага подданныхъ; но *рожденный* въ Европѣ, гдѣ цвѣли уже Искусства *и Науки* во всѣхъ земляхъ, кромѣ Русской, онъ долженъ былъ только разорвать завѣсу, которая скрывала отъ насъ успѣхи разума человѣческаго, и сказать намъ: «смотрите; сравняйтесь съ ними, и потомъ, естьли можете, превзойдите ихъ!» Нѣмцы, Французы, Англичане, были впереди Русскихъ по крайней мѣрѣ шестью вѣками: Петръ двинулъ насъ своею мощною рукою, и и мы въ нѣсколько лѣтъ почти догнали ихъ. Всѣ жалкія *Іереміады* объ измѣненіи Русскаго характера, о потерѣ Русской нравственной физіогноміи, или не что иное какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука были ихъ долею въ самомъ вышшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все *народное* ничто передъ *человѣческимъ*. Главное дѣло быть *людьми*, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ; и что Англичане или Нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то *мое*, ибо я человѣкъ! Еще другое странное мнѣніе. Il est probable, говоритъ Левекъ, que si Pierre n'avoit pas régné, les Russes seroient aujourd'hui ce qu'ils sont; то есть: хотя бы Петръ Великій и не училъ насъ, мы бы выучились! Какимъ же образомъ? сами собою? но сколько трудовъ стоило Монарху побѣдить наше упорство въ невѣжествѣ. Слѣдственно Русскіе не расположены, не готовы были просвѣщаться.

сравняться, чтобы *превзойти?* «Однакожь, говорятъ, начто подражать рабски? начто перенимать вещи, совсѣмъ ненужныя?» Какія же? Рѣчь идетъ, думаю, о платьѣ и бородѣ. Петръ Великій одѣлъ насъ по-Нѣмецки для того, что такъ удобнѣе; обрилъ намъ бороды для того что такъ и покойнѣе и пріятнѣе. Длинное платье не ловко, мѣшаетъ ходить... «Но въ немъ теплѣе!»... У насъ есть шубы... «За чѣмъ же имъ имѣть два платья?»... За тѣмъ, что нѣтъ способа быть въ одномъ на улицѣ, гдѣ 20 градусовъ мороза, и въ комнатѣ, гдѣ 20 градусовъ тепла. Борода же принадлежитъ къ состоянію дикаго человѣка; не брить ее то же, что не стричь ногтей. Она закрываетъ отъ холоду только малую часть лица: сколько же неудобности лѣтомъ, въ сильной жаръ! сколько неудобности и зимою, носить на лицѣ иней, снѣгъ и сосульки! Не лучше ли имѣть муфту, которая грѣетъ не одну бороду, но все лицо? Избирать во всемъ лучшее, есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго; а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ. Монархъ объявилъ войну нашимъ старинным обыкновеніямъ во первыхъ для того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во вторыхъ и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому Русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать. Естьли бы Петръ родился Государемъ какого нибудь острова, удаленнаго отъ всякаго сообщенія съ другими государствами, то онъ въ природномъ великомъ умѣ своемъ нашелъ бы источникъ полезныхъ изобрѣтеній и

шей Исторіи, и даже въ Исторіи *человѣчества;* его-то надобно представить въ живописи; *а прочее* можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель Анджело.— Левекъ, какъ Писатель, не безъ дарованія, не безъ достоинствъ, соображаетъ довольно хорошо; разсказываетъ довольно складно, судитъ довольно справедливо; но кисть его слаба, краски не живы; слогъ правильный, логическій, но не быстрый. Къ тому же Россія не мать ему; не наша кровь течетъ въ его жилахъ: можетъ ли онъ говорить о Русскихъ съ такимъ чувствомъ, какъ Русской? Всего же болѣе не люблю его за то, что онъ унижаетъ Петра Великаго (естьли посредственный Французскій Писатель можетъ унизить нашего славнаго Монарха) говоря: on lui a peut-être refusé avec raison le titre d'homme de Génie, puisque en voulant former sa nation, il n'a su qu'imiter les autres peuples *). Я слыхалъ такое мнѣніе даже отъ Русскихъ, и никогда не могъ слышать безъ досады. Путь образованія или просвѣщенія *одинъ* для народовъ; всѣ они идутъ имъ въ слѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умнѣе Русскихъ: и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? Лучше ли бъ было Русскимъ не строить кораблей, не образовать регулярнаго войска, не заводить Академій, фабрикъ, для того, что все это не Русскими выдумано? Какой народъ не перенималъ у другова? и не должно ли

*) То есть: «Его, можетъ быть, по справедливости не хотятъ назвать великимъ умомъ! ибо онъ, желая образовать народъ свой, только что подражалъ другимъ народамъ».

«вами проведенныхъ, никогда не можетъ загла-«диться. Оно составитъ щастіе остальныхъ дней «моихъ; а по смерти желаю единственно того, «чтобы на гробѣ моемъ глубоко вырѣзали слова: «*Онъ заслужилъ благосклонность Арсама и Федимы*».

Тутъ же узналъ я Левека, Автора *Россійской Исторіи*, которая хотя имѣетъ много недостатковъ, однакожь лучше всѣхъ другихъ. Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей Россійской Исторіи, то есть писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ — вотъ образцы! Говорятъ, что наша Исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло вытти нѣчто привлекательное, сильное, достойное вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцевъ. Родословная Князей, ихъ ссоры, междоусобіе, набѣги Половцевъ, не очень любопытны; соглашаюсь; но за чѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Что не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ Англійской Исторіи; но всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа Русскаго, характеръ древнихъ нашихъ Героевъ, отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій: Владиміръ—свой Лудовикъ XI: Царь Іоаннъ—свой Кромвель: Годуновъ — и еще такой Государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ на-

пріятнѣйшимъ образомъ.—Между тѣмъ *засѣданіе* Академіи открылось. Бартелеми *сѣлъ на свое* мѣсто; онъ старшій въ Академіи, le Doyen. Въ собраніи было около 30 человѣкъ, да столько же зрителей—не болѣе. Въ самомъ дѣлѣ диссертація Аббата Бартелеми, въ которой дѣло шло о медаляхъ Іонаѳановыхъ, Антигоновыхъ, Симеоновыхъ, не могла занимать меня; за то мало слушая, я много смотрѣлъ на Бартелеми. Совершенный Вольтеръ, какъ его изображаютъ на портретахъ! высокой, худой, съ проницательнымъ взоромъ, съ тонкою Аѳинскою усмѣшкою. Ему гораздо болѣе 70 лѣтъ; но голосъ его пріятенъ, станъ прямъ, всѣ движенія скоры и живы. Слѣдственно отъ ученыхъ трудовъ люди не старѣются. Не сидячая, но бурная жизнь страстей пестритъ морщинами лице наше. Бартелеми чувствовалъ въ жизни только одну страсть: любовь ко славѣ, и силою Философіи своей умѣрялъ ее. Подобно безсмертному Монтескье онъ былъ еще *влюбленъ въ дружбу,* имѣлъ счастіе доказать великодушную свою привязанность къ изгнанному Министру Шуазелю, и дѣлилъ съ нимъ скуку уединенія. Ему и супругѣ его, подъ именемъ Арсама и Федими, приписалъ онъ Анахарсиса такъ мило и трогательно, говоря: «Сколько разъ «имя ваше готово было изъ глубины моего сердца «излиться на бумагу! Сколь лучезарно сіяло оно «предо мною, когда мнѣ надлежало описывать «какое нибудь великое свойство души, благо-«дѣянія, признательность! Вы имѣете право на «сію книгу: я сочинялъ ее въ тѣхъ мѣстахъ, ко-«торыя всего болѣе украшались вами; и хотя «кончилъ оную далеко отъ Персіи, но въ гла-«захъ вашихъ; ибо воспоминаніе минутъ, съ

Меня обѣщали съ нимъ познакомить; но какъ скоро я увидѣлъ его, то, слѣдуя первому движенію, подошелъ и сказалъ ему: «Я Русской: «читалъ Анахарсиса; умѣю восхищаться творе«ніемъ великихъ, безсмертныхъ талантовъ. И «такъ, хотя въ нескладныхъ словахъ, примите «жертву моего глубокаго почтенія»!—Онъ всталъ съ кресель, взялъ мою руку, ласковымъ взоромъ предувѣдомилъ меня о своемъ благорасположеніи, и наконецъ отвѣчалъ: *я радъ вашему знакомству; люблю съверъ, и герой, мною избранный, вамъ не чужой.*,—«Мнѣ хотѣлось бы имѣть съ нимъ какое нибудь сходство. Я въ Академіи: Платонъ передо мною; но имя мое не такъ извѣстно, какъ имя Анахарсиса *).»—*Вы молоды, путешествуете, и конечно для того, чтобы украсить вашъ разумъ познаніями: довольно сходства!* — «Будетъ еще болѣе, естьли вы дозволите мнѣ иногда видѣть и слушать васъ, съ любопытнымъ умомъ, съ ревностнымъ желаніемъ образовать вкусъ свой наставленіями великаго писателя. Я не поѣду въ Грецію: она въ вашемъ кабинетѣ».— *Жаль, что вы пріѣхали къ намъ въ такое время, когда Аполлона и Музъ наряжаемъ мы въ національный мундиръ! Однакожъ дайте мнѣ случай видѣться съ вами. Теперь вы услышите мое разсужденіе о Самаританскихъ медаляхъ и легендахъ; оно покажется вамъ скучно,* comme de raison; *извините; мои товарищи займутъ васъ*

*) Анахарсисъ, пріѣхавъ въ Аѳины, нашелъ Платона въ Академіи. Il me reçut, говоритъ молодой Скиѳъ, avec autant de politesse que de simplicité, et me fit un si bel éloge du Philosophe Anacharsis, dont je descends, que je rougissois de porter le même nom.—Anach. vol. 2 ch. VII.

зываютъ свое искусство, которому *я нѣсколько* разъ удивлялся.—Изъ комнатъ Герцога *Орлеан*скаго сдѣланъ ходъ въ манежъ, или лучше сказать, подземельная дорога, по которой онъ можетъ пріѣзжать туда верьхомъ или въ колескѣ. Прекрасная терраса, усѣянная цвѣтами, усаженная ароматическими деревьями, составляетъ кровлю зданія, и напоминаетъ вамъ древніе сады Вавилонскіе. Взошедши туда, гуляете среди цвѣтниковъ, выше земли, на воздухѣ, въ царствѣ Сильфовъ, и черезъ минуту сходите опять въ глубокія нѣдра земли, въ царство Гномовъ, гдѣ съ пріятностію думаете: «тысячи людей шумятъ и движутся теперь надъ моею головою».

Вся нижняя часть Поле-Рояль состоитъ изъ галлерей съ 180 портиками, которые будучи освѣщены реверберами, представляютъ ночью блестящую иллюминацію.

Комнаты, занимаемыя фамиліею Герцога Орлеанскаго, украшены богато и со вкусомъ. Тамъ славная картинная галлерея, едва ли уступающая Дрезденской и Диссельдорфской; кабинетъ Натуральной Исторіи, собраніе Антиковъ, гравированныхъ камней и моделей всякаго рода художественныхъ произведеній, вмѣстѣ съ изображеніемъ всѣхъ ремесленныхъ орудій.

Время кончить мое длинное историческое письмо, и пожелать вамъ, друзья мои, пріятной ночи.

—

Парижъ, Маія .. 1790.

Нынѣшній день молодой Скиѳъ К*, въ Академіи Надписей и Словесности, имѣлъ щастіе узнать Бартелеми-Платона.

«гадки. Молодые люди приходили слушать ихъ, «чтобы послѣ къ своимъ родственникамъ въ «провинціяхъ написать: *Такой-то Король скоро «объявитъ войну такому-то Государю. Новость «несомнительная! Мы слышали ее подъ вѣтвями «Краковскаю дерева.* Тутъ, кто не пощадилъ его, «пощадитъ ли какую нибудь святыню? Герцогъ «Орлеанскій запишетъ имя свое въ исторіи какъ «Геростратъ: Геній его есть злой духъ разру- «шенія».

Однакожь новый садъ имѣетъ свои красоты. Зеленые павильйоны вокругъ бассеина и липовый храмъ пріятны для глазъ. Всего же пріятнѣе Сиркъ, зданіе удивительное, единственное въ своемъ родѣ: длинный параллелограмъ, занимающій середину сада, украшенный Іоническими колоннами и зеленью, въ которой бѣлѣются мраморныя изображенія великихъ мужей Франціи. Снаружи кажется онъ самъ низенькою бесѣдкою съ портиками; войдите, и увидите внизу, подъ вашими ногами, великолѣпныя залы, галлереи, манежъ; можете сойти туда по любому крыльцу, и вы будете въ гостяхъ у Короля Гномовъ, въ подземельномъ царствѣ, однакожь не въ темнотѣ: свѣтъ льется на васъ сверху, сквозь большія окна; и вездѣ въ блестящихъ зеркалахъ, повторяются видимые вами предметы. Въ залахъ бываютъ всякой вечеръ или концерты или балы; освѣщеніе придаетъ внутренности Сирка, еще болѣе красоты. Тутъ ко всякой дамѣ, сколько бы брилліантовъ не сіяло на головѣ ея, можно смѣло подойти, говорить, шутить; ни которая не разсердится, хотя всѣ очень хорошо играютъ роли знатныхъ госпожъ. Тутъ же и славные Парижскіе фехтмейстеры пока-

серебро, золото все можно *найти за серебро и* золото. Скажи, и вдругъ очутится *въ кабинетѣ* твоемъ отборная библіотека на всѣхъ языкахъ, въ прекрасныхъ шкапахъ. Однимъ словомъ, приходи въ Пале-Рояль *дикимъ Американцемъ*, и черезъ полчаса будешь одѣтъ наилучшимъ образомъ, можешь имѣть богато-украшенный домъ, экипажъ, множество слугъ, 20 блюдъ на столѣ, и естьли угодно, цвѣтущую Лаису, которая всякую минуту будетъ умирать отъ любви къ тебѣ. Тамъ собраны всѣ лекарства отъ скуки и всѣ сладкія травы для душевнаго и тѣлеснаго здоровья, всѣ средства выманивать деньги и мучить безденежныхъ, всѣ способы наслаждаться временемъ и губить его. Можно цѣлую жизнь, и самую долголѣтнюю, провести въ Пале-Рояль. какъ волшебный сонъ, и сказать при смерти: *я все видѣлъ, все узналъ!*

Въ срединѣ замка садъ, еще недавно разведенный; и хотя планъ его очень хорошъ, но Парижскіе жители не могутъ забыть густыхъ, тѣнистыхъ деревъ, которыя прежде тутъ были и вырублены немилосерднымъ Герцогомъ для новыхъ правильныхъ алей. «Теперь, говорятъ не«довольные, одно дерево кличитъ другое, и ни «которое воробья не укроетъ; а прежде—то ли «дѣло? Въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ самой жаркой день «наслаждались мы здѣсь прохладою, какъ въ «самомъ дремучемъ, дикомъ лѣсу. Славное *Кра«ковскос дерево* (arbre de Cracovie) какъ царь воз«вышалось между другими; въ непроницаемой «тѣни его собирались наши старые Политики, «и сидя кругомъ, за чашею лимонада, на дере«вянномъ канапѣ, сообщали другъ другу *газет«ныя тайны*, глубокія знанія, остроумныя до-

не полюбилась; одни называли ее гордою, другіе безсмысленною, доказывая, что по-Французски нельзя сказать! Palais Cardinal. Нѣкоторые вступились за Ришелье; писали, судились, передъ публикою, и славный *щеголь* Французскаго языка (разумѣется, по тогдашнему времени) Бальзакъ игралъ отличную ролю въ семъ важномъ прѣніи: доказательство, что Парижскіе умы издавна промышляютъ мыльными пузырями! Королева Анна прекратила споръ, велѣвъ стереть Cardinal, и написать Royal. Лудовикъ XIV воспитывался въ Пале-Рояль, и наконецъ подарилъ его Герцогу Орлеанскому.

Не буду описывать вамъ наружности сего квадратнаго замка, который безъ всякаго сомнѣнія есть огромнѣйшее зданіе въ Парижѣ, въ которомъ соединены всѣ Ордены Архитектуры; скажу только, что собственно принадлежитъ къ отличному его характеру. Фамилія Герцога Орлеанскаго занимаетъ самую малую часть главнаго этажа; все остальное посвящено удовольствію публики, или прибытку хозяина. Тутъ спектакли, клубы, концертныя залы, магазины, кофейные домы, трактиры, лавки; тутъ богатые иностранцы нанимаютъ себѣ комнаты; тутъ живутъ блестящія первокласныя Нимфы; тутъ гнѣздятся и самыя призрительныя. Все, что можно найти въ Пиржѣ (а чего въ Парижѣ найти нельзя?) есть въ Пале-Рояль. Тебѣ надобенъ модный фракъ: поди туда и надѣнь. Хочешь, чтобы комнаты твои черезъ нѣсколько минутъ были украшены великолѣпно; поди туда и все готово. Желаешь имѣть картины, эстампы лучшихъ мастеровъ, въ рамахъ, за стеклами; поди туда и выбирай. Разныя драгоцѣнныя вещи,

ро послѣ Міоланова бѣдствія, *былъ въ партерѣ.* Оперы и смотрѣлъ на балетъ. Вдругъ приходитъ высокій человѣкъ, Аббатъ, становится передъ нимъ, и мѣшаетъ ему видѣть сцену. «Посторонитесь, говорятъ ему: здѣсь довольно мѣста». Гигантъ не слушаетъ, не трогается; смотритъ и не даетъ другимъ смотрѣть. Молодой Адвокатъ, который стоялъ подлѣ Господина Д*, сказалъ ему: «хотите ли, чтобы я выгналъ высокаго Аббата?» *Ахъ ради Бога! естьли можете.*—«Могу»—и тотчасъ началъ шептать на ухо всѣмъ, стоявшимъ вокругъ его: «вотъ Аббатъ Міоланъ, который обманулъ публику!» Вдругъ десять голосовъ повторили: «вотъ Аббатъ Міоланъ!» Чрезъ минуту весь партеръ закричалъ: «Вотъ Аббатъ Міоланъ!» и всѣ указывали пальцомъ на высокаго человѣка, который въ изумленіи, въ досадѣ, въ отчаяніи на право и на лѣво кричалъ: «Государи мои! я не Аббатъ Міоланъ!» Но скоро и во всѣхъ ложахъ раздался голосъ: «вотъ Аббатъ Міоланъ!» такъ, что высокому человѣку, который назывался совсѣмъ не Міоланомъ, надлежало какъ преступнику бѣжать изъ театра. Господинъ Д*, умирая со смѣху, изъявлялъ благодарность молодому Адвокату, между тѣмъ какъ партеръ и ложи, заглушая музыку, кричали: «Вотъ Аббатъ Міоланъ!»

Графъ Прованскій живетъ во флигелѣ.

—

Палє-Рояль называется *сердцемъ, душею, мозгомъ, извлеченіемъ Парижа.* Ришелье строилъ и подарилъ его Лудовику XIII, надписавъ надъ Воротами: Palais Cardinal! Эта надпись многимъ

училищемъ Французскихъ Авторовъ, которые въ густыхъ и темныхъ его алеяхъ обдумывали планы своихъ твореній. Тамъ Мабли часто гулялъ съ Кондильякомъ; туда приходилъ иногда и печальный Руссо говорить съ своимъ краснорѣчивымъ сердцемъ; тамъ и Вольтеръ въ молодости не рѣдко искалъ гармоническихъ риѳмъ для острыхъ своихъ мыслей, а мрачный Кребильйонъ воображалъ себя злобнымъ Атреемъ. Нынѣ садъ уже не таковъ; многія алеи исчезли, вырублены или засохли. Но я часто пользуюсь остальною сѣнію тамошнихъ старыхъ деревъ; хожу одинъ, или, сидя на дерновомъ канапѣ, читаю книгу. Люксанбуръ не далеко отъ улицы Генего, въ которой живу.

Господинъ Д*, гуляя со мною третьяго дня въ Люксанбургскомъ саду, разсказалъ мнѣ забавной случай. Въ 1784 году, Іюля 8, собрался тамъ почти весь Парижъ, чтобы видѣть воздушное путешествіе Аббата Міолана, объявленное черезъ газеты. Ждутъ два, три часа: шаръ не поднимается. Публика спрашиваетъ, когда начнется экспериментъ? Аббатъ отвѣчаетъ: *въ минуту!* Но приходитъ вечеръ, а шаръ ни съ мѣста. Народъ теряетъ наконецъ терпѣніе, бросается на аэростатъ, рветъ его въ клочки, а Міоланъ спасается бѣгствомъ. На другой день въ Пале-Рояль и на всѣхъ перекресткахъ Савояры кричатъ: «Кому надобно изображеніе славнаго путешествія, щастливо совершеннаго славнымъ аббатомъ Міоланомъ,—за копѣйку, за копѣйку!» Аббатъ послѣ того умеръ гражданскою смертію, то-есть, не смѣлъ казаться въ люди. Смѣшная исторія должна была кончиться новымъ смѣшнымъ анекдотомъ. Господинъ Д*, ско-

представляющихъ Генриха IV *и Королеву Марію* со множествомъ аллегорическихъ *фигуръ*. Какое разнообразіе въ видѣ супруговъ! На всякой картинѣ *они*, но всякая имѣетъ свой особенный характеръ. Марія, изображенная въ родахъ, есть вѣнецъ Рубенсовой кисти. Глубокія слѣды страданія, томность, изнеможеніе; блѣдная роза красоты; радость быть матерію Дофина; чувство, что вся Франція ожидала сей минуты съ боязливымъ нетерпѣніемъ, и что милліоны будутъ торжествовать ея щастливое разрѣшеніе отъ бремени; нѣжность супруги, говорящей своими взорами Генриху: *я жива! у насъ есть сынъ!* все прекрасно, и съ трогательнымъ искусствомъ выражено. Видно, что главнымъ предметомъ живописца была Королева; она занимаетъ первое мѣсто на картинахъ: Генрихъ вездѣ *для нее*. Удивительно ли? Рубенсъ писалъ по ея заказу, послѣ Генриховой смерти; и льстецъ-живописецъ сдѣлалъ то, чего ни льстецъ-Историкъ, ни льстецъ-Поэтъ не могъ бы сдѣлать для Маріи: онъ умѣлъ искусствомъ своимъ подкупить сердца въ ея пользу; онъ заставляетъ меня любить Марію.—Между аллегорическими фигурами примѣтилъ я одно женское милое лицо, неоднократно изображенное. Ученикъ живописи, который показывалъ мнѣ галлерею, сказалъ: «Не дивитесь повторенію: это лицо Рубенсовой жены, славной красавицы Елены Форманъ. Рубенсъ былъ ея *любовникомъ-супругомъ*, и вездѣ, гдѣ только могъ, изображалъ свою Елену». Я люблю тѣхъ, которые любить умѣли; и сердце мое еще сильнѣе прилѣпилось къ художнику.

Садъ Люксанбургской былъ нѣкогда любимымъ

скаго игралъ въ билліардъ съ какимъ-то почтеннымъ старикомъ. Молодой принцъ очень хорошъ лицомъ; надобно, чтобы и душа его была прекрасна,—слѣдственно не похожа на душу отца его.—Тюльери соединяется съ Лувромъ посредствомъ галлереи, которая длиннѣе и огромнѣе всѣхъ галлерей на свѣтѣ, и гдѣ долженъ быть Королевскій Музеумъ, или собраніе картинъ, статуй, древностей, разсѣянныхъ теперь по разнымъ мѣстамъ.

—

Люксанбуръ принадлежитъ нынѣ Графу Прованскому: величественный дворецъ, построенный Маріею Медицисъ, супругою великаго и матерію слабаго Короля, женщиною властолюбивою, но рожденною безъ всякаго таланта властвовать; которая бывъ долгое время Ксантиппою Генриха IV, заступила его мѣсто на тронѣ для того, чтобы расточить плоды Сюлліевой бережливости, завести междоусобную войну во Франціи, возвеличить Ришелье и быть жертвою его неблагодарности; которая, осыпавъ милліонами недостойныхъ своихъ любимцевъ, кончила жизнь въ изгнаніи, въ бѣдности, едва имѣя кусокъ хлѣба для уталенія голода и рубище для прикрытія наготы своей. Игра судьбы бываетъ иногда ужасна. Съ такими мыслями смотрѣлъ я на прекрасную архитектуру сего дворца, на его террасы и павильйоны. За нѣсколько гривенъ показали мнѣ и внутренность. Комнаты едвали достойны примѣчанія; но тутъ славная галлерея Рубенсова, въ которой сей Нидерландскій Рафаэль истощилъ всю силу искусства и Генія своего: 25 большихъ картинъ,

нія не величественъ, но пріятенъ; *положеніе* очень хорошо. Съ одной стороны рѣка Сена, а передъ главною фасадою Тюльерійскій садъ съ высокими своими террасами, цвѣтниками, бассейнами, группами и (что всего лучше) древними густыми алеями, сквозь которыя вдали видна, на обширной площади, статуя Лудовика XV. Тутъ живетъ нынѣ Королевская фамилія. Я видѣлъ и внутренность дворца. Въ день Св. Духа Король вмѣстѣ съ Кавалерами главнаго Французскаго Ордена пошелъ въ церковь; за нимъ и Королева съ Дамами; первые въ рыцарскихъ мантіяхъ, съ распущенными волосами; вторыя въ богатыхъ робахъ. Въ ту самую минуту любопытные зрители бросились во внутреннія комнаты—я за ними—изъ залы въ залу, и до самой спальни. *Куда вы господа? за чьмъ?* спрашивали придворные лакеи. *Смотрить*, отвѣчали мои товарищи, и шли далѣе. Украшеніе комнатъ составляютъ обои Гобелиновой фабрики, картины, статуи, гротески, бронзовые камины. Между тѣмъ глаза мои занимались не только вещами, но и людьми: Министрами и Экс-Министрами, придворными и старыми Королевскими слугами, которые, видя безчинство молодыхъ, съ величайшимъ небреженіемъ одѣтыхъ людей, шумящихъ и бѣгающихъ, пожимали плечами. Я самъ съ какимъ-то горестнымъ чувствомъ ходилъ за другими. Таковъ ли былъ прежде Французскій Дворъ, славный своею блестящею пышностію? Видя двухъ человѣкъ, сидящихъ рядомъ и тихонько говорящихъ между собою, думалъ я: «Они вѣрно говорятъ о нещастномъ «состояніи Франціи и будущихъ ея возможныхъ «бѣдствіяхъ!» — Второй Сынъ Герцога Орлеан-

жили и славные Ученые, Авторы, Поэты, достойные Королевскаго вниманія. Лудовикъ, уступивъ свое жилище Генію, возвысилъ и его и себя.

Говоря о Луврѣ, нельзя не вспомнить о снѣжномъ обелискѣ, которой въ жестокую зиму въ 1788 году сдѣланъ былъ противъ его оконъ бѣдными людьми, въ знакъ благодарности къ нынѣшнему Королю, покупавшему для нихъ дрова. Всѣ Парижскіе Стихотворцы сочиняли надписи для такого рѣдкаго памятника, и лучшая изъ нихъ была:

Мы дѣлаемъ царю и другу своему
Лишь снѣжный монументъ; милѣе онъ ему,
Чѣмъ мраморъ драгоцѣнный,
Изъ дальнихъ странъ на счетъ убогихъ привезенный.

Въ память сего трогательнаго случая, одинъ богатый человѣкъ, Г. Жюбо, соорудилъ передъ своимъ домомъ, близь Тюльери, мраморный обелискъ, и вырѣзалъ на немъ всѣ надписи снѣжнаго монумента; я былъ у Г. Жюбо, читалъ ихъ, и вообразивъ, какъ нынѣ французы обходятся съ Королемъ своимъ, подумалъ: «Вотъ памятникъ благодарности, который доказываетъ неблагодарность Французовъ!»

—

Тюльери. Имя произошло отъ tuile, т. е. черепицы, которую нѣкогда тутъ дѣлали. Сей дворецъ построенъ Катериною Медицисъ; состоитъ изъ пяти павильйоновъ съ четырьмя *корь-де ложи*; украшенъ мраморными колоннами, фронтономъ, статуями, и наконецъ изображеніемъ лучезарнаго солнца, девизомъ Лудовика XIV. Видъ зда-

заключались возмутители, *ослушные Бароны*, которые часто возставали противъ своихъ *Королей*. Францискъ I, страстный охотникъ воевать, плѣнять красавицъ и строить великолѣпные замки, разрушивъ до основанія готическія башни, на ихъ мѣстѣ соорудилъ огромный дворецъ, украшенный лучшими художниками его вѣка, но необитаемый до временъ Карла IX. Людовикъ XIV воцарился: съ нимъ воцарились Искусства, Науки—и Лувръ, по его мановенію, увѣнчался великолѣпною своею колонадою, лучшимъ произведеніемъ Французской Архитектуры, и тѣмъ болѣе удивительною, что строилъ ее не славный зодчій, а Докторъ Перро, обезславленный, разруганный насмѣшливымъ Буало въ его сатирахъ. Нельзя взглянуть безъ какого-то глубокаго почтенія на ея перистили, портики, фронтоны, пиластры, столпы, которымъ вмѣсто крова служитъ терраса съ прекраснымъ балюстрадомъ. Я всякой разъ останавливаюсь противъ главныхъ воротъ, смотрю и думаю: «Сколько тысящелѣтій мелькнуло черезъ земный шаръ въ вѣчность между первымъ сплетеніемъ гибкихъ вѣтьвей, укрывшихъ дикаго Адамова сына отъ ненастья, и гигантскою колонадою Лувра; дивомъ огромности и вкуса! Какъ малъ человѣкъ, но какъ великъ умъ его! Какъ медленны успѣхи разума, но какъ они многообразны и безконечны!» – Людовикъ XIV долго жилъ въ Луврѣ; наконецъ предпочелъ ему Версалію, и мѣсто великаго Монарха занялъ Аполлонъ съ Музами. Тутъ всѣ Академіи *); тутъ

*) Тамъ, въ залѣ Академіи Художествъ, видѣлъ я четыре славныя ле-Брюневы картины: сраженія Александра Великаго.

боваться его прекрасными изданіями классическихъ Авторовъ, обѣдать у Ресторатера *); гдѣ подадутъ вамъ за рубль пять или шесть хорошо приготовленныхъ блюдъ съ десертомъ; посмотрѣть на часы, и расположить время свое до шести, чтобы, осмотрѣвъ какую нибудь церковь, украшенную монументами, или галлерею картинную, или библіотеку, или кабинетъ рѣдкостей, явиться съ первымъ движеніемъ смычка, въ Оперѣ, въ Комедіи, въ Трагедіи, плѣняться гармоніею, балетомъ, смѣяться, плакать — и съ томною, но пріятныхъ чувствъ исполненною душею отдыхать въ Пале-Рояль, въ Café de Valois, de Caveau, за чашкою *бевару аза* **); взглядывать на великолѣпное освѣщеніе лавокъ, аркадъ, алей въ саду; вслушиваться иногда въ то, что говорятъ тамошніе глубокіе Политики; наконецъ возвратиться въ тихую свою комнату, собраться съ идеями, написать нѣсколько строкъ въ своемъ журналѣ, броситься на мягкую постелю, и (чѣмъ обыкновенно кончится и день и жизнь) заснуть глубокимъ сномъ съ пріятною мыслію о будущемъ. — Такъ я провожу время, и доволенъ.

—

Скажу вамъ нѣсколько словъ о главныхъ Парижскихъ зданіяхъ.

Луврь. Прежде былъ онъ не что иное, какъ грозная крѣпость, гдѣ жили потомки Кловисовы, и гдѣ, какъ въ государственной темницѣ,

*) Ресторатерами называются въ Парижѣ лучшіе трактирщики, у которыхъ можно обѣдать. Вамъ подадутъ роспись всѣмъ блюдамъ, съ означеніемъ ихъ цѣны; выбравъ, что угодно, обѣдаете на маленькомъ, особливомъ столикѣ.

**) Ароматическій сиропъ съ чаемъ.

и первый предметъ, который *явится глазамъ*, будетъ пустой кошелекъ.

Однакожь не надобно себѣ воображать, что Парижская пріятная жизнь очень дорога для всякаго; напротивъ того здѣсь можно за небольшія деньги наслаждаться всѣми удовольствіями по своему вкусу. Я говорю о *позволенныхъ* и въ строгомъ смыслѣ позволенныхъ удовольствіяхъ. Естьли же кто вздумаетъ *коротко* знакомиться съ пѣвицами и актрисами, или въ тѣхъ домахъ, гдѣ играютъ въ карты не отказываться ни отъ какой партіи, тому надобно Англійское богатство. И домомъ жить дорого, то есть, дороже, нежели у насъ въ Москвѣ. Но вотъ какъ можно весело проводить время и тратить не много денегъ:

Имѣть хорошую комнату въ лучшей *Отели* *); поутру читать разные журналы, газеты, гдѣ всегда найдешь что нибудь занимательное, жалкое, смѣшное; и между тѣмъ пить кофе, какого не умѣютъ варить ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи; потомъ кликнуть парикмахера, говоруна, враля, который наскажетъ вамъ множество забавнаго вздору о Мирабо и Мори, о Бальи и Лафаетѣ; намажетъ вашу голову Прованскими духами и напудритъ самою бѣлою, легкою пудрою; а тамъ, надѣвъ чистой, простой фракъ, *бродить* по городу, зайти въ Пале-Рояль, въ Тюльери, въ Елисейскія поля, къ извѣстному Писателю, къ художнику, въ лавки гдѣ продаются эстампы и картины, — къ Дидоту, лю-

*) Hôtel есть наемный домъ, гдѣ вы кромѣ комнаты и услуги ничего не имѣете. Кофе и чай приносятъ вамъ изъ ближайшаго кофейнаго дома, а обѣдъ изъ трактира.

Парижъ Маія...

Сей часъ получилъ отъ васъ письмо — и какъ обрадовался, нѣтъ нужды сказывать. Можно ли что вы не писали ко мнѣ отъ 14 Февраля до 7 Апрѣля? Любезные друзья мои конечно не знали, какъ дорого стоило ихъ молчаніе бѣдному Русскому путешественнику; иначе безъ сомнѣнія они не заставили бы его мучиться. Извините, естьли это похоже на выговоръ; мнѣ право было очень грустно. Теперь говорю: *слава Богу!* и все забываю.

Вамъ казалось, что я никогда не выѣду изъ Женевы; а естьли бы вы знали, какъ мнѣ наконецъ стало тамъ скучно! Спросите, для чего же я тотчасъ не выѣхалъ оттуда? Единственно для того, что всякой день ожидалъ вашихъ писемъ — и время проходило. Мнѣ очень хотѣлось возобновить свое путешествіе съ покойнымъ сердцемъ: чего однакожь не сдѣлалось.

Правда, любезный А. А., Парижъ есть городъ единственный. Нигдѣ, можетъ быть, нельзя найти столько матерій для философскихъ наблюденій, какъ здѣсь; нигдѣ столько любопытныхъ предметовъ для человѣка, умѣющаго цѣнить Искусства; нигдѣ столько разсѣянія и забавъ. Но гдѣ же и столько опасностей для философіи, особливо для сердца? Здѣсь тысячи сѣтей разставлены для всякой его слабости... Шумный океанъ, гдѣ быстрое стремленіе волнъ мчитъ васъ отъ Харибды къ Сциллѣ, отъ Сциллы къ Харибдѣ! Сирены множество; и пѣніе ихъ такъ сладостно, усыпительно... Какъ легко забыться, заснуть! но пробужденіе едва ли не всегда горестно —

Я не люблю скучать собою. Слава *Богу! нашла* пристанище. Знаешь ли, что здѣсь *живалъ Король* Франсуа? я заступила его мѣсто. Иногда по ночамъ, кажется мнѣ, будто онъ расхаживаетъ по горницамъ съ своими Министрами, Генералами, и разговариваетъ о старинѣ.» — И тебѣ здѣсь не страшно?— «Страшно? Нѣтъ, я уже давно перестала бояться.»—Что же будетъ съ тобою, добрая старушка, когда ты занеможешь, когда ноги твои отъ старости... «Что будетъ? Я умру — меня погребутъ, и все дѣло съ концомъ.» — Мы замолчали... Я подошелъ къ окну, и смотрѣлъ на заходящее солнце, которое тихими лучами своими освѣщало разнообразныя картины Парижскихъ окрестностей. Боже мой! сколько великолѣпія въ физическомъ мірѣ (думалъ я), и сколько бѣдствія въ нравственномъ! Можетъ ли нещастный, угнетенный бременемъ бытія своего, отверженный, уединенный среди множества людей, хладныхъ и жестокихъ,—можетъ ли онъ веселиться твоимъ великолѣпіемъ, златое солнце! твоею чистою лазурью, свѣтлое небо! вашею красотою, зеленые луга и рощи? Нѣтъ, онъ томится; всегда, вездѣ томится, бѣдный страдалецъ! Темная ночь сокрой его! Шумящая буря унеси его... туда, туда, гдѣ добрые не тоскуютъ; гдѣ волны океана, океана вѣчности, прохлаждаютъ истлѣвшее сердце!..

Солнце закатилось. Я пожалъ руку бѣдной старушки—и возвратился въ Парижъ.

удивленіе!.. въ углу сей огромной залы, подлѣ мраморнаго камина, на большихъ креслахъ сидѣла старая женщина лѣтъ шестидесяти, блѣдная, сухая, въ раздранномъ рубищѣ... Она взглянула на меня, кивнула головою и тихимъ голосомъ сказала: *добрый вечеръ*!.. Нѣсколько минутъ стоялъ я неподвижно на одномъ мѣстѣ; наконецъ подошелъ, началъ говорить съ нею и узналъ, что она нищая, сбираетъ милостыню въ Парижѣ, въ окрестныхъ деревняхъ, и уже два года живетъ въ пустомъ замкѣ Мадритѣ.—Никто не не тревожитъ тебя здѣсь? спросилъ я.—«Кому тревожить? Одинъ разъ пришелъ сюда Надзиратель и увидѣлъ меня лежащую на соломѣ въ передней горницѣ. Я разсказала ему свою исторію, исторію моей дочери—онъ заплакалъ—далъ мнѣ три ливра, и велѣлъ жить въ этой залѣ, для того что въ ней цѣлы окончины; для того что въ ней не дуетъ вѣтеръ. Добрый человѣкъ!»—У тебя есть дочь?—«Была, была, теперь она тамъ, выше замка Мадрита. Ахъ! мы жили съ нею какъ въ раю: жили въ низенькой хижинѣ, спокойно и щастливо! Тогда и свѣтъ былъ лучше; тогда и всѣ люди были добрѣе. Знаешь ли, какъ у насъ въ деревнѣ называли ее? Мущины соловьемъ, а женщины малиновкой. Она любила пѣть, сидя подъ окномъ, или ходя въ рощѣ за цвѣтами; всѣ останавливались и слушали. У меня сердце прыгало отъ радости. Тогда заимодавцы насъ не мучили. Луиза попроситъ, и всякой готовъ ждать. Луиза умерла, и меня выгнали изъ хижины, съ клюкою и котомкою. Ходи по міру и лей слезы на холодные камни!»—У тебя нѣтъ родни?—«Есть, да нынѣ всякой объ себѣ думаетъ. Кому до меня нужда?

чезарное солнце сіяетъ на небѣ? Какъ *изъяснить* сіи жестокіе, меланхолическіе припадки, въ которыхъ вся душа моя сжимается и хладѣетъ?.. Не уже ли сія тоска есть предчувствіе отдаленныхъ бѣдствій? Не уже ли она есть не что иное, какъ задатокъ тѣхъ горестей, которыми Судьба намѣрена посѣтить меня въ будущемъ?..

Часовъ шесть бродилъ я по окрестностямъ Парижа, въ самомъ грустномъ расположеніи духа; пришелъ въ Булонской лѣсъ и увидѣлъ передъ собою готическій замокъ Мадритъ, построенный въ 16 вѣкѣ, окруженный глубокими рвами и темными аркадами. Террасы его заросли высокою травою. Гдѣ Францискъ I наслаждался всѣми пріятностями любви и роскоши *); гдѣ нѣжные звуки арфъ и гитаръ усыпляли его въ объятіяхъ богини сладострастія: тамъ нынѣ пустота и молчаніе царствуютъ... Вокругъ меня бѣгали олени; солнце катилось къ западу; вѣтеръ шумѣлъ въ густотѣ лѣса. Я хотѣлъ видѣть внутренность замка... Барельефы крыльца, представляющіе разныя сцены изъ Метаморфозъ Овидіевыхъ, покрылись зеленымъ мохомъ; здѣсь, надъ пламеннымъ сердцемъ нѣжнаго Пирама, умирающаго отъ любви къ Тизбѣ, развѣвается хладная полынь; тамъ Время рукою своею изглаживаетъ картину Юнонина мщенія, превратившаго въ пепелъ злощастную Семелею... Въ первой, второй, третьей залѣ все пусто и мрачно; въ четвертой, украшенной рѣзьбою и живописью, услышалъ я тяжелый вздохъ... осмотрѣлся кругомъ и... представьте себѣ мое

*) Сей замокъ построенъ Франциcкомъ I по возвращеніи его изъ Гишпаніи.

по большей части бываютъ наполнены людьми низкаго состоянія. Англичанинъ торжествуетъ въ Парламентѣ и на Биржѣ, Нѣмецъ въ ученомъ кабинетѣ, Французъ въ Театрѣ.

Только на двѣ недѣли въ году закрываются здѣсь спектакли, то есть, на Страстную и Святую недѣлю; но какъ Французамъ жить и 14 дней безъ публичныхъ веселій? Тогда всякой вечеръ въ оперномъ домѣ бываетъ духовный концертъ, concert spirituel, гдѣ лучшіе Виртуозы на разныхъ инструментахъ показываютъ свое искусство, и гдѣ провелъ я нѣсколько весьма пріятныхъ и, можно сказать, сладкихъ часовъ, слушая Гайденову Stabat Mater, Іомелліево Miserere, — и проч. Нѣсколько разъ грудь моя орошалась жаркими слезами — я не отиралъ ихъ — я ихъ не чувствовалъ. — Небесная музыка! наслаждаясь тобою, возвышаюсь духомъ, и не завидую Ангеламъ. Кто докажетъ мнѣ, чтобы душа моя, удобная къ такимъ святымъ, чистымъ, эѳирнымъ радостямъ, не имѣла въ себѣ чего нибудь божественнаго, нетлѣннаго? Сіи нѣжные звуки, вѣющіе какъ Зефиръ на сердце мое, могутъ ли быть пищею смертнаго, грубаго существа? — Но ничто въ этомъ концертѣ не трогало меня такъ сильно, какъ одинъ прекрасный *дуэтъ* Лаиса и Руссо. Они пѣли — оркестръ молчалъ — слушатели едва дышали... несравненно!

Парижъ, Апрѣля...

Отъ чего сердце мое страдаетъ иногда безъ всякой извѣстной мнѣ причины? Отъ чего свѣтъ помрачается въ глазахъ моихъ тогда, какъ лу-

добродѣтель: чудная связь! и потому *Англійскіе* Лорды со вздохомъ говорятъ, что она Фениксъ.— Изъ пѣвцовъ славнѣйшіе Раффанелли. Мандини и Виганони.

Новый Театръ des Variétés огромнѣе всѣхъ здѣшнихъ Театровъ: великолѣпная зала, прекрасныя ложи, блестящая аванъ-сцена! — Тамъ представляются комедіи и драмы иногда очень хорошо, иногда посредственно. Извѣстный Монвель, одинъ изъ первыхъ Парижскихъ актеровъ, вторый ле-Кень, играетъ нынѣ въ Variétés. Онъ старъ, не имѣетъ ни голосу, ни фигуры; но всѣ сіи недостатки замѣняетъ искусствомъ и живостію игры. Всякое слово его впечатлѣвается въ душу зрителя; глаза его въ одну минуту и меркнутъ и воспламеняются; я боюсь смигнуть съ него, когда онъ выходитъ на сцену. Ла-Ривъ, Монвель, Моле — вотъ три актера, которые можетъ быть во всей Европѣ не найдутъ себѣ двухъ подобныхъ.

Кромѣ сихъ главныхъ пяти Театровъ есть въ Парижѣ множество другихъ въ Palais Royal, на *булеварахъ*, и для всякаго спектакля находятся особливые зрители. Не говоря уже о богатыхъ людяхъ, которые живутъ только для удовольствій и разсѣянія, самые бѣдные ремесленники, Савояры, разнощики, почитаютъ за необходимость быть въ Театрѣ два или три раза въ недѣлю; плачутъ, смѣются, хлопаютъ, свищутъ и рѣшатъ судьбу піесъ. Въ самомъ дѣлѣ между ими есть много знатоковъ, которые замѣчаютъ всякую щастливую мысль Автора, всякое щастливое выраженіе актера. A force de forger on devient forgeron — и я часто удивлялся вѣрному вкусу здѣшнихъ партеровъ, которые

мается и забываетъ упреки. Государь открываетъ ей все. «Я хотѣлъ обладать нѣжнымъ сердцемъ, говоритъ онъ, которое любило бы во мнѣ не Императора, но человѣка: вотъ оно!» — (обнимая Катерину) — «сердце и рука моя твои; прими же отъ меня и корону! Не она, но ты будешь украшать ее.» — Удивленная Катерина не радуется вѣнцу Царскому; она хотѣла бы жить съ любезнымъ Петромъ своимъ въ бѣдной хижинѣ; но Петръ и на тронѣ милъ душѣ ея. Вельможи упадаютъ передъ нею на колѣни — весь Преображенскій полкъ выходитъ на сцену — радостныя восклицанія гремятъ въ воздухѣ — восклицанія: *да здравствуетъ Петръ и Екатерина!* Государь обнимаетъ супругу — занавѣсъ опускается. Я отираю слезы свои — и радуюсь, что я Русской. Авторъ піесы есть Г. Бульи. — Жаль только, что Французы нарядили Государя, Менщикова и ле-Форта въ Польское платье, а Преображенскихъ солдатъ и офицеровъ въ крестьянскіе зеленые кафтаны съ желтыми кушаками. Зрители вокругъ меня говорили, что Русскіе и нынѣ точно такъ одѣваются; а я, занимаясь драмою, не почелъ за нужное выводить ихъ изъ заблужденія.

—

На Театрѣ Графа Прованскаго (Théâtre de Monsieur) представляютъ по большой части Италіянскія комическія оперы, иногда же маленькія Французскія піесы. Говорятъ, что въ Италіи нѣтъ и не бывало подобной трупы: рѣдкіе таланты! Гж. Балетти есть первая пѣвица, и славна не только своимъ голосомъ, красотою, но и безпорочнымъ поведеніемъ. Парижская актриса и

О *Великій* Государь!
Первый, первый въ свѣтѣ Царь!—
Всю вселенную пройдете,
Но другова не найдете.

Ле-Фортъ забылъ конецъ пѣсни. Добрые крестьяне хвалятъ ее; только не хотятъ вѣрить, чтобы въ самомъ дѣлѣ былъ на свѣтѣ такой Государь. Катерина болѣе всѣхъ тронута; въ черныхъ глазахъ ея блистаютъ слезы. «Нѣтъ, говоритъ она ле-Форту: нѣтъ, ты насъ не обманываешь; пѣсня твоя справедлива: иначе ты не могъ бы пѣть ее съ такимъ сердечнымъ жаромъ!» Вообразите чувствительность Государя! — Но скоро дѣйствіе перемѣняется. Пріѣзжаетъ Меншиковъ, вызываетъ Императора и сказываетъ ему, что въ Россіи прошелъ ложный слухъ о его смерти; что злоумышленники развѣваютъ вездѣ пламя бунта; что ему непремѣнно должно возвратиться какъ можно скорѣе въ Москву, и что вѣрный Преображенскій полкъ ожидаетъ его на границѣ. Императоръ не страшится мятежниковъ — одинъ величественный, свѣтлый взоръ его можетъ разсѣять всѣ тучи на горизонтѣ Россіи — но онъ спѣшитъ явиться глазамъ любезной своей Гвардіи. Нѣжная Екатерина ждетъ друга, но тщетно; ищетъ его и не находитъ. Ей сказываютъ, что онъ уѣхалъ. Сердце ея хладѣетъ. *Петръ оставилъ, обманулъ меня!*... сіи слова умираютъ на блѣдныхъ устахъ ея. Но когда она послѣ жестокаго обморока, приходитъ въ себя, Петръ стоитъ на колѣняхъ передъ нею, уже не въ платьѣ бѣднаго работника, но въ великолѣпной одеждѣ Царской, окруженный Вельможами. Катерина не видитъ ничего, кромѣ своего милаго друга; оживаетъ, восхи-

имѣетъ пріятный голосъ, и для того просятъ его спѣть какую нибудь старинную пѣсню; онъ думаетъ, беретъ цитру, играетъ и поетъ:

Жилъ былъ въ свѣтѣ добрый Царь,
Православный Государь.
Всѣ сердца его любили,
Всѣ отцомъ и другомъ чтили.

Любитъ Царь дѣтей своихъ;
Хочетъ онъ блаженства ихъ;
Санъ и пышность забываетъ—
Тронъ, порфиру оставляетъ.—

Царь какъ странникъ въ путь идетъ,
И обходитъ цѣлый свѣтъ.
Посохъ есть ему — держава,
Всѣ опасности — забава.

Для чегожъ оставилъ онъ
Царскій санъ и свѣтлый тронъ?
Для чего ему скитаться,—
Хладу, зною подвергаться?—

Чтобъ вездѣ добро сбирать,
Душу, сердце украшать
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами.

Для чегожъ ему желать
Душу, сердце украшать
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами?

Чтобы мудростью своей
Озарить умы людей,
Чадъ и подданныхъ прославить
И въ *искусствѣ жить* наставить.

жаетъ Петра; никогда еще глаза *ея не видали* такого прекраснаго, величественнаго, любезнаго человѣка, и никогда сердце ея столь охотно не слѣдовало за глазами. Она не таитъ своихъ чувствъ, и подаетъ ему руку; слезы восторга катятся по лицу ея. Государь клянется быть ей нѣжнымъ *супругомъ*: слово вылетѣло изъ устъ его—оно свято. Ле-Фортъ оставшись на единѣ съ Монархомъ, говоритъ ему: «Бѣдная крестьянка будетъ супругою моего Императора! Но «ты во всѣхъ своихъ дѣлахъ безпримѣренъ; «ты великъ духомъ своимъ; хочешь возвысить «въ отечествѣ нашемъ санъ человѣка, и пре«зираешь суетную надменность людей; одно ду«шевное благородство достойно уваженія въ «глазахъ твоихъ; Катерина благородна душею— «и такъ да будетъ она супругою моего Госу«даря, моего отца и друга!» Второе дѣйствіе открывается сговоромъ. Столѣтніе старцы, опираясь на плечо внучатъ своихъ, приходятъ къ невѣстѣ; хладными, слабыми руками пожимаютъ ея руку, и съ радостными слезами желаютъ ей благополучія. Молодыя дѣвушки приносятъ розовые вѣнки, украшаютъ ими любезную чету, и поютъ свадебныя пѣсни. «Добрый Петръ! «говорятъ старцы: люби всегда милую Кате«рину; и будь другомъ нашей деревни!» Государь тронутъ до глубины сердца. «Вотъ другая «блаженная минута въ жизни моей!» тихо говоритъ онъ ле-Форту; «первою насладился я «тогда, когда рѣшился въ душѣ своей быть «отцомъ и просвѣтителемъ милліоновъ людей, «и далъ въ томъ клятву Всевышнему».—Всѣ садятся вокругъ любовниковъ; всѣ веселы и щастливы! Старики знаютъ, что ле-Фортъ

Нѣтъ помощи! Не спѣшатъ рыцари избавить Розалію! Наконецъ отчаянный Вержи сказываетъ о себѣ Раулю, что онъ не женщина, что онъ любитъ его супругу, и хочетъ умереть вмѣстѣ съ нею: его ведутъ въ темницу. Розалія ожидаетъ смертоноснаго удара; острый мечь блистаетъ надъ ея головою... но вдругъ съ шумомъ отворяются двери; вооруженныя рыцари нападаютъ на Рауля и воиновъ его, побѣждаютъ — и Розалія узнаетъ своего брата. Жестокій ея супругъ умираетъ; нѣжный Вержи падаетъ передъ нею на колѣни... занавѣсъ опускается.—Гретри сочинялъмузыку; она прекрасна.—

Въ мелодрамѣ Петръ Великій есть очень трогательныя сцены; по крайней мѣрѣ для Русскаго. Дѣйствіе происходитъ не далеко отъ границъ Россіи.— Государь съ другомъ своимъ ле-Фортомъ, живучи въ маленькой деревенькѣ на берегу моря, учится карабельному искусству, и всякой день, съ утра до вечера, трудится въ пристани. Всѣ почитаютъ его обыкновеннымъ работникомъ, и называютъ добрымъ, смышленнымъ, умнымъ Петромъ. Молодой, видный актеръ Мишю играетъ эту ролю: мнѣ казался онъ живымъ портретомъ нашего Императора. Можетъ быть и воображеніе мое прибавило нѣчто къ сему сходству; но я не хотѣлъ чувствовать обмана—хотѣлъ имъ наслаждаться. Въ той же деревнѣ живетъ прелестная Катерина, молодая, добродѣтельная вдова, нѣжно любимая поселянами. Государь, пылкій во всѣхъ своихъ склонностяхъ, скорый во всѣхъ движеніяхъ сердца, влюбляется въ ея красоту, въ милую душу, и открываетъ ей страсть свою. Катерина обо-

видитъ головы двухъ прежнихъ *Раулевыхъ* женъ, съ огненною надписью: *Вотъ доля твоя!* (Раулю было пророчество, что любопытство жены погубитъ его; для того онъ испытывалъ супругъ своихъ, и умерщвлялъ ихъ за сію слабость, надѣясь спасти тѣмъ собственную жизнь) — Дюгазонъ представляетъ Розалію. Блѣдная, съ распущенными волосами, она бросается на креслы, и поетъ дрожащимъ голосомъ:

Ah! quel sort
Le barbare
Me prepare!
C'est la mort!
C'est la mort!

Въ сію минуту является Вержи, въ женскомъ платьѣ, подъ именемъ Розаліиной сестры. Какое свиданіе! Должно спасти погибающую; но какъ? Вержи безъ оружія, среди множества непріятелей. Одно средство остается: увѣдомить обо всемъ Розаліина брата. Вержи отправляетъ къ нему письмо съ конюшимъ своимъ.— Между тѣмъ Рауль возвращается; онъ знаетъ все, и грознымъ голосомъ велитъ Розаліи готовиться къ смерти. Ни слезы, ни жалобы не смягчаютъ его—нѣтъ избавленія! Тщетно любовникъ смотритъ въ поле, нетерпѣливо ожидая помощи—

Рѣки тамъ вiясь сверкаютъ;
Солнца ясные лучи
Всю природу озлащаютъ;
Но булатные мечи
Не сіяютъ, не сверкаютъ

Мнѣ полюбились двѣ новыя мелодрамы, играемыя на семъ Театрѣ: Рауль *синяя борода* и Петръ Великій. Содержаніе первой взято изъ старинной сказки и очень, очень театрально Рауль, богатый дворянинъ, влюбляется въ Розалію, любезную дѣвушку, сестру одного небогатаго рыцаря, и предлагаетъ ей руку свою, вмѣстѣ съ блестящими подарками. Красавица чувствуетъ нѣкоторую склонность къ молодому Вержи, который любитъ ее страстно: но, ахъ! бѣдный Вержи не имѣетъ ничего, кромѣ добраго, нѣжнаго сердца — а доброе и нѣжное сердце не всегда замѣняетъ, въ глазахъ красавицъ, дары щастія. Богатство Раулево ослѣпляетъ Розалію. Она разсматриваетъ подарки... какое великолѣпіе! какой вкусъ! Болѣе всего нравится ей прекрасный головной уборъ, осыпанный брилліантами; она надѣваетъ его, подходитъ къ зеркалу... и подаетъ руку гордому Раулю. Бѣдный Вержи плачетъ, и скрывается. Розалія живетъ въ огромномъ замкѣ, гдѣ все служитъ ей какъ богинѣ, гдѣ все льститъ ея суетности. Иногда, но очень рѣдко, вылетаетъ вздохъ изъ невѣрной груди; иногда, но очень рѣдко, кажется ей, что съ добрымъ, пламеннымъ Вержи была бы она щастливѣе, нежели съ холоднымъ своимъ супругомъ. — Скоро Рауль ѣдетъ—не извѣстно куда—и прощаясь съ красавицею, отдаетъ ей ключъ отъ одной запертой комнаты. «Естьли не хочешь моей погибели, говоритъ онъ: естьли не хочешь сама погибнуть, то не будь любопытна!» Розалія клянется—въ чемъ иногда не клянутся милыя женщины? — клянется, и черезъ двѣ минуты... отпираетъ дверь... Вообразите ужасъ ея!.. Она

Несказанно-пріятный голосъ! — *Но никто изъ* актеровъ сего театра не дѣлаетъ мнѣ столько удовольствія, какъ Моле, единственный, несравненный Моле, играющій по большой части ролю отцевъ въ комедіяхъ. Нашъ Померанцевъ кажется ученикомъ его. Я два раза удивлялся ему въ Мольеровомъ и Фабровомъ Мизантропѣ, и два раза плакалъ отъ него въ *Монтескьё*, Мерсьеровой драмѣ. Такой благородный видъ, такую улыбку добродушія, человѣколюбія, обходительности, надлежало имѣть Автору безсмертной книги о *законахъ* *)!

Я не буду говорить о другихъ комическихъ актерахъ сего Театра: ихъ много. — Но въ заключеніе скажу, что Талія Британская и Талія Германіи должны уступить преимущество Французской. Англійскія комедіи по большой части или скучны, или грубы, неблагопристойны, оскорбительны для всякаго нѣжнаго вкуса; а Нѣмецкія, кромѣ нѣкоторыхъ посредственныхъ, совсѣмъ не достойны вниманія.

Такъ называемый Италіанской Театръ, но гдѣ играютъ однѣ Французскія мелодрамы, есть мой любимый спектакль; я бываю въ немъ чаще, нежели въ другихъ, и всегда съ великимъ удовольствіемъ слушаю музыку Французскихъ сочинителей, восхищаюсь игрою славной актрисы Дюгазонъ и пѣніемъ Розы Рено, милой дѣвушки лѣтъ въ двадцать, которую публика до небесъ превозноситъ, и которая въ самомъ дѣлѣ есть теперь лучшая пѣвица въ Парижѣ.

*) То есть, въ сей драмѣ Моле представляетъ благодѣтельнаго Монтескьё.

сей ролѣ она несравненна. Величественная фигура, большіе черные глаза, которые между густыми ресницами сіяютъ какъ молніи ночью; волосы какъ вороново крыло, всѣ черты лица правильны, но не милы; красота безъ нѣжности; суровость въ самой улыбкѣ; голосъ твердый и проницательный — однимъ словомъ, Медея. И теперь вижу я, какъ развѣвается на ней огненная мантія, съ волшебными знаками, и какъ ужасно сверкаетъ острый кинжалъ въ рукахъ раздраженной полубогини, сверкаетъ вмѣстѣ съ ея взоромъ. Одна Рокуръ можетъ сказать такъ разительно сіи слова:

Le destin de Medée est d'être criminelle;
Mais son coeur étoit fait pour aimer la vertu.

Славная актриса Конта — славная своею красотою и кокетствомъ болѣе, нежели театральною игрою — представляетъ роли любовницъ въ комедіяхъ и драмахъ, иногда и въ трагедіяхъ. Ей теперь за тридцать лѣтъ; но она все еще хороша, и партеръ наполненъ ея обожателями, щастливыми и несчастными. Сказываютъ, что одинъ молодой Графъ отъ любви къ ней сошелъ съ ума, и заключился въ Картезіанскомъ монастырѣ. Никогда не бываетъ она такъ прелестна, какъ въ новой піесѣ. Le Couvent. Черное платье, бѣлое покрывало, видъ невинности, чистосердечія... ахъ, бѣдный Графъ! я вѣрю твоему сумасшествію!—Зрители всегда заставляютъ ее нѣсколько разъ повторять арію:

L'attrait qui fait cherir ces lieux,
Est le charme de l'innocence,

пенѣль. Никакая кисть не *изобразитъ того*, что свирѣпствовало на лицѣ ла-Рива въ сію минуту: ужасъ, грызеніе сердца, отчаяніе, гнѣвъ, ожесточеніе, и все, все, чего не могу выразить словами. Зрители ахнули, когда онъ, терзаемый, гонимый Фуріями, бросился со сцены и ударился головою о перистиль, такъ что всѣ колонны задрожали.—Вдали слышны были его стенанія.—Публика не насытилась еще Эдипомъ своимъ, и по окончаніи піесы вызвала бѣднаго ла-Рива на сцену. Актриса Рокуръ, которая представляла Іокасту, держала его за руку; едва могъ онъ сказать два или три слова, и готовъ былъ упасть на землю—занавѣсъ опустился. —

Сен-При играетъ однѣ роли съ ла-Ривомъ: искусный актеръ съ великими талантами, но не ла-Ривъ, — Сен-Фаль представляетъ любовниковъ въ трагедіяхъ и драмахъ: молодой, статный человѣкъ пріятнаго вида. Въ Корнелевомъ *Сидѣ* онъ восхищаетъ публику. Такъ надобно играть Родрига, кромѣ двухъ или трехъ сценъ, гдѣ я не совершенно доволенъ былъ игрою сего актера. На примѣръ, описывая Королю сраженіе съ Маврами, излишно старался онъ выразить въ голосѣ своемъ— сперва тишину ночи, а потомъ шумъ битвы, стукъ мечей и проч. Французы хлопали, но тѣ, которые размышляли о правилахъ истиной мимики, не могутъ любить такого неестественнаго подражанія. — Сен-Валь, первая трагическая актриса, хотя слишкомъ стара и немиловидна для роли любовницъ, однакожъ нравится блестящимъ своимъ искусствомъ и жаромъ игры.— Рекуръ есть совершенная Медея, и потому въ

которыми музыканты уступили свои мѣста. Въ пять часовъ начался стукъ и топотъ нетерпѣнія; въ половинѣ шестаго поднялся занавѣсъ — и все утихло. Первое явленіе — Эдипа нѣтъ — молчаніе царствовало. Но лишь только Димасъ сказалъ: Oedipe en ces lieus va paraitre, страшныя рукоплесканія загремѣли, которыя продолжались до самой той минуты, какъ ла-Ривъ вышелъ, въ великолѣпной Греческой, бѣлой одеждѣ, распустивъ по плечамъ русые волосы, и гордо смиреннымъ наклоненіемъ головы изъявилъ публикѣ благодарную свою чувствительность. — Въ теченіи всѣхъ пяти актовъ громкая хвала не умолкала. Ла-Ривъ старался всѣми силами заслуживать ее, и, какъ Французы говорятъ, превосходилъ въ искусствѣ самого себя, не жалѣя бѣдной своей груди. Не понимаю, какъ онъ могъ выдержать до конца трагедіи; не понимаю, какъ и зрители не устали отъ рукоплесканія. Въ той сценѣ, гдѣ Эдипъ узнаетъ, что онъ умертвилъ отца; что онъ супругъ своей матери; узнаетъ, и страшнымъ образомъ проклинаетъ судьбу *), я почти оцѣ-

*) Въ слѣдующихъ стихахъ:
Un Dieu plus fort que moi m'entrainait vers le crime,
Sous mes pas fugitifs il creusait un abime,
Et j'étais, malgré moi, dans mon aveuglement,
D'un pouvoir inconnu l'esclave et l'instrument.
Voilà tous mes forfaits; je n'en connais point d'autres.
Impitoyables Dieux, mes crimes sont les vôtres,
Et vous m'en punissez?.. Où suis je? quelle nuit
Couvre d'un voile affreux la clarté qui nous luit?
Ces murs sont teints de sang; je vois les Eumenides
Secouer leur flambeaux vengeurs des patricides.
Le tonnere en éclats semble fondre sur moi;
L'enfer s'ouvre...

Когда же онѣ непремѣнно *должны быть* играны, то по крайней мѣрѣ надобно *для нихъ* такихъ актеровъ, какъ Ла-Ривъ, Сенъ-При, Сенъ-Фаль, и такихъ актрисъ, какъ Сенваль, Рокуръ, и проч., которые заступили нынѣ мѣсто Барона и ле-Кеня, ла-Кувреръ и Клеронъ. Вотъ декламація! вотъ *дѣйствіе*! Благородство въ видѣ, величавость въ поступи, ясность, чистота въ произношеніи, и въ каждомъ словѣ душа, всякая Поэтова мысль оттѣнена, всякая мысль выражена свойственнымъ ей тономъ, и въ гармоніи съ игрою глазъ, съ движеніемъ руки: вездѣ живопись, вездѣ картины—и естьли зритель, не смотря на сіе утонченіе искусства, остается холоденъ, то конечно не актеры виноваты.

Ла-Ривъ царь на сценѣ. Совершенно Греческая фигура и рѣдкой органъ! — Сей актеръ совсѣмъ-было простился съ театромъ. Разсказываютъ, что онъ, не любя молодой актрисы Дегарсень (которую можно назвать живымъ образомъ слабой томности), старался всячески замѣшивать ее въ игрѣ. Публика съ неудовольствіемъ примѣтила сію непохвальную черту сердца его, и славный ла-Ривъ былъ освистанъ партеромъ; послѣ чего онъ скрылся, и клялся никогда уже не выходить на сцену. Но — гдѣ клятва, тутъ и преступленіе. Два года бездѣйствія ему наскучили. Привыкшій къ хвалѣ и рукоплесканіямъ, безъ нихъ не могъ быть щастливъ, сражался самъ съ собою, и наконецъ, оставя всѣ сомнѣнія, снова явился на сценѣ въ ролѣ Эдипа. Я видѣлъ его. Ужасное стеченіе людей! Не говоря о паркетѣ, ложахъ, партерѣ— самый оркестръ былъ наполненъ зрителями,

Коротко сказать, творенія Французской Мельпомены славны—и будутъ всегда славны—красотою слога и блестящими стихами; но естьли Трагедія должна глубоко трогать наше сердце или ужасать душу: то соотечественники Вольтеровы не имѣютъ можетъ быть ни двухъ истинныхъ трагедій — и д'Аланбертъ сказалъ весьма справедливо, что всѣ ихъ піесы сочинены болѣе для чтенія, нежели для театра.

Blow winds... rage, blow!
You sulph'rous and thought executing fires,
Vaunt couriers of oak-cleaving thunder-bolts,
Singe my white head! And thou allshaking thunder
Strike flat the thick rotundity o'th' world;
Crack nature's mould, all germins spill at once,
That make ingrateful man!..
I tax not you, you elements, with unkindness!
I never gave you kingdom, call'd you children,
... Then let fall
Your horrible pleasure!.. Here I stand, your slave,
A pour, infirm, weak and despis'd old man!

(«Шумите вѣтры, свирѣпствуй буря! Сѣрные, быстрые «огни, предтечи разрушительныхъ ударовъ! лейте пламя на «бѣлую главу мою!... Громы, громы! сокрушите зданіе міра; «сокрушите образъ натуры и человѣка, неблагодарнаго че«ловѣка!... Не жалуюсь на вашу свирѣпость, разъяренныя «стихіи! Я не отдавалъ вамъ царства, не именовалъ васъ «милыми дѣтьми своими! И такъ свирѣпствуйте по волѣ! «Разите — се я, рабъ вашъ, бѣдный, слабый, изнуренный «старецъ, отверженный отъ человѣчества!»)

Они раздираютъ душу; они гремятъ подобно тому грому, который въ нихъ описывается, и потрясаютъ сердце читателя. Но что же даетъ имъ сію ужасную силу? Чрезвычайное положеніе царственнаго изгнанника, живая картина бѣдственной судьбы его. И кто послѣ того спроситъ еще: *какой характеръ, какую душу имѣлъ Леаръ?*

служить образцами. Только въ разсужденіи *изобрѣтенія*, жара и глубокаго *чувства Натуры*— простите мнѣ священныя тѣни Корнелей, Расиновъ и Вольтеровъ! — должны они уступить преимущество Англичанамъ и Нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большей части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ; вездѣ me feux, ma foi: вездѣ Греки и Римляне à la Françoise, которые таютъ въ любовныхъ восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами, и теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣсь публика требуетъ отъ Автора прекрасныхъ стиховъ, des vers à retenir; они прославляютъ піесу, и для того стихотворцы стараются всячески умножать ихъ число, занимаясь тѣмъ болѣе, нежели важностію приключеній, нежели новыми, чрезвычайными, но естественными *положеніями* (situations), и забывая, что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ, отъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою *).

*) Я прошу знатоковъ Французскаго Театра найти мнѣ въ Корнелѣ или въ Расинѣ что нибудь подобное — на примѣръ симъ Шекспировымъ стихамъ, въ устахъ старца Леара, изгнаннаго собственными дѣтьми его, которымъ отдалъ онъ свое царство, свою корону, свое величіе—скитающагося въ бурную ночь по лѣсамъ и пустынямъ.

какой Италіянской получеловѣкъ можетъ пѣть сію несравненную Глукову арію съ такимъ сердечнымъ выраженіемъ, какъ Руссо, молодой, статный, прекрасный Руссо, достойный Эвридики?

Мальяръ есть теперь первая пѣвица. Вы слыхали о Сент-Юберти: ее уже нѣтъ! Говорятъ, что она сошла съ ума. Любители Оперы воспоминаютъ объ ней почти со слезами.

Симъ декораціямъ, балетамъ, пѣвцамъ, совершенно отвѣчаетъ и оркестръ, составленный изъ лучшихъ музыкантовъ Парижа. Однимъ словомъ, любезные друзья, здѣсь торжествуютъ Искусства на высочайшей степени совершенства, и всѣ вмѣстѣ производятъ въ зрителѣ чувство, которое безъ всякой гиперболы можно назвать восхищеніемъ. — Такой спектакль требуетъ конечно большихъ издержекъ. Не смотря на то, что за входъ въ ложи и въ паркетъ платятъ (на наши деньги) рубли по два и по три; не смотря на то, что всѣ сіи дорогія мѣста бываютъ наполнены людьми, Опера стоила Двору, по счету Неккерову, около трехъ или четырехъ милліоновъ въ годъ.

—

На такъ называемомъ Французскомъ Театрѣ играютъ трагедіи, драмы и большія комедіи. — Я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія своего о Французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна, но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ Муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, не многихъ) Нѣмцовъ. Французскіе Поэты имѣютъ тонкой, нѣжной вкусъ, и *въ искусствѣ писать* могутъ

блаженства. Живописецъ положитъ *кисть, и* скажетъ только: «Вестрисъ!» — Гардель *безподобенъ* въ трагической пантомимѣ. Какое величество! Герой въ каждомъ взорѣ, герой въ каждомъ движеніи! Вестрисъ питомецъ милыхъ Грацій; а Гардель ученикъ важныхъ Музъ. — Нивлонъ есть вторый Вестрисъ. О другихъ танцовщикахъ скажу только, что они составляютъ прекрасную группу живописныхъ фигуръ, плѣнительную для зрѣнія.—Когда же являются на сценѣ Терпсихорины Нимфы, какъ будто бы на крыльяхъ Зефира принесенныя, тогда сцена кажется мнѣ весеннимъ лугомъ, на которомъ пестрѣютъ безчисленные цвѣты; взоръ теряется между разнообразными красотами—но любезная Периньйонъ и прелестная Миллеръ подобны пышной розѣ и гордой лилеѣ, которыя отличаются отъ всѣхъ другихъ цвѣтовъ.

Лаисъ, Шенаръ, Лене, Руссо — вотъ первые пѣвцы Оперы; и естьли вѣрить Французамъ, то никогда и никакая земля не производила лучшихъ. Они нравятся мнѣ не только пѣніемъ, но и самою игрою: два таланта, которые не всегда бываютъ вмѣстѣ! Маркези никогда не могъ тронуть меня такъ, какъ Лаисъ и Шенаръ трогаютъ. Пусть смѣются надъ моею простотою и невѣжествомъ; но въ голосѣ сего славнаго Италіянскаго пѣвца нѣтъ того, что для меня всего любезнѣе — нѣтъ души! Вы спросите, что я разумѣю подъ сею душею? Не умѣю изъяснить; однакожь чувствую. Ахъ! какой Маркези можетъ пѣть такъ хорошо:

J'ai perdu mon Eurydice:
Rien n'égale mon malheur!

Телемакъ колеблется, чувствуетъ слабость свою, забываетъ совѣты мудрости, и... сверженный благодѣтельною рукою Ментора, летитъ съ высокаго каменнаго берега въ шумящее море: летитъ вмѣстѣ съ душею зрителей.

Все сіе такъ живо, такъ естественно, что я тысячу разъ забывался, и принималъ искусственное подражаніе за самую натуру. Едва могу вѣрить глазамъ своимъ, видя быструю перемѣну декорацій. Въ одно мгновеніе рай превращается въ адъ; въ одно мгновеніе проливаются моря, тамъ, гдѣ луга зеленѣли, гдѣ цвѣты разцвѣтали, и гдѣ пастухи на свирѣляхъ играли; свѣтлое небо покрывается густымъ мракомъ, черныя тучи несутся на крыльяхъ ревущей бури, и зритель трепещетъ въ душѣ своей; еще одинъ мигъ, и мракъ исчезаетъ, и тучи скрываются, и бури умолкаютъ, и сердце ваше свѣтлѣетъ вмѣстѣ съ видимыми предметами.

Не смотря на множество здѣшнихъ искусныхъ танцовщиковъ, Вестрисъ сіяетъ между ими какъ Сиріусъ между звѣздами. Всѣ его движенія такъ пріятны, такъ живы, такъ выразительны, что я всегда смотрю, дивлюсь и не могу самъ себѣ изъяснить удовольствія, которое доставляетъ мнѣ сей единственный танцовщикъ; легкость, стройность, гармонія, чувство, жизнь — все соединяется вмѣстѣ, и естьли можно быть Риторомъ безъ словъ, то Вестрисъ въ своемъ родѣ Цицеронъ. Никакіе стихотворцы не опишутъ того, что блистаетъ въ его глазахъ, что выражаетъ игра его мускуловъ, когда милая, стыдливая пастушка говоритъ ему нѣжнымъ взоромъ: *люблю!* когда онъ, бросаясь къ ея сердцу, призываетъ небо и землю во свидѣтели своего

праведныхъ; гдѣ вѣчная весна *зеленѣетъ; гдѣ* слухъ вашъ плѣняется тихими звуками *лиръ;* гдѣ все любезно, восхитительно — то мрачный Тартаръ, гдѣ вздохи умирающихъ волнуютъ страшный Ахеронъ; гдѣ шумъ чернаго Коцита и Стикса заглушается стенаніемъ и плачемъ бѣдствія; гдѣ волны Флегетона пылаютъ; гдѣ Танталъ, Иксіонъ и Данаиды вѣчно страдаютъ, и не видятъ конца своимъ мученіямъ; гдѣ свѣтлая Лета томнымъ журчаніемъ призываетъ нещастныхъ къ забвенію житейскихъ заботъ и горестей. Здѣсь видите, какъ Орфей скитается въ черныхъ лѣсахъ подземнаго царства; какъ Фуріи терзаютъ Ореста; какъ Язонъ сражается съ огнемъ, съ пламенемъ и съ чудовищами; какъ раздраженная Медея, проклиная неблагодарность людей, летитъ съ громомъ и молніею на вершину Кавказа; какъ Египтяне въ печальныхъ хорахъ оплакиваютъ смерть добродѣтельнаго Царя своего, и какъ горестная Нефта, надъ великолѣпнымъ памятникомъ супруга, клянется вѣчно боготворить его въ сердцѣ своемъ; какъ Ринальдо таетъ въ восторгѣ у ногъ пламенной Армиды, среди безчисленныхъ красотъ волшебнаго искусства, разсѣянныхъ въ садахъ ея; какъ Діана спускается на свѣтломъ облакѣ, цѣлуетъ Эндиміона, и блестящими слезами страстную грудь свою орошаетъ; какъ величественная Калипса истощаетъ всѣ возможныя очарованія, чтобы плѣнить юнаго Телемака; какъ рѣзвыя, милыя Нимфы—одна другой рѣзвѣе, одна другой милѣе — окружаютъ его съ арфами и лирами, играютъ и поютъ любовь, и каждымъ сладострастнымъ движеніемъ говорятъ ему: *люби! люби!* какъ нѣжный

съ великимъ удовольствіемъ, какъ тѣни ночныя мѣшались съ умирающимъ свѣтомъ дня; какъ звѣзды на небѣ, а фонари на улицахъ засвѣчались. Съ пріѣзду моего въ Парижъ всѣ вечера безъ исключенія проводилъ я въ спектакляхъ, и потому около мѣсяца не видалъ сумерекъ. Какъ они хороши весною, даже и въ шумномъ, немиловидномъ Парижѣ!

Цѣлый мѣсяцъ быть всякой день въ спектакляхъ! быть, и не насытиться ни смѣхомъ Таліи, ни слезами Мельпомены!.. и всякой разъ наслаждаться ихъ пріятностями съ новымъ чувствомъ!.. Самъ дивлюсь; но это правда.

Правда и то, что я не имѣлъ прежде достаточнаго понятія о французскихъ театрахъ. Теперь скажу, что они доведены, каждой въ своемъ родѣ, до возможнаго совершенства, и что всѣ части спектакля составляютъ здѣсь прекрасную гармонію, которая самымъ пріятнѣйшимъ образомъ дѣйствуетъ на сердце зрителя.

Въ Парижѣ пять главныхъ Театровъ: Большая Опера, такъ называемый Французской Театръ (les François), Италіанской (les Italiens), Графа Прованскаго (théâtre de Monsieur) и Variétés — всякой день играютъ на нихъ, и всякой день (подивитесь Французамъ!) бываютъ они наполнены людьми, такъ что въ 6 часовъ вы едва ли гдѣ нибудь найдете мѣсто.

Кто былъ въ Парижѣ, говорятъ Французы, и не видалъ Большой Оперы, подобенъ тому, кто былъ въ Римѣ и не видалъ Папы. Въ самомъ дѣлѣ, она есть нѣчто весьма великолѣпное, и наиболѣе по своимъ блестящимъ декораціямъ и прекраснымъ балетамъ. Здѣсь видите вы — то поля Елисейскія, гдѣ блаженствуютъ души

ными деревянными саблями вмѣсто *тростей*, pour se confondre avec le peuple.—Прежде болѣе всего отличались тутъ славныя жрицы Венерины; онѣ выѣзжали въ самыхъ лучшихъ экипажахъ. Одна молодая Актриса разорвала связь свою съ графомъ Д*, прекраснымъ мущиною. Ея знакомыя удивлялись. «Чему дивиться?» сказала имъ Актриса: «онъ чудовище, извергъ: «онъ не хотѣлъ подарить мнѣ новой кареты «для Булонскаго гулянья. Я должна была пред- «почесть ему стараго Маркиза, который зало- «жилъ всѣ бриліанты жены своей, чтобы купить «мнѣ самую дорогую карету въ Парижѣ!»

Я прошелъ въ монастырь Longchamp, видѣлъ гробницы Изабеллы, сестры Людовика Святаго, и двѣ остроумныя надписи подъ монументомъ отца Фременя и брата Франциска Серафима. Первая:

> Fremin, tu fais fremir le sort,
> Et ton nom vit malgré la mort.

Другая:

> Qui la vie a vecu de François Seraphique,
> 80 ans sur terre, au Ciel vit l'angelique.

—

Парижъ, Апрѣля 29, 1790.

Нынѣ цѣлый день просидѣлъ я въ комнатѣ своей, одинъ съ головною болью; но когда стало смеркаться, вышелъ на Pont neuf *), и облокотясь на подножіе Генриковой статуи, смотрѣлъ

*) Такъ называемый *новый мостъ*, близъ котораго я жилъ.

ядутъ на мѣсто судей. О страшный, гибель-
«ный потопъ! *потопъ*, говорю: ибо земля осво-
«бодится отъ сего бѣдствія не иначе, какъ
«*упившись кровію.*»

Парижъ, Апрѣля...

Въ Четвертокъ, въ Пятницу и въ Субботу на Страстной недѣлѣ бывало здѣсь славное гулянье въ алеяхъ Булонскаго лѣса; *бывало:* потому что нынѣшнее, мною видѣнное, совсѣмъ не могло войти въ сравненіе съ прежними, для которыхъ богачи и щеголи нарочно заказывали новые экипажи, и гдѣ четыре, пять тысячъ каретъ, одна другой лучше, блистательнѣе, моднѣе, являлись глазамъ зрителей. Я ходилъ туда пѣшкомъ, я видѣлъ около тысячи экипажей, но ни одного великолѣпнаго. Это гулянье напомнило мнѣ наше Московское 1 Мая. Также карета за каретою, отъ Елисейскихъ полей до монастыря Langchamp. Народъ стоялъ въ два ряда подлѣ дороги, шумѣлъ, кричалъ и смѣялся непристойнымъ образомъ надъ гуляющими. На примѣръ: «Смотрите! вотъ ѣдетъ торговка изъ
«рыбнаго ряда съ своею сосѣдкою, башмашни-
«цею! Вотъ красный носъ, самый длинный во
«всемъ Парижѣ! Вотъ молодая кокетка въ 70
«лѣтъ: влюбляйтесь! Вотъ Кавалеръ Св. Людо-
«вика съ молодою женою и съ рогами! Вотъ
«Философъ, который продаетъ свой умъ за двѣ
«копѣйки!»—Молодые франты прыгали на Англійскихъ коняхъ, заглядывали въ каждую карету и дразнили чернь: allons, allons, mes amis de l'esprit, de l'esprit! Bon; c'est de la vraie gaieté Parisienne! Другіе бродили пѣшкомъ, съ длин-

Разсказываютъ, что маленькій Дофинъ, *играя* съ своею бѣлкою, щелкаетъ ее по носу и говоритъ: *ты Аристократъ, великой Аристократъ, бѣлка*! Любезный младенецъ, безпрестанно слыша это слово, затвердилъ его.

Одинъ Маркизъ, который былъ нѣкогда осыпанъ Королевскими милостями, играетъ теперь не послѣднюю ролю между непріятелями Двора. Нѣкоторые изъ прежнихъ его друзей изъявили ему свое негодованіе. Онъ пожалъ плечами, и съ холоднымъ видомъ отвѣчалъ имъ; que faire? j'aime les te-te-troubles! *что дѣлать? я люблю мяте-те-тежи*! Маркизъ заика.

Но читалъ ли Маркизъ исторію Греціи и Рима? помнитъ ли цикуту и скалу Тарпейскую? Народъ есть острое желѣзо, которымъ играть опасно, а революція отверстый гробъ для добродѣтели и—самаго злодѣйства.

Всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ; и въ самомъ несовершеннѣйшемъ надобно удивляться чудесной гармоніи, благоустройству, порядку. *Утопія* *) будетъ всегда мечтою добраго сердца, или можетъ исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ. Когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ щастія добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во всякомъ правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія же насильственныя потрясенія гибельны, и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ

*) Или *царство щастія*, сочиненія Моруса.

жъли съ восторгомъ отъ Келе до Марселя, отъ Перпиньяна до Стразбурга:

Pour un peuple aimable et sensible
Le premier bien est un bon Roi - - -

Для любезнаго народа
Щастье добрый Государь.

Не думайте однакожь, чтобы вся нація участвовала въ трагедіи, которая играется нынѣ во Франціи. Едва ли сотая часть дѣйствуетъ; всѣ другіе смотрятъ, судятъ, спорятъ, плачутъ или смѣются, бьютъ въ ладоши или освистываютъ, какъ въ театрѣ. Тѣ, которымъ потерять нечего, дерзки какъ хищные волки; тѣ, которые всего могутъ лишиться, робки какъ зайцы; одни хотятъ все отнять, другіе хотятъ спасти что нибудь. Оборонительная война съ наглымъ непріятелемъ рѣдко бываетъ щастлива. Исторія не кончилась; но по сіе время Французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками Трона.

Съ 14 Іюля всѣ твердятъ во Франціи объ Аристократахъ и Демократахъ; хвалятъ и бранятъ другъ друга сими именами, по большей части не зная ихъ смысла. Судите о народномъ невѣжествѣ по слѣдующему анекдоту:

Въ одной деревенькѣ близь Парижа крестьяне остановили молодого, хорошо одѣтаго человѣка, и требовали, чтобы онъ кричалъ съ ними: vive la nation! *да здравствуетъ нація!* Молодой человѣкъ исполнилъ ихъ волю; махалъ шляпою и кричалъ: vive la nation! *Хорошо! хорошо!* сказали они: *мы довольны. Ты добрый Французъ; ступай куда хочешь. Нѣтъ, постой: изъясни намъ прежде, что такое... нація?*

бралась за книгу. Елисавета, сестра *Королевская*, молилась съ великимъ усердіемъ и набожностію; мнѣ казалось, что по лицу ея катились слезы. — Въ церкви было множество народу, такъ что я отъ жару и духоты упалъ бы въ обморокъ, естьли бы одна дама, примѣтивъ мою блѣдность, не подала мнѣ спирту. Всѣ люди смотрѣли на Короля и Королеву, еще болѣе на послѣднюю; иные вздыхали, утирали глаза свои бѣлыми платками; другіе смотрѣли безъ всякаго чувства, и смѣялись надъ бѣдными монахами, которые пѣли вечерню.—На Королѣ былъ фіолетовый кафтанъ; на Королевѣ, Елисаветѣ и Принцессѣ черныя платья, съ простымъ головнымъ уборомъ. — Дофина видѣлъ я въ Тюльери. Прекрасная, нѣжная Ланбаль, которой Флоріанъ посвятилъ сказки свои, вела его за руку. Милой младенецъ! Ангелъ красоты и невинности! Какъ онъ, въ темномъ своемъ камзольчикѣ, съ голубою лентою черезъ плечо, прыгалъ и веселился на свѣжемъ воздухѣ! Со всѣхъ сторонъ бѣжали люди смотрѣть его, и всѣ безъ шляпъ; всѣ съ радостію окружали любезнаго младенца, который ласкалъ ихъ взоромъ и усмѣшками своими. Народъ любитъ еще кровь Царскую!

—

Парижъ, Апрѣля. . . . 1790.

Говорить ли о Французской Революціи? Вы читаете газеты: слѣдственно происшествія вамъ извѣстны. Можно ли было ожидать такихъ сценъ въ наше время, отъ зефирныхъ Французовъ, которые славились своею любезностію, и

[illegible] посылками, и числами изъясняли красоты Новой Элоизы. Всѣ философствовали, важничали, хитрили, и вводили въ языкъ новыя странныя выраженія, которыхъ бы Расинъ и Депрео понять не могли или не захотѣли—и я не знаю, къ чему бы мы наконецъ должны были прибѣгнуть отъ скуки, естьли бы вдругъ не грянулъ надъ нами громъ Революціи».

Тутъ мы разстались съ Аббатомъ.

—

Вчера, въ придворной церкви, видѣлъ я Короля и Королеву. Спокойствіе, кротость и добродушіе изображаются на лицѣ перваго, и я увѣренъ, что никакое злое намѣреніе не рождалось въ душѣ его. Есть на свѣтѣ щастливые характеры, которые по природному чувству не могутъ не любить и не дѣлать добра: таковъ сей Государь! Онъ можетъ быть злополученъ; можетъ погибнуть въ шумящей бурѣ—но правосудная Исторія впишетъ Людовика XVI въ число благодѣтельныхъ Царей, и другъ человѣчества прольетъ въ память его слезу сердечную.—Королева, не смотря на всѣ удары рока, прекрасна и величественна, подобно розѣ, на которую вѣютъ холодные вѣтры, но которая сохраняетъ еще цвѣтъ и красу свою. Марія рождена быть Королевою. Видъ, взоръ, усмѣшка—все показываетъ необыкновенную душу. Не льзя, чтобы ея сердце не страдало; но она умѣетъ сокрывать горесть свою, и на свѣтлыхъ глазахъ ея не примѣтно ни одного облачка. Улыбаясь такъ, какъ Граціи улыбаются, перебирала она листочки въ своемъ молитвенникѣ, взглядывала на Короля, на Принцессу, дочь свою, и снова

чились веселиться въ обществахъ, *такъ какъ* они во время Людовика XIV веселились, *на примѣръ* въ домѣ извѣстной Маріоны де-Лормъ, Графини де-ла-Сюзъ, Нинoны Ланкло, гдѣ Вольтеръ сочинялъ первые стихи свои; гдѣ Вуатюръ, Сентъ-Эвремонъ, Саразень, Граммонъ, Менажъ, Пелиссонъ, Гено, блистали остроуміемъ, сыпали Аттическую соль на общій разговоръ и были законодателями забавъ и вкуса.—«Жанъ Ла (или Ласъ), продолжалъ мой Аббатъ, Жанъ Ла нещастною выдумкою Банка погубилъ и богатство и любезность Парижскихъ жителей, превративъ нашихъ забавныхъ Маркизовъ въ торгашей и ростовщиковъ; гдѣ прежде раздроблялись всѣ тонкости общественнаго ума, гдѣ всѣ сокровища, всѣ оттѣнки Французскаго языка истощились въ пріятныхъ шуткахъ, въ острыхъ словахъ, тамъ заговорили... о цѣнѣ банковыхъ ассигнацій, и домы, въ которыхъ собиралось лучшее общество, сдѣлались биржами. Обстоятельства перемѣнились—Жанъ Ла бѣжалъ въ Италію—но истинная Французская веселость была уже съ того времени рѣдкимъ явленіемъ въ Парижскихъ собраніяхъ. Начались страшныя игры; молодыя дамы съѣзжались по вечерамъ для того, чтобы разорять другъ друга, метали карты на право и на лѣво, и забывали искусство Грацій, искусство нравиться. Потомъ вошли въ моду попугаи и Экономисты, *Академическія интриги* и Энциклопедисты, *каланбуры* и Магнетизмъ, Химія и Драматургія, Метафизика и Политика. Красавицы сдѣлались Авторами, и нашли способъ... усыплять самыхъ своихъ любовниковъ. О спектакляхъ, Оперѣ, балетахъ говорили мы наконецъ математиче-

подобно умирающей зарѣ вечера. Ужасы Революціи выгнали изъ Парижа самыхъ богатѣйшихъ жителей; знатнѣйшее дворянство удалилось въ чужія земли; а тѣ, которые здѣсь остались, живутъ по большей части въ тѣсномъ кругѣ своихъ друзей и родственниковъ.

«Здѣсь» — сказалъ мнѣ Аббатъ Н*, идучи со мною по улицѣ St. Honoré, и указывая тростью на большіе домы, которые стоятъ нынѣ пустые— «здѣсь, по Воскресеньямъ, у маркизы Д* съѣзжались самыя модныя Парижскія Дамы, знатные люди, славнѣйшіе *остроумцы* (beaux esprits); одни играли въ карты, другіе судили о жителской философіи, о нѣжныхъ чувствахъ, пріятностяхъ, красотѣ, вкусѣ—тутъ, по Четвергамъ, у Графини А* собирались глубокомысленные Политики обоего пола, сравнивали Мабли съ Ж. Жакомъ и сочиняли планы для новой Утопіи—тамъ, по Субботамъ, у Баронессы Ф* читалъ М* примѣчанія свои на Книгу Бытія, изъясняя любопытнымъ женщинамъ свойство древняго Хаоса, и представляя его въ такомъ ужасномъ видѣ, что слушательницы падали въ обморокъ отъ великаго страха. Вы опаздали пріѣхать въ Парижъ; щастливыя времена исчезли; пріятные ужины кончились; *хорошее общество* (la bonne compagnie) разсѣялось по всѣмъ концамъ земли. Маркиза Д* уѣхала въ Лондонъ, Графиня А* въ Швейцарію, а Баронесса Ф* въ Римъ, чтобы постричься тамъ въ монахини. Порядочный человѣкъ не знаетъ теперь, куда дѣваться, что дѣлать, и какъ провести вечеръ».

Однакожь Аббатъ Н* (къ которому привезъ я письмо изъ Женевы отъ брата его, Графа Н*), признался мнѣ, что Французы давно уже разу-

мнѣ, что я всякое Воскресенье могу *обѣдать у* него вмѣстѣ съ его пріятелямя.

Еще было у меня письмо къ Господину Н*, старому Прованскому дворянину, отъ брата его *Эмигранта* (съ которымъ я познакомился въ Женевѣ, въ домѣ Госпожи К*). Онъ почти слѣпъ, глухъ, насилу ходитъ, и живетъ въ Парижѣ для молодой, нѣжной, томной, бѣлокурой, миловидной жены своей, которая любитъ спектакли и проч. Какая неровная чета! Можетъ ли такое супружество быть щастливо? думалъ я, смотря на Господина и Госпожу Н*, на Вулкана и Венеру, на мертвый Октябрь и цвѣтущій Май. О природа! въ царствѣ твоемъ растутъ ли подлѣ снѣговъ розы?—Меня приняли съ холодною ласкою, такъ какъ здѣсь обыкновенно чужестранцевъ принимаютъ, звали обѣдать, ужинать, и проч. Госпожа Н* сказала мнѣ, что нынѣ въ Парижѣ скучно; что она скоро поѣдетъ въ Швейцарію, поселится на той прекрасной горѣ близь Нёшателя, которую Руссо описалъ магическимъ перомъ своимъ въ письмѣ къ д'Аламберту, и будетъ жить тамъ щастливо въ объятіяхъ Натуры. Я похвалилъ ея піитическое намѣреніе.

—

Парижъ нынѣ не то, что онъ былъ. Грозная туча носится надъ его башнями, и помрачаетъ блескъ сего, нѣкогда пышнаго города. Златая роскошь, которая прежде царствовала въ немъ какъ въ своей любезной столицѣ — златая роскошь, опустивъ черное покрывало на горестное лице свое, поднялась на воздухъ и скрылась за облаками: остался одинъ блѣдный лучь ея сіянія, который едва сверкаетъ на горизонтѣ

ходилъ къ хозяйкѣ съ холоднымъ привѣтствіемъ. Послѣ всѣхъ явился хозяинъ, и завелъ разговоръ о партіяхъ, интригахъ, декретахъ Народнаго Собранія, и проч. и проч. Французы разсуждали, хвалили, критиковали; а молодые Англичане зѣвали. Я невольнымъ образомъ присталъ къ симъ послѣднимъ, и сердечно обрадовался, когда насъ позвали обѣдать. Столъ былъ очень хорошъ: но Риторы не умолкали. Между прочими отличалъ себя одинъ Адвокатъ, который хотѣлъ быть Министромъ единственно для того, чтобы въ 6 мѣсяцевъ заплатить всѣ долги Франціи, умножить втрое доходы ея, обогатить Короля, духовенство, дворянство, купцовъ, художниковъ, ремесленниковъ... Тутъ Господинъ Гло* схватилъ его за руку и съ важнымъ видомъ сказалъ: «довольно, довольно, о великодушный человѣкъ!» Я засмѣялся — къ щастію, не одинъ. Впрочемъ Адвокатъ ни мало тѣмъ не оскорбился, и продолжалъ доказывать пользу своихъ великихъ плановъ, относясь наиболѣе къ Неккерову брату, который обѣдалъ вмѣстѣ съ нами, и который съ величайшимъ терпѣніемъ слушалъ его. Такихъ говоруновъ нынѣ тьма въ Парижѣ, а особливо подъ аркадами въ Пале-Рояль, и надобно имѣть очень здоровую голову, чтобы отъ ихъ краснорѣчія не чувствовать въ ней боли.—Подлѣ меня сидѣлъ за столомъ Англичанинъ, человѣкъ умный и важный, который, узнавъ, что я Русской, распрашивалъ меня о нашемъ климатѣ, образѣ жизни, и проч. Извѣстный путешественникъ Коксъ ему пріятель, онъ вмѣстѣ съ нимъ былъ въ Швейцаріи и въ Германіи.—Мы встали изъ за стола въ пять часовъ, и хозяинъ сказалъ

Нынѣшній день я обѣдалъ у Господина *Гло***, къ которому было у меня письмо изъ *Женевы*. Худо не знать обычаевъ: я пришелъ въ два часа, но въ домѣ совсѣмъ еще не думали принимать гостей. Хозяинъ, послѣ *утренней прогулки*, одѣвался въ своемъ кабинетѣ, а хозяйка занималась *утреннимъ чтеніемъ*. Минутъ черезъ десять вышла послѣдняя въ гостиную комнату, гдѣ я сидѣлъ одинъ у камина, перевертывая листы въ Мармонтелевой Поэтикѣ, которая лежала на экранѣ. Госпожа Гло** есть ученая дама лѣтъ въ тридцать, говоритъ по-Англійски, Италіянски, и (подобно Госпожѣ Неккеръ, у которой собирались нѣкогда д'Аланберты, Дидроты и Мармонтели) любитъ обходиться съ Авторами. Мы начали говорить о Литературѣ, и съ жаромъ, потому что Госпожа Гло** противорѣчила всѣмъ моимъ мнѣніямъ. На примѣръ, я сказалъ, что Расинъ и Вольтеръ лучшіе Французскіе Трагики; но она, по благосклонности своей, открыла мнѣ, что Шенье—есть богъ передъ ними. Я думалъ, что прежде писали во Франціи лучше, нежели нынѣ; но она сказала мнѣ, что въ домѣ у нее собирается около двадцати сочинителей, которые всѣ несравненны. Я хвалилъ дю-Пати: она увѣряла, что его въ Парижѣ не читаютъ; что онъ былъ хорошій Адвокатъ, но худой Авторъ и наблюдатель. Я хвалилъ Драму Рауля: она говорила объ ней съ презрѣніемъ. Однимъ словомъ, наши несогласія никогда бы не кончились, естьли бы слуга не растворилъ дверей, и не увѣдомилъ Гж. Гло** о пріѣздѣ гостей. Черезъ нѣсколько минутъ наполнилась горница Маркизами, Кавалерами Св. Людовика, Адвокатами, Англичанами; каждый гость под-

мяненныхъ лицъ. Здѣсь въ густой тѣни отдыхаетъ добрый ремесленникъ съ своею женою и дочерью: тутъ по алеѣ медленными шагами прохаживается сынъ его съ молодою своею невѣстою, тамъ поля съ хлѣбомъ, сельскія работы, трудящіеся земледѣльцы; словомъ, все просто, тихо и мирно.

Возвратимся опять въ городской шумъ. Карлъ V говаривалъ: Lutetia non urbs, sed orbis (Лютеція, т. е. Парижъ, есть не городъ, а цѣлый міръ); что жь бы онъ сказалъ теперь, когда Лютеція его вдвое умножилась числомъ своихъ обитателей? Вообразите себѣ 25,000 домовъ въ 4, въ 5 этажей, которые съ верху до низу наполнены людьми! Вопреки всѣмъ географическимъ календарямъ, Парижъ многолюднѣе и Константинополя и Лондона, вмѣщая въ себѣ по новому исчисленію, 1.130,450 жителей, между которыми полагается 150,000 иностранцевъ и 200,000 слугъ. Ступай здѣсь изъ конца въ конецъ города: вездѣ множество идущихъ и ѣдущихъ, вездѣ шумъ и гамъ,—на большихъ и малыхъ улицахъ: а ихъ въ Парижѣ около тысячи! Ночью въ 10, 11 въ часовъ все еще живо, все движется и шумитъ; въ первомъ, во второмъ часу встрѣчается еще много людей; въ третьемъ и четвертомъ слышите изрѣдка каретный стукъ — однакожь сіи два часа можно назвать самыми тихими въ суткахъ. Въ пятомъ показываются на улицахъ работники, Савояры, поденщики —и мало по малу весь городъ снова оживляется,

Теперь хотите ли осмотрѣть со мною славнѣйшія зданія въ Парижѣ? — Нѣтъ; оставимъ это до другаго времени; вы устали, я также; надобно перемѣнить матерію или—кончить.

—

звѣри Африканскіе, колибріи и страусы, *тигры* и крокодилы; здѣсь, подъ каштановымъ деревомъ, сидитъ Цирцея, смотритъ на васъ томными глазами, кладетъ руку на сердце, и видя, что вы съ равнодушіемъ идете мимо, говоритъ со вздохомъ: *нечувствительный! жестокій!* Тутъ молодой растрепанный *франтъ* встрѣчается съ пожилымъ, нѣжно-напудреннымъ *петиметромъ*, смотритъ на него съ усмѣшкою, подаетъ руку оперной пѣвицѣ; здѣсь длинный рядъ каретъ, изъ которыхъ выглядываютъ юность и древность, красота и безобразіе, умъ и глупость въ самыхъ живыхъ характерныхъ чертахъ — и наконецъ... маршируетъ отрядъ національной гвардіи. Цѣлый день употребилъ я на то, чтобы обойти эту шумную часть Булеваровъ *).

Такъ называемая *новая* часть представляетъ совсѣмъ другое зрѣлище: тамъ дерева сѣнистѣе, алеи красивѣе, воздухъ чище, но мало бываетъ гуляющихъ; не слышите ни стука каретнаго, ни топота лошадинаго, ни пѣсней, ни музыки; не видите ни Англійскихъ, ни Французскихъ щеголей, ни распудренныхъ головъ, ни разру-

*) Между великолѣпными домами, къ нимъ примыкающими, замѣтилъ я домъ извѣстнаго Бомарше. Сей человѣкъ умѣлъ не только странною Комедіею вскружить голову Парижской публикѣ, но и разбогатѣть удивительнымъ образомъ; умѣлъ не только изображать живописнымъ перомъ слабыя стороны человѣческаго сердца, но и пользоваться ими для наполненія кошелька своего; онъ вмѣстѣ и остроумный авторъ и тонкой свѣтской человѣкъ, и хитрой придворный и расчетистый купецъ. Теперь имѣетъ Бомарше всѣ средства и способы наслаждаться жизнію. Домъ его смотрятъ любопытные какъ диковинку богатства и вкуса; одинъ барельевъ надъ воротами стоитъ 30 или 40 тысячъ ливровъ.

и прячутся въ лавки отъ скачущихъ каретъ. Славный Турнфоръ, который объѣздилъ почти весь свѣтъ, возвратился въ Парижъ и былъ раздавленъ фіакромъ, отъ того что онъ въ путешествіи своемъ разучился прыгать серною на улицахъ: искусство необходимое для здѣшнихъ жителей!

Подите городомъ прямо, въ которую сторону вамъ угодно, и вы очутитесь наконецъ въ тѣни густыхъ алей, называемыхъ *Булеварами;* ихъ три: одна для каретъ, а двѣ для пѣшеходцевъ; онѣ идутъ рядомъ и образуютъ магическое кольцо, или самую прекраснѣйшую опушку вокругъ всего Парижа. Тутъ городскіе жители собирались нѣкогда играть въ шары (à la boule) на зеленой травѣ: отъ чего и произошло названіе *буле-веръ* или *буле-варъ.* Сначала, на мѣстѣ алей, былъ только одинъ валъ, который защищалъ столицу Франціи отъ непріятельскихъ набѣговъ; дерева посажены гораздо послѣ. Одна часть булеваровъ называется *старыми,* а другая *новыми;* на первыхъ видите предметы вкуса, богатства, пышности; все вымышленное праздностію для занятія праздности — здѣсь Комедія, тутъ Опера здѣсь блестящія палаты, тутъ Гесперидскіе сады, въ которыхъ недостаетъ только золотыхъ яблокъ; здѣсь кофейный домъ, обвѣшенный зелеными гирляндами; тутъ бесѣдка, украшенная цвѣтами и подобная сельскому храму любви; здѣсь маленькой пріятной лѣсочикъ, въ которомъ гремитъ музыка, прыгаетъ на веревкѣ рѣзвая Нимфа, или какой нибудь *фигляръ* забавляетъ народъ своими хитростями; тутъ показываются намъ всѣ рѣдкія произведенія животнаго царства Природы: птицы Американскія,

віи, или, по крайней мѣрѣ, цвѣтущихъ *луговъ* Прованскихъ: значитъ, что вы подошли къ одной изъ тѣхъ лавокъ, въ которыхъ продаются духи и помада, и которыхъ здѣсь множество. Однимъ словомъ, что шагъ, то новая атмосфера, то новые предметы роскоши или самой отвратительной нечистоты—такъ, что вы должны будете назвать Парижъ самымъ великолѣпнымъ и самымъ гадкимъ, самымъ благовоннымъ *) и самымъ вонючимъ городомъ. Улицы всѣ безъ исключенія узки и темны отъ громадности домовъ; славная *Сент-Оноре* всѣхъ длиннѣе, всѣхъ шумнѣе и всѣхъ грязнѣе. Горе бѣднымъ пѣшеходцамъ, а особливо когда идетъ дождь! Вамъ надобно или мѣсить грязь на срединѣ улицы **), или вода, льющаяся съ кровель черезъ дельфины, не оставитъ на васъ сухой нитки. Карета здѣсь необходима ***), по крайней мѣрѣ для насъ иностранцевъ; а Французы умѣютъ чудеснымъ образомъ ходить по грязи не грязнясь, мастерски прыгаютъ съ камня на камень,

*) Потому что нигдѣ не продаютъ столько ароматическихъ духовъ, какъ въ Парижѣ.

**) Мостовая дѣлается въ Парижѣ скатомъ съ обѣихъ сторонъ улицы: отъ чего въ срединѣ бываетъ всегда страшная грязь.

***) За порядочную наемную карету надобно заплатить въ день рубля четыре. Можно ѣздить и въ фіакрахъ, т. е. извощичьихъ каретахъ, которыя стоятъ на каждомъ перекресткѣ; правда, что онѣ очень не хороши, какъ снаружи, такъ и внутри; кучеръ сидитъ на ковлахъ въ худомъ камзолѣ или въ ветхой епанчѣ, и безпрестанно погоняетъ двухъ—не лошадей, а лошадиныхъ скелетовъ, которые то дернутъ, то станутъ—побѣгутъ и опять ни съ мѣста. Въ семъ экипажѣ можно за 24 су проѣхать городъ изъ конца въ конецъ.

Подойдите къ ней, и увидите передъ собою густыя алеи славнаго сада Тюльери, примыкающія къ великолѣпному дворцу: видъ прекрасный! Вошедши въ садъ, не знаете, чѣмъ любоваться: густотою ли древнихъ алей, или пріятностію высокихъ террасъ, которыя на обѣихъ сторонахъ простираются во всю длину сада; или красотою бассейновъ, цвѣтниковъ, вазъ, группъ и статуй. Художникъ ле-Нотръ, творецъ сего конечно искуснѣйшаго сада въ Европѣ, ознаменовалъ каждую его часть печатію ума и вкуса. Здѣсь гуляетъ уже не народъ, такъ какъ въ *поляхъ Елисейскихъ*, а такъ называемые *лучшіе люди*, кавалеры и дамы, съ которыхъ пудра и румяны сыплются на землю. Взойдите на большую террасу; посмотрите на право, на лѣво, кругомъ: вездѣ огромныя зданія, замки, храмы — красивые берега Сены, гранитные мосты, на которыхъ толпятся тысячи людей, стучитъ множество каретъ — взгляните на все, и скажите, каковъ Парижъ? Мало, естьли назовете его первымъ городомъ въ свѣтѣ, столицею великолѣпія и волшебства. Останьтесь же здѣсь, естьли не хотите перемѣнить своего мнѣнія; пошедши далѣе, увидите... тѣсныя улицы, оскорбительное смѣшеніе богатства съ нищетою; подлѣ блестящей лавки ювелира кучу гнилыхъ яблокъ и сельдей; вездѣ грязь и даже кровь, текущую ручьями изъ мясныхъ рядовъ — зажмете носъ и закроете глаза. Картина пышнаго города затмится въ вашихъ мысляхъ, и вамъ покажется, что изъ всѣхъ городовъ на свѣтѣ черезъ подземельныя трубы сливается въ Парижъ нечистота и гадость. Ступите еще шагъ, и вдругъ повѣетъ на васъ благоуханіе щастливой Ара-

оставляя почтенную старину, оставляя *все прошедшее*, буду говорить объ одномъ настоящемъ.

Парижъ покажется вамъ великолѣпнѣйшимъ городомъ, когда вы въѣдете въ него по Версальской дорогѣ. Громады зданій впереди, съ высокими шпицами и куполами; на правой сторонѣ рѣка Сена съ картинными домиками и садами на лѣвой, за пространною зеленою равниною, гора *Мартръ*, покрытая безчисленными вѣтреными мельницами, которыя, размахивая своими крыльями, представляютъ глазамъ вашимъ летящую станицу какихъ нибудь пернатыхъ великановъ, страусовъ или Альпійскихъ орловъ. Дорога широкая, ровная, гладка какъ столъ, и ночью бываетъ освѣщена фонарями. Застава есть небольшой домикъ, который плѣняетъ васъ красотою архитектуры своей. Черезъ обширный, бархатный лугъ въѣзжаете въ *поля Елисейскія*, не даромъ названныя симъ привлекательнымъ именемъ: лѣсокъ, насажденный самими Ореадами, съ маленькими цвѣтущими лужками, съ хижинками въ разныхъ мѣстахъ разсѣянными, изъ которыхъ въ одной найдете кофейный домъ, въ другой лавку. Тутъ по Воскресеньямъ гуляетъ народъ, играетъ музыка, пляшутъ веселыя мѣщанки. Бѣдные люди, изнуренные шестидневною работою, отдыхаютъ на свѣжей травѣ, пьютъ вино и поютъ *водевили*. Вы не имѣете времени осмотрѣть всѣхъ красотъ сего лѣсочка, сихъ умильныхъ рощицъ, какъ будто бы безъ всякаго намѣренія разбросанныхъ на правой и на лѣвой сторонѣ дороги: взоръ вашъ стремится впередъ, туда, гдѣ на большой, осьмиугольной площади возвышается статуя Людовика XV, окруженная бѣлымъ мраморнымъ балюстрадомъ.

Окружить ли мнѣ себя твореніями Іоанна Готвиля, Вильгельма Коррозета, Клавдія Фошета, Николая Бонфуса, Якова Берля, Маленгра, Соваля, Дона Филибьеня, Коллетета, де-ла Мара, Брисса, Буассо, Праделя, ле-Мера, Монфокона — ослѣпить ли глаза ваши ученою пылью сихъ Авторовъ, и показать ли вамъ ясно, что былъ Парижъ въ своемъ началѣ, когда еще не огромныя палаты и храмы созерцались въ струяхъ Сены, а маленькіе домики, подобные Альпійскимъ хижинамъ; когда еще не гранитные, а деревянные мосты служили ей поясами; когда не Лансъ, не Рено плѣняли слухъ людей на берегахъ ея, а братья Оссіановы дикими своими пѣснями; когда не Мирабо, не Мори удивляли Парижцевъ своимъ краснорѣчіемъ, а сѣдовласые Друиды, обожатели дубоваго лѣса? Итти ли мнѣ въ слѣдъ Парижу, шагъ за шагомъ, черезъ пространство минувшихъ вѣковъ, означая всѣ его измѣненія, новые виды, успѣхи въ архитектурѣ, отъ перваго каменнаго домика до Луврской колонады? — Я слышу отвѣтъ вашъ: «Мы прочитаемъ Сент-Фуа, его Essaie sur Paris «и узнаемъ все то, что ты можешь сказать о «древности Парижа; скажи намъ только, каковъ «онъ показался тебѣ въ нынѣшнемъ своемъ ви«дѣ, и болѣе ничего не требуемъ.» — И такъ,

«са. Зима бываетъ тамъ обыкновенно не очень холодна; но «въ мое время морозы были такъ жестоки, что рѣка по«крылась льдомъ. Жители нагрѣваютъ свои жилища посред«ствомъ печей; но я не позволилъ развести огня въ моей горницѣ, а велѣлъ только принести къ себѣ нѣсколько го«рящихъ угольевъ. Паръ, который отъ нихъ распростра«нился по всей комнатѣ, едва-было не задушилъ меня, и я «упалъ безъ чувства.»

ными шагами, слушаютъ васъ съ величайшимъ вниманіемъ, приводящимъ въ краску стыдливаго, скромнаго человѣка; слушаютъ и тогда, когда вы уже говорить перестали; соображаютъ ваши слова, и отвѣчаютъ такъ медленно, такъ осторожно, боясь, что они васъ не понимаютъ! А Парижской житель хочетъ всегда отгадывать; вы еще не кончили вопроса, онъ сказалъ отвѣтъ свой, поклонился и ушелъ!

—

Парижъ, Апрѣля... 1790.

Принимаясь за перо съ тѣмъ, чтобы представить вамъ Парижъ хотя не въ совершенной картинѣ, но по крайней мѣрѣ въ главныхъ его чертахъ, долженъ ли я начать, какъ говорили Древніе, съ *яицъ Леды*, и объявить съ ученою важностію, что сей городъ назывался нѣкогда Лютеціею; что имя Парижскихъ жителей, Parisii, значитъ *народъ, покровительствуемый Изидою* — то есть, что оно произошло отъ Греческаго слова *Пара* и *Изисъ*, хотя NB. Гальскіе народы не имѣли никакого понятія о сей Египетской богинѣ и не думали искать ея покровительства? Перевести ли нѣкоторыя мѣста изъ Записокъ Юлія Цесаря (перваго изъ древнихъ Авторовъ, упоминающихъ о Парижѣ) и Мизопогона, книги сочиненной Императоромъ Іуліаномъ; мѣста, изъ которыхъ вы узнаете, что Парижъ и во время Цесарево былъ уже столицею Галліи, и что Императоръ Іуліанъ умеръ-было въ немъ отъ угара *)?

*) «Я провелъ зиму въ моей любезной Лютеціи, говоритъ «онъ, она построена на острову и окружена стѣнами, кото«рыя омываются водами рѣки, пріятными для глазъ и вку-

Парижъ, 2 апрѣля, 1790.

Я въ Парижѣ! Эта мысль производитъ въ душѣ моей какое-то особливое, быстрое, неизъяснимое, пріятное движеніе... *я въ Парижѣ!* говорю самъ себѣ, и бѣгу изъ улицы въ улицу, изъ Тюльери въ Поля Елисейскія; вдругъ останавливаюсь, на все смотрю съ отмѣннымъ любопытствомъ: на домы, на кареты, на людей Что было мнѣ извѣстно по описанію, вижу теперь собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшаго, славнѣйшаго города въ свѣтѣ, чуднаго, единственнаго по разнообразію своихъ явленій.—

Пять дней прошли для меня какъ пять часовъ: въ шумѣ, во многолюдствѣ, въ спектакляхъ, въ волшебномъ замкѣ Пале-Рояль. Душа моя наполнена живыми впечатлѣніями; но я не могу самому себѣ дать въ нихъ отчета, и не въ состояніи сказать вамъ ничего связнаго о Парижѣ. Пусть любопытство мое насыщается; а послѣ будетъ время разсуждать, описывать, хвалить, критиковать.—Теперь замѣчу одно то, что кажется мнѣ главною чертою въ характерѣ Парижа: отмѣнную живость народныхъ движеній, удивительную скорость въ словахъ и дѣлахъ. Система Декартовыхъ вихрей могла родиться только въ головѣ Француза, Парижскаго жителя. Здѣсь все спѣшитъ куда-то; всѣ, кажется, перегоняютъ другъ друга; ловятъ, хватаютъ мысли; угадываютъ, чего вы хотите, чтобъ какъ можно скорѣе васъ отправить. Какая страшная противоположность — на примѣръ съ важными Швейцарами, которые ходятъ всегда размѣрен-

безчисленныхъ лавкахъ сіяютъ всѣ *сокровища* свѣта, богатства Индіи и Америки, алмазы и діаманты, серебро и золото; всѣ произведенія Натуры и Искусства; все, чѣмъ когда нибудь царская пышность украшалась; все изобрѣтенное роскошью для услажденія жизни!.. И все это, для привлеченія глазъ разложено прекраснѣйшимъ образомъ, и освѣщено яркими, разно цвѣтными огнями, ослѣпляющими зрѣніе.—Вообразите себѣ множество людей, которые толпятся въ сихъ галереяхъ, и ходятъ взадъ и впередъ только для того, чтобы смотрѣть другъ на друга!—Тутъ видите вы и кофейные домы, первые въ Парижѣ, гдѣ также все людьми наполнено; гдѣ читаютъ вслухъ газеты и журналы, шумятъ, спорятъ, говорятъ рѣчи, и проч.

Голова моя закружилась—мы вышли изъ галереи, и сѣли отдыхать въ каштановой аллеѣ, въ Jardin du Palais Royal. Тутъ царствовали тишина и сумракъ. Аркады изливали свѣтъ свой на зеленыя вѣтьви, но онъ терялся въ ихъ тѣняхъ. Изъ другой аллеи неслись тихіе сладостные звуки нѣжной музыки; прохладный вѣтерокъ шевелилъ листочки на деревьяхъ.—*Нимфы радости* подходили къ намъ одна за другою, бросали въ насъ цвѣтами, вздыхали, смѣялись, звали въ свои гроты, обѣщали тьму удовольствій, и скрывались какъ призраки лунной ночи.

Все казалось мнѣ очарованіемъ, Калипсинымъ островомъ, Армидинымъ замкомъ. Я погрузился въ пріятную задумчивость...

—

не далеко отъ Новаго моста на quai des morfondus. Жена его приняла меня передъ каминомъ и услышавъ мое имя, тотчасъ вынесла мнѣ письмо—письмо отъ моихъ любезныхъ!.. Вообразите радость вашего друга!.. вы здоровы и благополучны!.. Всѣ безпокойства въ одну минуту забылись: я сталъ веселъ какъ безпечный младенецъ — читалъ десять разъ письмо—забылъ Госпожу Брегетъ, и не говорилъ съ нею ни слова—душа моя въ сію минуту занималась одними отдаленными друзьями.—*Кажется, что вы очень обрадовались*, сказала хозяйка: *это пріятно видѣть*.—Тутъ я опомнился, началъ передъ нею извиняться, но очень нескладно; хотѣлъ разсказывать ей о Женевѣ, гдѣ она родилась—но не могъ, и наконецъ ушелъ. Беккеръ увидѣлъ меня бѣгущаго; увидѣлъ письмо въ рукѣ моей; увидѣлъ мое лице — и обрадовался сердечно — потому что онъ любитъ меня. Мы обнялись на Новомъ мосту подлѣ монумента — и мнѣ казалось, что самъ мѣдный Генрикъ, смотря на насъ, улыбался. Pont neuf! я никогда тебя не забуду!

Сердце мое было довольно и весело—я ходилъ съ Беккеромъ по неизвѣстному городу, изъ улицы въ улицу, безъ проводника, безъ намѣренія и безъ цѣли—и все, что встрѣчалось глазамъ нашимъ, занимало меня пріятнымъ образомъ.

Солнце сѣло; наступила ночь и фонари засвѣтились на улицахъ. Мы пришли въ *Пале-Рояль*, огромное зданіе, которое принадлежитъ Герцогу Орлеанскому, и которое называется столицею Парижа.

Вообразите себѣ великолѣпный квадратный замокъ, и внизу его аркады, подъ которыми въ

шесть этажей, богатыя лавки. Какое *многолюдство!* какая пестрота! какой шумъ! Карета скачетъ за каретою;—безпрестанно кричатъ: gare! gare! и народъ волнуется какъ море.

Сей неописанный шумъ, сіе чудное разнообразіе предметовъ, сіе чрезвычайное многолюдство, сія необыкновенная живость въ народѣ, привели меня въ нѣкоторое изумленіе. Мнѣ казалось, что я какъ маленькая песчинка попалъ въ ужасную пучину и кружусь въ водномъ вихрѣ.

Переѣхавъ черезъ Сену, въ улицѣ *Генего*, остановились мы подлѣ Hôtel Britanique. Тамъ, въ третьемъ этажѣ, нашлись двѣ комнаты, свѣтлыя и чисто прибранныя, за которыя должно платить по два лудора въ мѣсяцъ. Хозяйка осыпала насъ учтивостями; бѣгала, суетилась, назначала мѣсто для нашихъ кроватей, сундука, чемодана, и при всякомъ словѣ говорила, aimables étrangers—*любезные иностранцы, почтенные иностранцы!* Купецъ, сопутникъ нашъ, пожелалъ намъ всевозможныхъ удовольствій въ Парижѣ, и уѣхалъ къ себѣ домой; а мы въ полчаса успѣли отобѣдать, причесаться, одѣться—заперли свои комнаты, вышли на улицу и смѣшались съ толпами народными, которыя какъ морскія волны вынесли насъ къ славному *Новому мосту*, pont neuf, гдѣ стоитъ прекрасный монументъ любезнѣйшаго изъ Королей Французскихъ, Генрика IV. Можно ли было пройти мимо его? Нѣтъ! ноги мои сами собою остановились: взоръ мой самъ собою устремился на образъ Героя, и нѣсколько минутъ не могъ съ него совратиться.

Оставя Беккера у подножія Генриковой статуи, я пошелъ къ Г. Брегету, который живетъ

котораго имя произносится съ благоговѣніемъ учеными и неучеными, Философами и щеголями, художниками и невѣждами, въ Европѣ и въ Азіи, въ Америкѣ и въ Африкѣ—котораго имя стало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ съ моимъ именемъ; о которомъ такъ много читалъ я въ романахъ, такъ много мечталъ и думалъ!.. Вотъ онъ! я его вижу, и буду въ немъ!»—Ахъ, друзья мои! сія минута была одною изъ пріятнѣйшихъ минутъ моего путешествія! Ни къ какому городу не приближался я съ такимъ любопытствомъ,—съ такимъ нетерпѣніемъ!—Товарищъ нашъ Французъ, указывая на Парижъ своею тростью, говорилъ намъ: «Здѣсь, на правой сторонѣ, ви«дите вы предмѣстіе Монъ-Мартръ и дю-Танпль, «противъ насъ Св. Антонія, а на лѣвой сторонѣ «за Сеною предмѣстіе Ст. Марсель, Мишель и «Жермень. Эта высокая готическая башня есть «древняя церковь Богоматери; сей новый вели«колѣпный храмъ, котораго архитектурѣ вы ко«нечно удивляетесь, есть храмъ Святой Же«невьевы, покровительницы Парижа; тамъ вдали «возвышается съ блестящимъ куполомъ l'Hôtel «Royal des Invalides, одно изъ огромнѣйшихъ «Парижскихъ зданій, гдѣ Короли и отечество «покоятъ заслуженныхъ и престарѣлыхъ вои«новъ».

Скоро выѣхали мы въ предмѣстіе Св. Антонія; но что же увидѣли? Узкія, нечистыя, грязныя улицы, худые домы и людей въ раздранныхъ рубищахъ. «И это Парижъ?—(думалъ я)—городъ, который издали казался столь великолѣпнымъ?» — Но декорація совершенно перемѣнилась, когда мы выѣхали на берегъ Сены; тутъ представились намъ красивыя зданія, домы въ

катъ Парижскаго Парламента, описывая *любовныя похожденія Королей Французскихъ*, говоритъ, что вѣкъ Франциска I былъ самый развращенный, и что всѣ произведенія тогдашнихъ Поэтовъ и живописцовъ дышали сладострастіемъ. «Ступай по Фонтенебло! (восклицаетъ благочестивой Адвокатъ, скончавшій жизнь свою въ «1670 г.) и вездѣ на стѣнахъ увидишь ты боговъ «и богинь, мущинъ и женщинъ, которые посрамляютъ натуру и утопаютъ въ морѣ распутства. «Добродѣтельная супруга Генриха IV истребила «многія изъ сихъ картинъ, но чтобы истребить «все погибельное, все развратное, надлежитъ «предать пламени весь Фонтенебло». — Нѣкто Сюбле-де-Ное, будучи Губернаторомъ въ Фонтенебло, сжегъ Микель-Анджелову картину, за которую Францискъ I заплатилъ превеликую сумму. Изображалась нагая Леда,—и такъ живо, въ такомъ сладострастномъ положеніи, что Губернаторъ не могъ видѣть ее безъ соблазна.— Сіи анекдоты взялъ я изъ Дюлора.

Мы завтракали — постильйонъ хлопаетъ бичемъ—простите—простите до Парижа.

—

Парижъ, 27 Марта, 1790.

Мы приближались къ Парижу, и я безпрестанно спрашивалъ, скоро ли увидимъ его? Наконецъ открылась обширная равнина, а на равнинѣ, во всю длину ея, Парижъ!.. Жадные взоры наши устремились на сію необозримую громаду зданій—и терялись въ ея густыхъ тѣняхъ. Сердце мое билось. «Вотъ онъ (думалъ я)—вотъ городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ образцемъ всей Европы, источникомъ вкуса, модъ—

ностильйоны не лѣнивы—города и деревни безпрестанно мелькаютъ въ глазахъ путешественника.

Въ 30 часовъ переѣхали мы 65 Французскихъ миль; вездѣ видѣли пріятныя мѣста, и на каждой станціи — были окружены нищими! Товарищъ нашъ Французъ говорилъ, что они бѣдны отъ праздности и лѣни своей, и потому недостойны сожалѣнія; но я не могу спокойно ни обѣдать, ни ужинать, видя подъ окномъ сіи блѣдныя лица, сіи раздранныя рубища!

Фонтенебло есть маленькій городокъ, окруженный лѣсами, въ которыхъ Французскіе Короли издревле забавлялись звѣриною ловлею. Святый Лудовикъ подписывалъ на указахъ: donné en nos deserts de Fontainebleau *(дано въ нашей пустынѣ Фонтенебло)*. Тогда не было здѣсь почти ничего, кромѣ двухъ или трехъ церквей и монастыря; но Францискъ I построилъ въ пустынѣ огромный дворецъ, и украсилъ его лучшими произведеніями Италіянскаго художества. Я хотѣлъ видѣть внутренность сего величественнаго зданія, и за два *экю* видѣлъ все достойное примѣчанія: прекрасную церковь, галерею Франциска I съ ея славными картинами. Королевскія и Королевины комнаты, также украшенныя превосходною живописью, и проч. Въ одной большой галереѣ сего дворца показываютъ то мѣсто, гдѣ жестокая Христина въ 1659 году страшнѣйшимъ образомъ умертвила своего Шталмейстера и любовника, Маркиза Мональдески.—Въ маскарадной залѣ, расписанной живописцемъ Николо, многія картины стерты, для того, что онѣ были слишкомъ соблазнительны для набожныхъ людей. Соваль, Адво-

ные башмаки Французскихъ поселянъ, *и я не* понимаю, какъ они не натираютъ ими ногъ своихъ.—

Около вечера мы проплыли мимо города Треву, лежащаго на правой сторонѣ Соны; болѣе всего извѣстенъ онъ по Mémoires de Trevoux, антифилософическому, Іезуитскому Журналу, который, подобно черной молніеносной тучѣ, металъ страшные перуны на Вольтеровъ и д'Аланбертовъ, и грозилъ попалить священнымъ огнемъ всѣ произведенія ума человѣческаго.

Въ девять часовъ вышли мы на берегъ въ городѣ Маконѣ, ужинали въ первомъ здѣшнемъ трактирѣ и пили самое лучшее Бургонское вино. Оно густаго, темнаго цвѣта, и совсѣмъ не похоже на то, что у насъ въ Россіи называется Бургонскимъ.

Здѣсь ночуемъ, и въ четыре часа поплывемъ въ Шалонъ, гдѣ надѣемся быть завтра послѣ обѣда.

Фонтенебло, 9 часовъ утра.

Третьяго-дня ночью выѣхали мы изъ Шалона, въ легкой коляскѣ, вмѣстѣ съ однимъ Парижскимъ купцомъ, который, взявъ съ насъ двоихъ 300 ливровъ, сказалъ, чтобы мы спрятали до Парижа свои кошельки; онъ платитъ прогоны, за обѣдъ, за ужинъ, за чай и кофе. Можетъ быть, останется у него нѣсколько талеровъ или экю, но за то мы совершенно покойны.

Французская почта не дороже, и притомъ несравненно лучше Нѣмецкой. Лошади вездѣ черезъ пять минутъ готовы: дороги прекрасныя;

нецъ свой; за то у подошвы Юры видимъ Бонета, а въ Кенигсбергѣ Канта, передъ которыми Платонъ въ разсужденіи философіи есть младенецъ.

Болѣе писать негдѣ.

—

Маконъ въ Бургоніи, полночь.

Путешествіе наше очень пріятно. День былъ прекрасный, вечеръ теплой, солнце тихо и великолѣпно скатилось съ голубаго неба, и давно не видалъ я такой розовой зари, какую видѣлъ нынѣ.

Въ полдень пристали мы къ берегу противъ одного небольшаго мѣстечка. Тутъ встрѣтили насъ пятнадцать или двадцать трактирщицъ, изъ которыхъ каждая звала къ себѣ въ гости *любезныхъ путешественниковъ*, увѣряя, что у нее прекрасный супъ, прекрасные соусы, прекрасный десертъ и самое лучшее вино. Я, Б*, молодой Французской Офицеръ и двое Англичанъ обѣдали вмѣстѣ, и съ великою благодарностію заплатили хозяйкѣ по 30 су, для того что она въ самомъ дѣлѣ очень хорошо насъ угостила. Послѣ обѣда гуляли мы по берегу рѣки, заходили въ разные крестьянскіе домики, и видѣли, что поселяне живутъ чисто и опрятно. Офицеръ, Б* и я говорили съ ними о хозяйствѣ, о земледѣліи, и шутили съ молодыми крестьянками, которыя умѣютъ еще краснѣться. Одно семейство застали мы за обѣдомъ: на большомъ столѣ, покрытомъ довольно чистою скатертью, стояла чаша съ супомъ, блюдо шпинату и кринка молока.—Но весьма не полюбились мнѣ деревян-

вѣковъ (вмѣсто сихъ прекрасныхъ *дѣвушекъ*, которыя теперь передъ моими глазами сидятъ на берегу рѣки и чешутъ гребнями бѣлыхъ козъ своихъ) явятся здѣсь хищные звѣри и заревутъ какъ въ пустынѣ Африканской!.. Горестная мысль!

Наблюдайте движенія Природы; читайте исторію народовъ; поѣзжайте въ Сирію, въ Египетъ, въ Грецію — и скажите, чего ожидать не возможно? Все возвышается или упадаетъ; народы земные подобны цвѣтамъ весеннимъ; они увядаютъ въ свое время—придетъ странникъ, который удивлялся нѣкогда красотѣ ихъ; придетъ на то мѣсто, гдѣ цвѣли они... и печальный мохъ представится глазамъ его! — Оссіанъ! ты живо чувствовалъ сію плачевную судьбу всего подлуннаго, и для того потрясаешь мое сердце унылыми своими пѣснями!

Кто поручится, чтобы вся Франція—сіе прекраснѣйшее въ свѣтѣ государство, прекраснѣйшее по своему климату, своимъ произведеніямъ, своимъ жителямъ, своимъ искусствамъ и художествамъ — рано или поздно не уподобилась нынѣшнему Египту.

Одно утѣшаетъ меня — то, что съ паденіемъ народовъ не упадаетъ весь родъ человѣческій; одни уступаютъ свое мѣсто другимъ—и естьли запустѣетъ Европа, то въ срединѣ Африки или въ Канадѣ процвѣтутъ новыя политическія общества, процвѣтутъ науки, искусства и художества.

Тамъ, гдѣ жили Гомеры и Платоны, живутъ нынѣ невѣжды и варвары, но за то въ сѣверной Европѣ существуетъ Пѣвецъ Мессіады, которому самъ Гомеръ отдалъ бы лавровый вѣ-

ивъ голову на плечо его; онъ одѣваетъ
вицу плащомъ своимъ, боясь, чтобы она не простудилась — молодой Англичанинъ въ углу лодки играетъ съ своею собакою—другой Англичанинъ съ важнымъ видомъ болтаетъ въ рѣкѣ воду длинною своею тростью, и напоминаетъ мнѣ тѣхъ Духовъ въ Багватъ-Гетѣ *), которые симъ способомъ цѣлый океанъ превратили въ масло — высокой Нѣмецъ, стоя подлѣ мачты, куритъ трубку — Беккеръ, пожимаясь отъ утренняго холоднаго воздуха, разговариваетъ съ кормчимъ — я пишу карандашомъ на пергаментномъ листочкѣ.

На обѣихъ сторонахъ рѣки простираются зеленыя равнины; изрѣдка видны пригорки и холмики: вездѣ прекрасныя деревеньки, какихъ не находилъ я ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи; сады, лѣтніе домики богатыхъ купцовъ, дворянскіе замки съ высокими башнями; вездѣ земля обработана наилучшимъ образомъ; вездѣ видно трудолюбіе и богатые плоды его.

Я воображаю себѣ первобытное состояніе сихъ цвѣтущихъ береговъ... Здѣсь журчала Сона въ дичи и мракѣ; темные лѣса шумѣли надъ ея водами; люди жили какъ звѣри, укрываясь въ глубокихъ пещерахъ, или подъ вѣтвями столѣтнихъ дубовъ—какое превращеніе!.. Сколько вѣковъ потребно было на то, чтобы сгладить съ натуры всѣ знаки первобытной дикости.

Но можетъ быть, друзья мои, можетъ быть въ теченіе времени сіи мѣста опять запустѣютъ и одичаютъ; можетъ быть черезъ нѣсколько

*) Индѣйская книга.

я васъ не увижу *)!—Не увижу и тебя, *отчазь*. Пилата Понтійскаго **)! не взойду на ту *высокую* гору, на ту высокую башню, гдѣ сей нещастный сидѣлъ въ заключеніи, не загляну въ ту ужасную пропасть, въ которую онъ бросился изъ отчаянія ***)! — Простите, мѣста любопытныя для чувствительнаго путешественника!

Не безъ слезъ разставались мы съ Маттисономъ. Онъ подарилъ мнѣ на память нѣкоторыя изъ новѣйшихъ своихъ сочиненій, и сказалъ: *Гдѣ буду впредь, не знаю; но никакой климатъ не перемѣнитъ моего сердца — я всегда съ удовольствіемъ стану вспоминать о нашемъ знакомствѣ—не забудьте Маттисона*! Прочихъ Ліонскихъ знакомцевъ оставляю безъ сожалѣнія.

Завтра въ пять часовъ утра сядемъ въ почтовую лодку и поѣдемъ въ Шалонь. Съ учтивою хозяйкою мы уже расплатились. Каждый день стоилъ намъ здѣсь около луидора.

Теперь ночь — Беккеръ спитъ — я не могу — сижу за столикомъ, и лечу мыслями въ мое отечество,—къ вамъ, моимъ любезнымъ!

—

Рѣка Сона.

Солнце восходитъ — туманъ раздѣлился — лодка наша катится по струистой лазури, освѣщаемой золотыми лучами—подлѣ меня сидитъ одинъ добрый старикъ изъ Нима; молодая, пріятная женщина спитъ крѣпкимъ сномъ,

*) Въ Нимѣ много новыхъ Римскихъ древностей.

**) Городъ Вьень.

***) Такъ говоритъ преданіе. Сію башню и сію пропасть показываютъ близъ Вьеня.

кожъ, увидѣлъ фіялку и сорвалъ ее; но мнѣ показалось, что она не такъ хорошо пахнетъ, какъ наши фіялки—можетъ быть отъ того, что я не могъ отдать сего цвѣточка любезнѣйшей изъ женщинъ и вѣрнѣйшему изъ друзей моихъ!

—

Ліонъ. . . 1790.

Нѣтъ, друзья мои! я не увижу плодоносныхъ странъ южной Франціи, которыми прельщалось мое воображеніе!.. Беккеръ не получилъ здѣсь векселя, и оставшись только съ шестью луидорами, рѣшился ѣхать прямо въ Парижъ. Мнѣ надлежало съ нимъ разстаться, или пожертвовать для него своимъ любопытствомъ, своими мечтами, Лангедокомъ и Провансомъ.

Нѣсколько минутъ я сражался съ самимъ собою, сидя въ задумчивости передъ каминомъ. Любезный Датчанинъ разбиралъ между тѣмъ свой чемоданъ, въ которомъ лежали нѣкоторыя изъ моихъ вещей. *Вотъ твои книги,* говорилъ онъ — *твои письма — твои платки — возьми ихъ! Можетъ быть мы уже не увидимся. — Нѣтъ,* сказалъ я, вставъ со стула и обнявъ съ чувствительностію Беккера—*мы будемъ вмѣстѣ!*

Гробница нѣжной Лауры, прославленной Петраркомъ! Воклюзская пустыня, жилище страстныхъ любовниковъ*)! шумный, пѣнистый ключь, утолявшій ихъ жажду! я васъ не увижу!.. Луга Прованскіе, гдѣ тимонъ съ розмариномъ благоухаютъ! не ступитъ нога моя на вашу цвѣтущую зелень!.. Нимскій храмъ Діаны, огромный Амфитеатръ, драгоцѣнные остатки древности!

*) Въ 12 верстахъ отъ Авиньона.

à la lanterne! à la lanterne!—Тѣ, *которые наиболѣе* шумѣли и возбуждали другихъ къ *мятежу*, были нищіе и празднолюбцы, не хотящіе работать съ эпохи такъ называемой Французской свободы. — Изрядно одѣтый незнакомецъ подошелъ ко мнѣ и къ Беккеру, и съ дружественнымъ видомъ сказалъ намъ: «Около получаса ходитъ за вами подозрительный человѣкъ: будьте осторожны — вы конечно иностранцы — sauvez vous, messieurs! спасайтесь!» Я посмотрѣлъ ему въ глаза и увѣрился, что онъ хотѣлъ только испугать насъ; а Беккеръ, не знаю отъ чего, покраснѣлъ и схватилъ мою руку; взоръ его говорилъ мнѣ: *мы другъ друга не оставимъ!* Но онъ и я благополучно возвратились въ Hôtel de Milan. Народъ ввечеру разсѣялся, и мы пошли гулять на свободѣ по берегу Роны.

Мы обѣдали нынѣ у Господина Т*, богатаго купца, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ здѣшнихъ ученыхъ; а ввечеру были на гуляньи за городомъ. И богатые и бѣдные, и старые и малые, толпились на зеленыхъ лугахъ, поздравляли другъ друга съ весною, и наслаждались теплымъ вечеромъ. Въ городѣ не оставалось, думаю, ни четвертой части жителей, и всякой былъ въ лучшемъ своемъ платьѣ. Иные сидѣли на травѣ и пили чай; другіе ѣли бисквиты, сладкіе пироги, и подчивали своихъ знакомыхъ. Я ходилъ между тысячами какъ въ лѣсу, не зная никого, и не будучи никому извѣстенъ. Однакожь, видя вокругъ себя радостныя лица, веселился въ сердцѣ своемъ. Наконецъ ушелъ ото всѣхъ людей, сѣлъ подъ зеленымъ кусточ-

ихъ красавица размышляла о своемъ другѣ! Однимъ словомъ, удовольствія любви безчисленны; ни тиранство родителей, ни тиранство самаго рока не можетъ отнять ихъ у нѣжнаго сердца — и кому сіи удовольствія не извѣстны, тотъ не называй себя чувствительнымъ!—Фальдони и Тереза! вы служите для меня примѣромъ одного изступленія, помѣшательства разума, заблужденія, а не примѣромъ истинной любви!

Смотри! смотри! закричалъ мой Беккеръ. Я бросился къ окну, и увидѣлъ, что вокругъ ратуши толпится шумящій народъ. Что это значитъ? спросили мы у слуги, который прибиралъ мою комнату. *Какое нибудь новое дурачество,* отвѣчалъ онъ. Но я любопытенъ былъ знать это дурачество, и вмѣстѣ съ Беккеромъ пошелъ на улицу. У пяти или шести человѣкъ спрашивали мы о причинѣ шума; но всѣ отвѣчали намъ: qu'en sais-je? *(почему мнѣ знать?)* Наконецъ дѣло объяснилось. Какая-то старушка подралась на улицѣ съ какимъ-то старикомъ; пономарь вступился за женщину; старикъ выхватилъ изъ кармана пистолетъ и хотѣлъ застрѣлить пономаря; но люди, шедшіе по улицѣ, бросились на него, обезоружили, и повели его... à la lanterne! (на висѣлицу); отрядъ національной гвардіи встрѣтился съ сею толпою, отнялъ у нихъ старика и привелъ въ ратушу — вотъ что было причиною волненія! Народъ, который сдѣлался во Франціи страшнѣйшимъ деспотомъ, требовалъ, чтобы ему выдали виновнаго и кричалъ: à la lanterne! Пономарь кричалъ: à la lanterne! à la lanterne! Бабы торговки кричали:

шесть этажей, богатыя лавки. Какое *многолюдство*! какая пестрота! какой шумъ! Карета скачетъ за каретою;—безпрестанно кричатъ: gare! gare! и народъ волнуется какъ море.

Сей неописанный шумъ, сіе чудное разнообразіе предметовъ, сіе чрезвычайное многолюдство, сія необыкновенная живость въ народѣ, привели меня въ нѣкоторое изумленіе. Мнѣ казалось, что я какъ маленькая песчинка попалъ въ ужасную пучину и кружусь въ водномъ вихрѣ.

Переѣхавъ черезъ Сену, въ улицѣ *Генего*, остановились мы подлѣ Hôtel Britanique. Тамъ, въ третьемъ этажѣ, нашлись двѣ комнаты, свѣтлыя и чисто прибранныя, за которыя должно платить по два лундора въ мѣсяцъ. Хозяйка осыпала насъ учтивостями; бѣгала, суетилась, назначала мѣсто для нашихъ кроватей, сундука, чемодана, и при всякомъ словѣ говорила, aimables étrangers—*любезные иностранцы, почтенные иностранцы!* Купецъ, сопутникъ нашъ, пожелалъ намъ всевозможныхъ удовольствій въ Парижѣ, и уѣхалъ къ себѣ домой; а мы въ полчаса успѣли отобѣдать, причесаться, одѣться—заперли свои комнаты, вышли на улицу и смѣшались съ толпами народными, которыя какъ морскія волны вынесли насъ къ славному *Новому мосту*, pont neuf, гдѣ стоитъ прекрасный монументъ любезнѣйшаго изъ Королей Французскихъ, Генрика IV. Можно ли было пройти мимо его? Нѣтъ! ноги мои сами собою остановились: взоръ мой самъ собою устремился на образъ Героя, и нѣсколько минутъ не могъ съ него совратиться.

Оставя Беккера у подножія Генриковой статуи, я пошелъ къ Г. Брегету, который живетъ

котораго имя произносится съ благоговѣніемъ учеными и неучеными, Философами и щеголями, художниками и невѣждами, въ Европѣ и въ Азіи, въ Америкѣ и въ Африкѣ—котораго имя стало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ съ моимъ именемъ; о которомъ такъ много читалъ я въ романахъ, такъ много мечталъ и думалъ!.. Вотъ онъ! я его вижу, и буду въ немъ!»—Ахъ, друзья мои! сія минута была одною изъ пріятнѣйшихъ минутъ моего путешествія! Ни къ какому городу не приближался я съ такимъ любопытствомъ,—съ такимъ нетерпѣніемъ!—Товарищъ нашъ Французъ, указывая на Парижъ своею тростью, говорилъ намъ: «Здѣсь, на правой сторонѣ, ви«дите вы предмѣстіе Монъ-Мартръ и дю-Танпль, «противъ насъ Св. Антонія, а на лѣвой сторонѣ «за Сеною предмѣстіе Ст. Марсель, Мишель и «Жермень. Эта высокая готическая башня есть «древняя церковь Богоматери; сей новый вели«колѣпный храмъ, котораго архитектурѣ вы ко«нечно удивляетесь, есть храмъ Святой Же«невьевы, покровительницы Парижа; тамъ вдали «возвышается съ блестящимъ куполомъ l'Hôtel «Royal des Invalides, одно изъ огромнѣйшихъ «Парижскихъ зданій, гдѣ Короли и отечество «покоятъ заслуженныхъ и престарѣлыхъ вои«новъ».

Скоро выѣхали мы въ предмѣстіе Св. Антонія; но что же увидѣли? Узкія, нечистыя, грязныя улицы, худые домы и людей въ раздранныхъ рубищахъ. «И это Парижъ?—(думалъ я)—городъ, который издали казался столь великолѣпнымъ?» — Но декорація совершенно перемѣнилась, когда мы выѣхали на берегъ Сены; тутъ представились намъ красивыя зданія, домы въ

катъ Парижскаго Парламента, описывая *любовныя похожденія Королей Французскихъ*, говоритъ, что вѣкъ Франциска I былъ самый развращенный, и что всѣ произведенія тогдашнихъ Поэтовъ и живописцовъ дышали сладострастіемъ. «Ступай по Фонтенебло! (восклицаетъ благочестивой Адвокатъ, скончавшій жизнь свою въ «1670 г.) и вездѣ на стѣнахъ увидишь ты боговъ «и богинь, мущинъ и женщинъ, которые посрамляютъ натуру и утопаютъ въ морѣ распутства. «Добродѣтельная супруга Генриха IV истребила «многія изъ сихъ картинъ, но чтобы истребить «все погибельное, все развратное, надлежитъ «предать пламени весь Фонтенебло». — Нѣкто Сюбле-де-Ное, будучи Губернаторомъ въ Фонтенебло, сжегъ Микель-Анджелову картину, за которую Францискъ I заплатилъ превеликую сумму. Изображалась нагая Леда,—и такъ живо, въ такомъ сладострастномъ положеніи, что Губернаторъ не могъ видѣть ее безъ соблазна.— Сіи анекдоты взялъ я изъ Дюлора.

Мы завтракали — постильйонъ хлопаетъ бичемъ—простите—простите до Парижа.

—

Парижъ, 27 Марта, 1790.

Мы приближались къ Парижу, и я безпрестанно спрашивалъ, скоро ли увидимъ его? Наконецъ открылась обширная равнина, а на равнинѣ, во всю длину ея, Парижъ!.. Жадные взоры наши устремились на сію необозримую громаду зданій—и терялись въ ея густыхъ тѣняхъ. Сердце мое билось. «Вотъ онъ (думалъ я)—вотъ городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ образцемъ всей Европы, источникомъ вкуса, модъ—

постильйоны не лѣнивы—города и деревни безпрестанно мелькаютъ въ глазахъ путешественника.

Въ 30 часовъ переѣхали мы 65 Французскихъ миль; вездѣ видѣли пріятныя мѣста, и на каждой станціи — были окружены нищими! Товарищъ нашъ Французъ говорилъ, что они бѣдны отъ праздности и лѣни своей, и потому недостойны сожалѣнія; но я не могу спокойно ни обѣдать, ни ужинать, видя подъ окномъ сіи блѣдныя лица, сіи раздранныя рубища!

Фонтенебло есть маленькій городокъ, окруженный лѣсами, въ которыхъ Французскіе Короли издревле забавлялись звѣриною ловлею. Святый Лудовикъ подписывалъ на указахъ: donné en nos deserts de Fontainebleau *(дано въ нашей пустынѣ Фонтенебло)*. Тогда не было здѣсь почти ничего, кромѣ двухъ или трехъ церквей и монастыря; но Францискъ I построилъ въ пустынѣ огромный дворецъ, и украсилъ его лучшими произведеніями Италіянскаго художества. Я хотѣлъ видѣть внутренность сего величественнаго зданія, и за два *экю* видѣлъ все достойное примѣчанія: прекрасную церковь, галерею Франциска I съ ея славными картинами. Королевскія и Королевины комнаты, также украшенныя превосходною живописью, и проч. Въ одной большой галереѣ сего дворца показываютъ то мѣсто, гдѣ жестокая Христина въ 1659 году страшнѣйшимъ образомъ умертвила своего Шталмейстера и любовника, Маркиза Мональдески.—Въ маскарадной залѣ, расписанной живописцемъ Николо, многія картины стерты, для того, что онѣ были слишкомъ соблазнительны для набожныхъ людей. Соваль, Адво-

вѣковъ (вмѣсто сихъ прекрасныхъ *дѣвушекъ*, которыя теперь передъ моими глазами сидятъ на берегу рѣки и чешутъ гребнями бѣлыхъ козъ своихъ) явятся здѣсь хищные звѣри и заревутъ какъ въ пустынѣ Африканской!.. Горестная мысль!

Наблюдайте движенія Природы; читайте исторію народовъ; поѣзжайте въ Сирію, въ Египетъ, въ Грецію — и скажите, чего ожидать не возможно? Все возвышается или упадаетъ; народы земные подобны цвѣтамъ весеннимъ; они увядаютъ въ свое время—придетъ странникъ, который удивлялся нѣкогда красотѣ ихъ; придетъ на то мѣсто, гдѣ цвѣли они... и печальный мохъ представится глазамъ его! — Оссіанъ! ты живо чувствовалъ сію плачевную судьбу всего подлуннаго, и для того потрясаешь мое сердце унылыми своими пѣснями!

Кто поручится, чтобы вся Франція—сіе прекраснѣйшее въ свѣтѣ государство, прекраснѣйшее по своему климату, своимъ произведеніямъ, своимъ жителямъ, своимъ искусствамъ и художествамъ — рано или поздно не уподобилась нынѣшнему Египту.

Одно утѣшаетъ меня — то, что съ паденіемъ народовъ не упадаетъ весь родъ человѣческій; одни уступаютъ свое мѣсто другимъ—и естьли запустѣетъ Европа, то въ срединѣ Африки или въ Канадѣ процвѣтутъ новыя политическія общества, процвѣтутъ науки, искусства и художества.

Тамъ, гдѣ жили Гомеры и Платоны, живутъ нынѣ невѣжды и варвары, но за то въ сѣверной Европѣ существуетъ Пѣвецъ Мессіады, которому самъ Гомеръ отдалъ бы лавровый вѣ-

положивъ голову на плечо его; онъ одѣваетъ красавицу плащомъ своимъ, боясь, чтобы она не простудилась — молодой Англичанинъ въ углу лодки играетъ съ своею собакою—другой Англичанинъ съ важнымъ видомъ болтаетъ въ рѣкѣ воду длинною своею тростью, и напоминаетъ мнѣ тѣхъ Духовъ въ Багватъ-Гетѣ *), которые симъ способомъ цѣлый океанъ превратили въ масло — высокой Нѣмецъ, стоя подлѣ мачты, куритъ трубку — Беккеръ, пожимаясь отъ утренняго холоднаго воздуха, разговариваетъ съ кормчимъ — я пишу карандашомъ на пергаментномъ листочкѣ.

На обѣихъ сторонахъ рѣки простираются зеленыя равнины; изрѣдка видны пригорки и холмики: вездѣ прекрасныя деревеньки, какихъ не находилъ я ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи; сады, лѣтніе домики богатыхъ купцовъ, дворянскіе замки съ высокими башнями; вездѣ земля обработана наилучшимъ образомъ; вездѣ видно трудолюбіе и богатые плоды его.

Я воображаю себѣ первобытное состояніе сихъ цвѣтущихъ береговъ... Здѣсь журчала Сона въ дичи и мракѣ; темные лѣса шумѣли надъ ея водами; люди жили какъ звѣри, укрываясь въ глубокихъ пещерахъ, или подъ вѣтвями столѣтнихъ дубовъ—какое превращеніе!.. Сколько вѣковъ потребно было на то, чтобы сгладить съ натуры всѣ знаки первобытной дикости.

Но можетъ быть, друзья мои, можетъ быть въ теченіе времени сіи мѣста опять запустѣютъ и одичаютъ; можетъ быть черезъ нѣсколько

*) Индѣйская книга.

à la lanterne! à la lanterne!—Тѣ, *которые наиболѣе* шумѣли и возбуждали другихъ *къ мятежу*, были нищіе и праздношатающіеся, не хотящіе работать съ эпохи такъ называемой Французской свободы. — Изрядно одѣтый незнакомецъ подошелъ ко мнѣ и къ Беккеру, и съ дружественнымъ видомъ сказалъ намъ: «Около получаса ходитъ за вами подозрительный человѣкъ: будьте осторожны — вы конечно иностранцы — sauvez vous, messieurs! спасайтесь!» Я посмотрѣлъ ему въ глаза и увѣрился, что онъ хотѣлъ только испугать насъ; а Беккеръ, не знаю отъ чего, покраснѣлъ и схватилъ мою руку; взоръ его говорилъ мнѣ: *мы другъ друга не оставимъ!* Но онъ и я благополучно возвратились въ Hôtel de Milan. Народъ ввечеру разсѣялся, и мы пошли гулять на свободѣ по берегу Роны.

Мы обѣдали нынѣ у Господина Т*, богатаго купца, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ здѣшнихъ ученыхъ; а ввечеру были на гуляньи за городомъ. И богатые и бѣдные, и старые и малые, толпились на зеленыхъ лугахъ, поздравляли другъ друга съ весною, и наслаждались теплымъ вечеромъ. Въ городѣ не оставалось, думаю, ни четвертой части жителей, и всякой былъ въ лучшемъ своемъ платьѣ. Иные сидѣли на травѣ и пили чай; другіе ѣли бисквиты, сладкіе пироги, и подчивали своихъ знакомыхъ. Я ходилъ между тысячами какъ въ лѣсу, не зная никого, и не будучи никому извѣстенъ. Однакожь, видя вокругъ себя радостныя лица, веселился въ сердцѣ своемъ. Наконецъ ушелъ ото всѣхъ людей, сѣлъ подъ зеленымъ кусточ-

мъ красавица размышляла о своемъ другѣ! Однимъ словомъ, удовольствія любви безчисленны; ни тиранство родителей, ни тиранство самаго рока не можетъ отнять ихъ у нѣжнаго сердца — и кому сіи удовольствія не извѣстны, тотъ не называй себя чувствительнымъ!—Фальдони и Тереза! вы служите для меня примѣромъ одного изступленія, помѣшательства разума, заблужденія, а не примѣромъ истинной любви!

—

Смотри! смотри! закричалъ мой Беккеръ. Я бросился къ окну, и увидѣлъ, что вокругъ ратуши толпится шумящій народъ. Что это значитъ? спросили мы у слуги, который прибиралъ мою комнату. *Какое нибудь новое дурачество,* отвѣчалъ онъ. Но я любопытенъ былъ знать это дурачество, и вмѣстѣ съ Беккеромъ пошелъ на улицу. У пяти или шести человѣкъ спрашивали мы о причинѣ шума; но всѣ отвѣчали намъ: qu'en sais-je? *(почему мнѣ знать?)* Наконецъ дѣло объяснилось. Какая-то старушка подралась на улицѣ съ какимъ-то старикомъ; пономарь вступился за женщину; старикъ выхватилъ изъ кармана пистолетъ и хотѣлъ застрѣлить пономаря; но люди, шедшіе по улицѣ, бросились на него, обезоружили, и повели его... à la lanterne! (на висѣлицу); отрядъ національной гвардіи встрѣтился съ сею толпою, отнялъ у нихъ старика и привелъ въ ратушу — вотъ что было причиною волненія! Народъ, который сдѣлался во Франціи страшнѣйшимъ деспотомъ, требовалъ, чтобы ему выдали виновнаго и кричалъ: à la lanterne! Пономарь кричалъ: à la lanterne! à la lanterne! Бабы торговки кричали:

выстрѣлъ раздался—они упали, обнимая *друг* друга; и кровь ихъ смѣшалась на *мраморномъ* помостѣ.

Признаюсь вамъ, друзья мои, что сіе происшествіе болѣе ужасаетъ, нежели трогаетъ мое сердце. Я никогда не буду проклинать слабостей человѣчества; но однѣ заставляютъ меня плакать, другія возмущаютъ духъ мой. Естьли бы Тереза не любила, или перестала любить Фальдони; или естьли бы смерть похитила у него милую подругу, ту, которая составляла все щастіе, всю прелесть жизни его: тогда бы могъ онъ возненавидѣть жизнь; тогда бы собственное сердце мое изъяснило мнѣ сей печальный феноменъ человѣчества; я вошелъ бы въ чувства нещастнаго, и съ пріятными слезами нѣжнаго сожалѣнія взглянулъ бы на небо, безъ роптанія, въ тихой меланхоліи. Но Фальдони и Тереза любили другъ друга: и такъ имъ надлежало почитать себя щастливыми. Они жили въ одномъ мірѣ, подъ однимъ небомъ; озарялись лучами одного солнца, одной луны—чего болѣе? *) Истинная любовь можетъ наслаждаться безъ чувственныхъ наслажденій, даже и тогда, когда предметъ ея за отдаленными морями скрывается. Мысль: *меня любятъ!* должна быть щастіемъ нѣжнаго любовника — и какъ пріятно, какъ сладко думать ему, что вѣтерокъ, который въ сію минуту прохлаждаетъ жаръ лица его, вѣялъ можетъ быть и на прелестяхъ любезной; что птичка, въ глазахъ его подъ небомъ парящая, за нѣсколько дней передъ тѣмъ сидѣла можетъ быть на томъ деревѣ, подъ ко-

*) Кто хочетъ, разсмѣется.

ый и я не могъ найти его!.. спрашивалъ — но французы думаютъ нынѣ о своей революціи, а не о памятникахъ любви и нѣжности! —

Кто, будучи здѣсь, не вспомнитъ еще о другихъ, нещастнѣйшихъ любовникахъ, которые за двадцать лѣтъ передъ симъ умертвили себя въ Ліонѣ?

Италіянецъ, именемъ Фальдони, прекрасный добрый юноша, обогащенный лучшими дарами природы, любилъ Терезу и былъ любимъ ею. Уже приближался тотъ щастливый день, въ который, съ общаго согласія родителей, надлежало имъ соединиться бракомъ; но жестокій рокъ не хотѣлъ ихъ щастія. Молодой Италіянецъ какимъ-то случаемъ повредилъ себѣ главную пульсовую жилу: отъ чего произошла неизлечимая болѣзнь. Отецъ Терезинъ, боясь выдать дочь свою за такого человѣка, который можетъ умереть въ самый день брака, рѣшился отказать нещастному Фальдони; но сей отказъ еще болѣе воспламенилъ любовниковъ, и потерявъ надежду соединиться въ объятіяхъ законной любви, они положили соединиться въ хладныхъ объятіяхъ смерти. Не далеко отъ Ліона, въ каштановой рощѣ, построенъ сельской храмъ, Богу милосердія посвященный, и рукою Греческаго искусства украшенный: туда пришелъ блѣдный Фальдони и ожидалъ Терезы. Скоро явилась она во всемъ сіяніи красоты своей, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, которое шито было къ свадьбѣ, и съ розовымъ вѣнкомъ на темнорусыхъ волосахъ. Любовники упали предъ олтаремъ на колѣни, и—приставили къ сердцамъ своимъ пистолеты, обвитые алыми лентами; взглянули другъ на друга, — поцѣловались — и сей огненный поцѣлуй былъ знакомъ смерти—

выстрѣлъ раздался—они упали, обнимая *другъ* друга; и кровь ихъ смѣшалась на мра*морномъ* помостѣ.

Признаюсь вамъ, друзья мои, что сіе происшествіе болѣе ужасаетъ, нежели трогаетъ мое сердце. Я никогда не буду проклинать слабостей человѣчества; но однѣ заставляютъ меня плакать, другія возмущаютъ духъ мой. Естьли бы Тереза не любила, или перестала любить Фальдони; или естьли бы смерть похитила у него милую подругу, ту, которая составляла все щастіе, всю прелесть жизни его: тогда бы могъ онъ возненавидѣть жизнь; тогда бы собственное сердце мое изъяснило мнѣ сей печальный феноменъ человѣчества; я вошелъ бы въ чувства нещастнаго, и съ пріятными слезами нѣжнаго сожалѣнія взглянулъ бы на небо, безъ роптанія, въ тихой меланхоліи. Но Фальдони и Тереза любили другъ друга: и такъ имъ надлежало почитать себя щастливыми. Они жили въ одномъ мірѣ, подъ однимъ небомъ; озарялись лучами одного солнца, одной луны—чего болѣе? *) Истинная любовь можетъ наслаждаться безъ чувственныхъ наслажденій, даже и тогда, когда предметъ ея за отдаленными морями скрывается. Мысль: *меня любятъ!* должна быть щастіемъ нѣжнаго любовника — и какъ пріятно, какъ сладко думать ему, что вѣтерокъ, который въ сію минуту прохлаждаетъ жаръ лица его, вѣялъ можетъ быть и на прелестяхъ любезной; что птичка, въ глазахъ его подъ небомъ парящая, за нѣсколько дней передъ тѣмъ сидѣла можетъ быть на томъ деревѣ, подъ ко-

*) Кто хочетъ, разсмѣется.

увы! и я не могъ найти его!.. спрашивалъ — но Французы думаютъ нынѣ о своей революціи, а не о памятникахъ любви и нѣжности! —

Кто, будучи здѣсь, не вспомнитъ еще о другихъ, нещастнѣйшихъ любовникахъ, которые за двадцать лѣтъ передъ симъ умертвили себя въ Ліонѣ?

Италіянецъ, именемъ Фальдони, прекрасный добрый юноша, обогащенный лучшими дарами природы, любилъ Терезу и былъ любимъ ею. Уже приближался тотъ щастливый день, въ который, съ общаго согласія родителей, надлежало имъ соединиться бракомъ; но жестокій рокъ не хотѣлъ ихъ щастія. Молодой Италіянецъ какимъ-то случаемъ повредилъ себѣ главную пульсовую жилу: отъ чего произошла неизлечимая болѣзнь. Отецъ Терезинъ, боясь выдать дочь свою за такого человѣка, который можетъ умереть въ самый день брака, рѣшился отказать нещастному Фальдони; но сей отказъ еще болѣе воспламенилъ любовниковъ, и потерявъ надежду соединиться въ объятіяхъ законной любви, они положили соединиться въ хладныхъ объятіяхъ смерти. Не далеко отъ Ліона, въ каштановой рощѣ, построенъ сельской храмъ, Богу милосердія посвященный, и рукою Греческаго искусства украшенный: туда пришелъ блѣдный Фальдони и ожидалъ Терезы. Скоро явилась она во всемъ сіяніи красоты своей, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, которое шито было къ свадьбѣ, и съ розовымъ вѣнкомъ на темнорусыхъ волосахъ. Любовники упали предъ олтаремъ на колѣни, и—приставили къ сердцамъ своимъ пистолеты, обвитые алыми лентами; взглянули другъ на друга, — поцѣловались — и сей огненный поцѣлуй былъ знакомъ смерти—

вѣковъ (вмѣсто сихъ прекрасныхъ *дѣвушекъ*, которыя теперь передъ моими глазами сидятъ на берегу рѣки и чешутъ гребнями бѣлыхъ козъ своихъ) явятся здѣсь хищные звѣри и заревутъ какъ въ пустынѣ Африканской!.. Горестная мысль!

Наблюдайте движенія Природы; читайте исторію народовъ; поѣзжайте въ Сирію, въ Египетъ, въ Грецію — и скажите, чего ожидать не возможно? Все возвышается или упадаетъ; народы земные подобны цвѣтамъ весеннимъ; они увядаютъ въ свое время—придетъ странникъ, который удивлялся нѣкогда красотѣ ихъ; придетъ на то мѣсто, гдѣ цвѣли они... и печальный мохъ представится глазамъ его! — Оссіанъ! ты живо чувствовалъ сію плачевную судьбу всего подлуннаго, и для того потрясаешь мое сердце унылыми своими пѣснями!

Кто поручится, чтобы вся Франція—сіе прекраснѣйшее въ свѣтѣ государство, прекраснѣйшее по своему климату, своимъ произведеніямъ, своимъ жителямъ, своимъ искусствамъ и художествамъ — рано или поздно не уподобилась нынѣшнему Египту.

Одно утѣшаетъ меня — то, что съ паденіемъ народовъ не упадаетъ весь родъ человѣческій; одни уступаютъ свое мѣсто другимъ—и естьли запустѣетъ Европа, то въ срединѣ Африки или въ Канадѣ процвѣтутъ новыя политическія общества, процвѣтутъ науки, искусства и художества.

Тамъ, гдѣ жили Гомеры и Платоны, живутъ нынѣ невѣжды и варвары, но за то въ сѣверной Европѣ существуетъ Пѣвецъ Мессіады, которому самъ Гомеръ отдалъ бы лавровый вѣ-

положивъ голову на плечо его; онъ одѣваетъ красавицу плащомъ своимъ, боясь, чтобы она не простудилась — молодой Англичанинъ въ углу лодки играетъ съ своею собакою—другой Англичанинъ съ важнымъ видомъ болтаетъ въ рѣкѣ воду длинною своею тростью, и напоминаетъ мнѣ тѣхъ Духовъ въ Багватъ-Гетѣ *), которые симъ способомъ цѣлый океанъ превратили въ масло — высокой Нѣмецъ, стоя подлѣ мачты, куритъ трубку — Беккеръ, пожимаясь отъ утренняго холоднаго воздуха, разговариваетъ съ кормчимъ — я пишу карандашомъ на пергаментномъ листочкѣ.

На обѣихъ сторонахъ рѣки простираются зеленыя равнины; изрѣдка видны пригорки и холмики: вездѣ прекрасныя деревеньки, какихъ не находилъ я ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи; сады, лѣтніе домики богатыхъ купцовъ, дворянскіе замки съ высокими башнями; вездѣ земля обработана наилучшимъ образомъ; вездѣ видно трудолюбіе и богатые плоды его.

Я воображаю себѣ первобытное состояніе сихъ цвѣтущихъ береговъ... Здѣсь журчала Сона въ дичи и мракѣ; темные лѣса шумѣли надъ ея водами; люди жили какъ звѣри, укрываясь въ глубокихъ пещерахъ, или подъ вѣтвями столѣтнихъ дубовъ—какое превращеніе!.. Сколько вѣковъ потребно было на то, чтобы сгладить съ натуры всѣ знаки первобытной дикости.

Но можетъ быть, друзья мои, можетъ быть въ теченіе времени сіи мѣста опять запустѣютъ и одичаютъ; можетъ быть черезъ нѣсколько

*) Индѣйская книга.

я васъ не увижу *)!—Не увижу и тебя, *отчизна* Пилата Понтійскаго **)! не взойду на ту *высокую* гору, на ту высокую башню, гдѣ сей нещастный сидѣлъ въ заключеніи, не загляну въ ту ужасную пропасть, въ которую онъ бросился изъ отчаянія ***)! — Простите, мѣста любопытныя для чувствительнаго путешественника!

Не безъ слезъ разставались мы съ Маттисономъ. Онъ подарилъ мнѣ на память нѣкоторыя изъ новѣйшихъ своихъ сочиненій, и сказалъ: *Гдѣ буду впредь, не знаю; но никакой климатъ не перемѣнитъ моего сердца — я всегда съ удовольствіемъ стану вспоминать о нашемъ знакомствѣ—не забудьте Маттисона*! Прочихъ Ліонскихъ знакомцевъ оставляю безъ сожалѣнія.

Завтра въ пять часовъ утра сядемъ въ почтовую лодку и поѣдемъ въ Шалонь. Съ учтивою хозяйкою мы уже расплатились. Каждый день стоилъ намъ здѣсь около луидора.

Теперь ночь — Беккеръ спитъ — я не могу — сижу за столикомъ, и лечу мыслями въ мое отечество,—къ вамъ, моимъ любезнымъ!

—

Рѣка Сона.

Солнце восходитъ — туманъ раздѣлился — лодка наша катится по струистой лазури, освѣщаемой золотыми лучами—подлѣ меня сидитъ одинъ добрый старикъ изъ Нима; молодая, пріятная женщина спитъ крѣпкимъ сномъ,

*) Въ Нимѣ много новыхъ Римскихъ древностей.

**) Городъ Вьень.

***) Такъ говоритъ преданіе. Сію башню и сію пропасть показываютъ близъ Вьеня.

комъ, увидѣлъ фіялку и сорвалъ ее; но мнѣ показалось, что она не такъ хорошо пахнетъ, какъ наши фіялки—можетъ быть отъ того, что я не могъ отдать сего цвѣточка любезнѣйшей изъ женщинъ и вѣрнѣйшему изъ друзей моихъ!

—

Ліонъ. . . 1790.

Нѣтъ, друзья мои! я не увижу плодоносныхъ странъ южной Франціи, которыми прельщалось мое воображеніе!.. Беккеръ не получилъ здѣсь векселя, и оставшись только съ шестью луидорами, рѣшился ѣхать прямо въ Парижъ. Мнѣ надлежало съ нимъ разстаться, или пожертвовать для него своимъ любопытствомъ, своими мечтами, Лангедокомъ и Провансомъ.

Нѣсколько минутъ я сражался съ самимъ собою, сидя въ задумчивости передъ каминомъ. Любезный Датчанинъ разбиралъ между тѣмъ свой чемоданъ, въ которомъ лежали нѣкоторыя изъ моихъ вещей. *Вотъ твои книги,* говорилъ онъ — *твои письма — твои платки — возьми ихъ! Можетъ быть мы уже не увидимся. — Нѣтъ,* сказалъ я, вставъ со стула и обнявъ съ чувствительностію Беккера—*мы ѣдемъ вмѣстѣ!*

Гробница нѣжной Лауры, прославленной Петраркомъ! Воклюзская пустыня, жилище страстныхъ любовниковъ*)! шумный, пѣнистый ключь, утолявшій ихъ жажду! я васъ не увижу!.. Луга Прованскіе, гдѣ тимонъ съ розмариномъ благоухаютъ! не ступитъ нога моя на вашу цвѣтущую зелень!.. Нимскій храмъ Діаны, огромный Амфитеатръ, драгоцѣнные остатки древности!

*) Въ 12 верстахъ отъ Авиньйона.

à la lanterne! à la lanterne!—Тѣ, которые *наиболѣе* шумѣли и возбуждали другихъ къ *мятежу*, были нищіе и праздношатающіеся, не хотящіе *работать* съ эпохи такъ называемой Французской свободы. — Изрядно одѣтый незнакомецъ подошелъ ко мнѣ и къ Беккеру, и съ дружественнымъ видомъ сказалъ намъ: «Около получаса ходитъ за вами подозрительный человѣкъ: будьте осторожны — вы конечно иностранцы — sauvez vous, messieurs! спасайтесь!» Я посмотрѣлъ ему въ глаза и увѣрился, что онъ хотѣлъ только испугать насъ; а Беккеръ, не знаю отъ чего, покраснѣлъ и схватилъ мою руку; взоръ его говорилъ мнѣ: *мы другъ друга не оставимъ!* Но онъ и я благополучно возвратились въ Hôtel de Milan. Народъ ввечеру разсѣялся, и мы пошли гулять на свободѣ по берегу Роны.

Мы обѣдали нынѣ у Господина Т*, богатаго купца, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ здѣшнихъ ученыхъ; а ввечеру были на гуляньи за городомъ. И богатые и бѣдные, и старые и малые, толпились на зеленыхъ лугахъ, поздравляли другъ друга съ весною, и наслаждались теплымъ вечеромъ. Въ городѣ не оставалось, думаю, ни четвертой части жителей, и всякой былъ въ лучшемъ своемъ платьѣ. Иные сидѣли на травѣ и пили чай; другіе ѣли бисквиты, сладкіе пироги, и подчивали своихъ знакомыхъ. Я ходилъ между тысячами какъ въ лѣсу, не зная никого, и не будучи никому извѣстенъ. Однакожь, видя вокругъ себя радостныя лица, веселился въ сердцѣ своемъ. Наконецъ ушелъ ото всѣхъ людей, сѣлъ подъ зеленымъ кусточ-

торымъ красавица размышляла о своемъ другѣ! Однимъ словомъ, удовольствія любви безчисленны; ни тиранство родителей, ни тиранство самаго рока не можетъ отнять ихъ у нѣжнаго сердца — и кому сіи удовольствія не извѣстны, тотъ не называй себя чувствительнымъ!—Фальдони и Тереза! вы служите для меня примѣромъ одного изступленія, помѣшательства разума, заблужденія, а не примѣромъ истинной любви!

—

Смотри! смотри! закричалъ мой Беккеръ. Я бросился къ окну, и увидѣлъ, что вокругъ ратуши толпится шумящій народъ. Что это значитъ? спросили мы у слуги, который прибиралъ мою комнату. *Какое нибудь новое дурачество,* отвѣчалъ онъ. Но я любопытенъ былъ знать это дурачество, и вмѣстѣ съ Беккеромъ пошелъ на улицу. У пяти или шести человѣкъ спрашивали мы о причинѣ шума; но всѣ отвѣчали намъ: qu'en sais-je? *(почему мнѣ знать?)* Наконецъ дѣло объяснилось. Какая-то старушка подралась на улицѣ съ какимъ-то старикомъ; пономарь вступился за женщину; старикъ выхватилъ изъ кармана пистолетъ и хотѣлъ застрѣлить пономаря; но люди, шедшіе по улицѣ, бросились на него, обезоружили, и повели его... à la lanterne! (на висѣлицу); отрядъ національной гвардіи встрѣтился съ сею толпою, отнялъ у нихъ старика и привелъ въ ратушу — вотъ что было причиною волненія! Народъ, который сдѣлался во Франціи страшнѣйшимъ деспотомъ, требовалъ, чтобы ему выдали виновнаго и кричалъ: à la lanterne! Пономарь кричалъ: à la lanterne! à la lanterne! Бабы торговки кричали:

выстрѣлъ раздался—они упали, обнимая другъ друга; и кровь ихъ смѣшалась на мраморномъ помостѣ.

Признаюсь вамъ, друзья мои, что сіе происшествіе болѣе ужасаетъ, нежели трогаетъ мое сердце. Я никогда не буду проклинать слабостей человѣчества; но однѣ заставляютъ меня плакать, другія возмущаютъ духъ мой. Естьли бы Тереза не любила, или перестала любить Фальдони; или естьли бы смерть похитила у него милую подругу, ту, которая составляла все щастіе, всю прелесть жизни его: тогда бы могъ онъ возненавидѣть жизнь; тогда бы собственное сердце мое изъяснило мнѣ сей печальный феноменъ человѣчества; я вошелъ бы въ чувства нещастнаго, и съ пріятными слезами нѣжнаго сожалѣнія взглянулъ бы на небо, безъ роптанія, въ тихой меланхоліи. Но Фальдони и Тереза любили другъ друга: и такъ имъ надлежало почитать себя щастливыми. Они жили въ одномъ мірѣ, подъ однимъ небомъ; озарялись лучами одного солнца, одной луны—чего болѣе? *) Истинная любовь можетъ наслаждаться безъ чувственныхъ наслажденій, даже и тогда, когда предметъ ея за отдаленными морями скрывается. Мысль: *меня любятъ!* должна быть щастіемъ нѣжнаго любовника — и какъ пріятно, какъ сладко думать ему, что вѣтерокъ, который въ сію минуту прохлаждаетъ жаръ лица его, вѣялъ можетъ быть и на прелестяхъ любезной; что птичка, въ глазахъ его подъ небомъ парящая, за нѣсколько дней передъ тѣмъ сидѣла можетъ быть на томъ деревѣ, подъ ко-

*) Кто хочетъ, разсмѣется.

увы! и я не могъ найти его!.. спрашивалъ — но Французы думаютъ нынѣ о своей революціи, а не о памятникахъ любви и нѣжности! —

Кто, будучи здѣсь, не вспомнитъ еще о другихъ, нещастнѣйшихъ любовникахъ, которые за двадцать лѣтъ передъ симъ умертвили себя въ Ліонѣ?

Италіянецъ, именемъ Фальдони, прекрасный добрый юноша, обогащенный лучшими дарами природы, любилъ Терезу и былъ любимъ ею. Уже приближался тотъ щастливый день, въ который, съ общаго согласія родителей, надлежало имъ соединиться бракомъ; но жестокій рокъ не хотѣлъ ихъ щастія. Молодой Италіянецъ какимъ-то случаемъ повредилъ себѣ главную пульсовую жилу: отъ чего произошла неизлечимая болѣзнь. Отецъ Терезинъ, боясь выдать дочь свою за такого человѣка, который можетъ умереть въ самый день брака, рѣшился отказать нещастному Фальдони; но сей отказъ еще болѣе воспламенилъ любовниковъ, и потерявъ надежду соединиться въ объятіяхъ законной любви, они положили соединиться въ хладныхъ объятіяхъ смерти. Не далеко отъ Ліона, въ каштановой рощѣ, построенъ сельской храмъ, Богу милосердія посвященный, и рукою Греческаго искусства украшенный: туда пришелъ блѣдный Фальдони и ожидалъ Терезы. Скоро явилась она во всемъ сіяніи красоты своей, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, которое шито было къ свадьбѣ, и съ розовымъ вѣнкомъ на темнорусыхъ волосахъ. Любовники упали предъ олтаремъ на колѣни, и—приставили къ сердцамъ своимъ пистолеты, обвитые алыми лентами; взглянули другъ на друга, — поцѣловались — и сей огненный поцѣлуй былъ знакомъ смерти—

галъ его не на шутку), и ушелъ *съ своимъ* домашними въ другую маленькую горенку. На другой день Б* давалъ ему талеръ за ужинъ и за ночлегъ; но староста не хотѣлъ и слышать объ деньгахъ, — провожалъ его версты двѣ отъ деревни, и простился съ нимъ дружески.

Вы читали Тристрама, и помните исторію нѣжныхъ любовниковъ, помните Амандуса, который, будучи разлученъ съ своею Амандою, странствовалъ по свѣту, попался въ плѣнъ морскимъ разбойникамъ, и двадцать лѣтъ просидѣлъ въ подземной темницѣ, для того что онъ не хотѣлъ измѣнить своей Амандѣ и не отвѣчалъ любовью на любовь Марокской Принцесы; помните Аманду, которая исходила всю Европу, Азію, Африку, босая и съ распущенными волосами, спрашивая во всякомъ городѣ, у всякихъ воротъ о своемъ Амандусѣ, и заставляя эхо мрачныхъ лѣсовъ, эхо горъ кремнистыхъ, твердить имя его — *Амандусъ! Амандусъ!* — помните, какъ сіи любовники сошлись наконецъ въ Ліонѣ, отечественномъ ихъ городѣ, увидѣли другъ друга, обнялись и—упали мертвые... души ихъ на крыльяхъ радости улетѣли на небо! — помните, что нѣжный Стернъ, приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ, по описанію, надлежало быть ихъ могилѣ, и чувствуя въ сердцѣ своемъ огнь и пламя, воскликнулъ: *нѣжныя, вѣрныя тѣни! давно, давно хотѣлъ я пролить сіи слезы на вашемъ гробѣ; пріимите ихъ отъ чувствительнаго сердца!*—но вы помните и то, что Стерну не на что было пролить слезъ своихъ, ибо онъ не нашелъ гроба любовниковъ:

на встрѣчу, и едва не плакали отъ радости, видя, что супругъ и родитель совершилъ благополучно опасный подвигъ свой.—Б* не можетъ нахвалиться гостепріимствомъ и ужиномъ старосты. Сей добрый человѣкъ, сидя съ нимъ за столомъ, разспрашивалъ его о чудесахъ, видимыхъ путешественниками въ отдаленныхъ земляхъ сѣвера и юга, и самъ разсказывалъ ему многіе анекдоты о томъ разбойникѣ, который около двухъ лѣтъ живетъ въ ихъ лѣсу, ходитъ съ кортикомъ и съ собакою, грабитъ проѣзжихъ и прохожихъ, и цѣлыя деревни приводитъ въ ужасъ. «Только меня онъ неиспугаетъ»— продолжалъ староста, выпивъ рюмки три вина:— «лишь бы попался мнѣ въ руки!—Такъ, Господинъ Докторъ! родъ нашъ извѣстенъ по своей храбрости. Дѣдушка мой былъ грозою всѣхъ разбойниковъ, и пятьдесятъ лѣтъ начальствовалъ въ здѣшней деревнѣ; а батюшка никогда не возвращался изъ лѣсу безъ того, чтобы не принести съ собою кожи убитаго медвѣдя. Я не люблю самохвальства, и не хочу говорить о своихъ дѣлахъ; скажу только, что никогда не боюсь ходить одинъ въ самомъ густомъ лѣсу, и что по сей часъ ни волкъ, ни медвѣдь, ни разбойникъ не смѣлъ напасть на меня». — Б* по собственному опыту не могъ сомнѣваться въ его смѣлости и мужествѣ, и обѣщалъ распространить славу его и въ другихъ земляхъ, въ которыхъ ему быть случится. Староста улыбался и посматривалъ на жену и дочерей своихъ, которыя начинали уже дремать. Б* также хотѣлъ спать: вѣжливый хозяинъ уступилъ ему свою постелю, накормилъ Геркулеса (забывъ, что онъ часа за два передъ тѣмъ испу-

съ собакою, и котораго голова оцѣнена *въ нѣ*сколько сотъ талеровъ. Пріятель мой старался разувѣрить его; показалъ ему свой паспортъ, и говорилъ съ нимъ такъ тихо и ласково, что бѣдный храбрецъ пересталъ дрожать, облегчилъ воздухомъ стѣсненную грудь свою, бросился обнимать Б*, и сказалъ, прыгая отъ радости: «Слава Богу, слава Богу, что ты не разбойникъ, а добрый человѣкъ! Слава Богу, что я, противъ своего обыкновенія, почувствовалъ робость, хотѣвши по тебѣ выстрѣлить! Теперь ко мнѣ въ гости; теперь повеселимся, Господинъ Докторъ! Ночь ничему не мѣшаетъ, и бываетъ лучше инаго дня. Пойдемъ, пойдемъ. Г. Докторъ! у меня есть и курица и утка, и все, что тебѣ угодно!» — Староста зажегъ фонарь, взялъ котомку пѣшеходца, съ позволенія моего пріятеля надѣлъ на себя кортикъ *) и шляпу его, и съ гордостію пошелъ впередъ, освѣщая путь нашему Б*, который всего болѣе радовался обѣщанному ужину, потому что кусокъ черстваго хлѣба не очень напиталъ желудокъ его. — Геркулесъ, прогнавъ всѣхъ непріятелей, возвратился къ господину своему, шелъ позади и лаемъ отвѣчалъ на лай деревенскихъ собакъ. Разбѣжавшіеся поселяне, видя начальника своего, идущаго въ торжествѣ съ кортикомъ, осмѣлились выти на улицу, и староста громкимъ голосомъ сказывалъ имъ, что пѣшеходецъ не разбойникъ, а почтенный Господинъ Докторъ, который *инкогнито* странствуетъ по бѣлому свѣту. Жена и двѣ дочери выбѣжали къ нему

*) Въ нѣмецкой землѣ носятъ кортики на ремнѣ черезъ плечо.

Помогите! помогите! бьютъ! рѣжутъ! (т. II, 62).

свой стулъ и такимъ образомъ снарядившись, твердымъ и грознымъ голосомъ закричалъ: *кто тамъ? что за люди? отвѣчайте!* Вдругъ все утихло. Герой нашъ повторилъ свои вопросы. За дверью начался шопотъ и Датской Геркулесъ, потерявъ терпѣніе, приближился къ двери, отворилъ ее лапой — и что же представилось глазамъ моего Б*? Шесть или семь мужиковъ съ ружьями, палашами и дубинами. Собака съ лаемъ бросилась подъ ноги перваго, и сей нещастный, сѣвъ на нее верьхомъ, кричалъ изо всей силы: *помогите! помогите! бьютъ! рѣжутъ! друзья! спасите моего старосту!* Но товарищи его стояли на одномъ мѣстѣ, дрожали отъ страха, и вмѣстѣ съ нимъ кричали: *помогите! помогите! бьютъ! рѣжутъ! разбой! разбой!* Б*, видя, что непріятели его не очень храбры, а потому и не очень опасны, ободрился, подошелъ къ нимъ, и спрашивалъ что они: разбойники, воры или безумные? Никто не отвѣчалъ ему, а всякой кричалъ: *бьютъ! рѣжутъ!* Между тѣмъ Геркулесъ, скучивъ держать на себѣ тяжелое бремя, сбросилъ съ себя бѣднаго старосту и кинулся на другихъ мужиковъ, которые съ ужасомъ побѣжали отъ него въ разныя стороны. Деревенской начальникъ лежалъ на землѣ, и не кричалъ уже для того, что почиталъ себя мертвымъ. Б* поднялъ его, поставилъ на ноги, и тряся за воротъ говорилъ ему: «естли ты не безумный, то скажи мнѣ, съ какимъ намѣреніемъ вы пришли вооруженные, и за кого меня принимаете?» Наконецъ староста дрожащимъ и перерывающимся голосомъ отвѣчалъ ему, что они почли его за славнаго разбойника тѣхъ мѣстъ, который ходитъ всегда съ кортикомъ и

вскочилъ со стула не съ пріятною миною, *услышавъ* о предстоящей ему голодной смерти. *Но* хозяйка скрылась — дѣлать было нечего — онъ ходилъ по избѣ, заглядывалъ туда и сюда, и наконецъ, къ великой своей радости, увидѣлъ въ темномъ углу кусокъ черстваго хлѣба — взялъ его и началъ ѣсть, удѣляя нѣкоторыя крохи вѣрному Геркулесу, который, смотря на него умильно, разными знаками показывалъ ему, что и онъ вмѣстѣ съ нимъ проголодался. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ высокой человѣкъ въ черномъ камзолѣ, посмотрѣлъ на на Б*, на кортикъ его, на собаку — поблѣднѣлъ и вышелъ вонъ. Что это значитъ? думалъ пріятель мой, смотрѣлъ на кортикъ, на собаку, и не находилъ въ нихъ ничего страшнаго. Тщетно ждалъ онъ возвращенія своей хозяйки; наконецъ, потерявъ терпѣніе, вышелъ на улицу — но тамъ все было темно и тихо; въ двухъ или трехъ домикахъ свѣтился огонь, вдали шумѣлъ сосновой лѣсъ. Б* возвратился въ избу, легъ на хозяйкину постелю, надѣлъ колпакъ и заснулъ. Но скоро Геркулесовъ лай разбудилъ его, и въ ту же минуту услышалъ онъ за дверью разные голоса. *Я не войду первый*, говорилъ одинъ голосъ — *ни я*, говорилъ другой — *ступай ты*, говорилъ третій — *у тебя ружье; ты можешь достать его издали*, говорилъ четвертый. Мой Б* не трусъ, однакожъ, подозрѣвая, что рѣчь идетъ объ немъ, и что его, а не другаго собираются достать издали, вскочилъ не безъ ужаса съ постели, подбѣжалъ къ столу, гдѣ горѣла свѣча, и гдѣ лежалъ кортикъ — обнажилъ страшное свое оружіе, взялъ его въ правую руку, а въ лѣвую, вмѣсто щита, деревян-

сама и присылаетъ ему копію своей переписки. — Три часа протекли для насъ какъ три минуты. Б* разсказывалъ намъ любопытные анекдоты своего пѣшеходства, изъ которыхъ сообщу вамъ одинъ:

Однажды пришелъ онъ ввечеру въ маленькую лѣсную деревеньку, и потребовалъ ночлега въ первой избѣ. Хозяйка отворила ему дверь; но увидѣвъ кортикъ и большую Датскую собаку его, испугалась и поблѣднѣла. Б* вообразилъ, что она боится собакъ, и началъ увѣрять, что Геркулесъ его смиренъ какъ ягненокъ, и не дѣлаетъ зла никакому животному, что онъ не тотъ страшный Геркулесъ, который умертвилъ Немейскаго льва и Лернейскую гидру, а тотъ безоружный и кроткій обожатель красоты, на дубинкѣ котораго во дворцѣ Королевы Лидійской ѣздили верхомъ Эроты, и котораго Омфала могла бить по щекамъ туфлями. Пріятель мой видѣлъ, что хозяйка все еще блѣднѣла и боялась; но онъ приписывалъ страхъ сей женщины ни чему иному, какъ совершенному ея невѣжеству въ Миѳологіи; подошелъ къ столу, положилъ на него свою шляпу, котомку, кортикъ— сѣлъ на деревянный стулъ, погладилъ своего Геркулеса, и велѣлъ хозяйкѣ приготовить что нибудь къ ужину. *Мы люди бѣдные,* отвѣчала она: *у насъ ничего нѣтъ.* — «По крайней мѣрѣ у тебя есть курица или утка?» — *Нѣтъ.* — «Есть молоко?» — *Нѣтъ.* — «Есть сыръ?» — *Нѣтъ.* — «Хлѣбъ?» — *Нѣтъ.* Тутъ Б* вскочилъ со стула, Геркулесъ поднялъ голову, а хозяйка закричала и ушла. Вы легко можете вообразить, какъ нуженъ пѣшеходцу обѣдъ и ужинъ, и для того конечно простите моему пріятелю, что онъ

имѣлъ въ виду новыя происшествія, и *всякое* слово, относящееся къ нынѣшнему *состоянію* Франціи, было сопровождаемо плескомъ зрителей. Но отними сіи *отношенія*, и піеса показалась бы скучна всякому, даже и Французу. На сценѣ только разговариваютъ, а не дѣйствуютъ, по обыкновенію Французскихъ трагиковъ; рѣчи предлинныя, и наполнены обветшалыми сентенціями; одинъ актеръ говоритъ безъ умолку, а другіе зѣваютъ отъ праздности и скуки. Одна сцена тронула меня — та, гдѣ сонмъ фанатиковъ упадаетъ на колѣни и благословляется злымъ Прелатомъ; гдѣ при звукѣ мечей клянутся они истребить еретиковъ. Главное дѣйствіе трагедіи повѣствуется, и для того мало трогаетъ зрителя. Добродѣтельный Колиньи умираетъ за сценою. На театрѣ остается одинъ нещастный Карлъ, который въ сильной горячкѣ то бросается на землю, то — встаетъ. Онъ видитъ (не въ самомъ дѣлѣ, а только въ воображеніи) умерщвленнаго Колиньи, такъ какъ Синавъ видитъ умерщвленнаго Трувора; лишается силъ, но между тѣмъ читаетъ пышную рѣчь стиховъ въ двѣсти. C'est terrible! *(это ужасно!)* говорили дамы, подлѣ меня сидѣвшія.

Маттисонъ пришелъ къ намъ изъ театра, и просидѣлъ въ моей горницѣ до двѣнадцати часовъ. Въ каминѣ пылали у насъ дубовыя дрова, кипѣли чай и кофе. Маттисонъ читалъ мнѣ Виландовы письма, писанныя не къ нему, а къ извѣстной Госпожѣ ла-Рошъ, сочинительницѣ *Исторіи дѣвицы Штернгеймъ* и другихъ романовъ — письма, въ которыхъ добрая и нѣжная душа стараго Поэта какъ въ чистомъ зеркалѣ изображается. Ла-Рошъ любитъ Матти-

аллеяхъ, смотрѣть на мѣсяцъ и — вздыхать изъ глубины сердца.

Потомъ былъ я въ маленькой, подземной церкви древнихъ Христіанъ. Тамъ, укрываясь отъ гонителей, изливали они сердце свое въ теплыхъ молитвахъ. Однакожь и тамъ нашли ихъ — кровь нещастныхъ жертвъ обагрила помостъ храма. Показываютъ мѣсто, гдѣ лежатъ ихъ кости. — Въ сей мрачной церкви многія женщины стояли на колѣняхъ и въ молчаніи молились Богу; иныя проливали слезы; нѣкоторыя въ священномъ восторгѣ ударяли себя въ грудь и прикасались блѣдными устами къ хладному полу. И такъ во Франціи набожность еще не истребилась!

Въ задумчивости вышелъ я на улицу: тутъ все шумѣло и веселилось — танцовщики прыгали, музыканты играли, пѣвцы пѣли, толпы народа изъявляли свое удовольствіе громкимъ рукоплесканіемъ. Мнѣ казалось, что я въ другомъ свѣтѣ. Какая земля, какая нація! —

Ударило шесть часовъ — театръ былъ наполненъ зрителями; я сѣлъ въ ложѣ подлѣ двухъ молодыхъ дамъ. Представляли новую трагедію, Карла IX, сочиненную Гм. Шенье. Слабый Король, правимый своею суевѣрною матерью и чернодушнымъ Прелатомъ (который всегда говоритъ ему именемъ Неба), соглашается пролить кровь своихъ подданныхъ, для того, что они — не Католики. Дѣйствіе ужасно; но не всякой ужасъ можетъ быть душею драмы. Великая тайна трагедіи, которую Шекспиръ похитилъ во святилищѣ человѣческаго сердца, пребываетъ тайною для Французскихъ Поэтовъ — и Карлъ IX холоденъ какъ ледъ. Авторъ

рые свѣтъ проходилъ черезъ окна, сдѣланныя вверху на сводахъ. Здѣсь-то нѣжились роскошные Римляне! (думалъ я) — здѣсь-то какая нибудь Римская красавица, окруженная толпою невольницъ, мылась ключевымъ кристалломъ, въ то самое время, когда прекрасный юноша, плѣненный ея красотою, издалека переселялся своимъ воображеніемъ въ сіи стѣны, и желалъ быть щастливымъ божествомъ источника, водою котораго освѣжалась прелестная! — Мнѣ пришла на мысль басня Алфея и Аретузы, а почему, не знаю. Я началъ-было хвалить нѣжность миѳологическихъ вымысловъ; но скоро замолчалъ, видя, что вожатый мой, садовникъ монастырской, ни мало не хотѣлъ слушать меня. — При семъ случаѣ вспомнилъ я также читанное мною въ Луціановыхъ разговорахъ о нѣгѣ Римскихъ богачей. Когда они изъ бани возвращались домой, то передъ ними шли всегда невольники, которые при всякомъ каменькѣ, лежавшемъ на дорогѣ, кричали: *берегись!* чтобы гордый Римлянинъ, всегда смотрѣвшій на небо, не споткнулся и не упалъ! «Что это?» спросилъ я у садовника, видя въ коридорахъ бочки, горшки, корзины и прочее. *Здѣсь мой погребъ*, отвѣчалъ онъ — *и мнѣ очень пріятно, что всѣ путешественники любопытствуютъ его видѣть.* Съ удовольствіемъ пробылъ я нѣсколько времени въ монастырскомъ саду, разговаривая съ садовникомъ, который, будучи весьма словоохотенъ, насказалъ мнѣ довольно всякой всячины о своихъ монахиняхъ. Старыя, говоритъ онъ, бранчивы, грубы и скучны; сидятъ въ своихъ кельяхъ и говорятъ — о политикѣ! а молодыя печальны, любятъ гулять въ темныхъ

Я люблю остатки древностей; люблю знаки минувшихъ столѣтій. Вышедши изъ города, удивлялся я нынѣ памятникамъ гордыхъ Римлянъ, развалинамъ славныхъ ихъ водоводовъ. Толстая стѣна съ аркадами, въ нѣсколько аршинъ вышиною, складена изъ маленькихъ камешковъ, *вдавленныхъ*, такъ сказать, въ густую известь, удивительно твердую, такъ что ее ничѣмъ разбить не льзя, и въ сей стѣнѣ проведены были трубы. Римляне хотѣли жить въ памяти потомства, и сооружали такія зданія, которыхъ не могли разрушить цѣлые вѣки. Въ нынѣшнія философскія времена не такъ думаютъ; мы исчисляемъ дни свои, и предѣлъ ихъ есть предѣлъ всѣхъ нашихъ желаній и намѣреній; далѣе не простираемъ взора, и никто не хочетъ садить дуба безъ надежды отдыхать въ тѣни его. Древніе покачали бы головою, естьли бы они теперь воскресли и услышали мудрыя наши разсужденія; а мы, мы смѣемся надъ мечтами Древнихъ и надъ страннымъ ихъ славолюбіемъ!

Оттуда пошелъ я въ Римскія бани, принадлежащія нынѣ къ женскому монастырю. Проходя мимо стѣны монастырскаго сада и келій, я чуть было не упалъ въ обморокъ отъ мефитическаго воздуха, который тутъ спирается. Изрядное уваженіе къ древностямъ! Вмѣсто того, чтобы путь къ нимъ усыпать цвѣтами, почтенныя сестры льютъ туда изъ оконъ своихъ всякую нечистоту! И такъ, господа Французы, вы не должны бранить Азіатскихъ варваровъ, которыми великолѣпные храмы древности превращаются въ хлѣвы! — Зданіе не велико, и состоитъ изъ коридоровъ, въ кото-

жавъ руки, съ нетерпѣніемъ дожидаясь *обѣда*, который составляетъ главное удовольствіе *ихъ* печальнаго братства. Въ пять часовъ послѣ обѣда они ложатся спать, въ девять встаютъ, часа черезъ два опять ложатся спать, и такъ далѣе. Странная жизнь! Учредители сего Ордена худо знали нравственность человѣка, *образованную*, такъ сказать, для дѣятельности, безъ которой не найдемъ мы спокойствія, ни наслажденія, ни щастія. Уединеніе пріятно тогда, когда оно есть отдыхъ; но безпрестанное уединеніе есть путь къ ничтожеству. Сначала душа наша бунтуетъ противъ сего заключенія, противнаго ея натурѣ; чувство *недостатка* — (ибо человѣкъ самъ по себѣ есть фрагментъ или отрывокъ: только съ подобными ему существами и съ Природою составляетъ онъ цѣлое) — чувство недостатка мучитъ ее; наконецъ всѣ благородныя побужденія въ сердцѣ нашемъ усыпаютъ, и человѣкъ съ первой степени земнаго творенія ниспадаетъ во сферу бездушныхъ тварей.

Я стоялъ среди церкви и смотрѣлъ на множество олтарей, на которыхъ блистало серебро и золото. Вечеръ приближался; все вокругъ меня начинало меркнуть, все было тихо—вдругъ растворились двери, и печальные братья молчанія, въ бѣлыхъ платьяхъ, явились глазамъ моимъ; потупивъ въ землю взоръ свой, медленно другъ за другомъ шли они къ главному жертвеннику, и проходя мимо висящаго колокола, ударяли въ него слабою рукою; унылый звонъ раздавался подъ мрачными сводами, и мысль о смерти живо представилась душѣ моей. Я вышелъ изъ храма—увидѣлъ заходящее солнце, и сердце мое утѣшилось.

—

ново и закричалъ страшнымъ голосомъ: *Небесное правосудіе обвиняетъ меня!* Священникъ затрепеталъ: но чрезъ нѣсколько минуть собрался съ духомъ и хотѣлъ дочитать свою молитву. Тутъ вдругъ раздался въ церкви сильный шумъ и трескъ — гробъ затрясся; свѣчи погасли, и мертвый еще страшнѣйшимъ голосомъ закричалъ: *Небесное правосудіе осуждаетъ меня!* Бруно, Кельнской уроженецъ, будучи свидѣтелемъ сего ужаснаго чуда, тотчасъ рѣшился оставить свѣтъ и вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ друзей своихъ—(Лѣтописи говорятъ, съ шестью)—пошелъ къ Гренобльскому Епископу, упалъ къ ногамъ его, и требовалъ, чтобы онъ отвелъ имъ какое нибудь уединенное мѣсто, гдѣ бы они могли провести жизнь свою въ благочестіи и въ спасительныхъ умозрѣніяхъ. Епископъ, за день передъ тѣмъ, отдыхая послѣ обѣда на мягкомъ пуховикѣ, видѣлъ во снѣ, что бѣлое облако спустилось съ неба на зеленый лугъ подлѣ монастырскаго сада, и что на этомъ самомъ мѣстѣ выскочили изъ земли семь звѣздъ. Будучи увѣренъ, что сіи семь звѣздъ означали семь пришедшихъ къ нему странниковъ, отвелъ онъ набожному Бруно и его друзьямъ упомянутый лугъ, на которомъ они черезъ нѣкоторое время построили новый монастырь — и этотъ монастырь былъ первый Картезіанской. — Съ великимъ любопытствомъ разспрашивалъ я проводника моего о всѣхъ подробностяхъ жизни сихъ затворниковъ. Законы Ордена обязываютъ ихъ не выходить изъ монастыря, удаляться отъ сообщенія съ людьми, и наблюдать вѣчное мертвое молчаніе. Дни проводятъ они въ чтеніи, или работаютъ въ саду, или сидятъ под-

жавъ руки, съ нетерпѣніемъ дожидаясь *обѣд*, который составляетъ главное удовольстви*е их*ъ печальнаго братства. Въ пять часовъ послѣ обѣда они ложатся спать, въ девять встаютъ, часа черезъ два опять ложатся спать, и такъ далѣе. Странная жизнь! Учредители сего Ордена худо знали нравственность человѣка, *образованную*, такъ сказать, для дѣятельности, безъ которой не найдемъ мы спокойствія, ни наслажденія, ни щастія. Уединеніе пріятно тогда, когда оно есть отдыхъ; но безпрестанное уединеніе есть путь къ ничтожеству. Сначала душа наша бунтуетъ противъ сего заключенія, противнаго ея натурѣ; чувство *недостатка* — (ибо человѣкъ самъ по себѣ есть фрагментъ или отрывокъ: только съ подобными ему существами и съ Природою составляетъ онъ цѣлое) — чувство недостатка мучитъ ее; наконецъ всѣ благородныя побужденія въ сердцѣ нашемъ усыпаютъ, и человѣкъ съ первой степени земнаго творенія ниспадаетъ во сферу бездушныхъ тварей.

Я стоялъ среди церкви и смотрѣлъ на множество олтарей, на которыхъ блистало серебро и золото. Вечеръ приближался; все вокругъ меня начинало меркнуть, все было тихо—вдругъ растворились двери, и печальные братья молчанія, въ бѣлыхъ платьяхъ, явились глазамъ моимъ; потупивъ въ землю взоръ свой, медленно другъ за другомъ шли они къ главному жертвеннику, и проходя мимо висящаго колокола, ударяли въ него слабою рукою; унылый звонъ раздавался подъ мрачными сводами, и мысль о смерти живо представилась душѣ моей. Я вышелъ изъ храма—увидѣлъ заходящее солнце, и сердце мое утѣшилось.

—

далѣе. Вездѣ
жій воздух
достоинъ
и гдѣ мож
вольствіем
добродѣт
сестры *)
ство доб
стоятъ
вают
Нѣ
х

Не-
никъ
утъ со-
свою мо-
церкви силь-
жися; свѣчи
имъ голо-
осуждаетъ
ъ, *будучи* сви-
тився рѣшился
торыми изъ дру-
ть, съ шестью)—
Епископу, упалъ къ
чтобы онъ отвелъ имъ
ное мѣсто, гдѣ бы они
ю въ благочестіи и
мо ніяхъ. Епископъ, за
тыхая послѣ обѣда на
илъ во снѣ, что бѣлое
ъ неба на зеленый лугъ
аго сада, и что на этомъ са-
ли изъ земли семь звѣздъ.
ти семь звѣздъ означали
къ нему странниковъ, отвелъ
ому и его друзьямъ упомя-
на которомъ они черезъ нѣкоторое
вый монастырь — и этотъ
былъ первый Картезіанской. — Съ
любопытствомъ разспрашивалъ я
о всѣхъ подробностяхъ жизни
Законы Ордена обязываютъ
выходить изъ монастыря, удаляться отъ
общенія съ людьми, и наблюдать вѣчное
молчаніе. Дни проводятъ они въ чте-
работаютъ въ саду, или сидятъ под-

ьстъ по крайней мѣрѣ за пять сотъ здоровыхъ. Я не считаю множества лекарей и духовныхъ, которые здѣсь живутъ. Вотъ ихъ столовая.—Мы вошли въ большую комнату, загроможденную столами. Часъ обѣда еще не пришелъ; но нѣкоторые изъ почтенныхъ духовниковъ наполняли свои желудки мясомъ и пирогами: они завтракали.—Все ли? спросилъ я, выходя изъ залы. —*Посмотрите сюда. Здѣсь за желѣзными рѣшетками содержатся безумные.* — Одинъ изъ сихъ нещастныхъ сидѣлъ на галереѣ за маленькимъ столикомъ, на которомъ стояла чернилица. Бумагу и перо держалъ онъ въ рукѣ, въ глубокой задумчивости облокотясь на столикъ. — *Это Философъ*, сказалъ съ усмѣшкою провожатый! *бумага и чернилица ему дороже хлѣба.*—«А что онъ пишетъ?»—*Кто знаетъ! какія нибудь бредни; но начто лишать его такого безвреднаго удовольствія?*—«Правда, правда! сказалъ я со вздохомъ: начто лишать его безвреднаго удовольствія!»—Мы возвратились къ обѣду въ Hôtel de Milan.

—

Ліонъ, Марта . . . 1790.

Нынѣ послѣ обѣда былъ я въ огромной Картезіанской церкви, и провожатый мой съ великою важностію разсказалъ мнѣ о тѣхъ чудесахъ, которыя служили поводомъ къ основанію сего строжайшаго изъ монашескихъ Орденовъ. Въ 1080 году—неизвѣстно, въ какомъ городѣ—погребали мертваго. Въ ту самую минуту, когда Священникъ читалъ послѣднюю молитву о вѣчномъ успокоеніи души его, умершій поднялъ

далѣе. Вездѣ удивительная чистота, вездѣ свѣжій воздухъ. Присмотръ за больными также достоинъ хвалы всякаго друга человѣчества— и гдѣ можно расточать ее съ живѣйшимъ удовольствіемъ? Милосердіе! состраданіе! святыя добродѣтели! Такъ называемыя *жалостливыя сестры* *) служатъ въ семъ *домѣ плача*, и чувство добраго дѣла есть ихъ награда. Иныя стоятъ на колѣняхъ и молятся; другія обхаживаютъ больныхъ, подаютъ имъ лекарства, пищу. Нѣкоторыя изъ сихъ добродѣтельныхъ монахинь весьма молоды; кротость сіяетъ на ихъ лицахъ. Въ срединѣ каждой залы стоитъ олтарь; тутъ всякой день служатъ обѣдню. *Вотъ комната* (сказалъ намъ провожатый, указывая на дверь), *за которую надобно платить въ день 12 миловъ, съ лекарствами, съ пищею и услугою; но она пуста.*—«А что платятъ бѣдные?»—*10 су въ день за все, и 20, кто хочетъ имѣть постелю съ занавѣсомъ.* — Что здѣсь, спросилъ я, указывая на маленькую часовню въ углу двора. *Посмотрите*, отвѣчалъ вожатой — и четыре гроба, покрытые чернымъ полотномъ, встрѣтили взоръ мой. *Всякой день*, говорилъ онъ, *умираетъ здѣсь нѣсколько человѣкъ. Нынѣ, слава Богу! умерли только четверо. Къ вечеру ихъ вывезутъ.* Я съ ужасомъ отворотился отъ сего мрачнаго жилища смерти. — *Теперь поведу васъ въ кухню.* — Кстати! думалъ я, однакожъ пошелъ за нимъ. Тамъ въ превеликой залѣ, со многими печами, кипѣли котлы, лежали цѣлые быки и телята. «И это все въ нынѣшній день будетъ съѣдено?» спросилъ я. *Тысяча больныхъ*, отвѣчалъ онъ,

*) Женской монашеской Орденъ.

имѣлъ въ виду новыя происшествія, и *всякое* слово, относящееся къ нынѣшнему *состоянію* Франціи, было сопровождаемо плескомъ зрителей. Но отними сіи *отношенія*, и піеса показалась бы скучна всякому, даже и Французу. На сценѣ только разговариваютъ, а не дѣйствуютъ, по обыкновенію Французскихъ трагиковъ; рѣчи предлинныя, и наполнены обветшалыми сентенціями; одинъ актеръ говоритъ безъ умолку, а другіе зѣваютъ отъ праздности и скуки. Одна сцена тронула меня — та, гдѣ сонмъ фанатиковъ упадаетъ на колѣни и благословляется злымъ Прелатомъ; гдѣ при звукѣ мечей клянутся они истребить еретиковъ. Главное дѣйствіе трагедіи повѣствуется, и для того мало трогаетъ зрителя. Добродѣтельный Колиньи умираетъ за сценою. На театрѣ остается одинъ нещастный Карлъ, который въ сильной горячкѣ то бросается на землю, то — встаетъ. Онъ видитъ (не въ самомъ дѣлѣ, а только въ воображеніи) умерщвленнаго Колиньи, такъ какъ Синавъ видитъ умерщвленнаго Трувора; лишается силъ, но между тѣмъ читаетъ пышную рѣчь стиховъ въ двѣсти. C'est terrible! *(это ужасно!)* говорили дамы, подлѣ меня сидѣвшія.

Маттисонъ пришелъ къ намъ изъ театра, и просидѣлъ въ моей горницѣ до двѣнадцати часовъ. Въ каминѣ пылали у насъ дубовыя дрова, кипѣли чай и кофе. Маттисонъ читалъ мнѣ Виландовы письма, писанныя не къ нему, а къ извѣстной Госпожѣ ла-Рошъ, сочинительницѣ *Исторіи дѣвицы Штернгеймъ* и другихъ романовъ — письма, въ которыхъ добрая и нѣжная душа стараго Поэта какъ въ чистомъ зеркалѣ изображается. Ла-Рошъ любитъ Матти-

аллеяхъ, смотрѣть на мѣсяцъ и — вздыхать изъ глубины сердца.

Потомъ былъ я въ маленькой, подземной церкви древнихъ Христіанъ. Тамъ, укрываясь отъ гонителей, изливали они сердце свое въ теплыхъ молитвахъ. Однакожь и тамъ нашли ихъ — кровь нещастныхъ жертвъ обагрила помостъ храма. Показываютъ мѣсто, гдѣ лежатъ ихъ кости. — Въ сей мрачной церкви многія женщины стояли на колѣняхъ и въ молчаніи молились Богу; иныя проливали слезы; нѣкоторыя въ священномъ восторгѣ ударяли себя въ грудь и прикасались блѣдными устами къ хладному полу. И такъ во Франціи набожность еще не истребилась!

Въ задумчивости вышелъ я на улицу: тутъ все шумѣло и веселилось — танцовщики прыгали, музыканты играли, пѣвцы пѣли, толпы народа изъявляли свое удовольствіе громкимъ рукоплесканіемъ. Мнѣ казалось, что я въ другомъ свѣтѣ. Какая земля, какая нація! —

Ударило шесть часовъ — театръ былъ наполненъ зрителями; я сѣлъ въ ложѣ подлѣ двухъ молодыхъ дамъ. Представляли новую трагедію, Карла IX, сочиненную Гм. Шенье. Слабый Король, правимый своею суевѣрною матерью и чернодушнымъ Прелатомъ (который всегда говоритъ ему именемъ Неба), соглашается пролить кровь своихъ подданныхъ, для того, что они — не Католики. Дѣйствіе ужасно; но не всякой ужасъ можетъ быть душею драмы. Великая тайна трагедіи, которую Шекспиръ похитилъ во святилищѣ человѣческаго сердца, пребываетъ тайною для Французскихъ Поэтовъ — и Карлъ IX холоденъ какъ ледъ. Авторъ

рые свѣтъ проходилъ черезъ окна, сдѣланныя вверху на сводахъ. Здѣсь-то нѣжились роскошные Римляне! (думалъ я) — здѣсь-то какая нибудь Римская красавица, окруженная толпою невольницъ, мылась ключевымъ кристалломъ, въ то самое время, когда прекрасный юноша, плѣненный ея красотою, издалека переселялся своимъ воображеніемъ въ сіи стѣны, и желалъ быть щастливымъ божествомъ источника, водою котораго освѣжалась прелестная! — Мнѣ пришла на мысль басня Алфея и Аретузы, а почему, не знаю. Я началъ-было хвалить нѣжность миѳологическихъ вымысловъ; но скоро замолчалъ, видя, что вожатый мой, садовникъ монастырской, ни мало не хотѣлъ слушать меня. — При семъ случаѣ вспомнилъ я также читанное мною въ Луціановыхъ разговорахъ о нѣгѣ Римскихъ богачей. Когда они изъ бани возвращались домой, то передъ ними шли всегда невольники, которые при всякомъ камешкѣ, лежавшемъ на дорогѣ, кричали: *берегись!* чтобы гордый Римлянинъ, всегда смотрѣвшій на небо, не споткнулся и не упалъ! «Что это?» спросилъ я у садовника, видя въ коридорахъ бочки, горшки, корзины и прочее. *Здѣсь мой погребъ*, отвѣчалъ онъ — *и мнѣ очень пріятно, что всѣ путешественники любопытствуютъ его видѣть.* Съ удовольствіемъ пробылъ я нѣсколько времени въ монастырскомъ саду, разговаривая съ садовникомъ, который, будучи весьма словоохотенъ, насказалъ мнѣ довольно всякой всячины о своихъ монахиняхъ. Старыя, говоритъ онъ, бранчивы, грубы и скучны; сидятъ въ своихъ кельяхъ и говорятъ — о политикѣ! а молодыя печальны, любятъ гулять въ темныхъ

А люблю остатки древностей; люблю знаки минувшихъ столѣтій. Вышедши изъ города, удивлялся я нынѣ памятникамъ гордыхъ Римлянъ, развалинамъ славныхъ ихъ водоводовъ. Толстая стѣна съ аркадами, въ нѣсколько аршинъ вышиною, складена изъ маленькихъ камешковъ, *вдавленныхъ*, такъ сказать, въ густую известь, удивительно твердую, такъ что ее ничѣмъ разбить не льзя, и въ сей стѣнѣ проведены были трубы. Римляне хотѣли жить въ памяти потомства, и сооружали такія зданія, которыхъ не могли разрушить цѣлые вѣки. Въ нынѣшнія философскія времена не такъ думаютъ; мы исчисляемъ дни свои, и предѣлъ ихъ есть предѣлъ всѣхъ нашихъ желаній и намѣреній; далѣе не простираемъ взора, и никто не хочетъ садить дуба безъ надежды отдыхать въ тѣни его. Древніе покачали бы головою, естьли бы они теперь воскресли и услышали мудрыя наши разсужденія; а мы, мы смѣемся надъ мечтами Древнихъ и надъ страннымъ ихъ славолюбіемъ!

Оттуда пошелъ я въ Римскія бани, принадлежащія нынѣ къ женскому монастырю. Проходя мимо стѣны монастырскаго сада и келій, я чуть было не упалъ въ обморокъ отъ мефитическаго воздуха, который тутъ спирается. Изрядное уваженіе къ древностямъ! Вмѣсто того, чтобы путь къ нимъ усыпать цвѣтами, почтенныя сестры льютъ туда изъ оконъ своихъ всякую нечистоту! И такъ, господа Французы, вы не должны бранить Азіатскихъ варваровъ, которыми великолѣпные храмы древности превращаются въ хлѣвы! — Зданіе не велико, и состоитъ изъ коридоровъ, въ кото-

жавъ руки, съ нетерпѣніемъ *дожидаясь обѣда*, который составляетъ главное удовольствіе ихъ печальнаго братства. Въ пять часовъ послѣ обѣда они ложатся спать, въ девять встаютъ, часа черезъ два опять ложатся спать, и такъ далѣе. Странная жизнь! Учредители сего Ордена худо знали нравственность человѣка, *образованную*, такъ сказать, для дѣятельности, безъ которой не найдемъ мы спокойствія, ни наслажденія, ни щастія. Уединеніе пріятно тогда, когда оно есть отдыхъ; но безпрестанное уединеніе есть путь къ ничтожеству. Сначала душа наша бунтуетъ противъ сего заключенія, противнаго ея натурѣ; чувство *недостатка* — (ибо человѣкъ самъ по себѣ есть фрагментъ или отрывокъ: только съ подобными ему существами и съ Природою составляетъ онъ цѣлое) — чувство недостатка мучитъ ее; наконецъ всѣ благородныя побужденія въ сердцѣ нашемъ усыпаютъ, и человѣкъ съ первой степени земнаго творенія ниспадаетъ во сферу бездушныхъ тварей.

Я стоялъ среди церкви и смотрѣлъ на множество олтарей, на которыхъ блистало серебро и золото. Вечеръ приближался; все вокругъ меня начинало меркнуть, все было тихо—вдругъ растворились двери, и печальные братья молчанія, въ бѣлыхъ платьяхъ, явились глазамъ моимъ; потупивъ въ землю взоръ свой, медленно другъ за другомъ шли они къ главному жертвеннику, и проходя мимо висящаго колокола, ударяли въ него слабою рукою; унылый звонъ раздавался подъ мрачными сводами, и мысль о смерти живо представилась душѣ моей. Я вышелъ изъ храма—увидѣлъ заходящее солнце, и сердце мое утѣшилось.

—

голову и закричалъ страшнымъ голосомъ: *Небесное правосудіе обвиняетъ меня!* Священникъ затрепеталъ: но чрезъ нѣсколько минутъ собрался съ духомъ и хотѣлъ дочитать свою молитву. Тутъ вдругъ раздался въ церкви сильный шумъ и трескъ — гробъ затрясся; свѣчи погасли, и мертвый еще страшнѣйшимъ голосомъ закричалъ: *Небесное правосудіе осуждаетъ меня!* Бруно, Кельнской уроженецъ, будучи свидѣтелемъ сего ужаснаго чуда, тотчасъ рѣшился оставить свѣтъ и вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ друзей своихъ—(Лѣтописи говорятъ, съ шестью)— пошелъ къ Гренобльскому Епископу, упалъ къ ногамъ его, и требовалъ, чтобы онъ отвелъ имъ какое нибудь уединенное мѣсто, гдѣ бы они могли провести жизнь свою въ благочестіи и въ спасительныхъ умозрѣніяхъ. Епископъ, за день передъ тѣмъ, отдыхая послѣ обѣда на мягкомъ пуховикѣ, видѣлъ во снѣ, что бѣлое облако спустилось съ неба на зеленый лугъ подлѣ монастырскаго сада, и что на этомъ самомъ мѣстѣ выскочили изъ земли семь звѣздъ. Будучи увѣренъ, что сіи семь звѣздъ означали семь пришедшихъ къ нему странниковъ, отвелъ онъ набожному Бруно и его друзьямъ упомянутый лугъ, на которомъ они черезъ нѣкоторое время построили новый монастырь — и этотъ монастырь былъ первый Картезіанской. — Съ великимъ любопытствомъ разспрашивалъ я проводника моего о всѣхъ подробностяхъ жизни сихъ затворниковъ. Законы Ордена обязываютъ ихъ не выходить изъ монастыря, удаляться отъ сообщенія съ людьми, и наблюдать вѣчное мертвое молчаніе. Дни проводятъ они въ чтеніи, или работаютъ въ саду, или сидятъ под-

ьсть по крайней мѣрѣ за пять сотъ здоровыхъ. Я не считаю множества лекарей и духовныхъ, которые здѣсь живутъ. Вотъ ихъ столовая.—Мы вошли въ большую комнату, загроможденную столами. Часъ обѣда еще не пришелъ; но нѣкоторые изъ почтенныхъ духовниковъ наполняли свои желудки мясомъ и пирогами: они завтракали.—Все ли? спросилъ я, выходя изъ залы. —*Посмотрите сюда. Здѣсь за желѣзными рѣшетками содержатся безумные.* — Одинъ изъ сихъ нещастныхъ сидѣлъ на галереѣ за маленькимъ столикомъ, на которомъ стояла чернилица. Бумагу и перо держалъ онъ въ рукѣ, въ глубокой задумчивости облокотясь на столикъ. — *Это Философъ,* сказалъ съ усмѣшкою провожатый! *бумага и чернилица ему дороже хлѣба.*—«А что онъ пишетъ?»—*Кто знаетъ! какія нибудь бредни; но начто лишать его такого безвреднаго удовольствія?*—«Правда, правда! сказалъ я со вздохомъ: начто лишать его безвреднаго удовольствія!»—Мы возвратились къ обѣду въ Hôtel de Milan.

Ліонъ, Марта . . . 1790.

Нынѣ послѣ обѣда былъ я въ огромной Картезіанской церкви, и провожатый мой съ великою важностію разсказалъ мнѣ о тѣхъ чудесахъ, которыя служили поводомъ къ основанію сего строжайшаго изъ монашескихъ Орденовъ. Въ 1080 году—неизвѣстно, въ какомъ городѣ—погребали мертваго. Въ ту самую минуту, когда Священникъ читалъ послѣднюю молитву о вѣчномъ успокоеніи души его, умершій поднялъ

далѣе. Вездѣ удивительная чистота, вездѣ свѣжій воздухъ. Присмотръ за больными также достоинъ хвалы всякаго друга человѣчества— и гдѣ можно расточать ее съ живѣйшимъ удовольствіемъ? Милосердіе! состраданіе! святыя добродѣтели! Такъ называемыя *жалостливыя сестры* *) служатъ въ семъ *домѣ плача*, и чувство добраго дѣла есть ихъ награда. Иныя стоятъ на колѣняхъ и молятся; другія обхаживаютъ больныхъ, подаютъ имъ лекарства, пищу. Нѣкоторыя изъ сихъ добродѣтельныхъ монахинь весьма молоды; кротость сіяетъ на ихъ лицахъ. Въ срединѣ каждой залы стоитъ олтарь; тутъ всякой день служатъ обѣдню. *Вотъ комната* (сказалъ намъ провожатый, указывая на дверь), *за которую надобно платить въ день 12 ливровъ, съ лекарствами, съ пищею и услугою; но она пуста.*—«А что платятъ бѣдные?»—*10 су въ день за все, и 20, кто хочетъ имѣть постелю съ занавѣсомъ.* — Что здѣсь, спросилъ я, указывая на маленькую часовню въ углу двора. *Посмотрите,* отвѣчалъ вожатой — и четыре гроба, покрытые чернымъ полотномъ, встрѣтили взоръ мой. *Всякой день,* говорилъ онъ, *умираетъ здѣсь нѣсколько человѣкъ. Нынѣ, слава Богу! умерли только четверо. Къ вечеру ихъ вывезутъ.* Я съ ужасомъ отворотился отъ сего мрачнаго жилища смерти. — *Теперь поведу васъ въ кухню.* — Кстати! думалъ я, однакожъ пошелъ за нимъ. Тамъ въ превеликой залѣ, со многими печами, кипѣли котлы, лежали цѣлые быки и телята. «И это все въ нынѣшній день будетъ съѣдено?» спросилъ я. *Тысяча больныхъ,* отвѣчалъ онъ,

*) Женской монашеской Орденъ.

искусствомъ; внизу видѣнъ образъ *Улиссовъ.*— *Нынѣ мало работаю,* сказалъ онъ, *будучи принужденъ* (здѣсь онъ вздохнулъ) *часто вооружаться и ходить въ караулъ, такъ какъ и всѣ прочіе граждане. Видъ недодѣланныхъ статуй приводитъ меня въ уныніе. Ахъ, государи мои! вы не можете войти въ чувства художника, отвлекаемаго отъ работы!*—Ты истинный художникъ! думалъ я.— —Мы пошли въ гошпиталь, огромное зданіе на берегу Роны. Въ первой залѣ, куда насъ ввели, стояло около двухъ сотъ постель въ нѣсколько рядовъ—о! какое зрѣлище! сердце мое трепетало. На одномъ лицѣ видѣлъ я изнеможеніе всѣхъ силъ, томную слабость, на другомъ яростный приступъ смерти, напряженный отпоръ жизни; на иномъ побѣду первой—жизнь удалялась и вылетала на крыльяхъ вздоховъ. Здѣсь-то надобно собирать черты для картинъ страждущаго человѣчества, прибирая тѣни къ тѣнямъ. Но какое упражненіе! кто вынесетъ весь ужасъ его! — Между смертію и болѣзнію попадалось въ глаза и томно-радостное выздоровленіе. Блѣдные младенцы играли цвѣтами— чувство къ красотамъ Натуры возобновилось въ сердцахъ ихъ! Старецъ, подымаясь съ одра, подымалъ глаза на небо, или обращалъ ихъ вокругъ себя. *И такъ я еще буду жить!* говорили радостно глаза его. *Я еще буду наслаждаться жизнію!* говорили веселые взоры выздоравливающаго мужа и юноши. Какая смѣсь чувствъ! Какъ грудь моя могла вмѣщать ихъ!— Такимъ образомъ переходили мы изъ залы въ залу. Въ каждой заключается особливый родъ болѣзни: въ одной лежатъ чахотные, въ другой изувѣченные, въ третьей родильницы, и такъ

ерпѣнія раздался — публика ожидала рѣчи, забывъ, что танцовщикъ не есть Риторъ. Въ сію минуту Вестрисъ могъ быть освистанъ. Опять все умолкло. Танцовщикъ собрался съ силами и сказалъ: Messieurs! je suis penetré de vos bontés — mon devoir m'appelle à Paris. *Милостивые государи! я чувствую вашу благосклонность; должность отзываетъ меня въ Парижъ.* Довольно для публики! Рукоплесканіе и *браво!*— Вестрисъ доволенъ Ліономъ со всѣхъ сторонъ; искусство его награждено здѣсь хвалою и деньгами. Я встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ на улицѣ. *Вестрисъ! Вестрисъ!* кричали люди, и всякой указывалъ на него пальцомъ. И такъ легкость ногъ есть добродѣтель почтенная! Что принадлежитъ до денежной награды, то за всякое представленіе получалъ онъ 520 ливровъ. Теперь ужинаютъ у него всѣ здѣшніе Комедіанты (онъ живетъ въ Hôtel de Milan) и такъ шумятъ, что я не надѣюсь заснуть.

Нынѣ по утру Маттисонъ водилъ насъ къ одному ваятелю, который въ Италіи образовалъ свой рѣзецъ по моделямъ древнихъ художниковъ. Онъ принялъ насъ учтиво, и показывалъ статуи, весьма искусно выработанныя. Живописцу, ваятелю такъ же нужно воображеніе, какъ и Поэту: Ліонской художникъ имѣетъ его. Онъ дѣлаетъ теперь заказную статую, которую одинъ молодой супругъ готовитъ въ подарокъ супругѣ своей, щастливой матери любезнаго младенца, приближающагося къ возрасту отрока. Художникъ представилъ прекраснаго мальчика, спящаго кроткимъ сномъ невинности подъ надежнымъ щитомъ Минервы, изображенной по мысли Греческихъ художниковъ съ отмѣннымъ

меня такъ пріятно, какъ во Франціи, *гдѣ я* ищу искренности, не ищу симпатичнаго сердца— не ищу для того, что найти не надѣюсь. Съ милою поспѣшностію выхватилъ онъ изъ ящика свои бумаги и прочелъ мнѣ три піесы, имъ не давно сочиненныя. Я слушалъ его съ непритворнымъ удовольствіемъ. Нѣжная кротость, живыя чувства, чистота языка составляютъ красоту его пѣсней. Онъ вдругъ остановился, взглянулъ на меня, засмѣялся и сказалъ: *не правда ли, что я поспѣшилъ представить вамъ мою Музу? Ахъ! бѣдная по сіе время не имѣла никакого знакомства въЛіонѣ!* — Я также засмѣялся и пожалъ его руку, увѣряя, что Музу его люблю сердечно.—Отъ него пошелъ въ Комедію. Играли *Руссова Деревенскаго Колдуна*. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ слушалъ я музыку сей прекрасной Оперы. Парижскія дамы были правы, говоря, что Автору ея надлежало быть весьма чувствительну! — — Я воображалъ его, какъ онъ въ бородѣ и непричесанномъ парикѣ, сидѣлъ въ ложѣ Фонтеневлосскаго театра во время перваго представленія оперы своей, укрываясь отъ взоровъ восхищенной публики. — Въ балетѣ снова удивлялись мы искусству Вестрисову. Лишь только занавѣсъ началъ опускаться, всѣ закричали *Вестрисъ! Вестрисъ!* Занавѣсъ опять подняли—утомленный танцовщикъ выступилъ при звукѣ рукоплесканій, съ тѣмъ же скромнымъ видомъ, съ тѣми же смиренными ужимками, какъ и вчера! Казалось, будто онъ ожидалъ суда, хотя рѣшительное опредѣленіе публики гремѣло во всѣхъ концахъ театра. Шумъ въ секунду утихъ — Вестрисъ стоялъ какъ вкопанный и молчалъ — голосъ

жая, сильная, многозначущая надпись: Петру Первому Екатерина Вторая. Что написано на монументѣ Французскаго Короля, я не читалъ.

Въ часъ возвратились мы обѣдать. Болѣе тридцати человѣкъ сидѣло за столомъ. Всякой бралъ, что хотѣлъ. Щастливъ, передъ кѣмъ стояли лучшія блюда! Но столъ былъ очень изобиленъ.

Послѣ обѣда пошелъ я съ письмомъ къ Маттисону, Нѣмецкому стихотворцу, который воспитываетъ дѣтей одного здѣшняго банкира. *Ахъ! вы говорите по-Нѣмецки; вы любите Нѣмецкую литтературу, Нѣмецкое прямодушіе!* съ сими словами бросился онъ обнимать меня. Но я еще болѣе обрадовался его знакомству, нежели онъ моему; въ Германіи не могло бы оно быть для

слѣдственный престолъ, на коемъ дотолѣ царствовала могущественная тѣнь неутвержденной власти — презрѣвшаго пышность и нѣгу, проходящаго всѣ земли, отлагающаго свой скипетръ въ каждомъ корабельномъ пристанищѣ, неутомимо работающаго съ искусными Механиками, и собирающаго сѣмена торговли, полезныхъ художествъ, общественной мудрости и воинской науки! Обремененный сокровищами Европы, онъ возвращается въ свое отечество, и вдругъ среди степей возносятся грады, въ печальныхъ пустыняхъ улыбаются красоты сельскія, отдаленныя рѣки соединяютъ свое теченіе, взумленный Евксинъ слышитъ шумъ Балтійскихъ волнъ, гордые флоты преплываютъ моря, которыя дотолѣ не пѣнились еще подъ дерзостными рулями, и многочисленныя воинства въ блестящихъ рядахъ на враговъ устремляются, поражаютъ неистоваго сѣвернаго Александра, и ужасаютъ свирѣпыхъ сыновъ Отомана. Удаляется лѣность, невѣжество и пороки, коими прежнее варварство гордилось. Вездѣ является картина искусствъ, военныхъ дѣйствій, цвѣтущей торговли: мудрость его вымышляетъ, власть повелѣваетъ, примѣръ показываетъ — — и государство благополучно!

мысль поставить статую Петра Великаго на дикомъ камнѣ, есть для меня прекрасная, несравненная мысль — ибо сей камень служитъ разительнымъ образомъ того состоянія Россіи, въ которомъ была она до временъ своего преобразователя. Не менѣе нравится мнѣ и крат-

---

His sceptre laid aside, with glorious hand
Unwearied plying the mechanic tool,
Galther'd the seeds of trade, of useful arts,
Of civil wisdom and of martial skille.
Charg'd with the stores of *Europe* home he goes!
Then cities rise amid th'illumin'd waste;
O'er joyless deserts smiles the rural ring;
Far-distant flood to frood is social join'd;
Th'as tonish'd *Euxine* hears the *Baltick* roar,
Proud navies ride on seas that never foam'd
With daring keel before; and armies stretch
Each way their dazzling files, repressing here
The frantic *Alexander* of the north,
And awing there stern *Othman's* shrinking sons.
Sloth flies the land, and *Ignorance,* and *Vice,*
Of old dishonour proud; it glows around,
Taught by the Royal Hand that rous'd the whole,
One scene of arts, of arms, of rising trade:
For what his wisdom plann'd and power enforc'd,
More potent stili, his great *example* shew'd.

То есть: Чего не можетъ произвести дѣятельное Правительство, преобразуя человѣка? Одна великая Душа, вдохновенная Небомъ, извлекла изъ готическаго мрака обширную Имперію, народъ издревле дикой и грубой. Безсмертный Петръ! первый изъ Монарховъ, укротившій суровую Россію съ ея грозными скалами, блатами, шумными рѣками, озерами и непокорными жителями! Смиривъ жестокаго варвара, возвысилъ онъ нравственность человѣка. О вы, тѣни древнихъ Героевъ, устроившихъ вѣками порядокъ гражданскихъ обществъ! воззрите на сіе, вдругъ совершившееся чудо! воззрите на безпримѣрнаго Государя, оставившаго на-

духа и дѣлъ своихъ. Подданные прославили Людовика: Петръ прославилъ своихъ подданныхъ — первый *отчасти* способствовалъ успѣхамъ просвѣщенія: второй, какъ лучезарный богъ свѣта, явился на горизонтѣ человѣчества, и освѣтилъ глубокую тьму вокругъ себя — въ правленіе перваго тысячи трудолюбивыхъ Французовъ принуждены были оставить отечество: вторый привлекъ въ свое государство искусныхъ и полезныхъ чужеземцовъ—перваго уважаю какъ сильнаго Царя: втораго почитаю какъ великаго мужа, какъ Героя, какъ благодѣтеля человѣчества, какъ моего собственнаго благодѣтеля *). — При семъ случаѣ скажу, что

*) Можетъ быть не всѣ Читатели знаютъ тѣ стихи, въ которыхъ Англійскій Поэтъ Томсонъ прославилъ нашего незабвеннаго Императора. Вотъ они:

What cannot active government perform,
New-moulding Man? Wide stretching from these shores,
People savage from remotest time,
A huge neglected empire one vast Mind,
By Heaven inspir'd, from Gothic darkness call'd.
Immortal Peter! first of monarchs! He
His stubborn country tam'd, her rocks, her fens,
Her floods, her seas, her ill-submitting sons;
And while the fierce *Barbarian* he subdu'd,
To more exalted soul he rais'd the *Man*.
Ye shades of ancient heroes, ye who toil'd
Thro'long successive ages to build up
A labouring plan of state! behold at once
The wonder done! behold the matchless prince,
Who left his native throne, where reign'd till then
A mighty shadow of unreal power;
Who greatly spurn'd the slothful pomp of courts;
And roaming every land, in every port

разныя бездѣлки. Одѣвшись, пошли *мы бродить* по городу.

Улицы вообще всѣ узки, кромѣ двухъ или трехъ посредственныхъ. Набережная Соны очень хороша. Вода въ сей рѣкѣ такъ же зелена, какъ и въ Ронѣ, но гораздо мутнѣе. Безпрестанно кричали намъ женщины, которыя здѣсь отправляютъ должность перевощиковъ: *не хотите ли переѣхать черезъ рѣку?*, хотя мостовъ много, и одинъ отъ другаго не далеко. Большая и лучшая часть города лежитъ между рѣкъ. За Соною подымается высокая гора, на вершинѣ которой построены монастыри и нѣсколько домовъ. Видъ съ сей горы есть одинъ изъ прекраснѣйшихъ. Весь городъ передъ глазами — не маленькой городокъ, но одинъ изъ величайшихъ въ Европѣ. Снѣжныя Савойскія горы (изъ-за которыхъ въ ясную погоду выглядываетъ треглавый *Монь-Бланъ*, нашъ Женевской знакомецъ) съ цѣпію Дофинскихъ простираются амфитеатромъ, ограничивая область зрѣнія. Обширныя зеленыя равнины по ту сторону Роны, принадлежащія къ Дофинѣ — равнины, гдѣ уже оперяется весна, отмѣнно миловидны. Тамъ идетъ дорога въ Лангедокъ и Провансъ, щастливыя цвѣтущія страны, гдѣ чистый воздухъ въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы бываетъ напитанъ ароматами, и гдѣ теперь благоухаютъ ландыши! — Среди большой площади, украшаемой густыми алеями, и со всѣхъ сторонъ окруженной великолѣпными домами, стоитъ на мраморномъ подножіи бронзовая статуя Людовика XIV, такой же величины, какъ монументъ нашего Россійскаго Петра, хотя сіи два героя были весьма не равны въ великости

чали: *останься здѣсь, Вестрисъ, останься здѣсь!* Крикъ продолжался нѣсколько минутъ. Занавѣсъ снова поднялся. Вестрисъ выступилъ — какой скромный видъ! какая кротость во всей наружности! какіе поклоны! Шляпу держалъ онъ у сердца. Надлежало зажать уши отъ громкаго плеска. Вестрисъ остановился. Вдругъ все умолкло — — можно было слышать работу кузнечика.

Вестрисъ. Только на мѣсяцъ позволено мнѣ отлучиться изъ Парижа; мѣсяцъ проходитъ, и мнѣ надлежало нынѣ ѣхать; но - - -

Здѣсь голосъ его перервался; онъ поднялъ глаза вверхъ, стараясь собрать силы. Страшное рукоплесканіе! но вдругъ опять все умолкло.

Вестрисъ. «Въ знакъ благодарности за то благоволеніе, котораго вы меня удостоиваете, я буду танцовать еще завтра». Шумящее *браво* соединилось со всеобщимъ плескомъ — и занавѣсъ закрылся. Энтузіазмъ былъ такъ великъ, что въ сію минуту легкіе Французы могли бы, думаю, провозгласить Вестриса Диктаторомъ!

Учтивые господа, съ которыми имѣлъ я вышеописанный разговоръ, пожелали мнѣ щастливаго пути, и обѣщали сыскать меня въ Парижѣ черезъ мѣсяцъ. Пришедши въ свою комнату, сѣли мы съ Беккеромъ передъ каминомъ (въ которомъ дубовыя дрова пылали), и съ нѣкоторымъ родомъ восхищенія разговаривали о Французской учтивости.

На другой день отвели намъ двѣ небольшія веселыя комнаты, окнами на мѣсто de Terreaux передъ ратушею, гдѣ безпрестанно бываетъ множество людей, кромѣ множества торговокъ, продающихъ яблоки, апельсины, померанцы и

Одинъ (просыпаясь). Прекрасно! очень *хорошо!*

Я. Вы очень снисходительны.

Одинъ. Черный кафтанъ приличнѣе всего для чужестранца въ Парижѣ.

Другой. Черный шелковый.—Женщины у васъ хороши.

Я. Прекрасны.

Одинъ. О! никто не знаетъ женщинъ такъ, какъ я! Мы видали Нѣмокъ, Италіянокъ,— *(помолчавъ)* Гишпанокъ—*(помолчавъ)* Турчанокъ— *(помолчавъ)* и прочихъ, и прочихъ.

Другой. О! ты съ ними очень знакомъ! ха! ха! ха!

Одинъ. Вы пріѣхали водою?

Я. Извините.

Одинъ. И такъ сухимъ путемъ! А какъ называется тотъ Русской городъ, откуда можно ѣхать водою въ Англію?

Я. Вы говорите конечно о Петербургѣ?

Одинъ. Да, да! Жаль только, что у васъ холодно. *(Оборотясь къ своему пріятелю).* Кучера отмораживаютъ тамъ бороды съ усами.—Браво, браво, Вестрисъ! —

Между тѣмъ вошелъ къ намъ въ ложу Беккеръ, и началъ говорить со мною по-Нѣмецки.

Одинъ. (Оборотясь къ Беккеру). Вы Нѣмецъ?

Беккеръ. Извините — я изъ Копенгагена.

Одинъ. А! — Вашъ языкъ сходенъ съ Нѣмецкимъ. Вѣть вы говорите: *я менъ геръ?* А куда вы ѣдете?

Беккеръ. Въ Парижъ — съ нимъ *(указывая на меня).*

Одинъ. Браво! Tant mieux.

Балетъ кончился—занавѣсъ опустился. Паркетъ, ложи, партеръ—всѣ въ одинъ голосъ за-

Другой. Браво, Вестрисъ! браво!

Одинъ. Прекрасно! C'est dommage qu'il soit bête. Je le connois trés bien (Жаль, что онъ превеликая скотина. Я его знаю). Графъ Мирабо имѣлъ дѣло, сказываютъ——

Другой. Съ Маркизомъ——

Одинъ. За что?

Другой. Маркизъ защѣпилъ его за живое въ Національномъ Собраніи. — *(Оборотясь ко мнѣ).* Парижъ вамъ безъ сомнѣнія полюбится. Вы можете проживать, сколько вамъ угодно. Что принадлежитъ до моего товарища, то онъ жилъ слишкомъ пышно. Надобно признаться, что Лизета тебѣ дорого стоила!

Одинъ. А! *(зажмуривается и храпитъ).*

Я. Откуда вы, естьли смѣю спросить?

Другой. Мы изъ Лангедока, жили долго въ Парижѣ, и теперь возвращаемся въ Монпелье.

Одинъ (просыпаясь). Браво, браво, Вестрисъ! *(Стучитъ палкою въ декорацію).* Онъ первый танцовщикъ во вселенной! — *(Задумывается и вздыхаетъ).* Умирая, могу сказать, что я наслаждался жизнію; все видѣлъ——

Другой. Все видѣлъ и все испыталъ! Примолви это, мой другъ! ха! ха! ха!

Одинъ. Mais oui, oui! Правда!—Вы вѣрно знаете того Русскаго Графа, который нынѣшнюю зиму провелъ въ Монпельѣ?

Я. Графа Б...? по слуху.

Одинъ. Онъ у меня обѣдалъ въ загородномъ домѣ. Brave homme! *(Задумывается и храпитъ).*

Другой. Вы, право, хорошо говорите по-Французски.

Я. Извините — я говорю очень худо!

Одинъ. По крайней мѣрѣ я имѣю честь говорить съ Русскимъ?

Я. Я Русской.

Другой. Быть не можетъ; вы Французъ.

Я. Я Русской.

Одинъ. О! у васъ въ Россіи живутъ весело. Не правда ли?

Я. Очень весело.

Одинъ. Давно ли вы здѣсь?

Я. Около трехъ часовъ.

Одинъ. Откуда вы пріѣхали?

Я. Изъ Женевы.

Одинъ. А! прекрасный городъ! Что говорятъ тамъ о Неккерѣ?

Я. По большей части хвалятъ его.

Одинъ. Куда вы ѣдете?

Я. Въ Парижъ.

Другой. Въ Парижъ? Браво! браво! Мы сей часъ оттуда. Что за городъ! А! государь мой! какія удовольствія васъ тамъ ожидаютъ! удовольствія, о которыхъ здѣсь въ Ліонѣ не имѣютъ понятія. Вы, конечно, остановились въ Hôtel de Milan? и мы тамъ же *(Своему товарищу).* Mon ami, nous partons demain? (Мы завтра поѣдемъ?)

Одинъ. Oui.

Другой. Правда, надобны деньги---

Одинъ. Что ты говоришь! Русскіе всѣ богаты какъ Крезы; они безъ денегъ въ Парижъ не ѣздятъ.

Другой. Какъ будто я не знаю этого! Правда, можно и съ небольшими деньгами жить весело, быть всякой день въ Театрѣ, на гульбищахъ.

Одинъ. Пять, шесть тысячъ ливровъ въ мѣсяцъ—по нуждѣ довольно. Ахъ! я болѣе издерживалъ!

и опять уходили. Лишь только опустили занавѣсъ, со всѣхъ сторонъ высыпали на сцену актеры и актрисы *въ неглижѣ*, танцовщики и танцовщицы, и проч. и проч. Одни обнимались или плясали, другіе смѣялись, иные кричали: новый спектакль! Вестрисъ въ пастушьемъ платьѣ прыгалъ какъ рѣзвая коза. Музыка снова заиграла—всѣ театральные герои разсыпались — занавѣсъ поднялся — начался балетъ — Вестрисъ показался—рукоплесканія какъ громъ раздались во всѣхъ концахъ театра. Правду сказать, искусство сего танцовщика удивительно. Душа сидитъ у него въ ногахъ, вопреки всѣмъ теоріямъ испытателей естества человѣческаго, которые ищутъ ее въ мозговыхъ фибрахъ. Какая фигура! какая гибкость! какое равновѣсіе! Никогда не думалъ я, чтобы танцовщикъ могъ доставить мнѣ столько удовольствія! Такимъ образомъ всякое искусство, подходящее къ совершенству, пріятно душѣ нашей! — Плескъ восхищенныхъ Французовъ заглушалъ музыку. Въ положеніи страстнаго любовника, котораго душа въ томныхъ вздохахъ сливается съ душею любовницы, сокрылся Вестрисъ отъ глазъ зрителей, поцѣловалъ свою пастушку и бросился отдыхать на лавку. Играли еще комедію въ одинъ актъ, самую пустую. Начался новый балетъ—Вестрисъ снова показался—и снова гремѣла хвала при каждомъ движеніи ногъ его. Между тѣмъ сѣли подлѣ меня два человѣка, одѣтые по дорожному. Вотъ разговоръ:

Одинъ (оборотясь ко мнѣ). Подлѣ насъ въ ложѣ сидитъ Русской?

Я (взглянувъ въ другую ложу). Одинъ Нѣмецъ, другой Датчанинъ, третьяго не знаю.

хозяйка увѣрила насъ, что на другой *день* отведетъ намъ прекрасную. Такъ и быть! *сказали* мы, и одѣлись на скорую руку, чтобы итти въ Комедію. Между тѣмъ слуга, который прибиралъ комнату, желая украсить ее въ глазахъ нашихъ, увѣдомилъ насъ, что въ ней недавно жила чернобровая и черноглазая красавица, пріѣхавшая изъ Константинополя.

Въ пять часовъ пришли мы въ Театръ и взяли билетъ въ партеръ. Ложи, паркетъ, раекъ— все было наполнено людьми. Вестрисъ, первый Парижской танцовщикъ, въ послѣдній разъ обѣщалъ веселить Ліонскую публику легкостію своихъ ногъ. Все шумѣло вокругъ насъ и надъ нами какъ улій пчелъ. Необыкновенная вольность удивила меня. Естьли въ ложѣ или въ паркетѣ какая нибудь дама вставала съ своего мѣста, то изъ партера кричали въ нѣсколько голосовъ: *садись! прочь!* à bas! à bas! Вокругъ насъ было не много порядочныхъ людей, и для того уговорилъ я Беккера итти въ паркетъ; но намъ сказали, что тамъ совсѣмъ нѣтъ мѣста, и одинъ молодой человѣкъ провелъ насъ въ ложу третьяго этажа, гдѣ нашли мы даму и знакомца нашего Барона Баельвица, Гофмейстера Принцевъ Шварцбургскихъ, которые въ тотъ же день пріѣхали въ Ліонъ и остановились также въ Hôtel de Milan. Дама предложила мнѣ мѣсто подлѣ себя; но я боялся потѣснить ее и вошелъ въ другую маленькую ложу, надъ самою сценою, гдѣ никого не было. Занавѣсъ поднялся; представляли Комедію les Plaideurs. Я слышалъ только половину словъ, и не столько занимался піесою, сколько тѣми людьми, которые безпрестанно приходили ко мнѣ въ ложу,

Ліонъ, 9 Марта, 1790.

За двѣ мили открылся намъ *Ліонъ*. *Рона*, которая снова явилась подлѣ дороги, и въ обширнѣйшемъ теченіи, вела насъ къ сему первокласному Французскому городу, отдѣляя *Бресъ* отъ *Дофине*, одной изъ пространнѣйшихъ Французскихъ провинцій, которую вдали вѣнчаютъ покрытыя снѣгомъ горы, отрасли Савойскихъ Гигантовъ.—Издали казался Ліонъ не такъ великъ, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ. Пять или шесть башенъ подымались изъ темной громады зданій.—Когда мы подъѣхали ближе, открылась намъ набережная Ронская линія, состоящая изъ великолѣпныхъ домовъ въ пять и шесть этажей: видъ пышной!—У воротъ насъ остановили. Осмотрщикъ весьма учтиво спросилъ, нѣтъ ли у насъ товаровъ, и послѣ отрицательнаго отвѣта заглянулъ въ каретный ящикъ, поклонился и отошелъ прочь, не дотронувшись до нашихъ чемодановъ. Мы въѣхали въ набережную улицу — и я вспомнилъ берегъ Невы. Длинный деревянный мостъ перегибается черезъ Рону; а на другой сторонѣ рѣки разсѣяны прекрасные лѣтніе домики, окруженные садами. Проѣхавъ мимо театра, огромнаго зданія, остановились мы въ Hôtel de Milan. Четыре человѣка бросились отвязывать наши чемоданы, и въ минуту все было внесено въ домъ, хотя намъ еще не отвели комнаты. Трактирщица встрѣтила насъ съ такою улыбкою, какой не видалъ я ни на Нѣмецкихъ ни на Швейцарскихъ лицахъ. Къ нещастію всѣ горницы были заняты, кромѣ одной, весьма темной. Привѣтливая

пріятная теплота разливалась въ лучахъ *заходящаго* свѣтила. Но вдругъ пришло мнѣ на мысль, что друзей моихъ, можетъ быть, нѣтъ на свѣтѣ— прощайте, всѣ пріятныя чувства! Я желалъ возвратиться на горы и слушать шумъ вѣтра.—

Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ самыхъ бѣднѣйшихъ деревенькахъ находили мы хорошіе трактиры, сытный столъ и чистую комнату съ каминомъ. За обѣдъ обыкновенно брали съ насъ двоихъ 70 су (около рубля двадцати копѣекъ), а за ужинъ и ночлегъ 80 или 85 су: что составитъ на наши деньги рубли полтора. Двѣ вещи отмѣнныя примѣтилъ я во Французскихъ *обержахъ:* первое, что въ ужинѣ не подаютъ супа, слѣдственно on soupe sans soupe, второе, что на столъ кладутъ только ложки съ вилками, предполагая, что у всякаго путешественника есть свой ножъ. — Нигдѣ не видалъ я такихъ мерзостныхъ надписей, какъ въ сихъ трактирахъ Для чего вы ихъ не стираете? спросилъ я однажды у хозяйки. *Мнѣ не случилось взглянуть на нихъ*, отвѣчала она: *кто станетъ читать такой вздоръ?*

Въ одномъ маленькомъ мѣстечкѣ нашли мы великое стеченіе народа. Что у васъ дѣлается? спросилъ я.—«Сосѣдъ нашъ Андрей (отвѣчала мнѣ молодая женщина), содержатель трактира подъ вывѣскою *Креста*, сказалъ вчера въ пьянствѣ *передъ цѣлымъ свѣтомъ*, что онъ плюетъ *на націю*. Всѣ патріоты взволновались и хотѣли его повѣсить: однакожь наконецъ умилостивились, дали ему проспаться, и принудили его нынѣ публично въ церкви, на колѣняхъ, просить прощенія у милосердаго Господа. Жаль мнѣ бѣднаго Андрея!»—

—

и политическое просвѣщеніе народовъ торжествуетъ, такъ сказать, надъ Естествомъ, и гранитныя преграды какъ прахъ разсыпаются подъ сѣкирою всемогущаго человѣка, который за безднами и за горами ищетъ подобныхъ себѣ нравственныхъ существъ, чтобы съ гордою улыбкою сказать имъ: *и я живу на свѣтѣ!*

Наконецъ мнѣ душно стало въ каретѣ — я ушелъ пѣшкомъ далеко, далеко впередъ, и въ лѣсу встрѣтилъ четырехъ молодыхъ женщинъ, которыя всѣ были въ зеленыхъ Амазонскихъ платьяхъ, въ черныхъ шляпахъ; всѣ бѣлокурыя, и прекрасныя лицемъ. Я остановился и смотрѣлъ на нихъ съ удивленіемъ. Онѣ также взглянули на меня, и одна изъ нихъ сказала съ лукавою усмѣшкою: *берегите свою шляпу, государь мой! вѣтеръ можетъ унести ее.* Тутъ я вспомнилъ, что мнѣ надлежало снять шляпу и поклониться красавицамъ. Онѣ засмѣялись и прошли мимо.—Это были путешествующія Англичанки: четверомѣстная карета ѣхала за ними. Впрочемъ намъ встрѣчалось не много проѣзжихъ.—

Вчера ввечеру спустились мы въ пространныя равнины. Я почувствовалъ нѣкоторую радость. Долго представлялись глазамъ моимъ необозримыя цѣпи высокихъ горъ, и видъ плоской земли былъ для меня новъ. Я вспомнилъ Россію, любезное отечество, и мнѣ казалось, что она уже не далеко. Такъ лежатъ поля наши—думалъ я, предавшись сему мечтательному чувству—такъ лежатъ поля наши, когда весеннее солнце растопляетъ снѣжную одежду ихъ, оживляетъ озими, надежду текущаго года! — Вечеръ былъ прекрасный; умолкли горные вѣтры,

6 Марта 1790.

Въ пять часовъ утра выѣхали мы вчера изъ горной деревеньки. Страшный вѣтеръ грозилъ безпрестанно опрокинуть нашу карету. Со всѣхъ сторонъ окружали насъ пропасти, изъ которыхъ каждая напоминала мнѣ Лизету и Жана—пропасти, въ которыя нельзя смотрѣть безъ ужаса. Но я смотрѣлъ въ нихъ, и въ этомъ ужасѣ находилъ нѣкоторое неизъяснимое удовольствіе, которое надобно приписать особливому расположенію души моей. Жерло всякой бездны *обсажено* острыми камнями; а во глубинѣ или внизу не рѣдко видна прекрасная мурава, орошаемая каскадами. Дерзкія козы спускаются туда и щиплютъ зелень. Въ иныхъ мѣстахъ, на вершинѣ скалъ, заростаютъ травою печальные остатки древнихъ рыцарскихъ замковъ, бывшихъ въ свое время непреступными. Тамъ богиня Меланхолія во мшистой своей мантіи сидитъ безмолвно на развалинахъ, и неподвижными очами смотритъ на теченіе вѣковъ, которые одинъ за другимъ мелькаютъ въ вѣчность, оставляя едва примѣтную тѣнь на земномъ шарѣ.—Такія мысли, такіе образы представлялись душѣ моей—и я по цѣлымъ часамъ сидѣлъ въ задумчивости, не говоря ни слова съ моимъ Беккеромъ.

Дорога въ сихъ дикихъ мѣстахъ такъ широка, что двѣ кареты могутъ свободно разъѣхаться. Надлежало разсѣкать цѣлыя каменныя горы, для того, чтобы провести ее: подумайте объ ужасномъ трудѣ и милліонахъ, которыхъ она стоила! Такимъ образомъ трудолю-

Хозяйка разсказала намъ слѣдующій анекдотъ:

Всѣ дѣвушки здѣшней деревни заглядывались на любезнаго Жана; всѣ молодые люди засматривались на милую Лизету. Жанъ съ самаго младенчества любилъ одну Лизету, Лизета любила одного Жана. Родители ихъ одобряли сію взаимную, нѣжную склонность, и щастливые любовники надѣялись уже скоро соединиться навѣки. Въ одинъ день, гуляя по горамъ вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, пришли они на край ужасной стремнины. Жанъ схватилъ Лизету за руку, и сказалъ ей: *удалимся! страшно! — Робкой!* отвѣчала она съ усмѣшкою: *не стыдно ли тебѣ бояться? земля тверда подъ ногами. Я хочу заглянуть туда*—сказала, вырвалась у него изъ рукъ, приближились къ пропасти, и въ самую ту минуту камни подъ ея ногами покатились. Она ахнула—хотѣла схватиться, но не успѣла—гора трещала—все валилось—нещастная низверглась въ бездну, и погибла!—Жанъ хотѣлъ броситься за нею—ноги его подкосились—онъ упалъ безъ чувствъ на землю. Товарищи его поблѣднѣли отъ ужаса—кричали: *Жанъ! Жанъ!* но Жанъ не откликался; толкали его, но онъ молчалъ; приложили руку къ сердцу—оно не билось—Жанъ умеръ! Лизету вытащили изъ пропасти; черепа не было на головѣ ея; лице---Но сердце мое содрагается.—— Отецъ Жановъ пошелъ въ монахи. Мать Лизетина умерла съ горести.

—

камней сжимаютъ Рону, которая течетъ съ ужасною быстротою и съ ревомъ. Наконецъ сіи навислыя стѣны сходятся, и рѣка совершенно скрывается подъ ними; слышенъ только шумъ ея подземнаго теченія. По камнямъ, образующимъ надъ нею высокій сводъ, можно ходить безъ всякой опасности. Въ нѣсколькихъ саженяхъ оттуда она опять вытекаетъ съ клубящеюся пѣною, мало по малу расширяется, стремится уже не такъ быстро, и свѣтлѣетъ между береговъ своихъ.—Тутъ пробыли мы около сорока минутъ, и возвратились въ каретѣ, заплативъ гривенъ шесть нашимъ провожатымъ *).

Проѣхавъ еще версты четыре, остановились мы ночевать въ одной маленькой деревенькѣ. Въ трактирѣ отвели намъ очень хорошую и чисто прибранную комнату; развели въ каминѣ огонь, черезъ часъ приготовили ужинъ, состоявшій изъ шести или семи блюдъ съ десертомъ. Внизу веселились горные жители, и пѣли простыя свои пѣсни, которыя, соединяясь съ шумомъ вѣтра, приводили душу мою въ уныніе. Я вслушивался въ мелодіи, и находилъ въ нихъ нѣчто сходное съ нашими народными пѣснями, столь для меня трогательными. Пойте, горные друзья мои, пойте, и пріятностію гармоніи услаждайте житейскія горести! ибо и вы имѣете печали, отъ которыхъ бѣдный человѣкъ ни за какою горою, ни за какою пропастью укрыться не можетъ. И въ вашей дикой сторонѣ другъ оплакиваетъ друга, любовникъ любовницу.—

*) Въ память этой ночной сцены храню я нѣсколько блестящихъ камешковъ, находимыхъ близъ того мѣста, гдѣ скрывается Рона.

soit fait aucun deplaisir, ni moleste, Nous prions, et affectuesement requerons tous ceux qu'il appartiendra, et auxquels il s'adressera, de lui donner libre et assuré passage dans les Lieux de leur Obéissance, sans lui faire, ni permettre être fait, aucun trouble ni empêchement, mais lui denner toute l'aide et l'assistance qu'ils desireroient de nous, envers ceux qui de leur part nous seroient recommandés. Nous offrons de faire le semblable toutes les fois que nous en serons requis. En foi de quoi nous avons donné les Presentes sous notre Sceau et Seing de notre Secretaire, ce premier Mars Mil sept cent duatrevingt dix.

Par mesdits Seigneurs Syndics et Conseil.

Puerari.

И такъ естьли кто нибудь оскорбитъ меня во Франціи, то я имѣю право принести жалобу Женевской Республикѣ, и она должна за меня вступиться! Но не думайте, чтобы *великольпные* Синдики изъ отмѣнной благосклонности дали мнѣ эту грамоту; всякой можетъ получить такой паспортъ.—

Ночью пріѣхали мы къ тому мѣсту которое называется la perte du Rhone, вышли изъ кареты, и хотѣли спуститься на берегъ рѣки; но добросердечный извощикъ не пустилъ насъ, увѣряя, что одинъ нещастливый шагъ можетъ стоить намъ жизни. Не далеко отъ дороги свѣтился огонь. Мы нашли тамъ маленькой домикъ, и постучались у воротъ. Черезъ минуту явилось шесть или семь человѣкъ, которые, услышавъ, что намъ надобно, взяли фонари, и повели или лучше сказать, понесли насъ внизъ по каменному утесу. При слабомъ свѣтѣ фонарей видѣли мы вездѣ страшную дичь. Вѣтеръ шумѣлъ, рѣка шумѣла—и все вмѣстѣ составляло нѣчто весьма Оссіанское. Съ обѣихъ сторонъ ряды огромныхъ

своего внука въ одной изъ горныхъ деревень, ходилъ въ гости къ другому внуку, и зашелъ въ корчму отдохнуть. Между тѣмъ намъ должно было ѣхать. Я хотѣлъ было дать ему *экю*, но побоялся оскорбить благородную гордость стараго героя. Онъ проводилъ насъ до крыльца, и кричалъ осмотрщикамъ: «я надѣюсь, государи мои, что вы были учтивы противъ иностранныхъ господъ!» *Конечно!* отвѣчали они со смѣхомъ, и пожелали намъ щастливаго пути, не требуя съ насъ ни копѣйки!

Мы долго ѣхали отверстіемъ Юры, которая съ обѣихъ сторонъ дороги возвышалась какъ гранитная стѣна — и на сихъ страшныхъ утесахъ, надъ головами нашими, по узенькимъ тропинкамъ ходили люди, согнувшись подъ тяжелыми ношами, или гоня передъ собою навьюченныхъословъ. Не льзя безъ ужаса смотрѣть на нихъ, кажется, что они всякую секунду готовы упасть.—Насъ остановили въ первой Французской крѣпости, *Форъ де-л'Еклюзъ*, которую можно назвать неприступною, потому что со всѣхъ сторонъ ограждаютъ ее неизмѣримыя пропасти и крутизны. Сто человѣкъ могутъ защитить эту крѣпость противъ десяти тысячъ непріятелей. Тамошній гарнизонъ состоитъ изъ 150 инвалидовъ, подъ командою стараго Майора, который долженъ былъ подписать имя свое на пропускѣ нашемъ. Я позабылъ сказать вамъ, что мнѣ дали въ Женевѣ паспортъ — слѣдующаго содержанія:

Nous Syndics et Conseil de la Ville et Republique de Geneve, certifions à tous ceux qu'il appartiendra que Monsieur K. agé de 24 ans, Gentilhomme Russe, lequel allant voyager en France, afin qu'en son Voyage il ne lui

іодпять ее выше этого.—«Почтенный воинъ! сказалъ я, подошедши къ нему, и взявъ его за правую руку: дозволь мнѣ посмотрѣть на тебя».— Инвалидъ усмѣхнулся. «Давно ли ты въ отставкѣ, добрый старикъ?» спросилъ Беккеръ. «Тридцать лѣтъ, отвѣчалъ онъ—много времени! не правда ли, баринъ? Мой Фельдмаршалъ давно лежитъ въ землѣ». — Мы видѣли гробъ его. — «Вы видѣли гробъ его? гдѣ?»—Въ Стразбургѣ, мой другъ.—Въ Стразбургѣ? Это далеко отсюда; я не пойду туда — а мнѣ хотѣлось бы поклониться его праху. Онъ былъ герой, государи мои—Генералъ, какихъ нынѣ уже нѣтъ, и быть не можетъ. Солдаты любили въ немъ отца. Я какъ теперь смотрю на него: какой взоръ! какой голосъ! Въ день нашей побѣды его возили на телѣжкѣ—жестокая болѣзнь не позволяла ему сѣсть на лошадь—однакожь онъ повелѣвалъ, ободрялъ, и мы дрались какъ львы, какъ отчаянные. Я забылъ рану мою, и тогда уже упалъ на землю, когда вся наша армія въ одинъ голосъ воскликнула побѣду, и когда непріятели бѣжали отъ насъ какъ робкіе зайцы. Какой день! какой день!» — Старикъ поднялъ вверхъ голову, и болѣе двадцати лѣтъ свалилось въ одну минуту съ плечъ его; число морщинъ на ветхомъ лицѣ уменьшилось; тусклые глаза стали свѣтлѣе, и осьмидесятилѣтній воинъ съ толстою своею клюкою готовъ былъ маршировать противъ всѣхъ соединенныхъ армій Европы. Я спросилъ вина, налилъ ему рюмку, и сказалъ: «здоровье храбрыхъ, заслуженныхъ *Ветерановъ!* — И *молодыхъ путешественниковъ!* промолвилъ старикъ съ улыбкою, и выпилъ до дна. — Мы узнали отъ него, что онъ живетъ у

съ величайшею учтивостію сказали, что имъ должно видѣть наши вещи. Я отдалъ Беккеру ключъ отъ моего чемодана и пошелъ въ корчму. Тамъ передъ каминомъ сидѣли *Монтаньяры*, или *горные жители*. Они взглянули на меня гордо, и оборотились опять къ огню, но услышавъ привѣтствіе мое: bonjour mes amis! *(здравствуйте, друзья!)* приподняли свои шляпы, раздвинулись и дали мнѣ мѣсто подлѣ огня. Важный видъ ихъ заставилъ меня думать, что люди, живущіе между скалъ, на пустыхъ утесахъ, подъ шумомъ вѣтровъ, не могутъ имѣть веселаго характера; мрачное уныніе будетъ всегда ихъ свойствомъ—ибо душа человѣка есть зеркало окружающихъ его предметовъ.

Эта пограничная корчма есть живой образъ бѣдности. Вмѣсто крыльца служатъ два дикіе камня, одинъ на другой положенные, и на которые должно взбираться какъ на Альпійскую гору; внутри нѣтъ ничего, кромѣ голыхъ стѣнъ, превеликаго стола и десяти или двѣнадцати толстыхъ обрубковъ или чурбановъ, называемыхъ стульями; полъ кирпичный—но онъ почти весь выломанъ.—Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ Беккеръ, и началъ говорить со мною по-Нѣмецки. Старикъ, который сидѣлъ за столомъ и ѣлъ хлѣбъ съ сыромъ, протянулъ уши, улыбнулся и сказалъ: *даичь! даичь!* давая намъ разумѣть, что онъ знаетъ, какимъ языкомъ мы говоримъ между собою. *Не удивляйтесь*, продолжалъ старикъ: *я служилъ нѣсколько кампаній въ Нѣмецкой землѣ и въ Нидерландахъ, подъ начальствомъ храбраго Саксонскаго Маршала. Вы конечно слыхали о сраженіи при Фонтенуа: тамъ ранили меня въ лѣвую руку. Смотрите—я не могу*

женское озеро, на Савойскую долину, на горы и пригорки—вспомнилъ, гдѣ что думалъ, гдѣ что чувствовалъ—и едва не забылъ того времени, въ которое запираются городскія ворота.—Простите, друзья мои! Естьли вы здоровы, то я доволенъ Судьбою, и получивъ отъ васъ письмо, забуду все теперешнее горе! Простите! — Вотъ послѣдняя строка изъ Женевы! — *Марта 1.*

Горная деревенька въ Pays de Gex,
Марта 4, 1790, въ полночь.

Нынѣ послѣ обѣда поѣхали мы изъ Женевы, въ двумѣстной Англійской каретѣ, которую нанялъ я до самаго Ліона за четыре луидора съ талеромъ, и по гладкой прекрасной дорогѣ приближались къ Юрѣ. Вся грусть моя исчезла; тихое веселье — неописанное, сладкое удовольствіе заступило мѣсто ея въ моемъ сердцѣ. Никогда еще не путешествовалъ я такъ пріятно, съ такою удобностію. Добрый товарищъ, покойная карета, услужливый извощикъ, перемѣна мѣста—мысль о томъ, что скоро увижу—все это привело меня въ самое щастливѣйшее расположеніе, и каждый новый предметъ оживлялъ мою радость. Беккеръ былъ такъ же веселъ, какъ и я; кучеръ нашъ былъ такъ же веселъ, какъ и мы. Прекрасный выѣздъ!

Тамъ, гдѣ Юра за нѣсколько тысящелѣтій передъ симъ разступилась на своемъ основаніи, съ такимъ трескомъ, отъ котораго можетъ быть Альпы, Апенинъ и Пиренеи задрожали, въѣхали мы во Францію при страшномъ сѣверномъ вѣтрѣ, и были встрѣчены осмотрщиками, которые

Наконецъ въ послѣдній разъ я былъ у *Боннета*, и говоря съ нимъ искренно, открылъ *ему* свое горе. Онъ сожалѣлъ обо мнѣ, утѣшалъ меня — голосъ и глаза его показывали, что это сожалѣніе, это утѣшеніе было не притворное.— Обѣщанныя примѣчанія къ Contemplation*) я получилъ. Беккеръ (который, къ великому моему удовольствію, ѣдетъ вмѣстѣ со мною) велѣлъ мнѣ спросить у Боннета, когда онъ позволитъ ему проститься съ нимъ? *Онъ вашъ пріятель*, отвѣчалъ любезный старикъ: *и такъ во всякое время я буду радъ ему.* Какая душа! и какъ мнѣ забыть его привѣтливость, его ласки!—Слезы не удержались въ глазахъ моихъ, когда мнѣ надлежало съ нимъ прощаться. «Живите (сказалъ я), живите для блага человѣчества!» Онъ обнялъ меня— желалъ мнѣ щастія; желалъ, чтобы вы, друзья мои, были здоровы, и чтобы я скоро получилъ отъ васъ письма. Милый, милый Боннетъ! Филосовъ съ чувствомъ! — Я затворилъ за собою дверь его кабинета; но онъ вышелъ и кричалъ мнѣ въ слѣдъ: adieu, cher K..., adieu — Боннетъ далъ мнѣ два адреса въ Ліонъ, къ Гг. Жилиберту и де-ла-Турету, Директору и Секретарю Академіи.

Цѣлый вечеръ бродилъ я по Женевскимъ окрестностямъ и прощался съ любезнѣйшими мнѣ мѣстами. На высокомъ берегу шумящей Роны, тамъ, гдѣ впадаетъ въ нее Арва, и гдѣ съ крутой скалы низвергается пѣнистый ручей, просиживалъ я часто до самой ночи; оттуда взглянулъ нынѣ въ послѣдній разъ на тихое, пре-

*) Quelques Notes additionelles pour la Traduction en Langue Russe de la *Contemplation de la Nature* par M.

Messieurs Breguet et Compagnie, Quai des Morfondus, pour remettre à Mr. N. N. Естьли же по отъѣздѣ моемъ получены будутъ въ Женевѣ отъ васъ письма, то Г. Бьенцъ, любезный знакомецъ мой, перешлетъ ихъ ко мнѣ.

Живучи здѣсь, я часто досадовалъ на Женевцовъ, и нѣсколько разъ хотѣлъ описать характеръ ихъ самыми несвѣтлыми красками; но теперь, на прощаньи, не могу сказать объ нихъ ничего худаго. Сердце мое помирилось съ ними, и я желаю имъ всякаго добра. Пусть цвѣтетъ маленькая область ихъ подъ тѣнію Юры и Салева! Да наслаждаются они плодами своего трудолюбія, искусства и промышленности! Да разсуждаютъ спокойно въ *Сержлях*ъ своихъ о происшествіяхъ міра, и пусть дамы ихъ загадываютъ загадки глухимъ Баронамъ! Пусть всѣ Европейцы съ сѣвера и юга пріѣзжаютъ къ нимъ на вечеринки, играть въ Вискъ по гривнѣ партію, и пить чай и кофе! Да будетъ ихъ Республика многія, многія лѣта прекрасною игрушкою на земномъ шарѣ.

Нынѣ поутру вышелъ я изъ города въ глубокой задумчивости. Но мало по малу меланхолическія мысли разсѣялись; взоры мои, устремленные на величественное озеро, тихо плавали на прозрачныхъ зыбяхъ его. Мнѣ стало такъ легко, такъ хорошо! Воздухъ былъ такой теплый, такой чистый! На деревахъ порхали птички, махали крылошками, и послѣ зимняго молчанія запѣвали радостныя пѣсни, на вѣтьвяхъ, еще не одѣтыхъ листьями. Дыханіе весны возбуждало жизнь и дѣятельность въ Природѣ.

сего мѣста. Тутъ лежитъ погибшій, говорятъ поселяне.

Причина, для чего Аббатъ возненавидѣлъ жизнь, по сіе время неизвѣстна.

Женева, 28 Февраля, 1790.

Не знаю, что думать о вашемъ молчаніи, любезнѣйшіе друзья мои! Съ нетерпѣніемъ ожидаю почту — она приходитъ — бѣгу, спрашиваю — и тихими шагами возвращаюсь домой, повѣся голову, смотря въ землю, и не видя ничего. Все представляю себѣ—и возможности устрашаютъ меня. Ахъ! естьли васъ не будетъ на свѣтѣ, то связь моя съ отечествомъ перервется—я пойду искать какой нибудь пустыни въ глубинѣ Альпійскихъ горъ, и тамъ, среди печальныхъ и ужасныхъ предметовъ Натуры, въ вѣчномъ унынiи проведу жизнь мою.

Но можетъ быть вы живы и благополучны; можетъ быть письма ваши какъ нибудь пропадаютъ — вотъ моя надежда, мое утѣшеніе! Сумракъ и ясность, ненастье и ведро, смѣняются теперь въ душѣ моей, подобно какъ въ непостоянномъ Апрѣлѣ. — Въ самомъ печальномъ расположенiи принялся я за перо; теперь мнѣ лучше.

Черезъ три дни, друзья мои, выѣду изъ Женевы. Главное мое упражненіе состоитъ теперь въ томъ, чтобы разсматривать ландкарту и сочинять планъ путешествія. Мнѣ хочется пробраться въ южную Францію, и видѣть прекрасныя страны Лангедока и Прованса; но какъ я не думаю пробыть тамъ долго, то вы должны писать ко мнѣ въ Парижъ подъ адресомъ: à

рывали о погодѣ и тому подобномъ. День былъ праздничный, и Аббату въ десять часовъ надлежало служить обѣдню. Службу отправлялъ онъ съ отмѣннымъ усердіемъ; послѣ чего, не сказавъ ни слова, скрылся. Насталъ часъ обѣда, Аббатъ не возвращался; насталъ часъ ужина, Аббатъ не возвращался; прошла ночь, и его все еще не было дома. Поутру Секретарь увѣдомилъ о томъ Резидента. Послали спрашивать къ знакомымъ но никто не видалъ его. Послали наконецъ спросить о немъ въ караульняхъ. Часовой у Швейцарскихъ воротъ сказалъ, что Аббатъ наканунѣ въ первомъ часу по полудни вышелъ изъ города. Спрашивали въ окрестностяхъ: но болѣе не могли о немъ ничего свѣдать. Всѣ пожитки его и кошелекъ съ луидорами остались въ его комнатѣ, Аббатъ пропалъ! говорили въ городѣ, и наконецъ позабыли Аббата. У него не было друзей! Онъ не имѣлъ того, что я имѣю!

Тамъ, гдѣ дикая Арва сливается съ зеленою Роною, прогуливались два чужестранца и разговаривали о жизни человѣческой. Быстро, быстро течетъ она! сказалъ одинъ изъ нихъ, взглянулъ на стремительную Рону, и увидѣлъ—несущееся тѣло; большой камень остановилъ его.

Тѣло вытащили, и узнали нещастный жребій Аббата. Два мѣсяца лежалъ онъ въ водѣ. Глазъ было совсѣмъ не видно; синее размокшее лицо устрашало взоры чувствительнаго. Въ одномъ карманѣ нашли у него муфту, въ другомъ черную его мантію.

Трупъ погребли въ первомъ Французскомъ селеніи, верстахъ въ трехъ отъ Женевы, безъ всякаго обряда. Нѣтъ камня на могилѣ его — нѣтъ надписи. Страшливое суевѣріе бѣжитъ отъ

ненныхъ своимъ прогулкахъ; нѣсколько *разъ* находилъ его сидящаго подъ каштановыми деревьями на пригоркѣ, откуда съ правой стороны видны снѣжныя Савойскія горы, прямо Женевское озеро, а съ лѣвой синяя гора Юра, которая простирается до самаго Базеля. Ему конечно мѣсто сіе было такъ же любезно, какъ и мнѣ. Задумчивъ, углубленъ въ самаго себя, смотрѣлъ онъ на увядающій дернъ — уже приближалась зима — или на тихое озеро. Иногда садился я подлѣ него и думалъ о друзьяхъ своихъ. Оба мы думали и молчали.

Секретарь Посольства, проснувшись однажды въ три часа за полночь, увидѣлъ огонь въ комнатѣ у Аббата, которая отъ его комнаты отдѣлялась одною перегородкою съ стеклянною дверью. Ему захотѣлось узнать, что дѣлаетъ Аббатъ... Онъ подошелъ къ двери, и увидѣлъ его стоящаго на колѣняхъ передъ Распятіемъ. Руки его были простерты къ предмету, имъ обожаемому; сердечное умиленіе изображалось на его лицѣ, блестящія слезы катились изъ глазъ. Молодой Секретарь никогда не былъ набоженъ; но въ сію минуту почувствовалъ благоговѣніе, и стоялъ неподвижно. Черезъ нѣсколько минутъ Аббатъ всталъ, сѣлъ и началъ писать. Секретарь легъ опять на постелю, но не могъ заснуть. Свѣча горѣла у Аббата до самаго утра. Въ девять часовъ вышелъ онъ изъ своей комнаты. Глаза его были красны, лицо блѣдное; впрочемъ непримѣтно было въ немъ никакого безпокойства. Секретарь спросилъ у него, покойно ли онъ спалъ? Очень покойно, отвѣчалъ Аббатъ, и предложилъ ему идти прогуливаться. Они вышли на *Трель*, ходили взадъ и впередъ около часа и разгова-

стами, остроуменъ, веселъ, забавенъ. Отъ шести часовъ до осьми—время, въ которое обыкновенно въ вечернихъ Женевскихъ собраніяхъ всѣ безъ исключенія садятся за карточные столы — бывалъ онъ душею дамской бесѣды, загадывалъ загадки, шарады; разсказывалъ смѣшные и трогательные Парижскіе анекдоты и тому подобное. Любезный, милый Аббатъ! говорили Дамы, садясь за карты.

Въ мірѣ все подвержено перемѣнѣ—и вдругъ веселый, забавный Аббатъ сталъ задумчивъ, печаленъ, молчаливъ. Въ собраніяхъ являлся онъ такъ же часто, какъ и прежде, но ролю игралъ совсѣмъ иную. Напрасно Дамы хотѣли ввести его въ разговоръ: отвѣты его были коротки, улыбки принужденны. Что сдѣлалось съ нашимъ Аббатомъ? говорили всѣ знакомые съ удивленіемъ. Нѣкоторыя изъ пріятельницъ старались проникнуть въ тайну; однакожь всѣ опыты были безуспѣшны. На примѣръ: «Съ нѣкотораго времени вы печальны, Г. Аббатъ.» — Я, сударыня? Можетъ быть.—«Друзья ваши берутъ участіе въ вашей горести, хотя и не знаютъ причины ея.»— Мнѣ имъ сказать нечего.—«Позвольте въ этомъ сомнѣваться.»—Какъ вамъ угодно.— — Однимъ словомъ, Аббатъ молчалъ, и Дамы наконецъ его оставили. Другой Аббатъ, пріѣхавшій изъ Парижа, занялъ ихъ своею любезностію.

Въ сіе время я узналъ Н*. Ему было за сорокъ лѣтъ; однакожь по свѣжести лица, которая и отъ самой печали не увяла, всякой бы почелъ его тридцатипятилѣтнимъ человѣкомъ. Видъ былъ сумраченъ и важенъ; глаза томны,—но въ нихъ блистали еще искры душевнаго огня. Нѣсколько разъ встрѣчался я съ нимъ въ уеди-

тѣ минуты, въ которыя душа его, *божественнымъ* огнемъ согрѣтая, передается быстрому стремленію мыслей и чувствъ своихъ—называетъ онъ счастливѣйшими, сладкими, небесными минутами.

Разговоръ зашелъ о стихотворствѣ. Багзенъ увѣрялъ, что онъ никогда уже не будетъ писать стихами *), потому что сей родъ сочиненій есть совсѣмъ неестественный, и мѣшаетъ чувствамъ изливаться во всей ихъ полнотѣ и свободѣ. «Я отчасти согласенъ съ вами, сказалъ Боннетъ, и признаюсь, что хорошая проза мнѣ лучше нравится; но можетъ быть для того, что я не Поэтъ».—*Тотъ, кто въ заключеніи Паленгинезіи написалъ:* notre Pere!.. notre Pere!.. nous... *есть величайшій изъ Поэтовъ*, сказалъ Багзенъ, и сею искреннею похвалою тронулъ чувствительнаго старца.

Боннетъ называетъ Галлерову Поэму *о происхожденіи зла* самою лучшею изъ философическихъ стихотвореній, хвалитъ также и Essay on Man. Онъ любитъ и уважаетъ Клопштока, хотя никогда съ нимъ не видался.

Мы пробыли въ Жанту до пяти часовъ.

Февраля 2, 1790.

Аббатъ Н*, раздаватель милостыни при Французскомъ Посольствѣ, игралъ важную ролю въ Женевскихъ обществахъ. Онъ былъ довольно ученъ, знакомъ со всѣми Французскими славными и полуславными стихотворцами и прозаи-

*) Однакожъ недавно выдалъ онъ многія шесы въ стихахъ.

«подымется передо мною непроницаемая завѣ-«са—слава Всевышнему!.. Простите въ послѣд-«ній разъ — рука моя слабѣетъ — въ послѣдній «разъ называюсь здѣсь вашимъ вѣрнымъ, нѣж-«нымъ, признательнымъ, благодарнымъ, умираю-«щимъ, но вѣчнымъ другомъ!»—Съ такими чув-ствами, любезные друзья мои, кончилъ жизнь свою сей великій мужъ — и да будетъ конецъ нашъ подобенъ его концу! Боннетъ взялъ за руку Багзена и сказалъ ему голосомъ растроганнаго сердца: *Вы женитесь на внукѣ его: обнимите меня!*

Тутъ слуга пришелъ сказать, что Госпожа Боннетъ дожидается насъ къ обѣду. Почтенный хозяинъ рекомендовалъ ей моихъ товарищей и, указывая на Багзена, сказалъ: *онъ любимъ тою, которая намъ столь любезна!*

За обѣдомъ Багзенъ долженъ былъ разсказать хозяйкѣ, какимъ образомъ онъ познакомился съ дѣвицею Галлеръ. Я хотѣлъ бы, чтобы вы послушали его. По-Французски изъясняется онъ съ трудомъ; но живость его словъ и движе-ній трогаетъ душу.—Въ жару своемъ Поэтъ нашъ заговорилъ-было съ Боннетомъ, но любезный ста-рецъ, взявъ его за руку, сказалъ ему весьма по-койно: *мой другъ! я Пивагореецъ и обѣдаю въ мол-чаніи.* Багзенъ замѣшался и замолчалъ; но Го-спожа Боннетъ просила его досказать.

Послѣ обѣда ходили мы прогуливаться. «Въ «этой бесѣдкѣ, говоритъ Боннетъ, сочинялъ я «предисловіе къ Палингенезіи; здѣсь на берегу «озера, первыя главы ея; тутъ, подъ высокимъ «каштановымъ деревомъ, заключеніе *Созерцанія «Природы.* На чистомъ воздухѣ мысли мои бы-«ваютъ свѣжѣе».—Часы или минуты сочиненія—

нетъ превозносилъ достоинства великаго *Галлера*! Тридцать лѣтъ любили они другъ друга. Слезы нѣсколько разъ показывались въ глазахъ нашего почтеннаго старца. Онъ сыскалъ письма покойнаго друга своего и отдалъ Багзену читать ихъ; послѣднее, писанное Галлеромъ за нѣсколько дней передъ его смертію, всѣхъ насъ заставило плакать. Нѣкоторыя строки остались въ моей памяти; вотъ онѣ: «Скоро, «любезный и почтенный другъ мой! скоро не «будетъ меня въ семъ мірѣ. Обращаю глаза на «прошедшую жизнь мою, и полагаясь на бла«гость Провидѣнія, спокойно ожидаю смерти. «Въ сію минуту болѣе, нежели когда нибудь, «благодарю Бога за то, что я воспитанъ былъ «въ Христіанской Религіи, и что спасительныя «истины ея всегда жили въ моемъ сердцѣ. Бла«годарю Его и за вашу драгоцѣнную дружбу, которая служила мнѣ утѣшеніемъ въ жизни и «питала въ душѣ моей любовь къ мудрости и «добродѣтели... Простите, дражайшій другъ мой! «Живите еще многія лѣта, и просвѣщайте чело«вѣчество; живите и распространяйте царство «добродѣтели!.. Простите! Въ сію минуту душа «моя къ вамъ стремится:—я хотѣлъ бы обнять «васъ въ послѣдній разъ; хотѣлъ бы въ послѣд«ній разъ слышать изъ устъ вашихъ сладост«ное наименованіе друга; хотѣлъ бы словесно «изъявить вамъ всю признательность, всю чув«ствительность моего сердца... Я оставляю дѣ«тей: будьте имъ вторымъ отцомъ, наставникомъ, «покровителемъ, другомъ!..Простите! Гдѣ и какъ «мы увидимся, не знаю; но знаю то, что Богъ «премудръ, благъ и всеиленъ: мы безсмертны! «дружба наша безсмертна!.. Скоро зашумитъ и

тешествіи, о Парижѣ, Ліонѣ и проч.; но Поэтъ говоритъ мало, потому что онъ весь свой жаръ истощаетъ въ письмахъ къ Софіи. Нынѣ ввечеру ходили мы прогуливаться, и я показывалъ имъ лучшія мѣста и виды вокругъ Женевы. Молтке, смотря на Бѣлую гору, подымалъ руки,—громкими восклицаніями изъявлялъ восторгъ свой,—увѣрялъ, что онъ хотѣлъ бы жить и умереть на снѣжной вершинѣ ея, и дивился тому, что никто изъ земныхъ владыкъ, для безсмертія славы своей, не вздумалъ намостить большой дороги отъ низу до верху сей горы, такъ, чтобы туда можно было ѣздить въ каретахъ. Вы видите, что Графъ любитъ исполинскія мысли!

Датчане Молтке, Багзенъ, Беккеръ и я были нынѣ поутру въ Фернеѣ,—осмотрѣли все, поговорили о Вольтерѣ, и проѣхали обѣдать въ Жанту, къ Созерцателю Натуры, который принялъ насъ съ обыкновенною своею привѣтливостью. «Теперь вы окружены сѣверомъ»,—сказалъ я, когда мы сѣли вокругъ его. *Мы многимъ обязаны вашему краю*, отвѣчалъ онъ: *тамъ взошла новая заря наукъ; я говорю объ Англіи, которая есть также сѣверная земля; а Линней былъ вашъ сосѣдъ.*—Каждаго изъ насъ по очереди сажалъ Боннетъ подлѣ себя, и со всякимъ находилъ особливую матерію для разговора: съ Графомъ, котораго дѣдушка былъ Министромъ, говорилъ онъ о политическомъ состояніи Даніи, съ Багзеномъ о невѣстѣ его, съ Беккеромъ о Химіи и Минералогіи, со мною о Русской Литературѣ и характерѣ Женевцовъ. Потомъ разговоръ сдѣлался общимъ: Галлеръ былъ предметомъ его. Съ какимъ жаромъ великій Бон-

странныхъ. Въ послѣднее воскресенье *одинъ* молодой Англичанинъ, — но не тотъ, котораго видѣлъ я на островѣ Св. Петра,—къ удивленію всѣхъ явился тамъ на кургузомъ конѣ своемъ, пустился въ галопъ по алеѣ и едва не передавилъ гуляющихъ. Здѣшній Полицейской судья схватилъ лошадь его за узду и сказалъ ему, что по *Трели* ходятъ, а не ѣздятъ. *А я хочу ѣхать*, отвѣчалъ Англичанинъ.—«Вамъ не позволятъ».—*Кто, кто мнѣ не позволитъ?*—«Я, именемъ закона».—Англичанинъ высунулъ языкъ, далъ шпоры своей лошади и поскакалъ. *Бунтъ! мятежъ!* закричали Женевцы — и черезъ нѣсколько минутъ явился на *Трели* отрядъ здѣшней Гвардіи. Вы думаете, можетъ быть, что Англичанинъ скрылся? Никакъ—онъ ѣздилъ по алеямъ, свисталъ, махалъ своимъ хлыстикомъ, дразнилъ тѣхъ, которыхъ физіогномія ему не нравилась, и хотѣлъ передавить солдатъ, когда они окружили его; но дерзкаго Британца, не смотря на его храброе сопротивленіе, стащили съ лошади и отвели въ караульню. Черезъ полчаса прибѣжала къ нему молодая женщина, и со слезами бросилась обнимать его. Онъ началъ говорить съ нею по-Англійски, и оборотившись къ караульному Офицеру, сказалъ ему: *вся ваша Республика не стоитъ слезы ея.* Увѣряютъ, что Синдики за такое Женевохуленіе продержали его лишній день подъ стражею. Вчера онъ получилъ свободу и уѣхалъ изъ Женевы.

Графъ Молтке и Поэтъ Багзенъ теперь въ Женевѣ. Они ѣздили на нѣсколько дней въ Парижъ и возвращаются опять въ Бернъ. Багзенъ еще не женился и спѣшитъ къ своей невѣстѣ. Графъ съ восхищеніемъ говоритъ о своемъ пу-

Вся ваша Республика не стоить слезы ея (т. II, 17).

раздранныхъ рубищахъ, множество нищихъ— вообще неопрятность и нечистоту. Народъ лѣнивъ, земля необработана, деревни пусты. Многіе изъ поселянъ оставляютъ свои жилища, ѣздятъ по свѣту съ учеными сурками и забавляютъ ребятъ. Въ Карушѣ, первомъ Савойскомъ городкѣ, стоитъ полкъ; но какіе солдаты! какіе Офицеры! Нещастная земля! Нещастливъ и путешественникъ, который долженъ въ Савойскихъ трактирахъ искать обѣда, или убѣжища на время ночи! Надобно закрыть глаза и зажать носъ, естьли хочешь утолить голодъ; постели такъ чисты, что я никогда на нихъ не ложился.

Наконецъ миръ и тишина царствуетъ въ Женевѣ. Перемѣна, происшедшая за нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ въ правленіи Республики, утверждена союзными державами: Франціею, Кантономъ Берномъ, Савоіею; и тѣ изъ гражданъ, которые прежде были выгнаны изъ Женевы, могутъ теперь возвратиться. Не давно выбирали новыхъ Синдиковъ. Всѣ Женевцы, собравшіеся въ церкви Св. Петра, подтверждали сей выборъ, кладя руку на Библію. Первый Синдикъ говорилъ рѣчь, и давалъ гражданству отчетъ въ дѣлахъ своихъ. Потомъ новые Синдики, держа въ рукахъ жезлы правленія, присягали и обѣщались наблюдать пользу Республики. Все было тихо и торжественно. Иностранцевъ впускали по билетамъ на галлерею.—

Не давно случился здѣсь слѣдующій комико-печальный анекдотъ. Я писалъ къ вамъ о Женевскомъ гульбищѣ sur la Treille, гдѣ (а особливо въ праздники) собирается множество людей, мущинъ и женщинъ, Женевцовъ и чуже-

время позвольте мнѣ бѣдному вздохнуть *на свѣ-* жемъ воздухѣ!» Нѣтъ, слабый старецъ долженъ проститься съ любезнымъ своимъ островомъ— и послѣ того говорятъ, что Руссо былъ мизантропъ! Скажите, кто бы не сдѣлался такимъ на его мѣстѣ? Развѣ тотъ, кто никогда не любилъ человѣчества!

Я сидѣлъ въ задумчивости, и вдругъ увидѣлъ молодаго человѣка, который, нахлобучивъ себѣ на глаза круглую шляпу, тихими шагами ко мнѣ приближался; въ правой рукѣ была у него книга. Онъ остановился, взглянулъ на меня, и сказавъ: Vous pensez à lui *(вы объ немъ думаете)*, пошелъ прочь такими же тихими шагами. Я не успѣлъ ему отвѣчать и хорошенько посмотрѣть на него; но выговоръ его и зеленый фракъ съ золотыми пуговицами увѣрили меня, что онъ Англичанинъ.

На островѣ только одинъ домъ, въ которомъ живетъ Управитель съ семействомъ своимъ; тутъ жилъ и Руссо. — Сей островъ, принадлежащій Берну, называется нынѣ по большей части Руссовымъ.—

Я былъ еще въ Ивердонѣ, Нешателѣ и въ другихъ городкахъ Швейцаріи. Въ Ивердонской публичной библіотекѣ показываютъ скелеты, найденные въ землѣ лѣтъ за двадцать передъ симъ, близъ одной мельницы. Лицами лежали они къ востоку; въ ногахъ у нихъ стояли глиняныя урны и малени кія блюда съ костями разныхъ птицъ. Тутъ же н
ребряныхъ и мѣдныхъ
времени.—Во всей Швейцаріи видно изобиліе богатство; но какъ скоро переступишь въ Савойскую землю, увидишь бѣдность, людей въ

пространствѣ своемъ; на берегахъ его дымились деревни; вдали видны были городки Биль и Нидау. Воображеніе мое представило плывущую по зеркальнымъ водамъ лодку; зефиръ вѣялъ вокругъ ее, и правилъ ею вмѣсто кормчаго. Въ лодкѣ лежалъ старецъ почтеннаго вида, въ Азіатской одеждѣ; взоры его, устремленные на небеса, показывали великую душу, глубокомысліе, пріятную задумчивость. Это онъ, онъ,—тотъ, кого выгнали изъ Франціи, Женевы, Нешателя—какъ будто бы за то, что Небо одарило его отмѣннымъ разумомъ; что онъ былъ добръ, нѣженъ и человѣколюбивъ!

Какими живыми красками описываетъ Руссо*) пріятную жизнь свою на островѣ Св. Петра—жизнь, совершенно бездѣйственную! Кто никогда не истощалъ душевныхъ силъ своихъ въ ночныхъ размышленіяхъ, тотъ конечно не можетъ понять блаженства сего роду—блаженства сей *Субботы*, которою наслаждаются одни великіе Духи при концѣ земнаго странствованія, и которая приготовляетъ ихъ къ новой дѣятельности, начинающейся за прагомъ смерти.

Но кратко было успокоеніе твое! Новый ударъ грома прервалъ его, и сердце великаго мужа облилось кровію. «Дайте мнѣ умереть, — говорилъ онъ въ горести души своей, — дайте мнѣ умереть покойно! Пусть желѣзные замки и тяжелые запоры гремятъ на дверяхъ моей хижины! Заключите, заключите меня на семъ островѣ, естьли вы думаете, что дыханіе мое для васъ ядовито! Но перестаньте гнать нещастнаго! Лишите меня дневнаго свѣта, и только въ ночное

*) Въ Promenades solitaires.

нѣкоторое время пользовался благосклонностію Генриха IV; но послѣ долженъ былъ удалиться отъ Двора и даже выѣхать изъ Франціи.

Прекрасное время продолжается. Я стараюсь имъ пользоваться, и часто, взявъ въ карманъ луидора три и записную книжку, странствую по Савоіи, Швейцаріи, или Pays de Gex, и дни черезъ четыре возвращаюсь въ Женеву.

Не давно былъ я на островѣ Св. Петра, гдѣ величайшій изъ писателей осьмаго-надесять вѣка укрывался отъ злобы и предразсужденій человѣческихъ, которыя, какъ Фуріи, гнали его изъ мѣста въ мѣсто. День былъ очень хорошъ. Въ нѣсколько часовъ исходилъ я весь островъ, и вездѣ искалъ слѣдовъ Женевскаго гражданина и Философа: подъ вѣтьвями древнихъ буковъ и каштановыхъ деревъ, въ прекрасныхъ аллеяхъ мрачнаго лѣса, на лугахъ поблекшихъ и на кремнистыхъ свѣсахъ берега. «Здѣсь, думалъ я, здѣсь, забывъ жестокихъ и неблагодарныхъ людей... неблагодарныхъ и жестокихъ! Боже мой! какъ горестно это чувствовать и писать!.. здѣсь, забывъ всѣ бури мірскія, наслаждался онъ уединеніемъ и тихимъ вечеромъ жизни; здѣсь отдыхала душа его послѣ великихъ трудовъ своихъ; здѣсь въ тихой, сладостной дремотѣ покоились его чувства! Гдѣ онъ? Все осталось, какъ при немъ было; но его нѣтъ—нѣтъ! Тутъ послышалось мнѣ, что и лѣсъ и луга вздохнули, или повторили глубокой вздохъ моего сердца. Я смотрѣлъ вокругъ себя—и весь островъ показался мнѣ въ траурѣ. Печальный флеръ зимы лежалъ на Природѣ.— Ноги мои устали. Я сѣлъ на краю острова. Бильское озеро свѣтлѣло и покоилось во всемъ

томъ году отъ рожденія, сражаясь за своихъ сограждан. Небо показало — и скрыло его, къ горести всѣхъ родственниковъ и всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества. Маргарита Бетюнъ, Герцогиня де Роганъ, печальная вдова, неутѣшная мать, соорудила сей памятникъ, да будетъ оный вѣчнымъ свидѣтельствомъ ея скорби и любви къ милому сыну. Но злобная Танкредова сестра по смерти матери своей (которая также погребена въ Женевѣ, подлѣ супруга и сына) — злобная сестра, питая ненависть даже и къ мертвому брату своему, заставила Короля писать къ начальникамъ Женевской Республики, чтобы сія эпитафія была уничтожена. Они исполнили его приказаніе и стерли трогательную надпись; но я нашелъ ее въ Histoire de Tancrede. — Извѣстный Скюдери сочинилъ тогда слѣдующіе стихи (поднесенные имъ самой сестрѣ Танкредовой):

Olimpe, le pourrai-je dire,
Sans exciter votre courroux?
Le grand coeur que la France admire,
Semble déposer contre vous.
L'invincible Rohan, plus craint que le tonnerre,
Vit finir ses jours à la guerre *),
Et Tancrede a le même sort.
Cette conformité qui le couvre de gloire,
Force presque chacun à croire,
Que la belle Olimpe avoit tort,
Et que ce jeune Mars, si digne de mémoire,
Eut la naissance illustre, aussi bien que la mort.—

Въ сей же церкви погребенъ дѣдъ Госпожи Ментенонъ, Теодоръ Агриппа Обинье, который

*) Сей стихъ можно поставить въ примѣръ слабыхъ и вешпитическихъ стиховъ.

онъ съ нѣжностію: *никогда не перестану называть тебя отцомъ моимъ, тебя матерью, васъ братьями и сестрами! Теперь простите: естьли мнѣ хорошо будетъ въ Парижѣ, то я отпишу къ вамъ, чтобы и вы туда пріѣхали.*—Танкредъ поѣхалъ, и всякую минуту спрашивалъ: *скоро ли увижу мать мою!* Онъ увидѣлъ ее, и нѣжная родительница едва не лишилась жизни отъ радостнаго восторга... Герцогиня немедленно объявила Танкреда сыномъ и наслѣдникомъ Герцога Рогана; однакожь дочь ея не хотѣла признать его своимъ братомъ. Началось дѣло, и до рѣшенія запрещено было молодому Рогану называться Герцогомъ. — Франція была тогда театромъ междоусобной войны. Герцогъ Орлеанской и Принцъ Конде хотѣли овладѣть Парижемъ, и уничтожить Парламентъ; но многіе дворяне, держа сторону сего послѣдняго, защищали городъ. Осьмнадцатилѣтній Танкредъ присталъ къ нимъ, и въ разныхъ случаяхъ оказалъ удивительную смѣлость и мужество.— Самая сія геройская пылкость погубила его. Въ одномъ сраженіи онъ былъ оставленъ своими и со всѣхъ сторонъ окруженъ непріятелями, которые, щадя юнаго Героя, требовали, чтобы онъ сдался; но храбрый Танкредъ махалъ мечемъ вокругъ головы своей и кричалъ: point de quartier! il faut vaincre ou mourir! *(побѣдить или умереть!)* Свинцовая пуля пролетѣла сквозь его сердце, и Герой умеръ Героемъ. — Сія безвременная смерть сократила жизнь нещастной Герцогини. Она велѣла написать надъ гробомъ его: *Здѣсъ лежитъ Танкредъ, сынъ Герцога Рогана, истинный наслѣдникъ добродѣтели и великаго имени отца своего. Онъ умеръ на девят-*

рожденіе своего сына, боясь, чтобы Кардиналъ Ришелье не отнялъ его и не воспиталъ въ Католической религіи. Корыстолюбивая Танкредова сестра, желая одна владѣть имѣніемъ отца своего, воспользовалась симъ обстоятельствомъ, и нѣкоторымъ преданнымъ ей людямъ велѣла похитить младенца, увезти изъ Франціи и отдать на воспитаніе какому нибудь человѣку низкаго состоянія. Все сіе сдѣлалось, какъ она хотѣла, — и Танкредъ отданъ былъ въ Голландіи одному небогатому мѣщанину; а Герцога и супругу его, дочь великаго Сюлли, увѣрили, что сынъ ихъ умеръ. Юный Принцъ росъ въ деревнѣ, бѣгалъ по лугамъ, работалъ въ саду, и называлъ воспитателя своимъ отцомъ, его жену матерью, а дѣтей братьями и сестрами. Онъ былъ прекрасный, умный мальчикъ, и заслужилъ любовь всѣхъ тѣхъ, которые его знали. — Между тѣмъ Герцогъ умеръ. Супруга его давно уже перестала проливать слезы о любезномъ сынѣ, какъ вдругъ, къ нечаянной радости своей, получила достовѣрное извѣстіе *), что онъ живъ. Въ ту же минуту она послала за нимъ въ Голландію. Танкредъ услышалъ о своемъ родѣ, и казался равнодушнымъ; услышалъ о смерти отца своего, и пролилъ слезы; услышалъ о матери, объ ея нетерпѣніи видѣть милаго сына, и схвативъ присланнаго за руку, сказалъ ему: *пойдемъ къ ней!* увидѣлъ горесть воспитателя своего, горесть его жены и дѣтей, и бросился обнимать ихъ. *Никогда, никогда васъ не забуду!* сказалъ

*) Отъ одного изъ тѣхъ, которые отвезли его въ Голландію.

громада чернаго мрамора, держимая *львами* — это гробъ Герцога Рогана, котораго Генрихъ IV любилъ какъ друга, котораго Людовикъ XII страшился какъ грознаго непріятеля, который жилъ и умеръ съ мечемъ въ рукахъ и въ лаврахъ побѣдителя.

Avec tous les talens le Ciel l'avoit fait naitre.
Il agit en héros, en sage il écrivit *);
Il fut même grand homme en combattant son maitre
Et plud grand lorsqu'il le servit.

Вольтеръ.

Роганъ былъ главою Протестантовъ во Франціи и предводителемъ ихъ арміи; но по заключеніи мира онъ лишился ихъ довѣренности. Многіе изъ нихъ называли его измѣнникомъ, предателемъ, и готовы были обагрить руки свои кровію Героя, чистаго въ своемъ сердцѣ. Безоруженъ и спокоенъ явился онъ среди мятущагося народа — обнажилъ грудь свою, и твердымъ голосомъ сказалъ озлобленнымъ своимъ единовѣрцамъ: *разите! для васъ жертвовалъ я моею жизнію; теперь хочу умереть отъ руки вашей*—сказалъ, и народъ, устыдясь своей несправедливости, палъ передъ нимъ на колѣни. Такъ торжествуетъ добродѣтель, и другъ человѣчества проливаетъ радостныя слезы! — Подобныя черты великодушія суть блестящіе перлы въ мрачной Исторіи вѣковъ.

Вмѣстѣ съ отцомъ своимъ покоится и нещастный Танкредъ. Судьба сего Принца достойна примѣчанія и слезъ чувствительнаго человѣка. Роганъ хотѣлъ до времени таить

*) Онъ сочинилъ Les Intérêts des Princes, Le parfait Capitaine, и другія книги.

лекаріями*), и со всѣми моими лестными на-
«деждами! Но судьба изрекла мнѣ помилованіе
«и вдругъ увидѣлъ я передъ собою крестьян-
«ской домикъ. Ты легко можешь представить
«себѣ радость мою, и для того не буду ее опи-
«сывать. Довольно, что меня тамъ приняли,
«отогрѣли, накормили, успокоили. На другой
«день поутру я принудилъ хозяина взять у
«меня шесть франковъ, и въ десять часовъ утра
«возвратился въ Лозану—съ жестокою просту-
«дою. Вотъ конецъ моего романа! Vale! B.—
«P. S. Какъ скоро уймется мой кашель, воз-
«вращусь на старое мое жилище, въ Женев-
«скую Республику, подъ надежный покровъ
«*великольпныхъ* **) Синдиковъ. У васъ, сказы-
«ваютъ, много «шуму!» Такъ, или почти такъ
пишетъ мой Б.

—

Женевская кафедральная церковь напоминаетъ мнѣ давно-прошедшія времена. Тутъ былъ нѣкогда храмъ Аполлоновъ; но огонь пылалъ въ стѣнахъ его и разрушилъ отчасти величественное зданіе древняго искусства — воцарилась новая Религія, и развалины языческаго храма послужили основаніемъ Христіянской церкви.

Вхожу во внутренность — огромно и пусто! Ищу глазами какого нибудь предмета, который могъ бы занять душу мою. Мнѣ представляется

---

*) Пріятель мой говаривалъ всегда съ восхищеніемъ о будущихъ своихъ химическихъ лекціяхъ, которыми онъ хотѣлъ удивить всю ученую Данію.

**) Ихъ называли всегда magnifiques.

«сказать, что мнѣ не льзя ѣхать. — *Не льзя?* «для чего же? — *Становится поздно, и находятъ «облака.* — «Вздоръ! я поѣду! лошадь!» — Черезъ «полчаса опять пришелъ слуга. *Вамъ не льзя «ѣхать.* — «Не льзя? для чего же?» — *Стало «поздно; облака сгустились, и пошелъ снѣгъ.* — «Вздоръ! я поѣду! лошадь!» — Черезъ нѣсколько «минутъ слуга опять подошелъ ко мнѣ. *Вамъ «не льзя ѣхать!* — «Не льзя? для чего же?» — *«Ночь на дворѣ; снѣгъ валится хлопками, и скоро «сильный вѣтеръ надуетъ вездѣ сугробы.* — «Вздоръ! «поѣду, сію минуту поѣду! лошадь!» — Сказалъ, «всталъ со стула, пожалъ у Англичанъ руки, «подпоясалъ кортикъ, расплатился съ хозяи- «номъ, вскочилъ на коня своего, и пустился во «всю прыть по Лозанской дорогѣ. Вѣтеръ со «снѣгомъ дулъ мнѣ въ лице; но я протиралъ «глаза, и безпрестанно шпорилъ свою лошадь. «Скоро сдѣлалась страшная вьюга, и бѣлая «тьма совсѣмъ лишила меня зрѣнія. Я чувство- «валъ, что ѣду не по дорогѣ; но дѣлать было «нечего. Впередъ, впередъ, на волю Божію — и «такимъ образомъ странствовалъ до половины «ночи. Наконецъ добрый конь, вѣрный това- «рищъ мой, совсѣмъ изъ силъ выбился, и сталъ. «Я сошелъ съ него, и повелъ его за узду; но «скоро и мои силы истощились. Уже нещастный «пріятель твой готовъ былъ упасть на пуши- «стую снѣжную постелю, покрыться снѣжнымъ «одѣяломъ, и поручить участь свою Богу; хлад- «ная смерть со-всѣми своими ужасами вилась «надо мною! Увы! я прощался уже съ моимъ «отечествомъ, съ друзьями, съ *химическими*

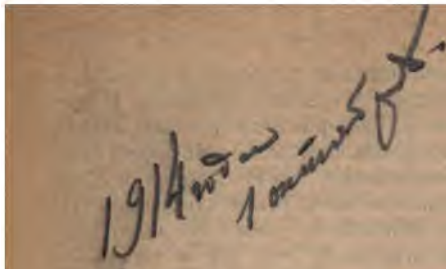
«отвѣчалъ я. — *Въ такомъ случаѣ желаю вамъ «щастливаго пути.* — И щастливой практики — «примолвилъ старикъ, снявъ свой колпакъ. Мы «разстались; и когда я вышелъ на улицу, наем- «ный слуга, провожатый мой, сказалъ мнѣ, что «дѣвица Юлія скоро выдетъ за мужъ за Госпо- «дина N. N. *А! теперь знаю причину холоднаго «пріема!* думалъ я, и удвоилъ шаги свои, чтобы «скорѣе удалиться отъ дому будущей супруги «Господина N. N. — Городъ Ивердонъ сталъ мнѣ «противенъ. Я съ великимъ нетерпѣніемъ до- «жидался обѣда, и сѣвъ за столъ, велѣлъ слугѣ «осѣдлать мою лошадь. Вмѣстѣ со мною обѣ- «дало четверо Англичанъ, которые вздумали «пить мое здоровье всѣми винами, какія были «у трактирщика. Я самъ велѣлъ подать бутылки «двѣ Бургонскаго, чтобы отблагодарить ихъ — «и такимъ образомъ прошло непримѣтно около «трехъ часовъ. Сердце мое забыло все земное «горе, и простило невѣрную Юлію. Англичане, «по своему обыкновенію, выдумывали разныя «*сентиментальныя* или *чувствительныя* здоровья. «Мнѣ также въ свою очередь надлежало пред- «ложить три или четыре. При послѣднемъ я «налилъ полную рюмку, поднялъ ее высоко и «сказалъ громко: *кто любитъ красоту и нѣж- «ность, тотъ пей со мною за здоровье Юліи, и «желай красавицѣ щастливаго супружества!* «Рюмки застучали, вино запѣнилось, и всѣ «Англичане въ одинъ голосъ воскликнули: *мы «пьемъ за здоровье Юліи, и желаемъ красавицѣ «щастливаго супружества!* — Между тѣмъ я разъ «десять спрашивалъ, готова ли моя лошадь? и «десять разъ отвѣчали мнѣ, что она давно «стоитъ у крыльца. Наконецъ слуга пришелъ

«у нее старикъ. Юлія посмотрѣла на *меня, и* «учтивымъ образомъ отвѣчала, что она не имѣетъ «сей чести. Вообрази мое удивленіе! Я весь за- «трепеталъ — *затрепеталъ вслухъ*, какъ гово- «ритъ Клопштокъ. Мнѣ казалось, что всѣ Швей- «царскія и Савойскія горы обрушились на мою «голову. Насилу могъ я собраться съ духомъ, «и не говоря ни слова, подалъ безпамятной «Юліи записную книжку мою, гдѣ увидѣла она «имя свое, ея собственною рукою написанное *). «Краска выступила на лицѣ жестокой: она стала «передо мною извиняться, и сказала отцу: *я «имѣла честь вмѣстѣ съ нимъ ужинать въ Ба- «зелѣ.* Онъ просилъ меня сѣсть. Кровь моя все «еще не могла успокоиться, и я не имѣлъ духа «смотрѣть на Юлію, которая также была въ «замѣшательствѣ. Старикъ, услышавъ отъ меня, «что я Докторъ Медицины, очень обрадовался, «и началъ говорить со мною о своихъ болѣз- «няхъ. Увы! (думалъ я) за тѣмъ ли Судьба «привела меня въ Ивердонъ, чтобы разсуждать «о геморроидальныхъ припадкахъ дряхлаго ста- «рика? Между тѣмъ дочь его сидѣла, нюхала «табакъ, и взглядывала на меня, но совсѣмъ «уже не такъ, какъ въ Базелѣ. Взоры ея были «такъ холодны, такъ холодны, какъ Сѣверный «Полюсъ. Наконецъ самолюбіе мое, жестоко «уязвленное, заставило меня — встать со стула «и откланяться. *Долго ли вы пробудете въ Ивер- «донѣ?* спросила Юлія пріятнымъ своимъ голо- «сомъ (и съ такою усмѣшкою, которая весьма «ясно говорила: *надѣюсь, что ты уже не при- «деешь къ намъ въ другой разъ*). Нѣсколько часовъ,

*) Письма Русскаго Путеш. Т. I, стр. 196.

«ихъ укрывающихся сплетеніи нервъ... Но «я боюсь удалиться отъ моего предмета, и по- «тому, оставляя на сей разъ почтеннаго Мега- «дидактоса и уваженія достойнаго Микрологоса, «скажу тебѣ откровенно, что Ивердонская кра- «савица возбудила во мнѣ такія чувства, кото- «рыхъ—теперь описать не умѣю. Не знаю, что «бы изъ меня вышло, и что бы я сдѣлалъ, «естьли бы она—о жестокій ударъ!—не уѣхала «изъ трактира въ самую ту ночь, въ которую «душа моя занималась ею съ величайшимъ «жаромъ, и въ которую утѣшительный сонъ не «смыкалъ глазъ моихъ. Ты вывезъ меня изъ «Базеля; путешествіе, пріятныя мѣста, встрѣча «съ Француженкою, маленькій Пьеръ, бѣлка, «злая бѣлка *), новыя знакомства, водопады, «горы, дѣвица Г**—все сіе не могло совершенно «затереть образа прекрасной Ивердонки въ «сердцѣ моемъ. Долго старался я преодолѣвать «себя; но тщетно! Быстрая рѣка рано или поздно «разрываетъ всѣ оплоты: такъ и любовь! На- «нявъ въ Лозанѣ лошадь, поѣхалъ я верхомъ «въ Ивердонъ: скакалъ, летѣлъ, и въ 10 часовъ «утра былъ уже на мѣстѣ — остановился въ «трактирѣ, напудрился, снялъ съ себя кортикъ, «шпоры, и пошелъ, куда стремилось мое сердце. «Тамъ съ пасмурнымъ видомъ встрѣтилъ меня «шестидесятилѣтній старикъ, отецъ моей кра- «савицы. *Милостивый государь!* сказалъ я: *по- «чтеніе, которымъ душа моя преисполнена къ «вашей любезной дочери; великое, сильное желаніе «видѣть ее*——Въ самую сію минуту она вошла. «*Юлія! знаешь ли ты этаго господина?* спросилъ

*) Письма Русск. Путеш. Т. I, стр. 200.



Женева.

Пріятель мой Б* уѣхалъ въ Лозану. Сію минуту получилъ я отъ него письмо. Вотъ оно:

«Ахъ, мой другъ! жалѣй о нещастномъ! Про«студа, кашель, боль въ груди, едвали позво«ляютъ мнѣ за перо взяться; но я непремѣнно «долженъ извѣстить тебя о моемъ меланхоли«ческомъ приключеніи.

«Ты помнишь молодую Ивердонскую краса«вицу, съ которою мы ужинали въ Базелѣ, въ «трактирѣ *Аиста* *); помнишь, можетъ быть, и «то, что я сидѣлъ рядомъ съ нею; что она го«ворила со мною ласково, и смотрѣла на меня «съ нѣжностію — ахъ! какая гранитная гора «могла защитить мое сердце отъ ея пронзитель«ныхъ взоровъ? Какія снѣжныя громады могли «погасить огонь, воспаленный сими взорами въ «источникѣ жизни моей? Такъ, мой другъ! я «учился Анатоміи, Медицинѣ, и знаю, что сердце «есть точно источникъ жизни, хотя почтенный «Докторъ Мегадидактосъ, вмѣстѣ съ уваженія «достойнымъ Микрологосомъ, искалъ души и «жизненнаго начала въ чудесномъ, отъ глазъ

*) Письма Русскаго Путеш. Т. I, стр. 194.

ПИСЬМА

РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Рисунки дозволены цензурою 4 марта 1900 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

Пермская ОКТ 195

— ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА —

Карамзин, Н. М. К 211 к

ПИСЬМА
РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Н. М. КАРАМЗИНА

СЪ РИСУНКАМИ

ПРОВЕРЕНО
Книгохранилище
1935 г.
1376

ТОМЪ ВТОРОЙ

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ПЕРМСКАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА
22 МАР. 1913
№ 13231

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

1942 г.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

13.231

II 13 231